

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2017 Том 8 № 3

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор филологических наук, профессор, РУДН, Россия

E-mail:

denissenko_vn@rudn.university

Заместитель главного редактора

Е.А. Красина, доктор филологических наук, профессор, РУДН, Россия

E-mail:

krasina_ea@rudn.university

Ответственный секретарь

Н.В. Новоспасская, кандидат филологических наук, РУДН, Россия

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

Члены редакционной коллегии

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Бахтикиреева Улданай Максумовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Беднартова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Центр международного образования МГУ (Москва, Россия)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Тарасов Евгений Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Ceberleninka.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* (*Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*) издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Авторы, желающие получить номер с опубликованной статьей, оформляют подписку на два выпуска журнала; подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.university

Редактор: К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.university

Подписано в печать 05.09.2017. Выход в свет 21.09.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 30,93. Тираж 500 экз. Заказ № 823. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2017 VOLUME 8 No. 3

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denissenko

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

denissenko_vn@rudn.university

DEPUTY-EDITOR-IN CHIEF

Elena Krassina

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

krasina_ea@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Natalia Novopasskaya

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

novopasskaya_nv@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Uldanay Bakhtikireeva, RUDN University (Moscow, Russia)

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russia)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Sergey Nizhnikov, RUDN University (Moscow, Russia)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russia)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russia)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russia)

Evgeniy Tarasov, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "**RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics**" (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Authors are supposed to subscribe the Bulletin, if they'd like to have an issue with their article published.

E-mail: semioticj@rudn.university

Editor K.V. Zenkin
Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

- Труфанова И.В. (Москва, Россия)** Лексикографический портрет местоимения *иной* 509
- Джусупов Н.М. (Жетысай, Казахстан)** Транслингвальный и транскультурный аспекты стилистического выдвигания в художественном тексте (на материале поэзии О. Сулейменова). Статья 1 519
- Илиади П.Л., Ларина Т.В. (Москва, Россия)** Стратегии отказа в английской и русской лингвокультурах 531
- Чернышев А.В. (Рыбинск, Россия)** Принципы системной типологии в отношении к категории датива 543

ТЮРКОЛОГИЯ

- Эмирова А.М. (Симферополь, Россия)** Сравнение как базовая категория когнитивности (на материале крымско-татарских загадок) 554
- Дубровина М.Э. (Санкт-Петербург, Россия)** Отсутствие тюркских сложноподчиненных предложений как следствие внутреннего устройства агглютинативных языков 563

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И ПЕРЕВОД

- Калиш Е.Е. (Иркутск, Россия)** К вопросу о сущности перевода — поиск смысла как его онтологической составляющей 571
- Коррадо-Казански Ф. (Пессак, Франция)** «Меланхолия» Жака Делиля в адаптированном переводе Николая Карамзина 582
- Вавичкина Т.А., Власова Ю.Е. (Москва, Россия)** Роль грамматики в формировании коммуникативной компетенции студентов-нефилологов 596
- Кольцова Е.А. (Иваново, Россия)** Неологизмы английского языка XXI в. 604
- Костромин А.Б. (Москва, Россия)** Классификация неисчисляемых существительных в английском языке 614
- Лунькова Л.Н., Мордакина М.В. (Коломна, Россия)** О взаимосвязи коннотации и стилистической маркированности (на материале английского и немецкого языков) 620
- Пасечник Т.Б. (Коломна, Московская область, Россия)** История народа в истории фразеологизма (на материале английского языка) 630
- Семёнов А.Л., Ершов В.И., Нелюбова Н.Ю. (Москва, Россия)** Перевод: предложение или высказывание? 636
- Ганиева И.Я. (Баку, Азербайджан)** Особенности употребления реальных и вымышленных топонимов в азербайджанских и английских художественных текстах 643

НАУКА 21.0

Медведев Е.Ю. (Москва, Россия) Переустановление семантических оппозиций как один из принципов организации литургийной православной проповеди	654
Пудикова Г.Н. (Москва, Россия) Гарантийное письмо как часть документооборота: сопоставительное описание документа на русском и португальском языке	664
Шуян С. (Санкт-Петербург, Россия) Особенности выражения причинно-следственных связей в русских пословицах	672
Разумкова А.В. (Москва, Россия) Этнические стереотипы поволжских татар в обыденном языковом сознании русских и татар республики Татарстан	682
Орлова О.Ю. (Екатеринбург, Россия) Фоностилистическая игра в текстах литературной сказки: семиотический аспект	694
Гомес Диас В.Б., Лексина И.А. (Москва, Россия) Тема юродства у Ф.М. Достоевского	703
Лупанова Е.В. (Москва, Россия) Мировосприятие представителя англо-американского армейского социума в зеркале фразеологизмов военной тематики	714
Чжан Кэ (Москва, Россия) Понимание термина <i>заимствованное слово</i> в русской и китайской лингвистике	724
Узбеков Т.С. (Ташкент, Узбекистан) Языковая игра: парадокс и абсурд	735
Аграновская И.А. (Москва, Россия) Перевод (<i>übersetzung</i>) и передача значения (<i>sprachmittlung</i>) немецких социоэкологических терминов	746
Згировская О.Г. (Москва, Россия) О способах фиксации лингвокультурологической информации в словаре В.И. Даля	758

CONTENTS

THEORETICAL ISSUES OF MODERN LINGUISTICS

Trufanova, I.V. (Moscow, Russia) Lexicographic Portrait of a Pronoun Other	509
Dzhusupov, N.M. (Zhetysay, Kazakhstan) Translingual and Transcultural Aspects of Stylistic Foregrounding in the Literary Text (based on O. Suleymenov's poetry). Article 1	519
Iliadi, P.L & Larina, T.V. (Moscow, Russia) Refusal Strategies in English and Russian	531
Chernyshev, A.B. (Rybinsk, Russia) Principles of System Typology Applicable to Dative	543

TURKOLOGY

Emirova, A.M. (Simferopol, Russia) The Simile as the Basic Category of Cognition (Based on the Riddles in Crimean-Tatar Language)	554
Dubrovina, M.E. (Saint Petersburg, Russia) The Lack of Turkic Complex Sentences as a Consequence of the Internal Structure of Agglutinative Languages	563

FOREIGN LANGUAGES AND TRANSLATION

Kalish, E.E. (Irkutsk, Russia) To the Question of the Essence of Translation — Search of Sense as its Ontological Component	571
Corrado-Kazanski, F. (Pessac, France) «La mélancolie» de Nikolaj Karamzin Adaptee de Jacques Delille [Nikolaj Karamzin's «Melancholia», an Adaptation of Jacques Delille]	582
Vavichkina, T.A. & Vlasova, Y.E. (Moscow, Russia) Role of Grammar in the Formation of Communicative Competence of Non-Linguistic Students	596
Koltsova, E.A. (Ivanovo, Russia) Neologisms in the English Language in the 21 st Century	604
Kostromin, A.B. (Moscow, Russia) A Classification of English Uncountable Nouns	614
Lunkova, L.N., Mordakina, M.V. (Kolomna, Russia) To the Interrelation of the Connotation and Stylistic Labels (on the Material of the English and German Languages)	620
Pasechnik, T.B. (Kolomna, Russia) People's History in the Origin of Idioms (on the Material of the English Language)	630
Semenov, L.S., Ershov, I.E. & Nelyubova, N.Yu. (Moscow, Russia) Translation: Sentence or Utterance?	636
Ganiyeva, I.Ya. (Baku, Azerbaijan) The Features of the Use of the Real and Fictitious Place Names in the Literary Texts of the Languages of Different Systems (Azerbaijani and English)	643

SCIENCE 21.0

Medvedev, Ye.Yu. (Moscow, Russia) Redetermination of Semantic Oppositions as One of the Principles of Orthodox Liturgical Sermon	654
Pudikova, G.N. (Moscow, Russia) Letter of Guarantee as Part of Document: Comparative Description of the Document on Russian and Portuguese	664
Shuyang, S. (Saint Petersburg, Russia) Characteristics of the Expressions of Causality in Russian Proverb	672
Razumkova, A.V. (Moscow, Russia) Ethnic Stereotypes of the Volga Tatars in Ordinary Language Consciousness of Russians and the Tatars of the Republic of Tatarstan	682
Orlova, O.Yu. (Yekaterinburg, Russia) Phonostylistic Play on Words in Literary Fairy tales: Semiological Aspect	694
Gomes Dias, V.B. &, Leksina, I.A. (Moscow, Russia) The Theme of Holy Foolishness in the Literary Works of F.M. Dostoevsky	703
Lupanova, E.V. (Moscow, Russia) Worldview of the British-American Army Society Representative Through Military Phraseological Units	714
Zhang, Ke (Moscow, Russia) Definition of Terminology <i>Loanword</i> in Russian and Chinese	724
Uzbekov, T.S. (Tashkent, Uzbekistan) Language Game: Paradox and Absurd	735
Agranovskaya, I.A. (Moscow, Russia) Translation (übersetzung) and Mediation (Sprachmittlung) of German Socio-Ecological Terms	746
Zgirovskaya, O.G. (Moscow, Russia) About the ways of fixing linguistic and cultural information in the Dahl's explanatory dictionary	758

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК: 81'374

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-509-518

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МЕСТОИМЕНИЯ *ИНОЙ*

И.В. Труфанова

Московский институт открытого образования
Авиационный переулок, 6, Москва, Россия, 125167

Актуальность работы обусловлена тем, что в лингвистике отсутствует единое мнение о составе местоимения как части речи, в грамматиках не учитывается тот факт, что для местоимений типичен переход из разряда в разряд, в толковых словарях по-разному трактуется количество и состав значений местоимения *иной*. Если местоимение принадлежит к двум и более лексико-грамматическим разрядам, встает вопрос, из какого в какой разряд оно переходит. Для ответа на него необходимо изучить сочетаемость местоимения *иной* с местоимениями тех разрядов, к которым его относят, выявить общее и различное между местоимением *иной* и местоимениями, близкими ему по значению (*один, другой*). Материал собран из Национального корпуса русского языка. В истории русского языка был период, когда *один, иной, другой* были близки по значению. И в наши дни *один, иной, другой* сохраняют в той или иной мере прежние значения, более того, если одно из них приобретает какое-то новое значение, его, скорее всего, разовьют и другие. *Иной* представлено двумя местоимениями-существительными — неопределенным и определительным — и двумя местоимениями-прилагательными — неопределенным и определительным. Как неопределенное оно указывает на две разные степени неопределенности. *Иной* в значении «отличный от названного выше» употребляется со словами *всякий, любой, всё, вся, все*, что вызывает мысль о неправомерности объединения данных местоимений и местоимения *иной* в значении «отличный от данного» в разряде определительных.

Ключевые слова: местоимения, неопределенные местоимения, определительные местоимения, *иной, другой, один*

ВВЕДЕНИЕ

В толковых словарях количество и состав лексических значений и частеречная принадлежность слова *иной* трактуются по-разному. В словарях Д.Н. Ушакова, А.П. Евгеньевой, С.А. Кузнецова, Викисловаре *иной* отнесено к местоимениям. Только в Викисловаре указаны его разряды по семантике: в значении «другой, отличный от данного» *иной* — определительное местоимение, в значении «некоторый» — неопределенное.

В словарях С.И. Ожегова и Т.Ф. Ефремовой *иной* рассматривается как местоимение, прилагательное, существительное. В качестве «прилагательного» С.И. Ожегов и Т.Ф. Ефремова выделяют у него значение: 1) «отличающийся

от этого, совершенно не такой, другой», Т.Ф. Ефремова еще два: 2) «некоторый, какой-либо, какой-то, какой-нибудь»; 3) «один, другой и т.д. употребляется при перечислении или противопоставлении», второе выделено и у местоимения. У С.И. Ожегова *иной* в значении «некоторый, какой-нибудь, какой-то» квалифицировано как неопределенное местоимение и существительное. У Т.Ф. Ефремовой для «существительного» указано два значения: 1) «некто другой, кто-то, кто-нибудь, кто-либо»; 2) «кто-либо из ряда перечисляемых или противопоставляемых». Фактически там, где *иной* отнесено С.И. Ожеговым и Т.Ф. Ефремовой к существительным, речь идет о разряде местоимения по форме, или по соотношению с другими частями речи, а именно: о местоимении-существительном, тогда как там, где *иной* в словарях квалифицировано как местоимение, речь идет о местоимении-прилагательном. Поскольку мы выделяем как два разных слова: местоимения-существительные и местоимения-прилагательные *всё, это, то*, нужно признать, что *иной* — местоимение-существительное и *иной* — местоимение-прилагательное — это тоже два разных слова.

Ни один из современных толковых словарей не отражает полный лексикографический портрет местоимения *иной*.

ОДИН, ИНОЙ, ДРУГОЙ

В истории русского языка был период, когда *один, иной, другой* почти совпадали по значению. Об этом мы узнаем из этимологических словарей и работ историков языка.

Обратимся к словарю Н.М. Шанского: «Иной. Общеслав. индоевр. характера (...). Исходно — „один, сам“, затем — „некий, какой-то“ и „другой“» [Шанский, Боброва URL: <http://enc-dic.com/rusethy/Ino-668.html>]. М. Фасмер писал: «Родственно лит. *inas* — „действительный, правильный“; с другой ступенью гласного; др. прус. *ains* — „один“, лит. *vienas*, латыш. *viens* — „один“ (...), др. лат. *oinos*, лат. *unus*, греч. *οἷός, οἷνή* — „одно очко на игральной кости“, гот. *ains*, ирл. *óin*. Сюда же, возможно, латыш. *eidene* — „вдова“ из **einene* (ср. дат. *enke* — „вдова“ от *enk* — „одинокий“), а также *inъ* — „другой“» [Фасмер URL: <http://enc-dic.com/fasmer/Ino-4958.html>].

Таким образом, М. Фасмер отмечает у *иной* значения «один» и «другой».

М.В. Фёдорова приводит следующую историческую справку. В памятниках старославянского и восточнославянского языков представлено слово *инъ*, которое имело три значения: единичного количества («один»), близкое к местоименному «другой, не этот», оба значения «соприкасались», и «некоторый» [Фёдорова 1965: 103]. Следы третьего значения сохранились в современном местоимении *иной* и наречии *иногда* [Фёдорова 1965: 103]. Известную роль в утрате *инъ*, как пишет М.В. Фёдорова, сыграла распространенность слова *ино* в значении «но» и «то», т.е. служебные слова, образовавшиеся на основе знаменательного слова *инъ*, содействовали устранению своего «родителя» [Фёдорова 1965: 104]. Использование *ино* в значении «но» доказывает наличие у *ино* значения «отличный от данного, непохожий». Вторым доказательством наличия у *инъ* значения «от-

личный от данного» является тот факт, что от *инь* в древнерусском языке образуется слово *инак* — «другой» (ср. в современном русском языке: инакомыслие). От него происходит современное наречие *иначе* [Шанский, Боброва URL: <http://enc-dic.com/rusethy/Ino-668.html>].

Старославянское *един*, восточнославянское *один* образовалось сложением *инь* и частицы *едъ*, имеющей значение «только» [Шанский, Боброва URL: <http://enc-dic.com/rusethy/Ino-668.html>]. М. Фасмер о происхождении *один* пишет: «Вероятно, сложение из *ed- и *инь*; ср. едва, лат. ессе — „вон, се“, esquis — „кто-нибудь?“, умб. еѣк, erse — „кто-нибудь“. От индоевропейской основы местоименного *e* (...) Вторая часть заключает в себе **инь* (см. *инѡй*), связанное чередованием с арм. энкл. -in — „тот же самый“, др. лат. oinos — „*ūnus*“, греч. οἶνι — „одно очко“, ирл. óin, oen — „один“, гот. ains — „один“» [Фасмер URL: <http://enc-dic.com/fasmer/Ino-4958.html>]. М. Фасмер у индоевропейского *один* выделяет, кроме значения «один», значение неопределенности «какой-нибудь» и значение «тот же самый». От *один* происходит противительный союз *однако* [Шанский, Боброва URL: <http://enc-dic.com/rusethy/Ino-668.html>], что стало возможным потому, что у *один* было значение «отличный от данного, непохожий».

О том, что *другой*, первоначально существовавшее в виде *другъ*, имело значение «один», свидетельствуют следующие факты. «Друг. Общеславянское. Того же корня, что и латыш. draugs — „друг, приятель“, лит. draugė — „вместе, сообщца“» [Фасмер URL: <http://enc-dic.com/fasmer/Ino-4958.html>].

Вместе — совокупность нескольких *один*. Данную информацию находим в словаре Н.М. Шанского. От *друг* образовано слово *вдруг* со значением «воедино, вместе»: «Скорее всего, возникло на базе *вдруг* — „воедино, вместе, разом“ (ср.: сразу, укр. враз — „внезапно, вместе“), сращения предлога *в* и *друг* — „один“ (ср.: *друг друга, друг другу* — „один другого, один другому“)» [Шанский, Боброва URL: <http://enc-dic.com/rusethy/Ino-668.html>]. У слова *друг*, кроме значения «один», было значение «кол», так мы до наших дней называем оценку «единица». От *друг* в значении «кол» («единица») происходят *водружить, удручить, дручить, вздрючка*. «Водружить. Исконное. Префиксальное образование от исчезнувшего дружати, производного от *другъ* — „шест, кол, палка“» [Шанский, Боброва URL: <http://enc-dic.com/rusethy/Ino-668.html>]. «Удручить. Исконное. Префиксальное производное от дручить — „мучить, истязать“, суффиксального образования от *другъ* — „палка, шест“. См.: *вздрючка*. Буквально: „ударить палкой, шестом“» [Шанский, Боброва URL: <http://enc-dic.com/rusethy/Ino-668.html>].

Впоследствии начинается дифференциация лексем *один, иной, другой*. В *один* преобладающим становится значение числительного — указание на единичное количество, а также значение «тот же самый, такой же, одинаковый, схожий, не отличающийся».

У *иной* преобладает значение неопределенного местоимения «некоторый, какой-нибудь, какой-то»: *Иному (суц.) это может не понравиться*, и развивается значение «отличный от данного, непохожий», которое проявляется в сложных

словах с начальным *ино-*: иностранный, иноземный, инобытие, инопланетянин, инородный, иногородний, иноверец, иносказание, инородец, иноязычный, ино-марка, интурист и др.

У *другой* формируется значение «второй», затем «отличный от данного, непохожий».

Нужно сказать, что и в наши дни *один*, *иной*, *другой* не до конца разошлись по значению и сохраняют в той или иной мере прежние значения, более того, если одно из них приобретает какое-то новое значение, его, скорее всего, развивают и другие.

Докажем выдвинутый тезис. У слова *один* есть значение «какой-то»: *Один пассажир в нашем поезде вез черепаху. Я знал одного человека, который пеший обгонял конника. В одно утро я вышел, и вдруг встретил одного знакомого. И «какой-либо»* (во втором случае): *Один стрелок сказывал мне, что ружья Лебеды ни одному ружью не уступят. У наречия однажды*, происходящего от слова *один*, три значения: «один раз», «как-то раз, когда-то» и «когда-нибудь», т.е. два значения — значения неопределенных местоименных наречий. В.И. Даль у слова *один* выделяет значение «другой», «отличный от данного»: *Один в одного не приходит. Один одного краше. Один одному не указ. Один одному не верит. Один одного (одно одного) стоит. Один одного хитрее* [Даль URL: <http://enc-dic.com/dal/Inoj-11512.html>]. *Один* в значении «отличный от данного»: используется вместе с *иной* или *другой* в конструкциях перечисления, противопоставления. *Один брат бежит впереди, другой отстал. Одни Тарасу сочувствовали, другие его осуждали.*

Значение «один» у *ин(ой)* обнаруживается в словах с корнями *инок* (*инокия*, *иночество*), *ин* (*инорог*, *иноходь*, *иноходец*), но главным образом в суффиксах: словообразовательном у единичных имен существительных, образованных от вещественных имен типа *горошина*, *льдина*, *градина*, формообразующем, указывающем на единственное число у слов мужского рода типа *горожанин*, *гражданин*, *господин*.

В.И. Даль, Д.Н. Ушаков отмечают у *другой* значение соответственно «такой же точно, вполне сходный» и «такой же, как кто-нибудь, равный, почти тождественный с ним»: *Это другой ты. Он словно другой Наполеон. От беды бежал, да на другую напал.* Это значение слова *один* — «одинаковый». И.Е. Шувалова пишет: «Другой — это такой же, как все остальные элементы (или как данный элемент) множества, но рассматриваемый отдельно от них»:

Поверили глупцы, другим передают. Старухи вмиг тревогу бьют — И вот общественное мнение! (А.С. Грибоедов).

Из плацкартного вагона № 9 киевского поезда, пришедшего в Москву, в числе других вышел пассажир с маленьким фибровым чемоданчиком в руке (М.А. Булгаков).

Другой — только «денотативно отличный от данного» [Шувалова 2007: 72—73]. И.Е. Шувалова толкует значение местоимения *другой* так: «Местоимение *другой* предполагает, что актуальное множество противопоставлено остальным элементам исходного множества на основании предметных (экстенциональных)

характеристик, т.е. особой денотативной отнесенности, фиксированности в особой точке пространства, например:

Шел в комнату, попал в другую (А.С. Грибоедов).

Другая — тоже комната (данный объект тоже относится к классу комнат), но не та, что была упомянута» [Шувалова 2007: 71].

Значение «отличный от данного» у *другой*, по наблюдениям, И.Е. Шуваловой, формируется при предикативном употреблении и тогда, когда на *другой* падает логическое ударение.

Вы совсем другой (И.А. Гончаров).

Вы умрете другой смертью (М.А. Булгаков).

Значение «не такой, отличный от данного» у *другой* отмечают все словари: *У него были совсем другие намерения. После женитьбы он стал другой.* В связи с открытием М.М. Бахтиным диалогичности человеческого сознания слово *другой* в значении «отличный от данного» становится ключевым словом XX в.

По И.Е. Шуваловой, местоимение *иной* характеризуется условной семантикой: элементы актуального множества не могут быть противопоставлены другим элементам исходного множества ни на основе свойств, ни на основе денотативной отнесенности. Местоимение *иной* позволяет одновременно и выделить, индивидуализировать объект, и оставить его нефиксированным, т.е. подчеркнуть и обособленность объекта, и его типичность. *Иной* совпадает с *другой* в значении «отличный от данного» в функции сказуемого и в случаях, когда *иной* входит в состав ремы высказывания или на него падает логическое ударение [Шувалова 2007: 76]. *Жизнь стала иной. Ты себя иным человеком ощутишь.*

Работы [Падучева 1973: 152] и [Чуглов 1990: 72] демонстрируют, что у *иной* и *другой* в конструкции с перечислением или противопоставлением одинаковое значение: «какой-либо из ряда перечисляемых или противопоставляемых предметов». Это значит: непринципиально, к какому объекту мы приложим имя или определение *иной*, к какому имя или определение *другой*. Поэтому *иной* может употребляться и в первом, и во втором компоненте противопоставления, перечисления одновременно, о чем свидетельствуют поговорки:

Иному мило, иному постыло. Иной — туды, а иной — сюды. Иной так, а иной сяк. Иному жарко, иному холодно. Возможен порядок перечисления: другой..., иной...: Скривились домики, другие Совсем обрушились, иные Волнами сдвинуты (А.С. Пушкин, Медный всадник).

Основным значением *иной* является не определительное, как пишут в учебниках по морфологии, а неопределенное: даже в тех предложениях, в которых словари и грамматики квалифицируют его как определительное, указание на неопределенность в толковании стоит на первом месте.

Ни одно из слов *один*, *иной*, *другой* не утратило до конца своих прежних родственных связей со словами данной троицы. *Один* становится числительным, не порывая совсем с местоимениями, *другой* развивает значение «второй», что

позволяет ему отграничиться от *один* и *иной*, но и *иной* тоже втянуто в выражение данного значения. Своеобразно втянуто и *один*. *Один* употребляется не только как количественное числительное, но и как порядковое: *один, другой, третий*, являясь синонимом порядкового числительного *первый*.

СКОЛЬКО МЕСТОИМЕНИЙ *ИНОЙ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ?

Местоимению *иной* представлено:

— определительным местоимением-прилагательным:

Иные люди отталкивают, невзирая на все их достоинства, а другие привлекают при всех их недостатках (Ф. Ларошфуко),

— неопределенным местоимением-прилагательным:

В иной воскресный день Татьяна Васильевна, в лабораторной спецовке, с ведром и тряпкой, чувствуя себя воительницей, принималась за уборку (И. Грекова, Под фонарем),

— определительным местоимением-существительным:

Одни стандартно и ретиво Кричали родине виват, Другие хныкали плаксиво, Иной посвистывал как хват (Е. Кропивницкий, По радио стихи читали...),

— неопределенным местоимением-существительным:

Скрипя валенками по снегу, быстро пробежали ээки по своим делам — кто в уборную, кто в каптерку, иной — на склад посылок, тот крупу сдавать на индивидуальную кухню (А. Солженицын, Один день Ивана Денисовича).

Неопределенным местоимением-существительным *иной* является в выражениях *иной другой*:

Иному другому руку бы оторвало, окажись иной другой на его месте (А. Измайлов, Трюкач).

Неопределенным местоимением-прилагательным *иной* является в выражениях *иной другой* + существительное:

Преподавание православной религии либо иной другой предпочтительней при храмах и церквях, а не в общеобразовательных школах (М. Козлова, Свобода совести и светскость государства: проблемы и решения // Адвокат, 2004.12.01).

Определительным местоимением-прилагательным со значением «отличный от упомянутого выше» *иной* выступает в конструкциях с перечислением, которые *иной* завершает:

Гражданский кодекс РФ (статья 434) устанавливает, что договор в письменной форме (а следовательно, и дополнительное соглашение) может быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору (Налоговый конфликт разрешится в суде // Аграрный журнал, 2002.02.15).

В сочетаниях с определительными местоимениями *всякий, любой — иной* имеет значение «отличный от данного»:

Другая культура работы, привычка к управленческой и всякой иной свободе только на первый взгляд легко преодолимы (Т. Мартынова, Стань сильнее или умри // Финансовая Россия, 2002.09.19).

Как уже говорилось выше, я, конечно, хотел остаться в квартире, но любой иной исход дела меня тоже устраивал (В. Войнович, Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру).

В сочетании с определительными местоимениями *всё, вся, все — иной* имеет значение «отличный от названного выше».

В кино мы все, словно андерсеновские дети в зимний вечер, стоим у ярко освещенного окна, за которым гремит великий праздник рождественской елки, и какая-то изначальная радость, архирадость охватывает каждого из нас, вытесняя из души все иное (С. Лунгин, Виденное наяву).

Почему два определительных местоимения возможны в одном предложении? Или одно из них не определительное, или состав определительных местоимений очерчен на сегодняшний день неправильно.

В сочетаниях с неопределенными местоимениями *какой-нибудь, какой-либо, какой-то — иной* имеет значение «отличный от данного»:

Но дед доругивает их до тех пор, пока какой-нибудь иной предмет на площади не займет его вниманья (Р. Гуль, Конь рыжий).

Многим путешествующим людям известен феномен, когда звук голоса человека или какой-либо иной звук слышен на весьма далеком расстоянии (Д. Саврасов, Таежные были и небылицы).

Рядом оказываются местоимения разных разрядов: неопределенное и определительное.

Неопределенные местоимения *иной* указывают на разную степень неизвестности, в значениях «какой-то», «кто-то» на то, что неизвестно ни говорящему, ни слушающему; в значениях «какой-нибудь» и «кто-нибудь» — безразлично какой, все равно какой или все равно кто. Эти два разных значения должны подаваться в словарях отдельно.

Определительные местоимения *иной* имеют значения:

1) не являющийся данным, не совпадающий с ним, не этот, отличный от этого:

Но он гуще зажмурился, и в какой-то иной комнате его двойник недовольно повернулся на бок и уютно поджал ноги (С. Шаргунов, Чародей),

2) отличающийся от данного, несхожий:

Христианский чин венчания, имеющий иное происхождение и иной круг символов, нежели народный свадебный ритуал, требует отдельного исследования с точки зрения канонов православной обрядности и здесь не рассматривается (Свадьба тюменских старожилов // Народное творчество, 2004),

3) изменившийся по сравнению с предыдущим; не такой, как раньше:

То ли сама Езавель стала какой-то иной, то ли Евстигней от легкого хмелю это просто почудилось (Б. Евсеев, Евстигней // Октябрь, 2010),

4) еще какой-нибудь из ряда однородных предметов, явлений; прочий, остальной:

В Кирилло-Белозерском монастыре под Вязниками была изба токаренная для производства деревянных посохов, кочерег, точеных сосудов, ложек и иной столовой утвари. Кирилловские ложки славились по всей России и стоили, в отличие от прочих, не 11, а 20 алтын за сотню (В. Бегичева, Вяз // Наука и религия, 2007),

5) следующий за данным:

Есть и иной психологический аспект: покупатель, бродя по магазину в поисках товара, незаметно для себя набирает несколько больше, чем взял бы в традиционном магазине (С. Любимов, Торговля уходит под крышу // Богатей (Саратов), 2003.07.31).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

М.И. Откупщикова писала: «Одним из характерных способов пополнения классов местоимений является омонимия, имеющая глобальный характер в том смысле, что омонимичными оказываются не только отдельные местоимения, но и целые разряды, как, например, разряды вопросительных, относительных и кванторных К-местоимений» [Откупщикова 1984: 81]. «Основной способ производства местоимений — создание омонимичных значений» [Откупщикова 1984: 81]. Поэтому формально одно местоимение может принадлежать к разным разрядам местоимений по семантике, даже внутри одного разряда местоимение может иметь несколько значений.

В вузовской и академической грамматиках тот факт, что местоимения-омонимы могут принадлежать к разным разрядам местоимений по семантике, не учитывается, отчего количество местоимений русского языка в них преуменьшено.

© Труфанова И.В.

Дата поступления: 1.05.2017

Дата приема к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Викисловарь. Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%D0%B9> Дата обращения: 29.03.2017.
2. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка в 4 т. Москва: Олма-Пресс, 2009. Режим доступа: <http://enc-dic.com/dal/Inoj-11512.html> Дата обращения: 29.03.2017.
3. *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь русского языка. Москва: Городец, 2009. Режим доступа: <http://tolkslovar.ru/i10058.html> Дата обращения: 29.03.2017.
4. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. Режим доступа: <http://enc-dic.com/kuzhnevov/Ino-61894.html> Дата обращения: 29.03.2017.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999. Режим доступа: <http://enc-dic.com/ozhegov/Ino-13310.html> Дата обращения: 29.03.2017.
6. *Откупщикова М.И.* Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1984.
7. *Падучева Е.В.* О трансформациях прономинализации: глубинные структуры предложений со словами *один, другой* // Проблемы грамматического моделирования. Москва: Наука, 1973.

8. Словарь русского языка в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Москва: Наука, 1985—1988. Режим доступа: <http://enc-dic.com/academic/Ino-15694.html> Дата обращения: 29.03.2017.
9. Толковый словарь русского языка в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Москва: ОГИЗ, 1935—1940. Режим доступа: <http://tolkslovar.ru/i10058.html> Дата обращения: 29.03.2017.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в 4 т. Москва: Прогресс, 1964—1973. Режим доступа: <http://enc-dic.com/fasmer/Ino-4958.html> Дата обращения: 29.03.2017.
11. *Фёдорова М.В.* Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1965.
12. *Чуглов В.И.* Слова «другой» и «иной» в современном русском языке // *Русский язык в школе*. 1990. № 1. С. 70—75.
13. *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. Москва: Дрофа, 2004. Режим доступа: <http://enc-dic.com/rusethy/Ino-668.html> Дата обращения: 29.03.2017.
14. *Шувалова И.Е.* Семантика русских местоимений. Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2007.

УДК: 81'374

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-509-518

LEXICOGRAPHIC PORTRAIT OF A PRONOUN *OTHER*

Irina V. Trufanova

Moscow Institute of Open Education
6, *Aviatsionnyi side-street, Moscow, Russia, 125167*

Abstract. The urgency of the work is due to the fact that linguistics does not have a single opinion on the composition of the pronoun as part of speech, grammars do not take into account the fact that for pronouns the transition from discharge to discharge is typical, in the explanatory dictionaries, the number and composition of pronoun values is differently interpreted differently. If the pronoun belongs to two or more lexical-grammatical categories, the question arises, from which to which category it passes. To answer it, it is necessary to study the compatibility of the pronoun with the pronouns of those categories to which it is related, to reveal the common and different between the pronoun of the other and the placeholders, which are close in meaning to it (one or the other). The material is collected from the National Corps of the Russian language. In the history of the Russian language there was a period when one, another, another were close in meaning. And today one, the other, the other, retain in one way or another the old meanings, moreover, if one of them acquires some new meaning, it is likely that others will also develop it. Another is represented by two pronouns-nouns-indefinite and definitive-and two pronouns-adjectives-not definite and definitive. As indefinite, it indicates two different degrees of uncertainty. Other words in the meaning “different from the above” are used with words, any, everything, everything, everything that causes the idea of the illegitimacy of combining the given pronouns and the pronoun of the other in the sense “different from the given” in the category of the determinative.

Key words: pronouns, undefined pronoun, definitive pronoun, different, different, one

REFERENCES

1. Wiktionary. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%D0%B9> (accessed: 29.03.2017). (in Russ).
2. Dal, V. (Ed.). (2009). Dictionary of the Living Great Russian language in 4 t. Moscow: Olma-press. URL: <http://enc-dic.com/dal/Inoj-11512.html> (accessed: 29.03.2017). (in Russ).

3. Efimova, T.F. (Ed.). (2009). Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Gorodets. URL: <http://tolkslovar.ru/i10058.html> (accessed: 29.03.2017). (in Russ).
4. Kuznetsov, S.A. (Ed.). (1998). Large explanatory dictionary of the Russian language. Sankt Peterburg: Norint. URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov/Ino-61894.html> (accessed: 29.03.2017). (in Russ).
5. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N J. (1999). Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Azbukovnik. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Ino-13310.html> (accessed: 29.03.2017). (in Russ).
6. Otkupshchikova, M.I. (1984). Pronouns of the modern Russian language in the structural-semantic aspect. Leningrad: Publishing house of the Leningrad University. (in Russ).
7. Paducheva, E.V. (1973). About the transformations pronominalizacii: deep structure proposals with words of one another. Grammatical Problems. Moscow: Nauka. (in Russ).
8. Dictionary of the Russian language in 4 t., red. A.P. Evgen'eva. (1985—1988). Moscow: Nauka. URL: <http://enc-dic.com/academic/Ino-15694.html> (accessed: 29.03.2017). (in Russ).
9. Dictionary of Russian language in 4 t., red. D.N. Ushakov (1935—1940). Moscow: OGIZ. URL: <http://tolkslovar.ru/i10058.html> (accessed: 29.03.2017). (in Russ).
10. Fasmer, M. (1964—1973) Etymological dictionary of the Russian language in 4 t. Moscow: Progress. URL: <http://enc-dic.com/fasmer/Ino-4958.html> (accessed: 29.03.2017). (in Russ).
11. Fedorova, M.V. (1965). Lexico-grammatical sketches on history of Russian pronouns. Voronezh: Publishing house of Voronezh State University. (in Russ).
12. Čuglov, V.I. (1990). The words “other” and “else” in modern Russian language. *Russian language at school*, 1, 70—75. (in Russ).
13. Shansky, N.M. & Bobrova, T.A. (2004). School etymological dictionary of the Russian language. Origin of words. Moscow: Drofa. URL: <http://enc-dic.com/rusethy/Ino-668.html> (accessed: 29.03.2017). (in Russ).
14. Shuvalova, I.E. (2007). Semantics of Russian Pronouns. Kursk: Publishing house of the Kursk state University. (in Russ).

Для цитирования:

Труфанова И.В. Лексикографический портрет местоимения *иной* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 509—518. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-509-518.

For citation:

Trufanova I.V. (2017). Lexicographic portrait of a pronoun other. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 509—518. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-509-518.

Irina V. Trufanova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 509—518. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-509-518.

Сведения об авторе:

Труфанова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры поликультурного образования Московского института открытого образования; *научные интересы*: теоретическая грамматика, теория речевых актов, социолингвистика, нарратология; *e-mail*: illokucia1@rambler.ru

Bio Note:

Trufanova Irina Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Multicultural Education of the Moscow Institute of Open Education; *Scientific Interests*: theoretical grammar, theory of speech acts, sociolinguistics, narratology; *e-mail*: illokucia1@rambler.ru

УДК: 821.512.122-1:316.88

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530

ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫЙ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ВЫДВИЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале поэзии О. Сулейменова)*

Статья 1

Н.М. Джусупов

Университет «Сырдария»
ул. М. Ауэзова, 11, Жетысай, Казахстан, 160500,

В статье на материале поэзии Олжаса Сулейменова исследуются средства выдвижения (языковые девиации), основанные на естественном транслинговокультурном мышлении, билингвальном сознании. Как правило, в произведениях О. Сулейменова наблюдаются языковые девиации разных уровней, обусловленные его авторским заданием на оказание эффекта выдвижения под влиянием казахского (генетически родного) языка для создания русского поэтического текста. В статье анализируются два типа линговокультурного отражения действительности в тексте поэта-транслинга — подсознательное и специальное (преднамеренное). Сплав казахского и русского в поэзии О. Сулейменова рассматривается как слияние различных образов, понятий и национально-культурных ценностей, выраженных средствами русского языка. Комплексный семантико-стилистический анализ и описание средств выдвижения осуществляется на материале стиха («Айтқыс»), в основу которого изначально заложены образы и линговокультурные ценности казахского этноса. По аналогии казахского образного выражения «*Иттің баласы*» («Сын собаки») поэт создает на русском языке индивидуально-авторское выражение «Сын волка». Исходя из этого исследуется интертекстуальная основа стиха: согласно тюркской мифологии, небесная волчица — *Көкбөрі* — прародительница тюрков, поэтому волк (*қасқыр*, *бөрі*; *Көкбөрі*) в казахском сознании ассоциируется с праматерью. Наличие таких средств выдвижения в тексте свидетельствуют о том, что в процессе творческой интерпретации автором (поэт-транслингом) социокультурной действительности активизируется разнообразный пласт структур представления знания как о собственно национальных, так и транснациональных образах и в целом линговокультурных ценностях и понятиях.

Ключевые слова: выдвижение, средства выдвижения, языковая девиация, стилистический, транслингвальный, транскультурный, поэтический текст, поэт-транслингв

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития социума текст приобретает все большую значимость как своим полиаспектным характером, так и способностью оказания информационного и эстетического воздействия на индивида. В этом плане особая

* Статья подготовлена в рамках научного проекта «Когнитивно-стилистический подход к исследованию художественного текста (на материале английского, русского и тюркских языков)» Международной программы научных грантов Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета.

роль принадлежит художественному тексту. Художественный текст, как прозаический, так и поэтический, нередко становится сплавом би- и полилингвального мышления писателя, поэтому объем анализа художественного текста расширяется, углубляется и, следовательно, появляются новые проблемы в области лингвистики текста как самостоятельного направления современного языкознания.

Вместе с тем это связано также с проблемой контактирования языков и культур. Контактное взаимодействие языков и культур оставляет свой отпечаток как в системе языка, так и в содержании национальных культур (понятия, концепты, константы, традиции и т.д.).

Процессы взаимовлияния языков и культур имеют важное значение как в монолингвальном, так и полилингвальном отношениях, их результаты отражаются практически во всех сферах социальной деятельности индивида: национальные ценности могут обогащаться или обедняться.

В истории человечества мы видим в большей степени примеры положительного влияния языков и национальных культур друг на друга. Результаты такого положительного взаимовлияния отражаются и в художественном творчестве поэтов и писателей, как монолингвов, так и би- и полилингвов [Dagnino 2012; Leech 1969; Steinitz 2013].

В творчестве писателя-билингва в целом и в его конкретном художественном произведении могут функционировать средства выдвижения с различной степенью языковой девиации, исходящие из его билингвального мира, лингвокультурных психообразов, сформированных в его сознании (в отдельности как два национальных психообраза или как сплавленные в единые транскультурные психообразы).

Процесс выдвижения [Douthwaite 2000; Lvovich 2015; Mukarovsky 1964; van Peer 1986; van Peer 2007] в художественном тексте характеризуется сложным набором языковых явлений, специфика которых в отдельных случаях определяется владением или невладением писателем вторым, третьим и т.д. языками, а также таким серьезным художественным фактом, как: на каком языке художник оформляет свои произведения — на генетически родном языке или на неродном языке, но который (неродной) является языком его профессиональной деятельности, основным языком маркирования предметов и явлений окружающей действительности в его сознании и в художественном тексте, который он создает [Джусупов 2013].

Итак, в художественном тексте выдвижение может проявляться и как следствие влияния генетически родного языка и культурных традиций на неродной язык, на котором создается художественное произведение писателем-транслингом. Данное явление может иметь две основы.

1. Недостаточно совершенное владение писателем-транслингом художественными средствами генетически неродного языка, который является языком его художественной деятельности. В этом случае выдвижение в художественном тексте является следствием «отрицательного» влияния особенностей генетически родного языка.

2. Совершенное владение художественными средствами генетически неродного языка — языка профессиональной деятельности писателя-транслинга. В таком случае средства выдвижения в художественном тексте являются результатом положительного влияния особенностей генетически родного языка. Реализация выдвижения в этом случае может быть:

а) неспециальной, т.е. подсознательной, так как в сознании писателя произошло слияние образов, категорий и явлений двух языковых систем, что породило одну индивидуально-авторскую художественно-стилистическую систему и динамику образного мышления, в котором для него не существует противопоставления на свое и чужое, а существует только свое. Однако в этом «писательском своем» читатель различает (например, в поэзии О. Сулейменова) русское и казахское, казахское и русское, русско-казахское и казахско-русское;

б) специальной, осознанной, когда писатель-транслинг преднамеренно (т.е. сознательно) использует генетически родные образы и стилистические средства для выдвижения в художественном тексте, оформленном им на генетически неродном языке, но которым он владеет в совершенстве, т.е. на уровне художественной деятельности;

В целом в процессе выдвижения в тексте писателя-транслинга плавно сочетаются четыре лингвистических фактора:

— генетически родной, но не язык его художественной деятельности и генетически неродной, но язык его художественной деятельности;

— подсознательное (неспециальное) и специальное (сознательное, преднамеренное) использование особенностей генетически родного языка в художественном тексте, оформляемом писателем-транслингом на генетически неродном языке — языке своей художественной деятельности.

ТРАНСЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ХАРАКТЕР ВЫДВИЖЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Ниже мы приведем пример из поэзии Олжаса Сулейменова, в котором на высоком художественном уровне сочетаются все вышеотмеченные лингвистические факторы, характерные для поэта, в совершенстве владеющего русским художественным словом, но в тексте которого проявляется сочетание специального и неспециального выдвижения, основанного на казахском мировосприятии, на казахских образах, их лингвокультурных и стилистических свойствах, что свидетельствует о присутствии в русской поэзии казахского стихослога.

В произведениях О. Сулейменова мы можем наблюдать языковые девиации разных уровней, обусловленных влиянием родного языка и сознательным, и бессознательным намерением автора использовать или не использовать их в своей художественной деятельности.

Так, у О. Сулейменова языковые девиации — осознанные, они определяются его авторским заданием на оказание эффекта выдвижения под влиянием казахского (генетически родного) языка для создания русского поэтического текста.

Например, отрывок из его стихотворения «Айттыс», написанного на русском языке в традициях казахских эпических произведений, сочетании поэзии и прозы [Джусупов 1976: 113—114]:

*Сын волка, хоть и тоц,
но похож на волка,
сын собаки, хоть и толст,
но похож на собаку!
С отрезанными ушами¹.*
[Джусупов 1976: 114].

Выдвижение в данном контексте, как результат влияния генетически родного языка, определяется тем, что автор, исходя из содержания казахского выражения «*иттің баласы*» (дословно «сын собаки»), в русском языке создает нестандартное сочетание слов «сын волка», «сын собаки». Этот прием выдвижения как лексическая девиация объясняется транслингвальным характером контекстуальной смены фрейма, т.е. межъязыковым перемещением определенного образа и стереотипа мышления в новый когнитивный контекст интерпретации. В данном случае активизируется сакральный характер символа «волк» («*бөрі*») в культуре казахов и в целом тюркских народов [Джусупов 2011; Кляшторный 1992], и вместе с тем, что собака в позитивном аспекте значения в казахском сознании входит в состав семи национальных ценностей («*Жеті қазына*»). Также в результате рефрейминга в данных выражениях на первый план выдвигается когнитивный фрагмент знания, основанный на персонификации сакральных образов — «генетическая связь сына и родителей».

В данном случае выдвижение — это результат и подсознательного, и специального (преднамеренного) вкрапления в русский поэтический текст казахских психообразов, переданных средствами русского языка. Объясняется это тем, что фрагменты картины мира (*Көкбөрі* — небесная волчица, вскормившая тюрка; *ит (собака)* — одна из семи ценностей казахского народа) в сознании О. Сулейменова сформированы в виде казахских психообразов, которые в языковом, культурном и собственно художественном отношениях сплелись в одно целое в его индивидуально-авторском восприятии.

В данном отрывке из поэтического произведения, созданного писателем-транслингвом, сплелись в одно целое:

а) подсознательное, т.е. неспециальное, непреднамеренное использование, когда окончательно сформированные казахские психообразы проявляются в русскоязычном художественном творчестве на подсознательном уровне;

б) специальное, т.е. преднамеренное введение казахских реалий и соответствующих психообразов, сформированных в сознании писателя-транслинга в художественный текст на генетически неродном языке, на языке своей профессиональной художественной деятельности.

В данном случае очень сложно определить, что доминирует в процессе авторского внедрения в русский текст казахских понятий и образов — подсознательное,

¹ В устном исполнении этого произведения автором был озвучен вариант с выражением «с отрубленным хвостом». В данной работе анализ проводится на основе текста, представленного в печатном виде [Dagnino 2012: 114], т.е. на основе варианта «...с отрезанными ушами».

что является характеристикой внутреннего содержания (духовного, культурологического, традиционного и нового), или же специальное, преднамеренное, которое может не предполагать обязательного присутствия в сознании писателя-транслинга понятий и образов из мира генетически родного языка, из мира генетически родного видения и восприятия как картины мира в целом, так и ее фрагментов в частности.

На наш взгляд, в данном случае доминирует первое — подсознательное, а не второе — специальное, преднамеренное, так как:

— во-первых, если бы во внутреннем мире поэта-транслинга не были сформированы психообразы этих понятий, присущих генетически родному языку, генетически родной культуре, то выражение не было бы таким естественным, эффективным, вместе с тем неожиданно образно-художественным, поэтому в данном случае доминирует подсознательное, то есть спонтанное внедрение такого средства выдвижения в художественный текст на генетически неродном языке, но на языке художественной деятельности писателя. Результат такого выдвижения и в целом использования языковых средств генетически родного языка, культурных реалий — обогащение языка художественной деятельности писателя (генетически неродного языка), в данном случае — русского языка, русской культуры. Такое использование понятий и образов генетически родного языка и культуры в процессе художественной деятельности на генетически неродном языке свидетельствует о совершенном владении писателем-транслингом языком своей профессиональной деятельности, владением им изнутри. В конечном итоге это плавное высокохудожественное слияние двух языковых и культурных стихий, в котором доминируют язык оформления художественного произведения;

— во-вторых, выдвижение в художественном тексте, созданное на основе понятий и образов из другого языка, культуры, может быть оформлено и писателем с монолингвальным сознанием. Например, в русском художественном тексте выдвижение, основанное на использовании особенностей языка и культуры других народов. В этом случае, например, для русского писателя это будут понятия и образы из инофонной среды, из другой (иной) культуры, так как в его сознании они не сформированы в виде психообразов, определяющих его бытие, его внутренний национально-языковой мир, с которым он живет как само собой разумеющееся. Такое выдвижение в подавляющем большинстве случаев — результат специального, преднамеренного действия писателя (как правило, носителя монокультуры, владеющего одним языком, т.е. с монолингвальным сознанием).

ВЫДВИЖЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ И СОЗНАНИЯ («СЫН ВОЛКА» И «СЫН СОБАКИ»)

Ниже рассмотрим некоторые детали, анализируемого контекста, способствующие выдвижению в целом, а также сами средства выдвижения:

*Сын волка, хоть и тощ,
но похож на волка,
сын собаки, хоть и толст,
но похож на собаку!
С отрезанными ушами.*

Выражение «с отрезанными ушами» в данном контексте выдвигается за счет дистрибуции в сильной позиции, что способствует оказанию эффекта неожиданности (стилистический прием парадокса). Как правило, в степных, кочевых условиях щенку в первые месяцы после появления на свет укорачивают уши и хвост, т.е. отрезают. Укорачивание ушей делается в санитарно-гигиенических целях и в целях самообороны, так как длинные уши могут быть легко поранены в противостоянии с другими псами или хищниками. Хвост укорачивается, чтобы собака (овчарка, волкодав) в погоне за хищниками, нападающими на отары овец, была свободной и ее задняя часть тела, прежде всего хвост, не цеплялись за высокорастущие колючки и другие растения, чтобы уши не были длинными и не могли быть откусанными противником, чтобы собака была свободна в беге и не чувствовала дискомфорта.

О. Сулейменов использует слово *отрезанный* в выражении «с отрезанными ушами», а не с *отрубленными*. В казахском языке, как правило, говорят об отрезанных или срезанных, т.е. укороченных ушах собаки: *құлағы қырқылған (с отрезанными ушами)*; *құлағы кесілген (с отрезанными ушами)*; *құлағы қысқартылған (с укороченными (с подрезанными) ушами)*. То же самое и с «с отрубленным хвостом».

Итак, в казахском языке относительно этой процедуры — процедуры укорачивания ушей не употребляется выражение «отрубленные уши». Когда речь идет об «отрубленности», на первый план выходит топор и его действие, а не нож, не ножницы. Поэтому, когда в казахском языке по отношению к хвосту собаки употребляют выражения «*қыркып тастаған*» или «*кесіп тастаған*», то прежде всего имеется в виду — отрубленный топором. Это выражение обязательно употребляется в сочетании со словом (глагольной формой) *тастаған* (*брошенный, выброшенный*), т.е. выражения «*қыркып тастаған*» и «*кесіп тастаған*» или «*қысқартып тастаған*» дословно на русский язык переводятся как «отрубленный и выброшенный», «укороченный и выброшенный», «отрезанный и выброшенный».

Эти выражения в казахском языке могут употребляться и в значении «отрезанный ножом, срезанный ножом», но в отношении факта укорачивания хвоста собаки в составе этих выражений не употребляется слово *нож* «*пышақ*». Слова «*пышақ*» (*нож*) или «*қайшы*» (*ножницы*) употребляются в отношении укорачивания (подрезания) ушей собаки.

Итак, О. Сулейменов в данном случае в качестве средства выдвижения использует выражение «...с отрезанными ушами», что усиливает мгновенность, экспрессию действия и в той или иной степени экзотичность его результата. Поэт использовал казахский образ, элемент казахской картины мира, казахский обычай, а средством передачи избрал лексико-семантически и стилистически емкое выражение русского языка. Выражение «...но похож на собаку с отрезанными ушами» неординарное для русского восприятия, для русского сознания, когда как для казахского восприятия собака с отрезанными ушами — явление обычное.

Такое словоупотребление усиливает стилистический колорит художественного контекста, точно и броско выражает авторский замысел, основанный на переносе понятий и образов, сформировавшихся в сознании автора исходя из восприятия окружающего мира и национальной культуры и в итоге выразившихся в русском художественном тексте, но с казахским содержанием.

Для восприятия читателем образ собаки «с отрезанными ушами» — действенный, красочный. Автор в качестве средства выдвижения использует образ отрезанных ушей, что в большей степени воздействует на русского или на русскоязычного читателя. Эффект выдвижения и стилистическое воздействие на читателя в данном случае отличаются емкостью и неожиданностью самого образа, его красочностью и вместе с тем парадоксальностью.

Итак, казахское образное выражение — «*иттің баласы*» (*сын собаки*). *Бала* — ребенок мужского пола, т.е. сын. *Ит* — собака, т.е. в целом сын собаки. Но в данном случае это выражение нельзя переводить на русский язык словами *собачий сын* или *сучий сын*, так как:

— во-первых, уходит на второй план возвышенный характер значения слова *сын* как мужчины, продолжателя рода, как воина, защитника, т.е. обедняется смысловая нагрузка как слова, так и в целом выражения. Сравним: *сын отца* — *отцовский сын*; *сыны отечества* — *отечественные сыны*; *сын собаки* — *собачий сын*;

— во-вторых, это приводит к снижению стилистического регистра, выражение приобретает нейтральную окраску (в лучшем случае) или стилистически сниженную окраску и тем самым на первый план выдвигается пейоративная оценка всего выражения;

— в-третьих, в казахском языке невозможно оформление таких выражений с использованием имени прилагательного, то есть если в русском языке возможны два варианта передачи, например, значения *чей-то сын* — *сын отца* — *отцовский сын*, то в казахском языке один инвариант, а вариантов и вариаций нет: *әке (әкенің) баласы (сын отца)*.

Итак, использование О. Сулейменовым выражения «*сын собаки*» (а не «*собачий сын*») сохраняет сакральность смысла и высокий стилистический регистр коннотации языковой единицы, присущего казахскому оригиналу.

Слово *бала* в собирательном значении употребляется по отношению всех детей, независимо от их половой принадлежности. Например: *Балалар, үйге кіріңіздер (Дети, войдите в дом)*; *балабақша или балалар бақшасы (детский сад)*. Итак, слово *бала* характеризуется положительной стилистической окраской, поэтому его употребление возможно во всех стилях речи, так как его первоначальное значение «*ребенок*».

В зависимости от ситуации общения и речевого контекста в целях дифференциации детей по половой принадлежности употребляются такие лексико-семантические выражения, как: *ұл бала (ребенок-мальчик)*, *қыз бала (ребенок-девочка)*. В данном случае общее *бала* — *ребенок*, а конкретизирующее, различающее *ұл* — *сын (мальчик)*, *қыз* — *девочка, девушка*. В этих выражениях слово *бала (ребенок)* не является антонимом слова *қыз (девочка)*, т.е. не передает значение *сын, мальчик*, а, как уже выше отмечено, имеет в целом значение *ребенок, дети*. Но слово *бала* может употребляться и в значении *мальчик*, т.е. в значении *ребенок мужской принадлежности*. Это зависит от ситуации общения. Например:

Менің балам, қызым бар (У меня мальчик и девочка). Эй, балақай, бері кел (Эй, мальчик, иди сюда). Баланың аты бала гой, атқа қонса дана гой (Мальчик есть мальчик, но на коне он личность).

Итак, слово *бала* прежде всего связано с понятием *ребенок* мужского пола, так как в казахском языке присутствует и такое противопоставление, как *бала — қыз* (мальчик — девочка), а не только — *ұл бала — қыз бала* (ребенок-мальчик — ребенок-девочка). Слово *ұл* (сын) во многих случаях характеризуется возвышенной стилистической окраской, как слово *сын*, например, в русском выражении *сыны Отечества*.

В выражении «*Иттің баласы*» слово *бала* обозначает ребенка мужского пола, т.е. мальчика, сына, и ни в коем случае не обозначает ребенка женского пола (девочку). Это обстоятельство является еще одним подтверждением, что слово *бала* выступает и в противоположенном значении слова *қыз*, т.е. употребляется и в значении слова *мальчик*.

В казахском языке неприято использовать (за редким исключением) выражение «*иттің қызы*» — «дочь собаки». Использование такого выражения возможно, но исключительно в обиходно-бытовой речи, исключительно редко, в совершенно отчаявшемся случае родителей или взрослых в оценке мальчишеского или плохого поведения девочки или девушки. В этом случае выражение «*иттің қызы*» характеризуется отрицательной коннотацией. Образное же выражение «*иттің баласы*» в зависимости от ситуации речи может обладать и отрицательной, и положительной коннотациями. Например:

1. При возмущении лицами старших по возрасту поведением ребенка, мальчика или в целом человека мужского пола. В этом случае выражение «*иттің баласы*» характеризуется отрицательной коннотацией: *Әй, иттің баласы, бәрін бүлдірді* (Эх, собачий (сучий) сын, все испортил), (т.е. человек с собачьими отрицательными повадками).

2. При восхищении поведением, силой, ловкостью, бесстрашием ребенка, мальчика или в целом человека мужского пола. В этом случае выражение «*иттің баласы*» характеризуется положительной коннотацией: *«Әй, иттің баласы, кереметсін зой»* (Эй, сын собаки, ты великолепен, прекрасен!), т.е. мальчик, мужчина (сын собаки) такой же выносливый, живучий, как собака и т.д.

В данном контексте О. Сулейменов использует выражения *сын волка* и *сын собаки* в положительном значении, но с долей стилистической минусовости, которая не снизила, а, наоборот, украсила семантико-стилистическую значимость контекста.

Выражение «*сын волка*» в казахском языке будет «*қасқырдың баласы*» или «*бөрінің баласы*» (*қасқыр*, *бөрі* — слова-синонимы). В казахском языке такое образное выражение по отношению к человеку не употребляется. Оно может употребляться по отношению к волчонку (детенышу волчицы). Однако в казахском языке волчонок в зависимости от возраста (от рождения до двух лет) именуется специальными словами: *бөлтірік* (волчонок в возрасте до одного года), *қарақұлак* (волчонок в возрасте одного года), *көксерек* (волчонок-самец, достигший возраста двух лет, молодой, сильный волк). Поэтому сулейменовское выражение «*сын волка*» — индивидуально-авторское, созданное по аналогии казахского выражения «*иттің баласы*» («сын собаки», по О. Сулейменову). В казахском языке это дословно «детеныш собаки», т.е. щенок, а в переносном, образном значении — человек, характеризующийся повадками, «похожими» на повадки собаки (и в отрицательном, и в положительном значениях).

Итак, в русском тексте О. Сулейменова функционирует выражение «сын волка» как эффективное средство выдвигания, появление которого связано с казахским выражением «*иттің баласы*». В данном случае имеет место процесс образования аналогичных выражений не внутри родного языка, а в другом (русском) языке, что является результатом контактирования двух лингвокультурных миров в поэтическом сознании писателя. Аналогия в одном языке (в казахском) в результате фацилитации породила стилистическое выдвигание в другом (русском) языке. Весь этот контекст (*Сын волка, хоть и тощ, но похож на волка, сын собаки, хоть и толст, похож на собаку! С отрезанными ушами*) является индивидуально-авторским. Внутри этого контекста присутствуют несколько индивидуально-авторских словоупотреблений, которые выделяются как средства выдвигания и создают общую казахско-русскую и русско-казахскую поэтическую картину фрагмента мира: 1) *сын волка*; 2) *сын волка, хоть и тощ*; 3) *хоть и тощ, похож на волка*; 4) *сын собаки*; 5) *сын собаки, хоть и толст*; 6) *хоть и толст, похож на собаку*; 7) *на собаку с отрезанными ушами*.

Все эти сулейменовские индивидуально-авторские словоупотребления, и соответственно, средства выдвигания — результат сплава генетического (казахского) и негенетического (русского), но функционально доминирующего билингвального сознания писателя, что сформировало единое поэтическое начало. В сознании писателя-транслинга две языковые стихии, две национальные картины мира не конфликтуют, а глубинно взаимообогащаются, сливаются в одно целое — сулейменовское видение мира, в сулейменовское когнитивно-стилистическое содержание.

Көкбөрі — это символ-архетип [Кляшторный 1992]. Согласно древней легенде, *Көкбөрі* — небесная волчица, которая вскормила своим молоком единственного оставшегося в живых мальчика из племени, безжалостно истребленного вражескими силами, и впоследствии, став его женой, родила от него детей, которые продолжили род и стали называться тюрками [Кляшторный 1992]. Слово *Көкбөрі* — это имя небесной волчицы, прародительницы тюркского племени, потому это слово следует писать с прописной буквы. *Бөрі* (волков) много, а *Көкбөрі* (Небесная волчица — одна). Слово *көк*, употребляется в значении «небо», «небесный» и «синий», «голубой». Это подтверждается многими выражениями казахского языка, в которых слово «көк» используется в значении «небо» или «небесный». Например: *көкпен көрінді* (видно в небе, показалось в небе); *көкке ұшты* (улетел в небо); *көкпен түсті* (спустился, опустился с неба); *көк тәңірі* (бог неба, всевышний) и т.д.

Синонимом слова *көк* (небо) является слово *аспан*, заимствованное из фарси, т.е. это слово в тюркских языках (в том числе и в казахском языке) более позднего периода употребления, чем слово *көк* (тюркского происхождения).

Слово *бөрі* (волк) — синоним слова *қасқыр* (волк). Слово *бөрі*, как правило, употребляется с нейтральным стилистическим оттенком, так же, как слово *қасқыр*. В этом смысле они синонимы, как слова, обозначающие дикое животное, хищника по натуре. Но слово *бөрі* может употребляться с высокой стилистической окраской как символ-архетип: в этом значении оно не является синонимом слова *қасқыр* (волка как хищника), а означает символ-архетип, т.е. становится синонимом слов *Көкбөрі* (мифологическая небесная волчица — прародительница всех тюрков).

Итак, в казахском языке выделяются три ключевых слова, обозначающих волка: а) *қасқыр* — волк, обычный хищник; б) *бөрі* — волк, обычный хищник. Как правило, говорят: *Малға қасқыр шапты (Волк задрал скотину); Қойды қасқыр жепті (Овец съел волк)*. Но, как правило, не говорят или редко говорят: *Малға бөрі шапты. Қойды бөрі жепті*; в) *Көкбөрі* — волчица (небесная волчица), прародительница всех тюрков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда О. Сулейменов пишет: *«Сын волка, хоть и тощ, но похож на волка...»*, что он имеет в виду? Конечно же, прежде всего, он имеет в виду, что потомок волка, каким бы ни был — сытым или голодным, ослабленным и измученным, он всегда остается хищником, диким зверем, что его хищническое, звериное начало проявляется, в каком бы он физическом состоянии ни был. Эта мысль открыто и выпукло просматривается и прочитывается в художественном контексте, а следовательно, настраивает читателя именно к такому пониманию и восприятию его содержания. Сравнение с потомком собаки (который, каким бы он ни был вскормленным, но похожим на собаку, в любом случае является собакой и не может быть похожим на волка, т.е. быть волком, хоть и вскормленный) усиливает восприятие читателя о том, что волк есть волк, что потомок (детеныш) волка во всем похож на волка, т.е. также является волком (хищником).

Имплицитный смысл данного контекста заключается в том, что *«сын волка, хоть и тощ, но похож на волка»*, т.е. волк в образе *Көкбөрі* — всегда начало тюркского рода; каким бы ни был потомок (детеныш, сын) волка (волчицы *Көкбөрі*), он (она) похож (похожа) на *Көкбөрі*, она — прародитель тюркского рода, бесстрашная и молниеносная.

«...сын собаки, хоть и толст, но похож на собаку с отрезанными ушами», т.е. собака (детеныш, сын собаки) при всех своих достоинствах, являясь одной из семи ценностей казахского народа, в любом случае есть собака, а не волк, не *Көкбөрі*. Поэтому собака, хоть и генетически близка волку, она, ее потомки — «дети», «сыны», щенки, не могут быть прародительницей тюркского народа: она (собака) не выкормила своим молоком мальчика — генетического начала тюрков, поэтому *«сын собаки, хоть и толст, но похож на собаку! С отрезанными ушами»*. Сын собаки тоже собака. Собака (сын собаки) — прирученное домашнее животное, доказательством тому является отрубленный хвост, отрезанные уши руками человека (тюрка) — потомка *Көкбөрі (Небесной волчицы)*.

Итак, имплицитный смысл контекста, созданный поэтом билингвального мышления и сознания, поэтом транслингвокультурного (казахско-русского) образа жизни, требует своего особого глубинного чтения, которое предполагает, что читатель обладает или должен обладать определенным набором знаний как монолингвального и монокультурного, так и билингвального и межкультурного характера.

© Джусупов Н.М.

Дата поступления: 1.04.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Джусупов М.* Пятитомник «Русская поэзия 20 век» и русскоязычные поэты-инофоны (на материале творчества О. Сулейменова) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 4. С. 10—19.
2. *Джусупов Н.М.* Тюркский символ в художественном тексте (лингвокогнитивный аспект). Астана: Издательство «Сарыарка», 2011.
3. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992.
4. *Сулейменов О.* Определение берега. Избранные стихи и поэмы. Алматы: Жазушы, 1976.
5. *Dagnino A.* Transcultural Writers and Transcultural Literature in the Age of Global Modernity // *Transnational Literature*. 2012. Vol. 4. N 2. URL: <http://fhrc.flinders.edu.au/transnational/home.html> (accessed: 25.03.2016).
6. *Douthwaite J.* Towards a Linguistic Theory of Foregrounding. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2000.
7. *Leech G.N.* A Linguistic Guide to English Poetry. London and New York: Longman, 1969.
8. *Lvovich N. Kellman S.G.* Introduction to Special Issue: Literary Translingualism: Multilingual Identity and Creativity // *L2 Journal*. 2015. Vol. 7. N 1. P. 3—5. URL: <https://escholarship.org/uc/item/9tp862z8> (accessed: 25.03.2016).
9. *Mukarovsky J.* Standard Language and Poetic Language // *A Prague School Reader on Esthetics, Literary Structure, and Style*. Ed. and trans. Paul L. Garvin. Washington, D.C., Georgetown UP, 1964. pp. 17—30.
10. *Steinitz T.* Translingual Identities: Language and Self in Stefan Heym and Jakov Lind. Rochester, NY: Camden House, 2013.
11. *van Peer W.* Stylistics and Psychology: investigations of foregrounding. London: Croom Helm, 1986.
12. *van Peer W., Hakemulder F., Zyngier S.* Lines on Feeling: foregrounding, aesthetics and meaning // *Language and Literature*. Vol. 16. N 2. 2007. pp. 197—213.

УДК: 821.512.122-1:316.88

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530

TRANSLINGUAL AND TRANSCULTURAL ASPECTS OF STYLISTIC FOREGROUNDING IN THE LITERARY TEXT (based on O. Suleymenov's poetry)

Dzhusupov Nursultan Mahanbet uly

“Syrdariya” University

11, M. Auezov str., Zhetysay, Kazakhstan, 160500

Abstract. The article investigates the foregrounding devices in Olzhas Suleymenov's poetry which are determined by the poet's natural translinguocultural thinking and bilingual consciousness. Generally, different types of linguistic deviation actualised in O. Suleymenov's works aim to produce the foregrounding effect in creating the Russian-language poetic text under the influence of his native Kazakh language. The two types of linguocultural reflection of reality in the text of a translingual poet — subconscious and special (intentional) are being analysed. The merging of Kazakh and Russian cultural factors in O. Suleymenov's poetry is viewed as an integration of different images, concepts and values expressed by means of the Russian language. The complex semantic-stylistic analysis of foregrounding devices is carried out using the verse (“Айттыс”) which is initially charged by the Kazakh cultural images and values. By analogy with the Kazakh figurative expression «Иттің баласы» (“*Son of a dog*”) the author creates his own individual expression «Сын волка» (“*Son of a wolf*”). Following from this the intertextual basis of the verse is being analyzed: according to the Turkic mythology, Sky wolf *Kokbori* is considered to be an ancestor of the Turks, so a wolf is traditionally associated with the first mother of all the Turkic people. The use of this kind of foregrounding devices in the text shows that various knowledge structures about ethnic images and cultural values tend to be activated in the process of the author's creative interpretation of sociocultural reality.

Key words: foregrounding, foregrounding devices, linguistic deviation, translingual, transcultural, poetic text, translingual poet

REFERENCES

1. Dzhusupov, M. (2013). The Five-volume edition “The Russian Poetry of the 20th Century” and Russian-language foreign-born poets. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, 10—19. (in Russ).
2. Dzhusupov, N.M. (2011). *Turkic Symbol in the Literary Text (linguocognitive aspect)*. Astana: Publishing house “Saryarka”. (in Russ).
3. Klyashtornyy, S.G. & Sultanov, T.I. (1992). *The Chronicle of Three Millenniums*. Alma-Ata: Rauan. (in Russ).
4. Suleymenov, O.O. (1976). *Feeling the Riverside. Selected verses and poems*. Almaty: Zhazushy. (in Russ).
5. Dagnino, A. (2012). Transcultural Writers and Transcultural Literature in the Age of Global Modernity. *Transnational Literature*, 4(2), URL: <http://fhrc.flinders.edu.au/transnational/home.html> (accessed: 25.03.2016).
6. Douthwaite, J. (2000). *Towards a Linguistic Theory of Foregrounding*. Alessandria, Edizioni dell'Orso.
7. Leech, G.N. (1969). *A Linguistic Guide to English Poetry*. London and New York: Longman, 1969.
8. Lvovich, N., & Kellman, S.G. (2015). Introduction to Special Issue: Literary Translingualism: Multilingual Identity and Creativity. *L2 Journal*, 7(1), 3—5. URL: <https://escholarship.org/uc/item/9tp862z8> (accessed: 25.03.2016).
9. Mukarovsky, J. (1964). Standard Language and Poetic Language. *A Prague School Reader on Esthetics Literary Structure and Style*. Ed. and trans. Paul L. Garvin. Washington, D.C., Georgetown UP, 17—30.
10. Steinitz, T. (2013). *Translingual Identities: language and self in Stefan Heym and Jakov Lind*. Rochester, NY: Camden House.
11. van Peer, W. (1986). *Stylistics and psychology: investigations of foregrounding*. London, Croom Helm, 1986.
12. van Peer W., Hakemulder F. & Zyngier S. (2007). Lines on Feeling: foregrounding, aesthetics and meaning. *Language and Literature*, 16(2), 197—213.

Для цитирования:

Джусупов Н.М. Транслингвальный и транскультурный аспекты стилистического выдвигания в художественном тексте (на материале поэзии О. Сулейменова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 519—530. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530.

For citation:

Dzhusupov, N.M. (2017) *Translingual and Transcultural Aspects of Stylistic Foregrounding in the Literary Text (based on O. Suleymenov's poetry)*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 519-530. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530.

Nursultan M. Dzhusupov, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 519-530. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530.

Сведения об авторе:

Джусупов Нурсултан Маханбет улы, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языков университета «Сырдария»; *научные интересы:* когнитивная лингвистика, стилистика, когнитивная стилистика, сопоставительная лингвистика, теория перевода, сопоставительная стилистика, германистика; *e-mail:* nursultan79@mail.ru.

Bio Note:

Dzhusupov Nursultan Mahanbet uly, PhD in Philology, Senior Lecturer of Department of Languages, “Syrdariya” University; *Scientific Interests:* cognitive linguistics, stylistics, cognitive stylistics, comparative linguistics, translation theory, comparative stylistics, German studies; *e-mail:* nursultan79@mail.ru.

УДК: [811.111:811.161.1]271
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542

REFUSAL STRATEGIES IN ENGLISH AND RUSSIAN

Paraskevi-Lukeriya Iliadi, Tatiana V. Larina

RUDN University
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
ousailiadi@hotmail.co.uk; kafedra_fl_rudn@mail.ru

Abstract. The article explores the speech act of refusal in British English and Russian and investigates British and Russian refusal strategies from the perspective of cross-cultural communication. The study aims to find similarities and differences between the ways of refusing requests, offers and invitations in different social contexts in two languages and cultures. It was conducted with the implementation of Speech Act Theory (Austin 1962, Searle 1969, Searle & Vandervken 1985), Politeness Theory (Brown and Levinson 1987, Leech 1983, 2014, Larina and Leech 2014, Watts 2003), and the Theory of Cultural Scripts (Wierzbicka 1991/2003). The modified version of the Discourse Completion Test (DCT) developed by Beebe et al. (1990) was used for data collection. The study has revealed both quantitative and qualitative differences in refusal strategies which exist due to cultural differences, culture-specific politeness strategies and Communicative Styles (Larina 2015, Larina, Mustajoki, Protassova 2017). It has found that the Russians use more direct strategies than the British and are more taciturn and laconic. The British do more face-work to mitigate their refusal, they use both negative and positive strategies with higher regularity and are more voluble. The knowledge of communicative differences in refusal as well as in other speech acts is necessary for the acquisition and development of pragmatic competence of L2 English learners and successful intercultural communication.

Key words: speech act of refusal, politeness strategies, communicative ethno-style, pragmatic competence

INTRODUCTION

Scholars around the world have devoted their research on different areas of pragmatics with the main goal of better understanding how languages are used. We meet different forms of social behavior in different cultures around the globe that individuals categorize as mutually shared appreciation and consideration for others. Researchers in the field of Intercultural Pragmatics and Intercultural Communication have collected considerable data that illustrate how communicative behaviour varies across cultures [Kecskes 2014, Trosborg 2010, Wierzbicka 2003 and many others]. They suggest that across societies and communities, people speak differently, and these differences in ways of speaking are profound and systematic, they reflect different cultural values, or at least different hierarchies of values [Wierzbicka 2003: 69]. As a result, people often use different language tools and strategies, guided by their values, when performing the same speech act in a similar situation.

The problem of intercultural communication is that one does not only have to understand the sentence in its semantic meaning but also have communicative compe-

tence in order to comprehend what the speaker meant; in other words to have pragmatic competence to understand and perform different speech acts in intercultural contexts. 'Speaking a language means more than uttering a number of grammatically decent sentences' [Ghazanfari et al 2013: 51], one must be aware of the pragmatic meaning of the interlocutors' utterances. People speak different languages and therefore use them in a different way.

Refusal is a speech act that exists in all languages and is used in everyday life. It occurs as a negative response to other acts such as requests, invitations, offers, and suggestions [Houck & Gass, 1999: 28]. Searle and Vander ken (1985) define the speech act of refusal as follows: 'The negative counterparts to acceptances and consents are rejections and refusals. Just as one can accept offers, applications, and invitations, so each of these can be refused or rejected' [Searle & Vander ken 1985: 195]. The speech act of refusing is a non-preferred response and consequently it is a face-threatening act both to the Speaker and to the Hearer. In order not to risk threatening the face, speakers use various strategies to avoid offending the interlocutor but do it in a different way and with varying degrees of effort. As with other speech acts, refusal is culture-specific due to differences in such categories as face, threat, imposition, politeness and impoliteness.

Comparing American English, Hebrew and Japanese Anna Wierzbicka (2003) points out significant differences on how refusal is performed in these languages. She notes that it is not common in English to express refusal by saying 'No' as one does in Hebrew, or to say 'No' in response to a request for information (e.g., in shops, hotels, and restaurants): '*Do you have such and such?*'. In English, when someone indicates that they want something from us we are free to say 'No' but not to say just 'No' it is necessary to say something more. In Japanese culture, the norm seems to be to avoid saying 'No' altogether (in particular, to refuse an offer or a request, to express disagreement and so on). One would prefer to remain silent than utter such words as 'no' or '*I disagree*'. The avoidance of such open and bald negative expressions is rooted in the fear that it might disrupt the harmony and order of the group. Summing up these differences she suggests cultural scripts for refusal in each culture:

Israeli culture

I say: *No*.

I think I don't have to say anything more about it.

Anglo-American culture

I say: *No*. I don't want you to feel something bad because of this.

I will say something more about it because of this.

Japanese culture

I can't say: *No*.

I will say something else because of this [Wierzbicka 2003: 92—93].

The speech act of refusal has attracted a lot of attention of researchers in different fields. It has been studied in the framework of pragmatics in different languages and cultures (English, Japanese, Arabic, Persian and others) in comparative perspective [Al-Khatani 2005, Ghazanfari, Bonyadi & Malekzadeh 2003, Houck & Gass 1999, Martínez-

Flor and Usó-Juan 2011]. For pedagogical purposes, a lot of research has been conducted aiming to investigate the realization of refusal by native speakers of English and non-native English speakers [Al-Eyrani 2007, Eslami 2010, Ghazanfari 2003, Houck & Gass 1996, Sattar et al. 2011, Tanck 2003], some of them with the emphasis on pragmatic failure in refusal strategies [Umale 2011].

Thus, we can see that there are two categories of studies on the speech act of refusal. The first focuses on analyzing refusal strategies in a specific culture or comparing the speech acts of refusals across cultural groups, the second one aims to investigate the characteristics of native and non-native speaker refusals in English in order to develop pragmatic competence of L2 English learners.

The aim of this paper is to analyse the realization of the speech act of refusal by native speakers of Russian and British English paying attention to both similarities and differences. We will also attempt to explain the revealed differences through politeness and culture. The paper will focus on refusals to offers, requests and invitations in different social contexts.

2. THEORETICAL BACKGROUND

A speech act in linguistics is an utterance that has performative function in language and communication. According to Austin, the mere act of speaking is ‘doing things with words’ [Austin 1962: 12]. The concept of speech acts was defined as a set of utterances by which people perform a specific function such as apologizing, complaining, requesting, refusing, complimenting, or thanking. It is an action performed by means of language. Austin identified three different features of speech acts: (i) locutionary, (ii) illocutionary, and (iii) perlocutionary acts. A locutionary act refers to a literal meaning of an utterance; an illocutionary act refers to an intended meaning of an utterance; and a perlocutionary act is the actual effect by saying something.

Refusal is a face-threatening speech act which causes damage to both the face of the Speaker and the Hearer and it should be studied in the framework of Politeness Theory. In most of the studies, politeness is viewed as strategic conflict-avoidance or as strategic construction of cooperative social interaction [Eelen 2001: 21, Watts 2003: 47]. Brown and Levinson, authors of a monographic work on politeness (1987), define politeness “as a complex system for softening face threats” [Brown & Levinson 1987: 1]. Using the notion of face by Goffman (1967) they state that interactants have two types of face: ‘positive’ and ‘negative’ which they want to maintain. Negative face is “the want of every ‘competent adult member’ that his actions be unimpeded by others”, “the basic claim to territories, personal preserves, and rights to non-distraction” [Brown & Levinson 1987: 61]. Positive face is the positive and consistent image people have of themselves, and their desire for approval, it is “the want of every member that his wants be desirable to at least some other executors” [Brown & Levinson 1987: 62]. Applying this notion of ‘face’, ‘politeness’ is regarded as ‘having a dual nature: ‘positive’ politeness’ and ‘negative politeness’. ‘Positive politeness’ is expressed by satisfying ‘positive face’ in two ways: 1) by indicating similarities amongst interactants; or 2) by expressing an appreciation of the interlocutor’s self-image. ‘Negative politeness’ can also be expressed in two

ways: 1) by saving the interlocutor's 'face' (either 'negative' or 'positive'), by mitigating face threatening acts (FTAs), such as advice-giving and disapproval; or 2) by satisfying 'negative face' by indicating respect for the addressee's right not to be imposed on. In short, 'politeness' is expressed not only to minimize FTAs, but also to satisfy the interactants' face.

As Johnson et al. argue in their study of refusals to requests (2009), refusals can threaten both the positive and negative face of the refuser (the person who was asked a favor), and the positive face of the requester (the person asking for a favor). Obstacles, or reasons for non-compliance with a person's request, as they state, can "vary on three dimensions: willingness-unwillingness, ability-inability, and focus on-focus away from the requester" (ibid).

Politeness is tied up with the most basic principles of sociocultural organization and interpersonal relationships within social groups and should be viewed in the context of Social distance and Power distance, which are considered the main dimensions of cultures. Social distance (D) and Power Distance (P) usually go together: more individualist cultures are characterized by a lower P distance index; those which are more collectivist have a higher P distance index. In these terms, English and Russian cultures, as it has been stated in [Larina 2008: 33], maintain the following differences: the scale of social distance (D) (horizontal relations) is longer in English culture since the scale of power distance (P) reflecting the vertical hierarchical relations is longer in the Russian system than in the English one.

It is worth noting that the value of 'distance' varies in different cultures. In the British culture distance is a positive value, associated with independence and respect for autonomy of the individual [Wierzbicka 1985: 156]. By contrast, in the Russian culture distance is often perceived as indifference. The value of distance in English, as opposed to closeness in Russian, has different manifestations at the different levels of language [Leech & Larina, 2014: 24. As far as vertical distance is concerned, it involves a number of different factors, such as power, age, and social status. In cultures with a low vertical distance (e.g., 'Anglo' cultures) equality is valued more than the status, and as a result, an egalitarian style of communication prevails [Larina 2015]. The Russian style of communication is not as egalitarian as the Anglo styles. Due to differences in values rooted in the social factors Russians prefer sincerity to tact which has a significant impact on their communicative style [Leech & Larina 2014: 31].

Thus social organization of society and cultural values impact the understanding of politeness and govern the choice of politeness strategies for performing a particular speech act. To some extent these ideas correlate to Sifianou's definition of politeness as "the set of social values which instructs interactants to consider each other by satisfying shared expectations" [Sifianou 1992: 86].

From an intercultural view of politeness, it is also important to mention that as politeness is different across cultures, the same verbal or non-verbal act of being polite in one culture may be perceived as inappropriate or even rude in another culture. As Larina (2008) puts it, 'Russians are often perceived by Westerners, especially by the British, as impolite people since they often sound over-assertive, argumentative, and

even aggressive. They may ask private questions, they like to give advice and may interrupt conversation. They prefer to express their opinions as well as their communicative intentions directly, and feel at liberty to use imperatives etc. But from the Russian point of view, such conduct in many contexts can be acceptable and is not considered impoliteness. On the other hand, English politeness is not always assessed in a positive way by Russians. English people are often perceived by Russians as over-polite (which is not so good), ceremonious and distant' [Larina 2008: 33]. Thus the comparative study of communicative behaviour in different cultures should take into account communicative values and understanding of politeness (impoliteness) in a particular culture.

3. DATA AND METHODOLOGY

The data analyzed in this paper was obtained via the use of a discourse completion test (DCT). The discourse completion questionnaire filled in by 20 English and 30 Russian informants was designed to elicit refusals in writing. Subjects were given a short description of the situation, which specified the setting, the level of familiarity and social power between the participants. The subjects were then asked to complete the dialogue, responding and refusing as they thought the person in a particular situation would do, thus performing a speech act of refusal.

The study follows a similar line as Beebe et al. (1990) but it will be examining refusals in three speech acts — offer, request and invitation in various social contexts characterized by different horizontal and vertical distances between interactants. There are 14 situations in total in which informants were expected to give refusals to the 14 people who were offering (situations 1—5), making requests (situations 6—10), and inviting (11—14) on different occasions. The situations suggested differences in horizontal and vertical distances between the interactants. Regarding the horizontal distance situations were planned to be as intimate (situations 3, 10, 11), acquaintance (situations 2, 9 and 12) and stranger (situations 1 and 8). As for the vertical distance our aim was to study both the symmetrical and asymmetrical relationship between the interlocutors, the situations suggest the status of the person making the refusal to the interactant as low (situations 4, 9 and 13), equal (situations 1, 2, 3, 8, 9, 10, 11 and 12) and high (situations 5, 10 and 14). (See Appendix 1 for full description of each scenario). The data collected needs further analyses from the point of view of age and gender differences. Here, however, the focus is on the preliminary results obtained, which demonstrates the most significant differences between British and Russian strategies of refusal.

4. DATA ANALYSIS

The conducted analysis has revealed both some similarities and differences in the way the British and Russians make a refusal. It has shown that while refusing, both Russian and English speakers may say *No*, give an apology, express regret and explain the reason for the refusal. Nevertheless it has revealed a lot of differences. In this paper we will sum up the most significant ones concerning quantitative and qualitative aspects.

1. The analyses show that when refusing Russian speakers, on the whole, are much more laconic and direct in comparison to English speakers. They can say a straight '*No*'

followed by gratitude or explanation and don't often mitigate their refusal as the British do. The most typical Russian refusal consists of 2—3 moves while English speakers can go through 3—4 and sometimes even 5—6 moves.

- (1) **Situation 1** (refusal to the offer to carry a heavy bag):
Russian: *Нет, спасибо* (*No, thank you*).
English: *Thank you, but it's ok, don't worry. I don't have far to go.*
- (2) **Situation 2** (refusal to the offer to water flowers):
Russian: *Не надо. Спасибо / Нет необходимости. Спасибо.* (*No need, thank you*).
English: *That's a kind offer, thank you, but I don't think they'll need watering. / Thank you, but it's all right. I'm not going to be away long.*
- (3) **Situation 8** (refusal to the request):
I'm really sorry, but I do not think I will have time to do it, as I have plans, is there someone else you can ask? (APOLOGY + INDIRECT REFUSAL + EXPLANATION + ALTERNATIVE).

The longest English refusal was given to an invitation (situation 13):

- (4) That would be lovely, thank you, but I'm afraid I can't Saturday. My husband and I have made plans to go away. I hope you have a lovely evening though, and congratulations (POSITIVE EVALUATION + GRATITUDE + REGRET + NEGATIVE ABILITY+ EXPLANATION + WELL-WISHING + CONGRATULATING).

As we can see the refusal here is a complex of positive politeness strategies aimed by the refuser at the inviter's positive face. Russian informants in this situation limited their refusal to 2, maximum 3 moves. They expressed gratitude and softened their refusal with a positive attitude and/or explanation:

- (5) *Спасибо. Не получится / Я бы с удовольствием. Но мы с семьей уезжаем за город / Я бы с удовольствием. Но я уезжаю на выходные. Спасибо.*

2. As it has been already mentioned Russian speakers while refusing feel quite free to say a straight explicit NO. English speakers demonstrate a clear tendency to avoid it:

- (6) **Situation 1** (offering help to carry a heavy bag)
Russian: *Нет, спасибо* (*No, thank you*).
English: *Thank you. I'm fine.*
- (7) **Situation 5** (Your secretary is offering to help you)
Russian: *Нет. Спасибо. Я справлюсь.* (*No. Thank you. I can do it myself*)
English: *I'm fine. Thanks. I can do it myself.*

It is interesting to note that in those cases, when the British informants used negative sentences, their No was focused on the refuser:

- (8) *...I don't think they need watering* (situation 2)
- (9) *...I wouldn't want my colleagues to think I am getting special treatment...* (situation 4)
- (10) *...I'm not sure I'll be able to make Saturday* (situation 12)

3. Though both Russian and British speakers while refusing expressed gratitude (for an offer or an invitation) and apology, the British performed it with more

regularity and quite frequently emphasized their apology (in situations of request and invitations):

- (11) *I'm really sorry, but I do not think I will have time to do it...* (situation 8)
- (12) *I'm so sorry, but I cannot right now...* (situation 8)
- (13) *I'm terribly sorry, but I'm not sure I'll be able to make Saturday...* (situation 12)

Apology was sometimes expressed more than once as in the following example (situation 6: refusal to a request):

- (14) *I'm really sorry but I am already running late and need to hurry, so sorry* (EMPHASISED APOLOGY + EXPLANATION + APOLOGY).

4. Giving an explanation for a refusal is also more conventional in the English context while Russian speakers find this act less necessary. In refusing an invitation some of our Russian informants softened their refusal with an expression of gratitude or an apology:

- (15) *Спасибо. Не получится. / Спасибо, но не смогу / Простите, но прийти я не смогу*, while the English speakers gave some specific reasons:
- (16) *...I have a previous engagement for this weekend and I cannot change my plans...*
...My husband and I have made plans to go away...
... I have made plans 2 weeks ago and I cannot change them...
...We are having a family reunion in NY...
...I'm meeting a client out of town...
... I'll be visiting my parents out of town...

5. Concerning the language differences our data have shown that the English informants use various means of modality to mitigate refusal and to make it more indirect:

- (17) *I am not sure... / I don't think.../ perhaps / maybe / could* etc.
Perhaps I could take it another time... (situation 4)
I'm afraid I can't make Saturday (situation 13)

6. Another interesting characteristic of English refusal concerns the use of positive politeness strategies. The data has shown that despite being indirect which is one of the main negative politeness strategies the British informants demonstrate, the tendency to use positive politeness strategies quite regularly:

- ◆ give communicative gifts to the hearer expressing positive emotion, evaluation and attitude: *This is a kind offer...* / *That's very nice of you...* / *That's kind of you...* (refusing an offer); *I'd love to...* / *That would be great...* (refusing an invitation);
- ◆ attend to the hearer and his interests: *Is there someone else you can ask? / I'll ask the person next to me to help you* (refusing a request); *I hope you have a lovely evening though / I hope you have a nice time* (refusing an invitation);
- ◆ say *thank you* and *sorry* regularly;
- ◆ use in-group identity markers (*mate, buddy*);
- ◆ are voluble.

In Russian refusals positive politeness strategies are quite rare. They are limited to the use of gratitude, apology and regret.

Concerning the impact of distance on communication our data shows that in asymmetrical relations English speakers demonstrate egalitarian style and use a lot of positive politeness strategies (as in situations 13 and 14: refusal to invitation) (Refusal to the boss's invitation)

(18) **Situation 13** (asymmetrical relations, refusing a higher status person):

(19) *I'd love to come but .../ happy anniversary and hope you have a lovely time on Saturday / That would be lovely... I hope you have a lovely evening though, and congratulations.*

In **Situation 14** (asymmetrical relations) when refusing a lower status person evaluative utterances were less frequent though we came across an informal solidarity address form *buddy*.

Russian speakers in asymmetrical situations are quite taciturn and reserved. Compare examples 20 and 21:

(20) *I am sorry **buddy** but I'm snowed under and I'm going to have to eat at my desk today. Congratulations though, enjoy yourself.* (6 moves: REGRET + FRIENDLY ADDRESS (BUDDY) + REASON + EXPLANATION + CONGRATULATION + WELL WISHING) positive politeness.

(21) Russian: *Простите, но прийти не смогу* (2 moves: APOLOGY + REFUSAL).
Спасибо за предложение, но не могу (2 moves: GRATITUDE + REFUSAL: negative ability)

Similar differences we can observe in the refusal to an offer in examples 21 and 22.

Situation 4: Refusal to the boss's offer to take a holiday:

(22) *English: Wow, thank you, that's really kind. Perhaps I could take it another time? I'd like to get stuck into the next project.*

Here we have a combination of both positive and negative politeness strategies, something that we do not find very often in a Russian refusal: EXCLAMATION SHOWING SURPRISE + GRATITUDE + POSITIVE EVALUATION + INDIRECT ALTERNATIVE + EXPLANATION.

(23) Russian: *Благодарю но в данным момент в отпуске нет необходимости.* (GRATITUDE + DIRECT REFUSAL)
Спасибо я отдохну в другое время (GRATITUDE+ ALTERNATIVE).

CONCLUSION

We have analyzed communicative strategies of the English and Russian native speakers used to perform speech acts of refusal to offers, requests and invitations in different social contexts. The study has shown that in both languages refusal is a complex of acts (moves) which usually involves apology, regret and explanation. It involves indirect strategies as well as mitigating devices to avoid threatening the initiator's positive face. Nevertheless, the findings reveal significant differences concerning both quantitative and qualitative characteristics. Russians tend to say a straight No followed by grati-

tude, apology or explanation. In all types of refusal (to offers, requests and invitations) they prefer fewer words and moves (most frequently 2 or 3 moves). In British culture an explicit 'No' is avoided, English speakers are more voluble than Russians; they use more than 3 moves rising to 5 and even 6. In their attempt to mitigate refusal they use a combination of positive and negative politeness strategies which is less typical of Russian speakers.

The above differences shape features of communicative ethno-styles. Our data confirms the previous statement [Larina 2009, 2015] that Russian communicative style is more laconic and direct, less emotive and more message-oriented than form-oriented in comparison with the English one. English style is more indirect, emotive, form-oriented, person-oriented and voluble. They also confirm A. Wierzbicka's idea discussed in the paper: in Anglo culture it is not enough to say No, it is necessary to say something else. Russian culture in this respect is closer to Hebrew though it is not so direct.

These communicative differences might be explained through cultural differences and values. As Russian people due to their culture are more available and contactable [Larina, Mustajoki, Protassova 2017], they prefer sincerity to tact and can afford to be more direct and straightforward. British culture with its emphasis on distance encourages people to be more vigilant in saving their own and their interlocutors' face and do a lot of face-work. As a result, they are more face-oriented rather than message-oriented.

Based upon current research, it is apparent that the knowledge of communicative differences in refusal as well as in other speech acts is necessary for the acquisition and development of pragmatic competence of L2 English learners and successful intercultural communication.

Also, it should be noted that what we have presented here are only selected and preliminary results. More extensive testing and analysis is required for more detailed and conclusive results.

© Larina T.A., Iliadi P.L.

Дата поступления: 27.03.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

REFERENCES

1. Al-Eyrani, A.A. (2007). Refusal strategies by Yemeni EFL learners. *The Asian EFL Journal Quarterly*, Volume 9, Issue 2, 19—34. http://www.asian-efl-journal.com/June_07_aaac.php.
2. Al-Khatani, S.W. (2005). Refusals realizations in three different cultures: A speech act theoretically- based cross- cultural study // *Journal of King Saud University*, Volume 18, Lang. & Transl., 35—57.
3. Austin, J.L. (1962). *How to do things with words*. Oxford, Oxford University Press.
4. Beebe, L., Takahashi, T., & Uliss-Weltz, R. (1990). Pragmatic transfer in ESL refusals. In R. C. Scarcella, E. S. Andersen, & S. D. Krashen (Eds.), *Developing communicative competence in a second language*. New York, NY: Newbury House, 55—73.
5. Brown, P. and Levinson S.C. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Eelen, G. (2001). *A Critique of Politeness Theories*. Manchester: St Jerome Publishing.
7. Eslami, Z.R. (2010). Refusals: How to develop appropriate refusal strategies. In A. Martínez-Flor & E. Usó-Juan (Eds.) *Speech act performance: Theoretical, empirical and methodological issues* (pp. 217—236). Amsterdam: John Benjamins.

8. Ghazanfari M., Bonyadi A. & Malekzadeh Sh. (2003). Investigating cross-linguistic differences in refusal speech act among native Persian and English speakers. In: *International Journal of Research Studies in Language Learning*, 2013, Volume 2 Number 4, 49—63.
9. Houck, N. & Gass, S.M. (1996). Non-native refusal: A methodological perspective. In: Gass, S.M. & Neu, J. (eds.) *Speech acts across cultures*. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 45—64.
10. Houck, N. & Gass, S.M. (1999). *Interlanguage refusals. A cross-cultural study of Japanese-English*. Berlin: Mouton de Gruyter.
11. Johnson, D.I.; Roloff, M.E.; Riffée, M. (2009). A. Politeness theory and refusals of requests: Face threat as a function of expressed obstacles. *Communication Studies*. 55 (2): 227—238. doi: 10.1080/10510970409388616. Retrieved October 12, 2016.
12. Kecskes, I. (2014). *Intercultural Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
13. Larina, T. (2008). Directness, Imposition and Politeness in English and Russian. Cambridge ESOL: Research Notes: issue 33, August 2008. pp. 33—38. http://www.cambridgeesol.org/rs_notes/rs_nts33.pdf.
14. Larina, T. (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics, Volume 7, number 5. Special Issue: Communicative Styles and Genres*, 195—215.
15. Larina, T., Mustajoki, A. & Protassova, K. (2017). Dimensions of Russian culture and mind. In Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki (eds.) *Philosophical and cultural interpretations of Russian modernisation. Series: Studies in Contemporary Russia (Introduction chapter)*. Oxon/New York: Routledge. pp. 7—19.
16. Leech, G. (1983). *Principles of pragmatics*. London: Longman.
17. Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford: Oxford University Press.
18. Leech, G. & Larina, T. (2014). Politeness: West and East. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics*, 4, 9—34.
19. Martínez-Flor, A. & Usó-Juan, E. (2011). Research methodologies in pragmatics: Eliciting refusals to requests // *Estudios de lingüística inglesa aplicada*, 11, 47—87.
20. Sattar H.Q.A., Che Lah, S. & Suleiman, R.R.R. (2011). Refusal strategies in English by Malay University Students. *GEMA Online Journal of Language Studies, Vol. 11(3)*, 69—81.
21. Searle, J. (1969). *Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Searle, J. & Vandervken, D. (1985). *Foundations of illocutionary logic*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Sifianou, M. (1992). *Politeness Phenomena in England and Greece*. Oxford: Clarendon Press.
24. Tanck, S. (2003). Speech acts sets of refusals and complaint: A comparison of native and non-native English speaker's production. *TESL Second Language Acquisition*, 1—22.
25. Trosborg, A. (ed.). (2010). *Pragmatics across languages and cultures*. Berlin: Mouton de Gruyter.
26. Umale, J. (2011). Pragmatic Failure in Refusal Strategies: British versus Omani Interlocutors'. *Arab World English Journal, Volume 2, 1*, 18—46.
27. Wierzbicka, A. (1985). Different Cultures, different languages, different speech acts. *Journal of Pragmatics*, 9, 145—178.
28. Wierzbicka, A. (2003). *Cross-cultural pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. 2-nd edition. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Appendix 1

LIST OF SITUATIONS

Offer (horizontal distance)

1. A stranger is offering help with carrying the bags.
2. A new neighbour is offering help with watering the plants.
3. A close friend is offering to give you a lift because you are late.

Offer (vertical distance)

4. Your boss has offered you a holiday after the completion of a project.
5. Your secretary is offering to help you with the paperwork because you are overworked.

Request (horizontal distance)

6. A stranger (old man) is requesting help to cross the street.
7. Your new neighbor is requesting that you walk his dog as he is going away for the weekend.
8. Your close friend is asking you to babysit his baby as he needs to go shopping.

Request (vertical distance)

9. Your boss is requesting you to work overtime on Saturday. How do you refuse?
10. You are the boss and the employee is asking you to give him a day off due to family problems.

Invitation (horizontal distance)

11. Your close friend invites you to his birthday on Saturday.
12. Your new neighbour invites you to his welcoming party.

Invitation (vertical distance)

13. Your boss invites you to his anniversary.
14. Your trainee invites you to lunch after the completion of his internship.

УДК: [811.111:811.161.1]'271

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542

**СТРАТЕГИИ ОТКАЗА
В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

П.Л. Илиади, Т.В. Ларина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье приведены некоторые результаты сопоставительного исследования речевого акта Отказ в английской (британской) и русской лингвокультурах. Цель статьи — показать сходства и различия в реализации отказа на предложение, просьбу и приглашение в различных ситуациях и социальных контекстах с учетом варьирования горизонтальной и вертикальной дистанции между участниками речевого акта. Теоретическую базу исследования составили теория речевых актов (Austin 1962, Searle 1969, Searle & Vandervken 1985), теория вежливости (Brown and Levinson 1987, Leech 1983, 2014, Larina and Leech 2014, Watts 2003), а также теория культурных скриптов А. Вежбицкой (Wierzbicka 1991/2003). Материалом исследования послужили высказывания английских и русских информантов, полученные в результате проведенного анкетирования. Анализ выявил ряд особенностей как количественного, так и качественного характера. В статье предпринята попытка объяснить выявленные различия с позиций различий в культурах, в понимании вежливости и в этнокультурных стилях коммуникации (Larina 2015, Larina, Mustajoki, Protassova 2017). Было выявлено, что отказ русских более краткий и прямой, чем отказ англичан, которые более многословны и используют

комплекс стратегий как негативной, так и позитивной вежливости, для его смягчения. Знание культурно-специфичных особенностей отказа, как и других речевых актов, необходимо для формирования прагматической компетенции и успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: речевой акт *отказ*, стратегии вежливости, коммуникативный этностиль, прагматическая компетенция

Для цитирования:

Илиади П.Л., Ларина Т.В. Стратегии отказа в английской и русской лингвокультурах // *Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2017. Т. 8. № 3. С. 531—542. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542.

For citation:

Iliadi, P.L. & Larina, T.A. (2017) Refusal Strategies in English and Russian. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 531—542. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542.

Paraskevi-Lukeriya Iliadi & Tatiana V. Larina, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 531—542. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542.

Сведения об авторах:

Илиади Параскеви-Лукерья, магистр кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *научные интересы:* прагматика, анализ дискурса, теория вежливости/не вежливости, *e-mail:* ousailiadi@hotmail.co.uk.

Татьяна Викторовна Ларина, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, главный редактор журнала *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*; *научные интересы:* прагматика, анализ дискурса, теория вежливости/не вежливости, межкультурная коммуникация; *e-mail:* tatiana.larina@rudn.university.

Bio Note:

Iliadi Paraskevi-Lukeriya, Graduate Student at Department of General and Russian Linguistics at RUDN University; *scientific interests:* Pragmatics, Discourse Analysis, Theory of Politeness/Impoliteness; *e-mail:* ousailiadi@hotmail.co.uk.

Larina Tatiana Viktorovna, Doctor of Filology, Professor at RUDN University, Editor-in-Chief of *Russian Journal of Linguistics*; *research interests:* Pragmatics, Discourse Analysis, Theory of Politeness/ Impoliteness, Intercultural Communication; *e-mail:* tatiana.larina@rudn.university.

УДК: 81'44

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-543-553

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМНОЙ ТИПОЛОГИИ В ОТНОШЕНИИ К КАТЕГОРИИ ДАТИВА

А.Б. Чернышев

Закрытое акционерное общество «ВолгАэро»,
проспект Ленина, 163, Рыбинск, Ярославская область, Россия, 152903
Городской общественный научно-экспериментальный фонд «Языковая среда»
ул. Пушкина, 53-100, Рыбинск, Ярославская область, 152934

В статье систематизируются основные принципы системной типологии, заложенные Г.П. Мельниковым и ставшие методологической основой настоящей работы. Важность понятия внутренней детерминанты языка обуславливается употреблением разного класса морфем — предлогов, префиксов и аффиксов — в языках разных типов при актуализации универсальной стратегии. Принцип триадности в отношении лингвистического анализа был спроецирован на категорию датива, который понимается с точки зрения стратегии, выводимой через универсалии естественного семантического метаязыка. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью аспекта датива с позиции системной типологии. Объектом исследования являются предложно-именные и глагольно-префиксальные конструкции, в которых актуализируется универсальная падежная концептуальная основа датива, в русском, английском, французском, испанском и узбекском языках. Предметом исследования выступает семантика морфем *при*, *to*, *à*, *a*, *-ga* в русском, английском и французском, испанском и узбекском языках как модель универсального падежного значения датива. Проведенный на материале художественной литературы пяти разноструктурных языков анализ показал особенности актуализации стратегии через языковые единицы — морфемы. Основные используемые в работе методы включают абстрагирование, анализ, синтез, аналогию, когнитивно-коммуникативный и типологический методы, а также методику морфотемного анализа и когнитивного моделирования. В результате было установлено, что морфемы *to* в английском языке, *à* во французском языке, *a* в испанском языке, *при*- в русском языке, *-ga* в узбекском языке являются маркерами датива, модифицирующими данную падежную категорию в зависимости от вектора развития собственной семантической структуры.

Ключевые слова: системная типология, триада, стратегия, датив, морфема

СИСТЕМНАЯ ТИПОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И ПОНЯТИЕ

Системная типология является одним из самых современных и самых последних достижений лингвистической науки. Как представляется, одной из предпосылок системной типологии стали намеченные Г.А. Климовым принципы контентивно-типологической проблематики, включающие в себя разработку исторического аспекта и решение вопроса типологической реконструкции. Отсюда был сформулирован постулат о системном подходе к типологизируемому языковому материалу [Климов 2009: 205].

Основоположником системной типологии, представляющей синтезирующую лингвистическую концепцию, в основе которой лежит классический триадичный принцип «мир — человек — язык», является Г.П. Мельников [Зубкова 2003: 21,

23—24; Мельников 2003]. Под системной типологией понимается результат синтеза существующих типологических и общелингвистических подходов и концепций. Системная типология является попыткой интегрировать все существовавшие до нее виды типологических классификаций: морфологическую, генеалогическую, ареальную, структурную, контенсивную, стадиальную [Мельников 1990: 16, 17].

Системная типология Г.П. Мельникова является логическим продолжением идеи типологии стадиальной, исходящей из основной предпосылки о том, что синтаксическая структура предложения имеет особый, присущий данному коллективу характер, на разных стадиях развития общества под воздействием внешних факторов в исторически складывающейся коммуникативной среде общения и потребностей коллектива в наиболее комфортном, оптимальном для него использовании тех или иных форм языка. В результате Г.П. Мельниковым выводится понятие коммуникативного (номинативного) ракурса и внешней детерминанты.

Несмотря на то, что сам Г.П. Мельников усматривал истоки идей стадиальности в работах А. Шлейхера, И.И. Срезневского, А.А. Потебни [Мельников 2014: 13], следует отметить, что зачатки идей стадиальной типологии присутствуют уже в богословских и философских трудах Григория Нисского и Ж.-Ж. Руссо. «Наивное» представление о языковых типах имеется и в лингвистических трактатах других философов эпохи Просвещения — М.В. Ломоносова и Э.Б. Кондильяка, которого Л.Г. Зубкова рассматривает едва ли не первым, кто эксплицитно ввел понятие детерминанты применительно к конкретному языку [Зубкова 2010: 33].

Такая точка зрения представляется небесспорной, так как выделенные Э.Б. Кондильяком примитивные типы, в основе которых были положены модели греческого и латинского языков с произвольным порядком слов, признаками гармонии, живости речи и точности стиля, где главную роль играет воображение, и французского языка с прямым порядком слов и признаками простоты, четкости, точности и анализа, где главная роль отводится памяти [Condillac 2010: 39—43, 203—208], практически не учитывают стадиальные предпосылки формирования типов. Без учета стадиальных факторов приводятся описательные характеристики языков М.В. Ломоносовым, приписывавшего великолепие испанскому для общения с Богом, живость французскому для общения с друзьями, крепость немецкому для общения с неприятелями и нежность итальянскому для общения с женским полом [Ломоносов 1755: 6]. Дальнейшее развитие детерминанты как специфически индивидуального организующего начала языкового строя Л.Г. Зубкова возводит к трудам В. Фон Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, Э. Сепира, Г. Гийома [Зубкова 2010: 33—40].

Что касается факторов стадиальных перестроек, то они определяют условия и развития, как у Г.П. Мельникова, и происхождения языка, которое Гр. Нисский и Ж.-Ж. Руссо связывают с музыкой. Детерминирующими условиями происхождения языка и его дальнейшего развития являются, по Гр. Нисскому, орудия производства, в результате чего задействованные в производстве руки больше не имели ни необходимости, ни возможности реализовывать общение, полностью предоставив эту функцию рту посредством артикуляции [Нисский 1861: 103—104].

Согласно концепции Ж.-Ж. Руссо, детерминирующими условиями происхождения и развития языка являются климат и, как следствие, образ жизни в условиях климата, что обуславливает принципы единения и любви на благоприятном юге и, наоборот, выживания и борьбы людей на суровом севере. Из этих видов среды существования Ж.-Ж. Руссо выводит и два типа языков — южные и северные. Мотивирующей предпосылкой образования первых является страсть, предпосылкой образования вторых — потребность. Своеобразным инстинктивным кличем при образовании южных языков является *aimer-moi* («Любите меня!»), при образовании северных — *aider-moi* («Помогите мне!»). Отмечаются и отличительные фонетические характеристики двух выделенных стадийальных типов языков. Для южных характерна живость, сонорность, акцентированность, для северных — глухота, грубость, артикуляционность и т.п. [Rousseau 2002: 29—42].

Согласно расширенной и чисто лингвистической концепции Г.П. Мельникова о стадийальном происхождении языков, условия и среда обитания определяются так называемым количественным составом коллективов — носителей языка. К этим коллективам относятся микроколлективы, макроколлективы и мегаколлективы. Номинативный ракурс языка, зависящий от типа коллектива, задает детерминанту и определяет тип языка, развившийся, по современной терминологии, до инкорпорирующего, агглютинативного, флективного и корнеизолирующего типов [Мельников 2014: 31—47].

Что касается системной типологии, то для нее главными являются три принципа: принцип материальности субстрата, принцип мерности при рассмотрении объекта как развивающейся системы, в том числе пространственной и временной мерности, и принцип триадичности. Именно принцип триадичности понимается как условие системности языкового типа, в отличие от принципа диадичности (бинарности), лежащего в фундаменте структурных типологических концепций. Если, по убеждению Г.П. Мельникова, объект, включая языковой тип, необходимо рассмотреть в его развитии, то охарактеризован он может быть не менее чем через три категории, например, причина — условие — следствие, форма — материя — содержание, сущность — среда — явление, структура — субстрат — субстанция, функция — парадигматика — синтагматика, значение — внеязыковое сознание — смысл и т.д. [Мельников 1990: 134—136].

Из сходных отношений триадичности Г.П. Мельниковым выводится и понятие детерминанты, которое, очевидно, эволюционировало из понятия семантической детерминанты Г.А. Климова. Детерминанта характеризует тот или иной тип языка. Для нее выявляются пространственные и временные уточнения, основанные на внутренних и внешних факторах формирования и развития языка и временного состояния его системы.

С точки зрения пространственных уточнений, постулируется исходная внутренняя детерминанта с изначально заданными характеристиками языковой системы. Текущая внешняя детерминанта характеризует современные внешние факторы, влияющие на языковую систему. Текущую внешнюю детерминанту Г.П. Мельников сопоставляет с надсистемой. Из процесса взаимодействия ис-

ходной внутренней детерминанты и текущей внешней детерминанты выводится функция — текущая внутренняя детерминанта, то есть новая ключевая идея, характеризующая новый тип и координирующая дальнейшее развитие системы.

Что касается временных уточнений, то из текущей внешней детерминанты и исходной внутренней выводится предельная внутренняя детерминанта, обуславливающая и прогнозирующая потенциальный конечный пункт развития системы во времени. Выявленные детерминанты условно соотносятся Г.П. Мельниковым и с существующими типологическими классами. Исходная внутренняя детерминанта как начало системы соответствует генеалогическому классу. Текущая внутренняя детерминанта ассоциируется с морфологическим классом. Предельная внутренняя детерминанта соотносится со стадийным классом, включающим в себя и ареальный, и континентальный, и семантический [Мельников 1990: 137].

Таким образом, системная типология, получившая определение типологии типологий, или систематики языков, действительно является синтезирующей концепцией, интегрируя все известные типологические подходы. Определив достойнейшее собственное место в лингвистике и имея ценность сама по себе, системная типология не только не исключает, но и дополняет существующие методы, подходы и критерии к решению проблем, поставленных лингвистической типологией как наукой в целом.

Объектом исследования системной типологии может стать любая лингвистическая категория, при условии применения принципа материальности субстрата, пространственной и временной мерности и триадичности. Семантический критерий с использованием описательных возможностей когнитивной семантики, в частности семантических универсалий, вполне применим в системной типологии. На основе семантического критерия разрабатывается стратегия, которая имеет следующую исследовательскую схему:

- 1) определение семантико-прагматической структуры или ситуационного типа, предлагаемого в качестве предмета исследования;
- 2) анализ морфосинтаксической конструкции или стратегии, используемой для кодирования данного ситуационного типа;
- 3) поиск взаимосвязей между конструкциями, используемыми для данной ситуации и другими лингвистическими факторами, например, другими структурными характеристиками, другими внешними функциями, выражаемыми данной конструкцией [см. также Croft 2003: 14].

Подобная исследовательская схема была применена нами в отношении датива как универсальной падежной категории. Формула датива как для стратегии может быть описана через семантические примитивы [Вежбицкая 1999] и интерпретирована следующим образом: КТО-ТО (Y1) имеет ЧТО-ТО (X) и делает ТО (V), в результате чего ЧТО-ТО (X) есть часть КОГО-ТО (Y2) и больше не есть часть КОГО-ТО (Y1) или ЧЕГО-ТО (Y1).

В данной формуле V обозначает глагол, X представляет локализуемый объект, а Y — ориентир (релятум) согласно терминологии, принятой в когнитивной лингвистике. В другом варианте расшифровки формулы Y соотносится с фо-

ном, а X — с фигурой. В плане смысла Y актуализирует либо одушевленный предмет, либо предмет неодушевленный, но воспринимаемый как активный с точки зрения концептуализации пространственно-временных, логико-понятийных и прочих отношений, либо местоположение, или в более узком понимании локальную точку.

Следует учитывать, что в основе данных отношений также лежит триадный — системологический — принцип. Моделями датива выступают триадные категории, выводимые из классических бинарных оппозиций. Из оппозиции части и целого выводится триадная категория «функционального единства» с видовой модификацией «принадлежность», из противопоставления начала и конца вытекает «предел» с видовой модификацией «точечность», предел и беспредельное получают триадное становление в виде категории досягаемости.

Выделенные модели датива принципиально не противоречат ни его актантной семантике, основанной на ролевом отношении агентов заданного сценария, ни семантике корреляционной, нацеленной на противопоставление главных признаков, свойственных значению других падежей в системе того или иного языка. Модели служат дополнением, обобщением, универсализацией и способом репрезентации такого значимого лингвистического фрагмента как датив.

Интерпретация датива в качестве функционального единства предметов при векторной направленности действия соотносится с интерпретацией движения при восприятии конечного объекта. Выявленное значение представляет собой стратегию, актуализируемую и модифицируемую тем или иным видом морфем — предлогами, префиксами и флексиями как контаминированными единицами, — имеющим собственную когнитивную модель, в зависимости от конкретной языковой структуры и типа.

ПАРАМЕТРЫ ДАТИВА И ИХ АКТУАЛИЗАЦИЯ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

В практической части исследования предлагается рассмотрение вербализации стратегии датива через конкретные морфемы разноструктурных языков (английский, французский, испанский, русский, узбекский) по некоторым универсальным параметрам данной стратегии.

Бенефактив

Параметр ‘бенефактив’ представляет собой самый общий тип отношений, к которым может быть применена выведенная формула датива как стратегии с позиции естественного семантического метаязыка.

- (1) *It gave an imposing appearance to the most of the wholesale houses* (англ. Dreiser).

В английском предложении (1) представлена характеристика, которая придает внушительный внешний вид домам. Дома выполняют функцию бенефактива. Сценарий описывается через глагол *to give* ‘дать’ и дативный предлог *to*.

- (2) *Eli sort son couteau de l'étui, le donne à son fils, comme tous les soirs* (фр. Cohen).

Эли дает нож своему сыну — сын становится обладателем ножа, то есть бенефициантом через получение от отца. Данный сценарий во французском языке актуализируется через употребление глагола *donner* ‘дать’ и дативного предлога *à*.

- (3) <...> *pero aquel sonido le daba la razón a ella y se la quitaba al Güero* (исп. Pérez-Reverte).

Девушка, наделяемая разумом, становится бенефициантом данного сценария, который представлен грамматической схемой из глагола *dar* ‘дать’ и дативного предлога *a*.

- (4) <...> *выучка не может придать музыке такой глубины чувства* (рус. Куприн).

Бенефициантом сценария, представленного в русском предложении (4), становится музыка, которая приобретает глубину. Действие обозначено глаголом *дать* и дативной морфемой-префиксом *при-*.

- (5) <...> *bir avliyo odam senga pichoq beribdi* (узб. Ахроров).

В примере (5) из узбекского языка «дать нож» определяет участника, выраженного местоимением «ты» («тебя» — *senga*) в роли извлекающего от действия пользу бенефицианта. Сценарий актуализируется глаголом *bermoq* ‘дать’ и морфемой-аффиксом *-ga*, соответствующей узбекскому дательному-направительному падежу.

Перемещение

По свидетельству И.Г. Кошевой, дативность предполагает наличие по меньшей мере двух (или более) объектов, спаянных определенной линией пространственного соотношения, по которой идет целенаправленное перемещение какой-то части одного объекта к другому. Последнее предполагает неперемещаемое количественное тождество начальных и конечных долей, т. е. замкнутую перспективу движения, при которой весь объем отсеченной части первого объекта последовательно перемещается в расположение второго» [Кошечкина 2012: 101—102]. Таким образом, перемещение также может рассматриваться в качестве параметра датива и связываться со способом восприятия пространственных отношений, в результате которых объект, находившийся в некоторой точке пространства, в результате волевого действия оказывается в другой точке пространства.

- (6) “*But I want her to come to the office every week for a blood test*” (англ. Susann).

- (7) *Vous m’avez prié de venir au Louvre* (фр. Dumas).

- (8) *Las mejores historias serían recogidas en un volumen y los ganadores viajarían a Barcelona* (исп. A. R. Celma).

- (9) *Лица пришла в гостиную и села в угол* (рус. Тургенев).

- (10) *O’shanda hayolimga kelgan birinchi fikr shu bo’ldi* (узб. Ахроров).

Прибытие в офис (6), в Лувр (7), в Барселону (8), в гостиную (9), идеи в воображение (10) может и не являться так называемым прямолинейным движением. Она может быть сопряжена с определенными трудностями достижения пункта назначения. Однако события, связанные с прибытием к конечному объекту, включены в цепь последовательных действий, представляющих собой единство как достижение результата перемещения.

Совмещение

Параметр «совмещение» представляет собой сценарий, состоящий из трех параметрических микрофреймов:

- 1) до совершения действия: X (фон) — самостоятельный предмет, Y (фигура) — самостоятельный предмет;
- 2) при совершении действия: X (фон) — несамостоятельный предмет, становящийся частью Y-а (фигуры);
- 3) результат действия: создание нового единства, при котором X и Y теряют присущие им изначально самостоятельные характеристики.

Иными словами, в результате определенного действия происходит создание единства нового типа из действующих изначально самостоятельных элементов фрейма. Такое понимание совмещения со всей очевидностью происходит из базовых пространственных отношений между предметами и имеет образную ассоциацию с предыдущим параметром перемещения.

- (11) *But he was startled when he saw the large bottle of blood and the needle **attached to her arm*** (англ. Susann).
- (12) *Le prince **attacha** l'une des extrémités de l'échelle **au lacet** qui pendait* (фр. Dumas).
- (13) *Lo supo con tanta certeza que se quedó inmóvil, la cuchilla en alto, el **cabello pegado a la cara** entre el vapor del agua caliente que goteaba en los azulejos* (исп. Pérez-Reverte).
- (14) ***Прилипая** друг к другу, засквозили листья деревьев* (рус. Тургенев).
- (15) *Mehr ila bag'riga **bosib**, ko'krak tutdi* (узб. Ахоров).

Адресат

Сценарий, который описывает нахождение объекта в конечном пункте движения в результате воздействия на него другого объекта, определяется как пассивное перемещение, сопоставимое с конфигурацией «адресат».

- (16) *His pointing to the truckle bed in the corner seemed gradually to **bring** that poor couch **to** Bradley's wandering **remembrance*** (англ. Dickens).

Пример (16) представляет собой в английском языке типичный случай актуализации адресата, которым выступает воспоминание. Диван ('couch') оказывается в воспоминании в результате действия, обозначенного глагольной основой *to bring* ('приносить'). То есть диван как пассивный объект был приведен в воспоминания.

- (17) *De Mouy **envoya** un sourire ironique **à** Catherine* (фр. Dumas).

Де Мои улыбнулся (отправил улыбку) Катерине — Катерина, вызывая эмоции Де Мои, получает от него улыбку.

- (18) *<...> **enviaba** un ramo de flores de trescientos dólares **a** la anfitriona <...>* (исп. Cruz).

В испанском предложении (18) также представлен сценарий с глаголом *enbiar* 'отправлять', где просматривается пространственно-динамический характер фрейма с типовыми признаками и бенефицианта, адресата в виде хозяйки (*anfitriona*).

- (19) *Теперь, после того, как ее, окровавленную и изувеченную, **принесли** в уборную и **привели** в чувство, первое, что слетело с ее губ, был крик: <...>* (рус. Бунин).

Каузированное действие в отношении объектов до их совмещения с уборной и с чувствами человека описываются в сценарии примера (19). Предполагается, что изначально описываемый в сценарии участник в уборной не находился, и был вне чувств, выступающих фоновым ориентиром для данной ситуации.

(20) *Yaratgan Alloh sirli saltanatga o'zi keltiradi, o'zi kuzatadi* (узб. Ахроров).

Принесение почести в царство Аллаха (20) является свидетельством активной роли адресата при совершении действия, итогом которого становится совмещение и функциональное единство предметов.

Изменение

«Изменение» как семантический параметр основывается на трансформации какого-либо свойства, присущего предмету, — функционального, качественного, количественного. При этом изменение касается не только релятума, но и локализуемого объекта. Польза, извлекаемая релятумом в результате изменений, оказывается пропорциональной потерей в отношении его партнера по векторному сценарию — локализуемого объекта. Таким образом, возможные отклонения, несоответствия, сопоставления, сравнения, пропорциональные изменения конкретных характеристик и свойств предметов распространяются только внутри заданного домена, который и определяет функциональное единство предметов как целостной структуры.

В английском языке общее значение таких глаголов как *to change* ('менять'), *to shift* ('сдвигать, замещать'), *to turn* ('поворачивать'/'обращаться'), *to switch* ('переключать'), которые требуют предлог *to*, моделирующий датив и т. п. вытекает из идеи кардинальной смены событий, образующих единство в своей последовательности. Пример:

(21) *I told her to stick with the blue dress for the hair spray, and **change to** the green for the lipstick* (англ. Susann).

Во французском языке изменения, актуализируемые предлогом *à*, также связаны с идеей превращения, обращения, со всем тем, что меняет качество и свойство одного предмета в пользу другого. Примеры:

(22) <...> *tant la situation avait rapidement **tourné au** dramatique* (фр. Dumas).

В событии (22), описываемом через глагол *tourner* ('обращать') с предлогом *à*, выявляется резкая смена превращения ситуации в драматическую.

(23) <...> *que desde hacía dos años **sustituía al** antiguo apartamento <...>* (исп. P.-Reverte).

(24) *Теперь стали **прибавлять** <...>* (рус. Куприн).

(25) *Orada bir oz sukunatdan so'ng, suhbat boshqa mavzuga **ko'chdi*** (узб. Ахроров).

Изменение темы беседы (*mavzu*) логически происходит в единстве разговора. В этом смысле обе темы представляют собой единое целое, чем обусловлено употребление аффикса *-ga*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, модели датива, его стратегия — «мнимое» движение, заключающееся в векторной направленности одного предмета к другому и функциональном единстве предметов, проецируются на языковые единицы — морфемы — разных языков. К ним были отнесены морфема *pri* в русском языке, морфема *to* в английском языке, предлог *à* во французском языке, предлог *a* в испанском языке, аффикс *-ga* в узбекском языке.

Системное моделирование семантики морфем, позволившее выявить универсальность падежной категории датива через естественный семантический мета-язык и объясняющее преимущественное проявление той или иной его внутренней детерминанты по законам внутреннего развития, стадияльной и системной типологии, не является исчерпывающим и предельным ни с точки зрения широты охвата материала, ни относительно глубины абстракции языковых форм. Данные максимально возможного количества языков призваны не только дополнить имеющееся описание выделенной когнитивной структуры датива, но и открыть новые стороны исследуемого феномена, выявив новые универсалии, способствующие успешному решению задач лингвистики.

© Чернышев А.Б.

Дата поступления: 1.02.2017

Дата принятия: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описания языков. Москва: Языки русской культуры, 1999.
2. *Зубкова Л.Г.* Общая теория языка в развитии. Москва: РУДН, 2003.
3. *Зубкова Л.Г.* Принцип знака в системе языка. Москва: Языки славянской культуры, 2010.
4. *Климов Г.А.* Принципы континентальной типологии. Москва: ЛИБРОКОМ, 2009.
5. *Кошечкина И.Г.* Проблемы языкознания и теория английского языка: Части речи и категории. Теоретический курс. Москва: ЛИБРОКОМ, 2012.
6. *Ломоносов М.В.* Российская грамматика. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1755.
7. *Мельников Г.П.* Принципы и методы системной типологии языков: дис. ... д-ра филол. наук: Российский университет дружбы народов. Москва, 1990.
8. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: Принципы. Методы. Модели. Москва: Наука, 2003.
9. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадияльной. Москва: ЛЕНАНД, 2014.
10. *Нусский Григорий.* Об устройении человека. Москва: Типография В. Готы, 1861.
11. *Condillac E.B. de.* Essai sur l'origine des connaissances humaines. Режим доступа: http://classiques.uqac.ca/classiques/condillac_etienne_bonnot_de/essai_origine_des_connaissances/condillac_origine_des_connaissances.pdf. Дата обращения: 18.11.2015.
12. *Croft W.* Typology and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
13. *Rousseau J.-J.* Essai sur l'origine des langues. Режим доступа: http://classiques.uqac.ca/classiques/Rousseau_jj/essai_origine_des_langues/origine_des_langues.pdf Дата обращения: 18.11.2015.

УДК: 81'44

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-543-553

PRINCIPLES OF SYSTEM TYPOLOGY APPLICABLE TO DATIVE

Alexey B. Chernyshev

Closed joint-stock company «VolgAero»

163, Lenin av., Rybinsk, Yaroslavl region, Russia, 152903

Municipal Public Scientific and Experimental Fund «Yazykovaya sreda»

53 — 100, Pushkin str., Rybinsk, Yaroslavl region, Russia, 152934

Abstract. This article deals with systematization of main principles of system typology put forward by G.P. Melnikov and that have become a methodological basis of the present research. The importance of concept of the internal determinant of the language is stipulated by the use of morphemes of different class — prepositions, prefixes and affixes — in the languages of different types by actualization of the universal strategy. The triadic principle applicable for linguistic analysis was projected to the Dative understood from the point of view of the strategy derived through the universals of the natural semantic meta-language. The importance of the research is stipulated by insufficient study of aspect of Dative from the point of view of the system typology. The object of the research is prepositional-and-nominal and verbal-and-prefix constructions, where universal case conceptual basis of Dative is actualized in Russian, English, French, Spanish and Uzbek languages. The subject of the research is semantics of morphemes *pri*, *to*, *à*, *a*, *-ga* in Russian, English, French, Spanish and Uzbek languages as a model of the universal case meaning of Dative. The analysis done on the material of belles-lettres of five languages of different types has shown actualization of the strategy through the language units, the morphemes. Main methods used in the paper include abstracting, analysis, synthesis, analogy, cognitive-and-communicative and typological methods, as well as principles of morpheme analysis and cognitive modeling. As a result of the research it has been established that the Dative markers are preposition *to* in the English language, preposition *à* in the French language, preposition *a* in the Spanish language, prefix *pri*- of the Russian language and the Uzbek agglutinative affix *-ga*.

Key words: system typology, triad, strategy, Dative, morpheme

REFERENCES

1. Wierzbicka, A. (1999). Semantic Primes and Universals. Moscow: Languages of Russian Culture. (in Russ).
2. Zubkova, L.G. (2003). The general theory of language in its evolution. Moscow: RUDN. (in Russ).
3. Zubkova, L.G. (2010). Sign principle in the language system. Moscow: Languages of Slavonic Culture (in Russ).
4. Klimov, G.A. (2009). Principles of contensive typology. Moscow: LIBROKOM. (in Russ).
5. Koshevaya, I.G. (2012). Problems of linguistics and theory of the English language: Parts of speech and categories. Theoretical course. Moscow: LIBROKOM. (in Russ).
6. Lomonossov, M.V. (1755). Russian grammar. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (in Russ).
7. Melnikov, G.P. (1990). Principles and methods of system typology of languages [dissertation]. Peoples' Friendship University of Russia. Moscow. (in Russ).
8. Melnikov, G.P. (2003). System typology of languages: Principles. Methods. Models. Moscow: Science. (in Russ).
9. Melnikov, G.P. (2014). System typology of languages: Synthesis of morphological classification of languages with stadial one. Moscow: LENAND. (in Russ).
10. Nissky Grigory. (1861). On human constitution. Moscow: V. Gota's typography. (in Russ).

11. Condillac, E.B. de. Essai sur l'origine des connaissances humaines. URL: http://classiques.uqac.ca/classiques/condillac_etienne_bonnot_de/essai_origine_des_connaissances/condillac_origine_des_connaissances.pdf (accessed: 18.11.2015).
12. Croft, W. (2003). *Typology and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Rousseau, J.-J. Essai sur l'origine des langues. URL: http://classiques.uqac.ca/classiques/Rousseau_jj/essai_origine_des_langues/origine_des_langues.pdf (accessed: 18.11.2015).

Для цитирования:

Чернышев А.Б. Принципы системной типологии в отношении к категории датива // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 543—553. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-543-553.

For citation:

Chernyshev, A.B. (2017). Principles of System Typology Applicable to Dative. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 543—553. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-543-553.

Alexey B. Chernyshev, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 543—553. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-543-553.

Сведения об авторе:

Чернышев Алексей Борисович, кандидат филологических наук, старший переводчик ЗАО «Волг-Аэро» (г. Рыбинск), руководитель проекта ТИПОЛОГИЯ при Городском общественном научно-экспериментальном фонде «Языковая среда» (Рыбинск); *научные интересы*: лингвистическая типология, компаративистика, семантика, морфология, терминология, переводоведение; *e-mail*: alexeich_78@mail.ru.

Bio Note:

Chernyshev Alexey Borissovich, Candidate of Philology, senior interpreter of CJSC «VolgAero» (Rybinsk), head of project TYPOLOGIA under Municipal Public Scientific and Experimental Fund «Yazykovaya sreda» (Rybinsk); *Research Interests*: typology, comparative studies, semantics, morphology, terminology, translation studies; *e-mail*: alexeich_78@mail.ru.

ТЮРКОЛОГИЯ

УДК: 811.512.1:165

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-554-562

СРАВНЕНИЕ КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ КОГНИЦИИ (на материале крымско-татарских загадок)

А.М. Эмирова

ГБОУВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»
пер. Учебный, 8, ул. Севастопольская, г. Симферополь, Республика Крым, 295015

В статье проведен комплексный анализ категории сравнения в крымско-татарском языке, которая не была предметом специального исследования. Объектом анализа послужили извлеченные из загадок языковые единицы разного типа, выражающие идею сравнения. Предметом анализа является категория сравнения как одна из базовых категорий когнитивности, отражающих языковую картину народа — носителя языка. Методами описания и лингвокультурологического комментария определена природа ментального содержания загадок; описаны лексико-семантические и грамматические способы выражения идеи сравнения (комплексная метафоризация, послеложно-именные конструкции разного типа, особые синтаксические модели, лексемы с семантикой подобия и др.); выявлены и охарактеризованы тематические группы слов, называющих эталоны и референты сравнения, и др. В совокупном дискурсе загадок, как универсальных форм выражения компаративного содержания, отражена широкая аксиологически маркированная языковая картина мира крымско-татарского народа: его история, феномены материальной и духовной культуры, традиционные формы жизнедеятельности, обусловленные специфическими природно-климатическими условиями Крымского полуострова, и др.

Ключевые слова: крымско-татарский язык, категория сравнения, эталон и референт сравнения, когнитивность, крымско-татарская картина мира

ВВЕДЕНИЕ

К онтологическим категориям познания и мышления человека Аристотель, как известно, относил субстанцию, количество, качество, отношение, пространство, время и др. В современной науке реестр таких категорий существенно изменен в количественном и качественном отношениях: «Несмотря на многочисленные попытки... объяснения, в понимании онтологических категорий, как и в их списке, остается, несомненно, еще много неясного» [Кубрякова 2004: 232]. См. также [Вежбицкая 1997; Малых 2011]. Думается, категория сравнения может быть квалифицирована в качестве одной из ипостасей категории отношения.

КАТЕГОРИЯ СРАВНЕНИЯ

Сравнение — один из основных приемов познания человеком объективного мира, которое происходит на базе мыслительных процессов категоризации и концептуализации.

Категоризация — это сравнение любого познаваемого предмета, явления, события с однородными феноменами, нахождение в них сходных или тождественных черт, что позволяет познающему человеку объединить их в одну рубрику опыта или знания, называемую категорией. Процесс категоризации сопровождается концептуализацией и завершается формированием концепта.

Концептуализация — это формирование в сознании человека структур знания об объективном мире, «окруженных» разнообразными интерпретационно-оценочными ассоциациями. Общие понятия, передаваемые данными структурами знания, называются концептами. Они могут быть выражены в образной форме, как совокупность перцепций, поступающих в мозг от всех органов чувств, и в вербальной форме. Знаками концептов первого типа могут выступать произведения всех видов искусства (архитектурная форма, танец, рисунок и др.). В актах же языковой коммуникации формой объективации (использования, актуализации) концепта является его имя в виде слова или словосочетания.

По мнению Е.С. Кубряковой, «процесс концептуализации направлен в общем виде на выделение неких предельных для определенного уровня рассмотрения единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, и этим он отличен от процесса категоризации, который направлен скорее на объединение единиц, представляющих сходство в том или ином отношении, но обязательно — при сличении этих единиц с концептом, принятым за основание самой категории» [Кубрякова 2004: 319].

Таким образом, можно говорить об исключительной значимости для познающего и преобразующего мир человека категории сравнения, лежащей в основе базовых когнитивных процессов — категоризации и концептуализации. Сказанное выше позволяет утверждать, что категорию сравнения можно квалифицировать в качестве ментальной и языковой универсалии.

Категория сравнения достаточно хорошо изучена в отечественном языкознании, в том числе и в сопоставительном плане. Однако в крымско-татарском языкознании она не была объектом специального исследования. Актуальность и новизна предлагаемого в данной работе комплексного подхода к анализу названной категории обусловлены также активизацией исследований в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Представляется, что концепт сравнения в определенной степени отражает картину мира народа — носителя данного языка, его ценностные ориентиры, обусловленные природно-географическими условиями его формирования и вытекающими отсюда традиционными формами жизнедеятельности. Сравнительные формы и конструкции, встречающиеся в разных вариантах языка, можно считать специфическими знаками этнокультуры. Особенно значимы в данном плане территориальные диалекты и общенародные фольклорные тексты.

Объектом анализа в настоящей работе являются разного структурно-грамматического и логико-семантического типа сравнительные конструкции, извлеченные из крымско-татарских загадок [Асанов, Велиев 2014].

Цель настоящего исследования — комплексный анализ сравнительных конструкций как знаков крымско-татарской лингвокультуры. Достижение указанной

цели предполагает: 1) определение специфики мыслительного содержания загадок; 2) характеристику лексических и грамматических особенностей сравнительных конструкций, выражающих идею подобия; 3) выявление семантико-тематических особенностей слов, выполняющих в составе сравнительных оборотов функции основания сравнения; 4) тематическую характеристику референтов загадок; 5) оценку лингвокультурологической значимости семантического пространства сравнений.

Язык загадок — это своеобразная игровая криптолалия (тайноречие), опирающаяся на знания человека об окружающем мире, а также на его когнитивные способности — восприятие, воображение, мышление, память, на базе которых протекают процессы категоризации и концептуализации.

Ментальное содержание загадок представляет собой сравнительное соотнесение уже познанных предметов и явлений объективной действительности с теми, которые «зашифрованы» в формальной структуре загадок. Последние — искомые предметы — можно квалифицировать в качестве референтов загадки: референт — это «объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок» [Булыгина, Крылов 1990: 410—411]. Следовательно, можно говорить о том, что загадка по природе своей является оязыковленной идеей сравнения. Сравнительные формы и конструкции — не обязательный элемент структуры загадок, однако их наличие способствует интенсификации компаративного значения, каким по природе своей является содержание загадки.

В логико-семантическом отношении загадка представляет собой синтетичную форму — суждение или несколько суждений. Суждение, как известно, состоит из предмета мысли (субъекта), и предиката, характеризующего (утверждающего или отрицающего) что-либо относительно субъекта мысли или его свойств. Референт загадки в грамматической структуре может быть выражен двумя способами: 1) через квазисубъект (слово, обозначающее некий предмет, имеющий подобные или схожие с референтом загадки признаки) и 2) через нулевой субъект (отсутствии субъекта). И в том, и в другом случаях называются признаки, свойства искомого референта, выраженные прямыми или производными номинациями.

Примеры загадок первого типа (с квазисубъектом):

Эв сачакъта асылгъан, балта, чотсуз ясалгъан (Къуш ювасы). — ‘Под стрехой висит дом, построенный без топора (Гнездо птицы)’.

Тос-томалакъ таши, ичи толу аш (Джеviz). — ‘Круглый-прекруглый камень, внутри — много еды (Грецкий орех)’.

Загадки второго типа (без субъекта):

Озь эвини аркъасында таший (Чыкъчыкъбалабан). — ‘Свой дом носит на спине (Улитка)’.

Ель дайын эсер, терек дайын осер, къылыч дайын кесер (Атеи). — ‘Дует, как ветер, растет, как дерево, режет, как сабля (Огонь)’.

Башы таракъ, къуйругъы оракъ (Хораз). — ‘Голова — гребешком, хвост — серпом (Петух)’.

Как видно из приведенных выше примеров, предмет, служащий основанием, эталоном сравнения, в реальной действительности, как правило, не имеет общих дифференциальных признаков с референтом загадки (ср.: *къайыш* ‘ремень’ — *йылан* ‘змея’). Сравнение (точнее — сопоставление) опирается не на существенные, а на самые общие, ассоциативно-образные признаки понятия, «вылавливаемые» из ассоциативного поля соотносительных лексем. Так, петух сравнивается с мальчиком, курица — с девочкой лишь по признаку пола; сапог — с колодцем, потому что он ассоциируется с емкостью, в которую следует опускать ногу, и т.п. Такие смутные ассоциации часто выражаются с помощью лексемы *бир*, выполняющей функцию неопределенного артикля в значении ‘некий, какой-то’:

Бир огълум бар; агъзызы кемиктен, сакъалы эттен (Хораз). — ‘Есть у меня один сын; рот у него из кости, борода — из мяса (Петух)’.

Бир чатал терек терзиге керек (Макъас). — ‘Какая-то корявая ветка необходима портному (Ножницы)’.

Способы выражения категории сравнения в разных языках весьма разнообразны. В крымско-татарском языке наиболее частотны загадки, образованные путем метафоризации: текст используется в переносном смысле, основанном на сходстве предметов, их свойств или на подобии ситуаций:

Къызыл сырыкъ устюнде акъ фериклер отура (Тишлер). — ‘На красном насесте сидят молодые белые курочки (Зубы)’.

Ешиль кылыч эль кесер (Къамыш). — ‘Зеленая сабля режет руку (Камыш)’.

Орьме сепет ичинде къара конъуз орьсенлей (Козь). — ‘В плетеной корзине шевелится черный жук (Глаз)’.

На втором месте по частотности находятся обороты, построенные по модели «имя существительное + послелог *киби* ‘как, словно, как будто’»:

Узундыр, сырыкъ киби, аджджыдыр, зезр киби. Маалле-мааледен кезер, сескенип, тавукъ киби ((Тютюн чубугъы). — ‘Длинный, как жердь, горький, как отрава. Ходит по деревьям, встряхиваясь, как курица (Чубук, курительная трубка)’.

Реже встречаются сравнительные обороты с синонимичным послелогом *дайын*:

Ель дайын эсер, терек дайын осер, къылыч дайын кесер (Атеш). — ‘Дует, как ветер; растет, как дерево; режет, как клинок (Огонь)’.

Компаративное значение с количественным оттенком (‘много/мало’) могут передавать и обороты с послелогом *къадар* в сочетании с именами в основном падеже:

Туткъан — онъмасын, ашагъан — тоймасын, саткъан — пулым къадар пара къазансын. (Балыкъ). — ‘Пусть не везет поймавшему, не насытится едящий, а продавшему — столько денег, сколько у меня чешуи (Рыба)’.

Послелог *дайын* в крымскотатарском языке имеет стяженную форму *-дай*, которая уподобилась аффиксу и согласно принятым правилам орфографии пишется с препозитивным именем слитно [Меметов, Мусаев 2003: 271]:

Озю топдай, ичи къандай, дамы балдай (Къарпыз). — ‘Сам круглый, как мяч; внутри — как кровь, сладкий, как мед (Арбуз)’.

Сравнительное значение передается также сочетанием качественного прилагательного с именем существительным в исходном падеже:

Йымыртадан кучюк, фильден буюк, зезрден аджсы, балдан татлы (Джевиз береги, къабугъы, ашы). — ‘Меньше яйца, больше слона, горче яда, слаще меда (Ореховое дерево, кожура незрелого ореха, ядро)’.

Отдельную группу образуют загадки, сравнительное значение которых формируется с помощью конструкции с отрицательной частицей *дегиль* ‘не’. Как правило, это сложные синтаксические структуры, в которых отрицательным оборотам предшествуют конструкции с утвердительной семантикой. Такая структура способствует усилению семантики сравнения:

Язы язар — къалем дегиль. Терекке чыкъбар — инсан дегиль. Юк ташыр — эшек дегиль (Чыкъчыкъбалабан). — ‘Пишет, но не перо. Влезает на дерево, но не человек. Носит груз, но не осёл (Улитка)’.

Идея сравнения, осложненная оттенками предположения, сомнения, может выражаться в крымскотатарском языке модальными словами *санки, дерсинъ, санки дерсинъ* ‘будто, словно, как будто, вроде’:

санки дерсинъ ай йылытрай ‘как будто месяц сияет’; *Озю къатты, дерсин таи* (*Консерва къутусы*). — ‘Сам твердый, как камень (Коробка консервов)’.

Лексическими средствами выражения семантики подобия, сходства являются синонимичные глаголы *ошамакъ, бенземек* ‘быть похожим’ (*джамгъа бензер* ‘похож на стекло’, *адамгъа ошай* ‘похож на человека’) и прилагательное *сыфатлы* ‘свойственный’, ‘подобный’ (*маймун сыфатлы* ‘похожий на обезьяну’).

Озю бенъзер эрикке, чыпын кетер деликке (Сычан). — ‘Сам похож на сливу, убегает в дырку (Мышь)’.

Основаниями (эталопами) сравнения выступают, как правило, языковые единицы, называющие феномены культуры, чаще — материальной, реже — духовной.

Наиболее объемными по количеству эталонных единиц сравнения являются следующие тематические группы:

1) человек определенного социального положения, пола, возраста: *инсан, адам* ‘человек’, *хан, султан* ‘повелитель’, *эсир* ‘пленник’, *къады* ‘мусульманский судья’, *афуз* ‘знаток Корана’, *акъай* ‘мужчина, муж’, *къадын* ‘женщина, жена’, *айдамакъ* ‘разбойник’, *уста* ‘мастер’, *камбур* ‘горбун’, *акъраба* ‘родственник’, *бала, балачыкъ* ‘ребенок’, *огълан* ‘мальчик’, *келин* ‘невеста, невестка’, *келиндеи* ‘сноха’, *агъа* ‘старший брат’, *агъа-къардаи* ‘братья’ и др.

Как видно из приведенных выше примеров, реестр номинаций основания сравнения в определенной степени отражает структуру традиционного крымскотатарского общества. Среди них выделяются маркированные в этнокультурном отношении номинации повелителей (*хан, султан*), религиозных деятелей (*афуз, къады*) и термины родства (*огъул, келиндеи, агъа-къардаи*);

2) наименования предметов традиционного домашнего обихода: посуда — *къазанчыкъ* ‘казанок’, *фильджан* ‘чашка’, *къуман* ‘глиняный кувшин для омове-

ния перед молитвой’, *бардакъ* ‘кувшин’, *фычи* ‘чан’, *сакъа* ‘бочка для воды’; орудия труда — *сабан* ‘плуг’, ‘соха’, *чарх* ‘деталь домашнего прядильного устройства’, *ореке* ‘веретено’, *дегирмен* ‘мельница’, *элек* ‘сито’, *къантар* ‘весы’, *чапа* ‘мотыга’, *биз* ‘шило’, *ине* ‘иглолка’ и др. Обращает на себя внимание отсутствие наименований мебели (замечен только *сандыкъ* ‘сундук’): как известно, в связи с кочевым образом жизни (вплоть до 16—17 вв.) в традиционном переносном жилье тюрков (*чадыр* ‘шатёр’, *юрт* ‘юрта’) мебель отсутствовала; сидели и спали на полу, покрытом циновками (*къасыр*), войлоком (*кийиз*), цельными обработанными шкурами овец, быков. Отмечены смежные с мебелью предметы: *тёшек* ‘матрац’, *ястыкъ* ‘подушка’, *чаршаф* ‘простыня’;

3) наименования животных: домашних — *огюз* ‘вол’, *бугъа* ‘бык’, *ат*, *алаиша* ‘конь’, ‘мерин’, *тай* ‘жеребенок’, *эшек* ‘осёл’, *сыгъыр* ‘корова’, *бузав* ‘теленок’, *тана* ‘телка’, *къой* ‘овца’, *къозу* ‘ягненок’, *копеек*, *ит* ‘собака’, *тавукъ* ‘курица’, *ферик* ‘молодая курица’, *хораз* ‘петух’, *къаз* ‘гусь’, *теке* ‘козел’, *улакъ* ‘козленок’, *мышыкъ* ‘кошка’ и др.; диких — *къуш* ‘птица’, *къаргъа* ‘ворона’, *тильки* ‘лисица’, *аювчыкъ* ‘медвежонок’, *арслан* ‘лев’, *филь* ‘слон’, *самур* ‘соболь’, *сычавул* ‘крыса’ и др.

Пресуппозиции (фоновые знания), стоящие за приведенной выше номенклатурой домашних и диких животных, открывают объемную картину традиционных для предков крымских татар форм жизнедеятельности: коневодство, земледелие, овцеводство, разведение домашних животных и птицы, охота и пр.

Референты загадок во многом совпадают с основаниями сравнений, дополняют их и, можно сказать, зеркально отражают крымско-татарскую картину мира: природно-географические условия, в которых сформировался этнос; традиционные формы жизнедеятельности крымских татар, обусловленные названными условиями; феномены материальной и духовной этнической культуры и др.

Имена референтов загадок представлены следующими тематическими группами:

явления природы: *къыш* ‘зима’, *аяз* ‘мороз’, *къар* ‘снег’, *къырав* ‘иней’, *буз* ‘лед’, *гедже* ‘ночь’, *ай* ‘луна’, *кундюз* ‘день’, *ель* ‘ветер’, *булут* ‘облако’, *яшын* ‘молния’, *ягъмур* ‘дождь’, *чыкъ* ‘роса’ и др.;

плоды, фрукты: *эрик* ‘слива’, *инджир* ‘инжир’, *къызылчыкъ* ‘кизил’, *кираз* ‘черешня’, *лимон* ‘лимон’, *алма* ‘яблоко’, *айва* ‘айва’, *юзюм* ‘виноград’, *хурма* ‘хурма’, *нар* ‘гранат’, *зердали* ‘дикий абрикос’, *армут* ‘груша’, *мушмолла* ‘мушмула’, *джевиз* ‘грецкий орех’, *фындыкъ* ‘фундук’, *бадем* ‘миндаль’ и др.;

овощи: *патильджан* ‘баклажан’, *бибер* ‘перец’, *сарымсакъ* ‘чеснок’, *согъан* ‘лук’, *хыяр* ‘огурец’, *къабакъ* ‘тыква’, *чюкюндир* ‘свекла’ и др.;

национальные блюда, пища: *кобете* ‘мясной пирог’, *макъарне* ‘особой формы вареные кусочки теста’, *бурма* ‘особой формы слоеный пирог с разной начинкой’, *чиберек* ‘чебурек’, *бакълава* ‘пахлава’ и др.;

музыкальные инструменты: *давул* ‘большой барабан’, *кемане* ‘скрипка’, *даре* ‘бубен’, *саз* ‘щипковый инструмент’, *зурна* ‘духовой музыкальный инструмент’ и др.;

домашняя утварь: *чыракъ* ‘светильник’, *софра* ‘низкий стол’, *бешик* ‘колыбель’, *теразе* ‘домашние весы’; *меширебе* ‘кружка’, *къашыкъ* ‘ложка’, *къолтава* ‘сковорода’, *къопкъа* ‘ведро’ и др.;

орудия труда: *сипирки* ‘веник’, *элек* ‘сито’, *ореке*, *урчукъ* ‘веретено’, *макъас* ‘ножницы’, *оракъ* ‘серп’, *сабан* ‘плуг’, ‘соха’, *къапкъан* ‘капкан’, *балта* ‘топор’, *пычкы* ‘пила’, *тырнауч* ‘грабли’ и др.

В совокупном текстовом пространстве загадок весьма широко представлена **крымско-татарская лингвокультура**, т.е. наименования различных природных и социальных феноменов, предметов материальной и духовной культуры, в содержании которых аккумулирован многовековой опыт познания и культивации этносом окружающего мира. В каждой из перечисленных выше тематических групп встречаются этнокультурно маркированные языковые единицы, обладающие объемной пресуппозицией — ассоциативно-фоновыми предзнаниями и знаниями выводного типа. Так, например, отсутствие наименований крупной домашней мебели в тематической группе названий предметов домашнего обихода свидетельствует о том, что предки крымских татар в раннем средневековье вели кочевой образ жизни; номенклатура домашних животных позволяет сделать вывод о том, что крымские татары исторически занимались коневодством, отгонным овцеводством, разведением домашних животных и птицы, земледелием, охотой и др.

Этнокультурная коннотация свойственна также наименованиям разного типа построек, помещений (*чадыр* ‘шатёр’, *юрт* ‘юрта’, *сарай* ‘дворец’, *минаре* ‘знаковая деталь мусульманской мечети, с которой муэдзином читается азан — призыв правоверных к молитве’); названиям видов и деталей одежды (*тон* ‘шуба, тулуп’, *къушакъ* ‘украшенный филигранью женский пояс’, *къафтан* ‘особого покроя верхняя одежда’, *антер* ‘женское платье особого покроя’) и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, комплексный анализ загадок показал, что тексты крымско-татарских загадок в целом и все их составляющие (основания сравнений, референты и др.) отражают широкую аксиологически окрашенную языковую картину мира крымско-татарского народа: его историю, повседневный быт, традиционные формы жизнедеятельности, обусловленные специфическими природно-климатическими условиями Крымского полуострова, и др. Совокупный дискурс загадок — это объективный свод традиционных знаний крымских татар о мире в его материальном и духовном выражении и одновременно — источник широких знаний о самом народе.

© Эмирова А.М.

Дата поступления: 1.06.2017

Дата принятия: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знания о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры. 2004.
2. Бульгина Т.В., Крылов С.А. Референт // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1990. С. 410—411.

3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ. / отв. ред. М.А. Кронгауз. Москва: Русские словари, 1996.
4. *Малых Л.М.* Статус категории сравнения в современных лингвистических исследованиях // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Актуальные вопросы грамматики. 2011. № 2. С. 105—110.
5. *Меметов А.М., Мусаев К.* Крымскотатарский язык. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое издательство. 2003.
6. *Тапмаджалар (Загадки).* Составитель Асанов Ш., Велиев А. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое издательство. 2014.

УДК: 811.512.1:165

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-554-562

THE SIMILE AS THE BASIC CATEGORY OF COGNITION (based on the riddles in crimean-tatar language)

Adile M. Emirova

Crimean Engineering and Pedagogical University
8, Alley Uchebnyy, St. Sevastopolskaya, Simferopol, Republic of Crimea

Abstract. The article contains a complex analysis of the category of comparison in the Crimean Tatar language, which had not been the subject of a special study earlier. The object of consideration consists of various types of linguistic units extracted from riddles, which express the idea of comparison. The subject of the analysis is the category of comparison as one of the basic categories of cognition, which reflects the linguistic worldview of native speakers. Mental contents of riddles are defined using methods of description and linguocultural commentary. Lexical-semantic and grammatical means used for expressing the idea of comparison (complex metaphorization, post-position noun structures of different types, special syntactic models, lexemes with semantics of similarity, etc.) are described in the paper. Thematic groups of words defining reference standards and references of comparison are identified and characterized in the work. Combined discourse of riddles as universal forms of expressing comparative content reflects a broad axiologically marked linguistic worldview of Crimean Tatar people: their history, phenomena of material and spiritual culture, traditional activities formed under the influence of specific natural and climatic factors of Crimean Peninsula, and others.

Key words: Crimean Tatar language, category of comparison, standards and references of comparison, cognition, the Crimean Tatar worldview

REFERENCES

1. Arcana. (2014) Compiled by Asanov Sh., Veliev A. Simferopol: Crimean educational pedagogical publishing house.
2. Bulygina, T.V. & Krylov, S.A. (2009). Referent. In Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia. 410—411. (in Russ).
3. Vezhbicka, A. (1996). Semantics, Culture and Cognition. Translation from English. Executive editor M.A. Cronhaus. Moscow: Russian dictionaries. (in Russ).
4. Kubryakova, E.S. (2004). Language and knowledge: On the path of acquiring knowledge of the language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. Moscow: Languages of Slavic Culture. (in Russ).
5. Malych, L.M. (2011). Status of the category of comparison in contemporary linguistic research. *Bulletin of Udmurt University. History and philology. Actual questions of grammar.* № 2. 105—110. (in Russ).
6. Memetov, A.M. & Musayev, K. (2003) The Crimean Tatar language. Simferopol: Crimean educational pedagogical publishing house. (in Russ).

Для цитирования:

Эмирова А.М. Сравнение как базовая категория когниции (на материале крымско-татарских загадок) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 554—562. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-554-562.

For citation:

Emirova, A.M. (2017). The Simile as the Basic Category of Cognition (Based on the Riddles in Crimean-Tatar Language). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 554—562. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-554-562.

Adile M. Emirova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 554—562. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-554-562.

Сведения об авторе:

Эмирова Адиле Мемедовна, доктор филологических наук, профессор-русист, профессор кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания ГБОУВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»; *научные интересы:* русская, общая и контрастивная фразеология в системно-структурном и коммуникативно-прагматическом аспектах, социальная лингвистика, лингвокультурология, крымскотатарская филология; *e-mail:* adile.emirova@gmail.com.

Bio Note:

Emirova Adile Memedovna, Doctor of Philology, Professor of Russian and Turkish Linguistics at the Crimean Engineering and Pedagogical University; *Scientific interests:* Russian, general and contrastive phraseology in system-structural and communicative-pragmatic aspects, social linguistics, linguoculturology, Crimean Tatar philology; *e-mail:* adile.emirova@gmail.com.

УДК: 811.512.1'367.335.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-563-570

ОТСУТВИЕ ТЮРКСКИХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАК СЛЕДСТВИЕ ВНУТРЕННЕГО УСТРОЙСТВА АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКОВ

М.Э. Дубровина

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

В статье рассматривается фрагмент синтаксической подсистемы тюркских языков, сложные предложения, с позиций системной лингвистики. Тюркские языки обладают своими особенностями, нередко отличающими их от языков индоевропейских. Эти отличия могут быть типологическими: тюркские языки агглютинативные, они обладают качественно-признаковой детерминантой, которая проявляется и на синтаксическом уровне. В статье приводятся интересные факты из области тюркского синтаксиса и демонстрируется возможность языковой системы обходиться без привычных для индоевропейских языков придаточных предложений.

Ключевые слова: тюркские языки, синтаксис, сложноподчиненное предложение, придаточное предложение

ВВЕДЕНИЕ

В разных тюркских языках можно встретить большое количество глагольно-именных форм, которые вводят распространенные синтаксические обороты, зачастую соотносимые с придаточными предложениями индоевропейского типа. Эти обороты могут иметь своего производителя, выраженного самостоятельным словом — местоимением или существительным — что еще более убеждает исследователей трактовать их в качестве зависимых предложений в рамках предложений сложноподчиненных. Однако, по нашему мнению, во многих тюркологических работах по этой теме присутствует скрытая, эксплицитно неоформленная мысль, согласно которой решающим моментом при определении синтаксического статуса рассматриваемой конструкции является семантический эквивалент (перевод) этого тюркского высказывания на европейские языки.

Иллюстративный материал тюркских языков

- (1) Киһи кэлбитэ, мин бардым.
Человек приходит-PST POSS.3SG, я уходить-PST-1SG.
'Человек пришел, я ушел'
- (2) Киһи кэлбитигэр мин бардым.
Человек приходит-ADV.PTCP я уходить-PST-1SG.
'Когда человек пришел, я ушел'».

Между двумя представленными высказываниями Е.И. Убрятовой не проводится существенного различия: и первое, и второе она относит к сложным пред-

ложениям [Убрятова 1976: 12]. А между тем глагольные формы первых частей высказываний, которые означаются одинаковым термином «сказуемое», наделены принципиально разными аффиксами: словоформа «кэлбитэ» представляет собой форму времени [Грамматика якутского языка 1982: 309], а словоформа «кэлбити-гэр» является глагольно-именной (инфинитной) формой с обстоятельственным значением. Аналогичным образом описывают и следующие высказывания:

- (3) Киһи кэлээтин кытта мин бардым. ‘Сразу, **как только пришел** человек, я пошел’.
- (4) Киһи кэллехинэ мин бардым. ‘**Когда (если)** человек **пришел**, я пошел’.

Между тем и в этих случаях глагольная форма первых частей высказываний представляет собой одну из деепричастных (или обстоятельственных) форм глагола. Приведем аналогичные по семантике и форме примеры из современного турецкого языка:

- (5) Adam geldi ben gittim. ‘Человек **пришел**, я ушел’
- (6) Adam geldiği zaman ben gittim. ‘**Когда** человек **пришел**, я ушел’
- (7) Adam gelince ben gittim. ‘**Как только** человек **пришел**, я ушел’
- (8) Adam gelmişken ben gideyim. ‘**Раз уж (если)** человек **пришел**, я пойду’.

Только в пятом примере выделенная глагольная словоформа представляет собой форму прошедшего времени, все остальные словоформы — формы деепричастий или обстоятельственных конструкций, статус которых близок к деепричастиям [Дениз-Йылмаз 2006: 90—97].

ДЕФИНИЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПРЕДЛОЖЕНИЯ»

При столкновении с подобными толкованиями сложных предложений в тюркских языках у исследователя возникает невольный вопрос, что же собственно является критерием предложения как такового? Ведь придаточные предложения — это такие же предложения, как и простые.

В основном, определяя предложение, отмечают два момента: 1) его двучленность (наличие двух компонентов — подлежащего и сказуемого, связанных предикативной связью), 2) выражение им цельной, законченной мысли-сообщения о чем-либо [Ахманова 1966: 347].

Традиционно тюркологи также считают, что для выделения предложения важным является лишь то, чтобы в той или иной форме была выражена связь подлежащего со сказуемым, при этом **как** выражено само сказуемое, не имеет решающего значения [Севортян 1961: 125]. Э.В. Севортян, как и многие другие ученые, полагает, что в тюркских языках предикативная связь может быть выражена как синтетически (с помощью аффикса у предиката) (пример 9, 11, 12), так и аналитически (или лексически), т.е. посредством слов (пример 10, 13, 14) [Севортян 1961: 122].

- (9) Тур. Ben doktorum. ‘Я врач’.
- (10) Тур. Ali doktor. ‘Али врач’.

- (11) Татар. Мин бар-**ган+мын**. ‘Я ходил’.
 (12) татар. Син бар-**ган+сың**. ‘Ты ходил’.
 (13) Диал. татар. Мин **алган** ‘я уже взял’. [Пример взят из: Севортян 1961: 124].
 (14) Диал. татар. Син **алган** ‘ты уже взял’

При аналитическом (лексическом) способе присутствуют оба члена — подлежащее и сказуемое — но сказуемое может не иметь специального показателя, т.е. не иметь финитной формы, при синтетическом же способе связи подлежащее может быть опущено, тогда как сказуемое имеет обязательное морфологическое оформление.

Очевидно, именно эти идеи легли в основу столь распространенного в настоящее время в тюркском языкознании убеждения, согласно которому сказуемое тюркских придаточных предложений также может быть оформлено не так, как обычное сказуемое, а иметь какие-то иные варианты: причастную или деепричастную форму, форму обстоятельственной конструкции с послелогоми или даже падежные формы от именных форм глагола. Однако в подобных заключениях необходимо соблюдать некую осторожность, чтобы не сделать выводов относительно явлений чужого языка, полагаясь на логику и устройство своего родного. Ведь видеть предикативную связь между существительным, передающим производителя действия, и деепричастием возможно только в том случае, если полагаться на русскую интерпретацию этого оборота.

Дело в том, что в русском языке деепричастия не могут иметь своего производителя, который отличался бы от подлежащего, а в тюркских языках такое наблюдается практически при всех деепричастиях. Так, А.Н. Кононов специально отмечает: «Развернутое обстоятельство, выраженное деепричастием, является вторым центром предложения, при котором может быть **свой субъект** (выделение наше. — М.Д.) (действующее лицо)...» [Кононов 1956: 474]. Именно наличие своего субъекта затрудняет интерпретацию тюркских деепричастных оборотов на европейские языки, т.к. при переводе нельзя воспользоваться аналогичными деепричастными оборотами.

- (15) Ben odaya **girince** (o) sigarasını saklar. ‘**Когда я вхожу** в комнату, он прячет сигареты’. Букв. ‘Я, **войдя** в комнату, он прячет сигареты’.

То же можно сказать и о тех оборотах внутри высказывания, глагольная форма которых имеет показатель той или иной обстоятельственной конструкции. Необходимо подчеркнуть, что согласно данным различных исследований, например, в современном турецком языке количество таких форм превышает 100 [Дениз-Йылмаз 2006: 97].

- (16) **Ben doğmadan önce** (рождаться-AP перед) arkamda sınırsız bir zaman vardı. ‘**Перед тем, как я родился**, за мной было бесконечное время’.
 (17) Onları **üzdüğüm için** (расстраивать-dık-POSS.1SG из-за) kendimi suçlu hissettim. ‘Я чувствовал себя виноватым, **из-за того, что расстраивал** их’.

Кроме того, в тюркских языках помимо деепричастий или обстоятельственных конструкций развернутые обороты в высказывании могут вводить глагольно-именные формы, аналогов которым в европейских языках нет. В тюркологических работах такие именные формы глагола именуется субстантивно-адъективными формами, в виду наличия у них двух функций: субстантивной и адъективной [См. Гузев 1976:62; Дубровина Мухитдинова 2011: 46; Дубровина 2016].

(19) Тур. *Ona ...rasladığı* anlattım.

Он-DAT встречать-*dik*-POSS.1SG-ACC рассказывать-PST.1SG.

‘Я рассказал, что я его встретил’. Букв. «я рассказал о своем *встречании* его».

(20) Тур. *Kedim yaklaştığı* duydum.

Кошка-POSS.1SG приближаться-*dik*-POSS.1SG-ACC чувствовать-PST.3SG.

‘Моя кошка почувствовала, что я приближаюсь’. Букв. «моя кошка почувствовала *мое приближение*».

Тем не менее, даже наличие аффикса падежа не мешает многим тюркологам трактовать такие тюркские глагольные формы как формы сказуемого придаточного предложения. Иногда для описания таких форм возникает термин, который пытается примирить тюркскую и европейскую традиции — вторичный предикат, а подобные высказывания — полипредикативные конструкции.

По вопросу о сущности предложения автор придерживается позиции, согласно которой решающим критерием для выделения предложения является наличие финитной формы сказуемого (*verbum finitum*). Финитная форма это морфологическое средство выражения мысли, облеченной в форму суждения [Гузев 1990: 61]. Согласно данным логики, «смысловую» основу предложения, как разновидности синтаксической конструкции, составляет именно суждение, т.е. мысль, содержащая информацию о субъекте и предикате одновременно [Копнин 1973: 230—254].

Однако суждение лежит в основе всех предикативных высказываний, которые не обязательно должны быть собственно предложением. По мнению В.Г. Гузева, предикативные словосочетания отличаются от предложений тем, что в них суждение выражается лексическим путем [Гузев 2006: 56]. С этих позиций турецкое высказывание *Ahmet asker* ‘Ахмет — солдат’ не представляет собой предложения, так как в нем отсутствует финитная форма.

Как представляется, финитная форма глагола или имени сформировалась в языке как маркер двучленной мысли, имеющей субъектно-предикатную структуру, и тем самым именно финитная форма позволяет коммуникантам кодировать мыслительное содержание максимально точно и однозначно, недаром иностранцам намного проще воспринимать те высказывания чужой речи, в которых финитная форма присутствует.

Тем не менее, даже признание того, что предикативность может выражаться не обязательно сказуемым, не дает оснований автору сообщения присоединиться к позиции тех исследователей, которые признают вышеназванные высказывания полипредикативными, видя в глагольных нефинитных формах — средство передачи предиката. Поиск ответа на вопрос являются ли подобные формы предикатами или нет, должен быть найден лишь в опоре на типологию синтаксических отношений, которые могут быть выражены в рамках одного высказывания.

ТИПЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

По мнению, которое разделял и Г.П. Мельников, в высказываниях передается информация о субъекте и о предикате, т.е. указывается предикативная связь; кроме того, получает внешнее выражение связь между определением и определяемым, действием и объектом действия, действием и его обстоятельствами. Последние три типа связи, по мнению ученого, чрезвычайно близки друг другу, все они являются связью, возникающей между «конкретизатором» чего-либо, уточнением, и его главным уточняемым компонентом. Близость же этих типов уточнения, связанных одним и тем же, собственно атрибутивным отношением, может быть осознана только при обращении к их функциональному предназначению и выяснению той взаимосвязи, которая возникает в этом случае между языковой системой и мышлением.

Ведь язык — это система элементов, объединенных прежде всего коммуникативной функцией, вследствие чего все его компоненты, в том числе и синтаксические, выполняют функцию выражения в акте речи некоего мыслительного содержания. Именно при исследовании того, чему соответствуют на уровне мышления атрибутивные и предикативные конструкции, становится понятно их принципиальное различие.

Номинация — это воссоздание в сознании слушающего с помощью языковых средств требуемого понятия или образа, тогда как **атрибуция** представляет собой усложненную номинацию, при помощи которой посредством языковых знаков определяются границы и характеристики возбуждаемого образа [Мельников 1969: 109].

Получается, что и дополнение при глаголе, и любое из обстоятельств лишь вводят некие дополнительные уточняющие главный образ характеристики, при этом составляя с ним зачастую на уровне мышления некий единый и порой даже нерасчленимый образ. **Предикация** же принципиально отличается от номинации и атрибуции: акт предикации вносит в сознание слушателя ту или иную степень изменения воссозданного ранее образа [Мельников 1969: 109]. Последовательность знаков, которую трактуют как предикативную, сначала должна возбудить в сознании требуемый образ (предмет мысли), а затем заставить возникнуть другой измененный образ, содержащий новую или неизвестную ранее информацию о предмете мысли.

Таким образом, необходимо осознать, что компоненты, связанные атрибутивными отношениями, имеют функцию конкретизации и уточнения главного понятия, составляя с ним зачастую единый образ, компоненты же предикативных конструкций представляют собой два обособленных образа, функция которых заключается в выражении суждения, мысли двучленной структуры. Исходя из этого методологически неверным представляются попытки отождествить атрибутивные по своей природе грамматические средства, а именно: 1) причастные глагольные формы, которые, бесспорно, выступают в качестве атрибута-уточнения при предмете; 2) деепричастия, являющиеся обстоятельственными уточнениями

при глаголе, 3) а также функционально близкие глагольно-именные формы, со средствами передачи предикативной связи. Ведь никому из исследователей не приходит в голову воспринимать как предикаты родственные им прилагательные, наречия или существительные в падежных формах, выступающие в аналогичных синтаксических позициях — в позициях определения, дополнения или обстоятельства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, наличие большого количества глагольно-именных форм, выступающих в речи в качестве разного рода уточнений, следует признать одной их морфологических особенностей тюркских языков. Системная лингвистика, рассматривая языковую систему тюркских языков в целом, дает объяснение подобной особенности.

Г.П. Мельников, обобщив большое количество фактического материала, сформулировал внутреннюю детерминанту агглютинативных языков как качественно-признаковую. «Тюркская детерминанта требует изображать любую предикацию в форме приписывания теме нового внутреннего свойства, отраженного в виде атрибута» [Мельников 1969: 109]. В результате таких языковых операций все высказывание превращается в длинную цепочку, состоящую из уточнений к последнему слову-предикату, который чаще всего представлен финитной формой.

Именно системный подход дает прочную доказательную основу тому, что многие тюркологи интуитивно ощущали, но не могли эксплицитно объяснить. Все обороты, которые строятся на базе атрибутивных по своей сути морфологических инструментов — причастий, деепричастий и других функционально родственных им глагольных имен — не могут трактоваться как предложения, хоть и придаточные, по причине выполнения ими иных функциональных задач. Те грамматические средства, которые вводят подобные синтаксические обороты, возникли как ответ на запрос системы выражать мыслительное содержание в качестве цепочки атрибутов, дополнительных свойств, возникших у уже известного предмета. Атрибутивный характер любого тюркского высказывания получает свое разъяснение, он вытекает из детерминанты этих языков.

Таким образом, все тюркские обороты, построенные на базе инфинитных форм, т.е. причастий, деепричастий и т.д., даже если эти обороты имеют своего субъекта, необходимо отнести не к придаточным предложениям, а к компонентам простого предложения [Гузев 2006: 56]. Сложноподчиненные же предложения в тюркских языках не получили развития по причине сформулированной внутренней детерминанты. В результате системного анализа можно заключить, что отсутствие сложных предложений представляет собой *одну из типологических черт* агглютинативных языков, имеющих качественно-признаковую детерминанту.

© Дубровина М.Э.

Дата поступления: 1.05.2017

Дата принятия: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1966.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Издательство «Наука», 1982.
3. *Гузев В.Г.* Опыт разработки теоретических основ описания тюркского функционального синтаксиса // *Востоковедение. Филологические исследования.* Вып. 27. СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 2006.
4. *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990.
5. *Гузев В.Г.* Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // *Turcologica.* К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1976.
6. *Дениз-Йылмаз О.* Категория номинализации действия в турецком языке. СПб., 2006.
7. *Дубровина М.Э.* О термине «субстантивно-адъективная форма» (САФ) применительно к некоторым глагольно-именным формам тюркских языков // *Актуальные вопросы тюркологических исследований* / под ред. Н.Н. Телицина, Й.Н. Шена. СПб.: СПбГУ, 2016.
8. *Дубровина М.Э., Мухитдинова Х.С.* Сравнительно-типологический анализ причастия с показателем *-gan* в узбекском языке // *Российская тюркология.* № 2(11), Москва-Казань, Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН-И.В. Кормушин, 2011.
9. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Наука, 1956.
10. *Копнин П.В.* Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973.
11. *Мельников Г.П.* Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // *Народы Азии и Африки.* № 6. М.: Издательство «Наука», 1969.
12. *Севортян Э.В.* О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках // *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.* Ч. III. Синтаксис. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
13. *Убрятова Е.И.* (1976). Исследования по синтаксису якутского языка. Т. II. Сложное предложение, книга первая. Новосибирск: Издательство «Наука», сибирское отделение, 1976.

УДК: 811.512.1'367.335.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-563-570

THE LACK OF TURKIC COMPLEX SENTENCES AS A CONSEQUENCE OF THE INTERNAL STRUCTURE OF AGGLUTINATIVE LANGUAGES

M.E. Dubrovina

Sankt-Petersburg State University

Universitetskaya embankment, 7/9, Saint-Petersburg, Russia, 199034

Abstract. The article discusses a fragment of the syntactic subsystem of the Turkic languages, complex sentences, from the standpoint of systemic linguistics. Turkic languages have their own features, which often distinguish these languages from the Indo-European languages. These differences may be typological: the Turkic languages are agglutinative, they've got a special law which governs the whole system-quality-indicative determinant, which manifests itself on the syntactic level too. The article provides some interesting facts from the field of Turkic syntax, and demonstrates the ability of the language system to dispense with the usual for Indo-European languages dependent clauses.

Key words: Turkic languages, syntax, complex sentence, dependent clause

REFERENCES

1. Ahmanova, O.S. (1966). Dictionary of linguistic terms. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya. (In Russ.).
2. The grammar of modern Yakut literary language. (1982). Phonetics and morphology. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Guzev, V.G. (2006). Experience in the development of the theoretical foundations of the description of the Turkic functional syntax. *Oriental studies. Philological research, Issue 27*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.).
4. Guzev, V.G. (1990). Essays on the theory of Turkic inflection: Verb: on the material of old Anatolian Turkic language. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.).
5. Guzev, V.G. (1976). System nominal forms of the turkic verb as a morphological category (on the material of old Anatolian Turkic language and Turkish languages). *Turcologica*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
6. Deniz, Yilmaz O. (2016). The Category of the nominalization of actions in the Turkish language. St. Petersburg. (In Russ.).
7. Dubrovina, M.E. (2016). Some words about the term «substantival-adjectival form» (SAF) for verb-noun forms of Turkic languages. In *Topical issues of Turkic research*, N.N. Telitsin, J.N. Shen (Ed.). St. Petersburg. pp. 49—54. (In Russ.).
8. Dubrovina, M.E. & Mukhitdinova, H.S. (2011). Comparative-typological analysis of the participle with the index -gan in Uzbek language. *Russian Turkology*, 2(11), 41—48. (In Russ.).
9. Kononov, A.N. (1956). Grammar of modern Turkish literary language. Moscow: Nauka. (In Russ.).
10. Kopnin, P.V. (1973). Dialectics, logic, science. Moscow: Nauka. (In Russ.).
11. Melnikov, G.P. (1969). Syntactic structure of Turkic languages from the standpoint of systemic linguistics. *Journal of the peoples of Africa and Asia*, 6. Moscow: Nauka. (In Russ.).
12. Sevortyan, E.V. (1961). About some questions of the complex sentence in Turkic languages. In *Studies on the comparative grammar of the Turkic languages. Part III. Syntax*. Moscow: Izdvo AN SSSR. (In Russ.).
13. Ubryatova, E.I. (1976). Studies on the syntax of the Yakut language. P.I. Complex sentence. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

Для цитирования:

Дубровина М.Э. Отсутствие тюркских сложноподчиненных предложений как следствие внутреннего устройства агглютинативных языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 563—570. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-563-570.

For citation:

Dubrovina, M.E. (2017). The Lack of Turkic Complex Sentences as a Consequence of The Internal Structure of Agglutinative Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3). 563—570. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-563-570.

Margarita E. Dubrovina, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 563—570. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-563-570.

Сведения об авторе:

Дубровина Маргарита Эмильевна, кандидат филологических наук, доцент Восточного факультета, кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, научные интересы: языкознание, теория тюркской грамматики, сравнительное языкознание тюркских языков, древнетюркские языки (язык рунических памятников), якутский язык, турецкий язык; методика преподавания турецкого языка; e-mail: spbu@spbu.ru.

Bio Note:

Dubrovina Margarita, PhD, Associate Professor (docent), Faculty of Oriental Studies, the Department of Turkic Philology at Sankt-Petersburg State University; *Scientific interests*: Linguistics, theory of Turkic grammar, comparative linguistics of Turkic languages, ancient Turkic language (the language of the runic monuments), the Yakut language, the Turkish language; methods of teaching Turkish language; e-mail: spbu@spbu.ru.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И ПЕРЕВОД

УДК: 81'255.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-571-581

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПЕРЕВОДА – ПОИСК СМЫСЛА КАК ЕГО ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Е.Е. Калиш

Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций
Иркутский государственный университет
ул. Ленина, 8, Иркутск, Россия, 664025

В статье поднимается проблема распространенного ошибочного понимания того, что такое перевод. Несмотря на единодушные исследователей в том, что успешному переводу должно предшествовать понимание оригинала, осмысление текста ИЯ часто принимает форму механистической процедуры, а смысл представляется дискретно, отдельно от пользователя языка. Такой подход характерен не только для программ машинного перевода, где существует необходимость формализации мыслительных операций, но и для современных работ по лингвистике и переводоведению. Автор отстаивает точку зрения, согласно которой смысл не может быть величиной абсолютно инвариантной и изначально присутствующей в тексте ИЯ в неизменном виде. Более того, автор считает, что смысл связан с реализацией значения в определенном контексте ситуации и определяется пониманием некоторой области значения, исходя из личного опыта и знаний переводчика. Перевод предлагается рассматривать как семаономасиологический процесс, то есть движение от текста ИЯ к его осмыслению и передаче этого смысла в тексте ПЯ. Для понимания оригинала автор предлагает проводить процедуру реконструкции дискурса. Под последней понимается восстановление контекста ситуации, сопровождающийся движением по герменевтическому кругу, часто с набрасыванием смысла, результатом чего является дискурс, образующий адекватный контекст интерпретации текста ИЯ. На примере перевода аутентичного фрагмента текста автор показывает, каким образом проводится поиск смысла посредством нового вводимого понятия. Реконструкция дискурса представляет собой процедуру, которая соотнобразуется с когнитивной природой переводческого процесса и способна повысить адекватность перевода.

Ключевые слова: перевод, текст ИЯ, текст ПЯ, смысл, контекст ситуации, реконструкция дискурса

ВВЕДЕНИЕ

Its far more difficult to murder a phantom than a reality.
(Virginia Woolf, the Beauty Myth)

Понятие и понимание «перевода», как это часто бывает с базовыми терминами в рамках определенной гуманитарной дисциплины, не имеет четких границ и характеризуется многоплановостью и неоднозначностью восприятия этого фе-

номена. Так, в переводоведении на настоящий момент существует огромное количество определений того, что такое «перевод», тем не менее ученые-практики и теоретики продолжают предлагать новые определения (См., например, статью Д.М. Бузаджи «К вопросу об определении понятия „перевод“»).

Данный факт можно рассматривать в качестве показателя того, что понимание перевода эволюционирует по мере накопления опыта в сфере межкультурной коммуникации и развития науки в целом, происходит детализация и уточнение этого сложного мыслительного процесса, каким, безусловно, является перевод. Одновременно до сих пор бытует достаточно наивное, если не сказать примитивное понимание того, что представляет этот процесс. Перевод приравнивается к механической работе, направленной на подстановку единиц текста исходного языка (далее — ИЯ) единицами текста языка перевода (далее — ПЯ). Получается, как в следующем анекдоте:

Переводчик: *Товарищ генерал, я не понимаю этот текст.*

Генерал: *А тебе чего понимать, лейтенант? Ты переведи, а уж я-то пойму* [Цвиллинг 2009: 116].

Возникает справедливый вопрос, почему, несмотря на многовековую переводческую практику и важность переводческого процесса для нормального функционирования политической и социальной системы народа, развития культуры в целом, перевод продолжает восприниматься как «преодоление технического барьера разноязычия» [Цвиллинг 2009: 116], а работа переводчика не получает должного внимания и уважения.

Зарубежные авторы также отмечают данный парадокс: «Since documentary evidence of translation can be traced back for at least two millennia and present-day international communication depends heavily on it, it is surely paradoxical that a phenomenon as widespread in time and in space as translation is should be so ill-understood» [Bell 1991: 3].

С другой стороны, если бы перевод был действительно механически-ремесленным занятием, не существовало бы несколько вариантов перевода одного и того же произведения, даже в случае нехудожественного перевода. Не случайно практически любое неоднозначное высказывание можно перевести несколькими способами: «Any utterance of more than trivial length has no one translation. All utterances have innumerable many acceptable translations» [Bellos 2011: 5].

Что тогда позволяет переводчикам, используя разные средства выражения ПЯ, создавать текст, который является переводом одного и того же текста ИЯ, а читателям этого перевода ассоциировать перевод с определенным подлинником? Очевидно, что переводчик для свободного выражения оригинального сообщения средствами другого языка должен его, прежде всего, понимать, и далее по возможности сохранять в переводе эту усвоенную информацию.

Необходимость понимания оригинала в качестве предпосылки успешного перевода сложно подвергнуть сомнению. Здесь большинство авторов единодушно. Еще Э. Доле, французский гуманист и переводчик XVI в., сформулировав пять основных принципов перевода, первым требованием к переводчику назвал способность хорошо понимать смысл и значение текста.

На этапе становления теории перевода как самостоятельной дисциплины, в 50—60 гг., данное руководство получило вид весьма сложной формализованной процедуры уже в системах машинного перевода. Рассмотрим его более подробно, чтобы понять, насколько ученым удалось продвинуться в представлении сути переводческого процесса.

ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА В РАМКАХ ПРОГРАММ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Необходимо отметить, что в социально-политической обстановке холодной войны того периода развитие машинного перевода представлялось весьма перспективным направлением и на него возлагались большие надежды. Советские ученые, такие как И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг, И.А. Мельчук, с энтузиазмом взялись за выполнение этого задания.

И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг выделили отдельно процесс интерпретации с ориентацией на описываемую в тексте ситуацию и процесс перевода *per se*, где «переход от одной системы языка к другой осуществляется непосредственно по заранее установленной системе соответствий» [Ревзин 1964: 58]. Как отмечают авторы, при интерпретации соответствие сообщений устанавливается через референт или отрезок действительности, «что же касается процесса перевода, то ... референт вообще не участвует в схеме, и задача состоит в том, чтобы установить такое соответствие, которое обеспечивает *инвариантность смысла*» [Ревзин 1964: 67]. При этом подчеркивается, что инвариантность смысла понимается не как абсолютная категория, а как инвариантность по отношению к построенному языку-посреднику [Ревзин 1964: 68]. Таким образом, смысл как некая когнитивная сущность, которая должна присутствовать в тексте ИЯ и ПЯ, имеющая концептуально-идеальный характер, описывается формализованным метаязыком.

Авторы вынуждены также признать, что перевод в этой системе происходит исключительно в рамках лингвистического микроконтекста [Ревзин 1964: 119], т.е. учитывается непосредственное окружение слова справа и слева, что, естественно, недостаточно для создания адекватного перевода.

В целом, для осуществления перевода с одного языка на другой в основе работы большинства машинных программ того времени лежал принцип использования универсального языка-посредника. Таким языком выступал смысл, и он подвергался формализации в том виде, который был необходим для данной программы.

Примером тому может служить программа, которая была построена по модели Смысл \Leftrightarrow Текст в лаборатории машинного перевода при МГПИИЯ имени М. Тореза И.А. Мельчуком совместно с А.К. Жолковским и Ю.Д. Апресяном. Соблюдение принципа тождества текста ИЯ и ПЯ в данной модели прослеживается на основе сохранения смысла. Последний понимается как «инвариант всех синонимических преобразований, т.е. то общее, что имеется в равнозначных текстах» [Марчук 1983: 10], а «владение смыслом... проявляется у говорящего в способности по-разному выразить одну и ту же мысль, а у слушающего — в понимании смыслового тождества или сходства внешне различных высказываний» [Жолковский 1964: 4].

Соответствие между смыслами и текстами представляется в виде особой записи, где элементарными единицами выступают семы. Семантические графы далее объединяются и оформляются за счет последующих уровней: синтаксического, морфологического, фонологического и фонетического. Ключевым компонентом описания смысла является толково-комбинаторный словарь (ТКС), где ключевым словам дается подробное описание возможных значений, словоизменяемые и образовательные, сочетаемостные, синтаксические и стилистические свойства, возможные корреляты, обозначаемые специально разработанной записью — лексическими функциями, приводятся примеры и учитывается фразеология, т.е. учитываются синтагматические и парадигматические отношения вокабул, что выгодно отличало данную модель от предыдущих. Тем не менее, принцип работы программы остался прежним: ТКС повторяет словарную модель, т.е. единице системе ИЯ находится соответствие системы ПЯ, и единица в тексте считается эквивалентной другой единице, если она является ее синонимическим перефразированием. Приравнивание высказываний на основе единого смысла, который понимается таким образом, легко поддается критике.

Наиболее последовательно критика модели Смысл \Leftrightarrow Текст представлена в работе В.А. Звегинцева «Предложение и его отношение к языку и речи» [Звегинцев 1976]. Главное возражение автора, и с ним сложно не согласиться, в том, что смысл предложения, взятого из определенного дискурса, невозможно трансформировать. Такую операцию можно производить только с псевдопредложениями, взятыми в произвольном порядке, в результате чего получается не смысл, а псевдосмысл. В качестве примера было рассмотрено следующее предложение из рассказа о лосе Мишке, спасшем теленка от волка: «Он бросился на волка и изо всех сил ударил его ногой». Если следовать модели, рассуждает автор, данное предложение можно преобразовать в «эквивалентные» ему варианты: А. *Он нанес ему удар ногой с напряжением всех сил, после того как совершил бросок на волка;* В. *Совершилось нападение на волка, которое завершилось нанесением им ему сильного удара.* В. *Волку было нанесено увечье выскочившим существом мужского рода, которое использовало для этого всю свою силу* [Звегинцев 1976: 196—197]. Как можно видеть, возможные трансформы исходного предложения выглядят искусственно, поскольку лишены *ситуативной* ориентированности. Внимание уделяется значениям отдельных словосочетаний, грамматической правильности предложения, но не соотносённости с ситуацией, основного показателя наличия смысла, по В.А. Звегинцеву.

Работа программ машинного перевода, основанная на соблюдении принципа нахождения эквивалентных соответствий в отрыве от контекста ситуации (далее — КС), скоро показала свою несостоятельность.

Несмотря на продуктивность взгляда на перевод как семаономасиологический процесс, т.е. движение от текста ИЯ к его осмыслению и передачи этого смысла в тексте ПЯ, рассмотренное выше понимание смысла а priori ошибочно по двум причинам.

Во-первых, смысл рассматривается как некая универсальная, глубинная структура, которая не дана непосредственному восприятию, но которая, тем не менее,

принадлежит самому языку. Глубинная структура строится по определенному конечному количеству правил, ее составляющими являются атомы смысла, семантические и синтаксические маркеры. Понимание исходного сообщения обеспечивается пониманием его глубинной структуры, для чего носители языка должны иметь соответствующую языковую компетенцию, в то время как знания о внешнем мире, вся совокупность «экстралингвистических факторов» не имеет отношения к интерпретационным усилиям носителя языка.

Очевидно, что подобное понимание смысла продиктовано необходимостью формализовать мыслительные операции, которые в естественных условиях осуществляет мозг человека, но тогда речь идет не о смысле, а о значении. Смысл формируется на основе языкового значения, но он всегда соотносится с действительностью, конкретным КС. Не случайно даже такие простые, на первый взгляд, предложения, как “The pen is in the box” и “The box is in the pen” представляют сложность для машинного перевода, так как многозначность слова “pen” (ручка или загон) снимается при наличии знаний размеров определенных объектов реального мира: “A classic conundrum that computers could not solve is to attribute the correct meanings to the words in the following two sentences <...> and <...>. Understanding them calls on knowledge of the relative sizes of things in the real world (of a pen-sized box, and a sheep-pen, respectively) that can’t be resolved by dictionary-meanings and syntactic rules” [Bellos 2011: 260].

Во-вторых, смысл не может быть величиной абсолютно инвариантной и изначально присутствующей в тексте ИЯ в неизменном виде. Помимо того, что смысл связан с реализацией значения в определенном КС, он также определяется пониманием определенной области значения, исходя из личного опыта и знаний переводчика. Нельзя не согласиться со следующим наблюдением Д. Бэллоса, профессора Принстонского университета, относительно того, что мы сами «приписываем» определенные смыслы высказыванию: “Written and spoken expressions in any language don’t have a meaning just like that, on their own, in themselves. *Translation represents the meaning that an utterance has, and in that sense translation is a pretty good thing of finding out what the expression used in it may mean.* In fact the only way of being sure whether an utterance has any meaning at all is to get someone to translate it for you” [Bellos 2011: 80] (курсив наш — Е.К.). Более того, каждый перевод актуализирует определенную интерпретацию, особенно это видно на примерах переводов художественных произведений.

ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ РАБОТАХ ПО ЛИНГВИСТИКЕ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЮ

К сожалению, искаженные представления о процессе перевода, связанные с ошибочным пониманием того, что такое смысл, трудно искоренимы и до сих пор встречаются в современных публикациях.

Так, автору настоящей статьи попали в поле зрения две монографии по переводу, где «смысл» рассматривается в качестве ключевого понятия и предмета

исследования. Одна из работ имеет следующее название: «Перевод. Воссоздание внутренней смысловой программы и единого смысла текста как основа моделирования процесса перевода» [Гурова 2010].

Ссылаясь на трансформационно-семантическую модель Ю. Найды и Дж. Тайбера, автор монографии фактически предлагает осуществлять процесс перевода по схеме работы программ машинного перевода. Перевод должен проходить три стадии: текст ИЯ преобразуется в универсальные семантические категории, легко анализируемые формы при помощи упрощающих трансформаций, далее эта упрощенная запись переносится на язык перевода также на уровне простейших/ядерных структур, т.е. наблюдается подстановка единиц ИЯ единицами ПЯ, наконец, ядерные структуры реконструируются в окончательные, развернутые структуры текста ПЯ.

На практике, однако, Ю.И. Гурова апеллирует к трансформациям и приемам, традиционно выделяемым в переводоведении (таким как калькирование, генерализация, смысловое развитие и т.д.) [Гурова 2010: 88—158], что, на наш взгляд, не тождественно процедуре выделения ядерных структур.

Что касается «Приемов перевода единого смысла текста» (название Главы 4: [Гурова 2010: 162—217]), то под единым смыслом текста понимается его жанрово-стилистическая принадлежность, и автор концентрирует внимание исключительно на том, как принято переводить англоязычные тексты определенного функционального стиля. Возможно, мы имеем дело с авторским феноменологическим пониманием того, что такое «смысловая программа» и «единый смысл» текста ИЯ. Более вероятно, тем не менее, что здесь произошла подмена понятий.

В другой работе М.Г. Новиковой вводится понятие «меры смысла», которое, как полагает автор, должно лежать в основе адекватного перевода и служить критерием оценки его качества [Новикова 2014]. Сам термин определяется следующим образом: «минимальное количество элементов высказывания (предложения), необходимое и достаточное для его полного понимания». Мера смысла «ранжирует элементы предложения по значимости, выявляя доминантные значения и опуская элементы, значения которых легко восполняемы контекстом» [Новикова 2014: 127]. Вполне ожидаемым выглядит вывод о том, что основным смысловыми доминантами являются подлежащее, сказуемое, рема, отрицание и фразеологические обороты, пропуск которых не позволяет полностью понять предложение. Мера смысла в таком рассмотрении приближается к минимизации языковой избыточности, сохранению в исходном сообщении и, соответственно, в переводе того минимума элементов, которые необходимы и достаточны для верного понимания сообщения.

Вторая особенность меры смысла заключается в том, что «данная величина определяет, какое из возможных значений слова релевантно рассматриваемому контексту» [Новикова 2014: 127]. Так, у большинства слов существует достаточно большое число возможных значений, но человек не занимается перебором всех возможных значений, он выбирает наиболее вероятные, и при «несостыковке характерных черт уже существующего образца и воспринимаемой информации ... начинает анализировать структуру сначала ... с позиций имеющихся знаний». Здесь

мы согласны с автором, что «процессы, влияющие на выбор значения, являются динамичными, с заложенной возможностью неоднократного возвращения к исходной точке» [Новикова 2014: 145—146] (учитывая данный комментарий, не совсем логичным представляется дальнейшее предложение М.Г. Новиковой называть графическую модель работы мысли при переводе элемента предложения **линейной** [Новикова 2014: 153]).

Поиск релевантного значения, продолжает свою мысль автор, проходит в режиме вероятностного прогнозирования и с опорой на контекст предложения или даже всего произведения в целом. Чем лучше известен контекст, тем больше мера смысла. Не случайна, таким образом, терминология М.Г. Новиковой — «мера смысла», что подразумевает определенную градационную шкалу [Новикова 2014]. Что касается вероятностного прогнозирования и соотношения возможных значений с имеющимся контекстом, речь идет о хорошо известном всем переводчикам герменевтическом круге. Безусловно, соотношение частей и целого — абсолютно необходимая процедура в переводе, которую мы рассматриваем как одну из основных методик проведения вводимого нами понятия *реконструкции дискурса*.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСА

Что же такое смысл, который так важен в переводческом процессе, и с чем мы не можем согласиться относительно характеристик, приписываемых ему вышеупомянутыми авторами?

Для ответа на этот вопрос обратимся к понятию реконструкции дискурса (это понятие и сопутствующие ему процедуры подробно рассмотрены в диссертации автора настоящей статьи «Теоретические проблемы реконструкции дискурса в целях перевода») и проанализируем перевод фрагмента текста ИЯ, который может представлять определенную трудность в понимании, то есть осложнить поиск смысла, так необходимого в переводе.

Рассмотрим следующее высказывание, взятое из новостного сообщения американской радиостанции NPR:

- 1) *We need to eliminate tobacco or get everyone to exercise or rid the world of Twinkies* [<http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=17765003>].

Перевод этого предложения может быть осложнен непониманием подчеркнутого словосочетания. Исходя из содержания начала предложения и всего репортажа, где речь шла о секретах долголетия и здоровом образе жизни, “the world of Twinkies” номинирует какую-то практику, имеющую определенно негативное воздействие на здоровье. Прежде всего обращает на себя внимание имя собственное “Twinkies”. Поиск дополнительной информации показывает, что это американский бренд бисквита с кремовым наполнителем. Напрашивается вывод о том, что, как любые сладости, этот продукт не является диетическим, и таким образом не может способствовать здоровому питанию. При дальнейшем изучении информации, тем не менее, на первый план выходит другая характеристика этого продукта, а именно беспрецедентно длительный срок хранения пирожного. Существует городская легенда, согласно которой Twinkies производят из искусственных материалов, пышный бисквит — результат химической реакции исходного сырья,

а храниться они могут более 50 и даже 100 лет, дольше, чем целлофан, в который упакован сам десерт. О том, что Twinkies ассоциируются именно с долгим сроком хранения, и, как следствие, с вредным, ненатуральным составом, свидетельствуют такие заголовки статей, как “Make Your Own Twinkies (Without the 100-Year Shelf Life)” [Hoover 2010:<http://lifehacker.com/5443769/make-your-own-twinkies-without-the-100-year-shelf-life>], а также частое упоминание этого пирожного в различных статьях о пищевых добавках (см., например, статью “Chemical Preservatives and Food Dyes” [<http://richardhackworth.com/article4.php>]).

Данная информация, полученная в результате расширения КС релевантного для адекватной интерпретации оригинала, не противоречит содержанию текста ИЯ и позволяет сделать следующий перевод:

- (1) *Необходимо отказаться от табачных изделий, заставить людей заниматься спортом и отучить их есть всякую гадость с бесконечным сроком годности* (перевод наш — Е.К.).

Перевод этого небольшого фрагмента наглядно показывает, что смысл не является инвариантной величиной, изначально присутствующей в тексте ИЯ. *Смысл конструируется* непосредственно получателем исходного сообщения, в данном случае переводчиком. Конечно, для этого необходимо иметь языковую компетенцию, знать значения слов, составляющих текст, на этом основано его первичное понимание, предпонимание того, что такое “the world of Twinkies”. Далее переводчик *интерпретирует* текст исходного сообщения, выходит за непосредственный лингвистический микроконтекст (здесь предложение и вест текст новостей) на уровень *дискурса*, то есть соотносит значения с фрагментом действительности, релевантным для понимания исходного сообщения. Создание смысла текста ИЯ сопровождается движением по герменевтическому кругу при соотношении частей и целого и набрасыванием смысла. Так, в ходе реконструкции дискурса переводчик переходит от смысла₁ «Twinkies — это сладости» к смыслу₂ — «Twinkies — это пирожное с очень большим сроком годности», именно данная характеристика является доминирующей, что было продемонстрировано в переводе. Процедура реконструкции дискурса, таким образом, позволила *осмыслить* оригинал и предложить адекватный вариант перевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что *смысл текста ИЯ — это формируемая на основе значения информация, реализуемая в конкретном контексте и связанная с индивидуальным пониманием означающего*. Для того чтобы понять текст ИЯ, другими словами, осмыслить его, необходима процедура реконструкции дискурса. Под реконструкцией дискурса понимается процесс восстановления контекста ситуации, сопровождающийся движением по герменевтическому кругу, часто с набрасыванием смысла, результатом чего является дискурс, образующий адекватный контекст интерпретации текста ИЯ.

© Калиш Е.Е.

Дата поступления: 1.05.2017

Дата принятия: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бузаджи Д.М. К вопросу об определении понятия «перевод» // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. Сборник научных статей. 2011. Вып. 14. С. 10—22.
2. Гурова Ю.И. Перевод. Воссоздание внутренней смысловой программы и единого смысла текста как основа моделирования процесса перевода. СПб.: Реноме, 2010.
3. Жолковский А.К. Предисловие // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1964. Вып. 8. С. 3—16.
- [4] Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Московского университета, 1976.
5. Марчук Ю.Н. Проблемы машинного перевода. М.: Наука, 1983.
6. Мельчук И.А. Опыт лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
7. Новикова М.Г. Мера смысла, актуальное членение и адекватность перевода. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.
8. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964.
9. Цвиллинг М.Я. О переводе и переводчика. М.: Восточная книга, 2009.
10. Bell Roger T. Translation and Translating: Theory and Practice. London; NY.: Longman, 1991.
11. Bellos D. Is That a Fish in Your Ear? London: Penguin books, 2011.
12. Chemical Preservatives and Food Dyes. Режим доступа: <http://richardhackworth.com/article4.php> Дата обращения: 06.09.2016.
13. Hoover L. Make Your Own Twinkies (Without the 100-Year Shelf Life). 2010. Режим доступа: <http://lifehacker.com/5443769/make-your-own-twinkies-without-the-100-year-shelf-life>. Дата обращения: 2.09.2016.
14. The Secret to Long Life // npr news. 2008. Режим доступа: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=17765003>. Дата обращения: 5.08.2016.

УДК: 81'255.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-571-581

TO THE QUESTION OF THE ESSENCE OF TRANSLATION – SEARCH OF SENSE AS ITS ONTOLOGICAL COMPONENT

Elena E. Kalish

Irkutsk State University
Lenina str., 8, Irkutsk, Russia, 664025

Abstract. The article brings up the concern about a common misconception of what translation is. Despite a unanimous scholars' opinion that understanding of the ST is a prerequisite of successful translation, sense-formation of the ST is often presented as a mechanical procedure that has no relation to the language user. Such approach is typical of not only machine translation programs, where formalization of intellectual operations is a forced necessity, but also of modern works on linguistics and translation studies. The author advocates the idea that sense is not a constant that is initially present in the ST. Moreover the author suggests that sense based on dictionary meaning is actualized in a particular context of situation and is related to individual understanding of the signifier given interpreter's experience and knowledge. Translation can be viewed as a semantosemological process, that is understanding of the ST on the initial stage and conveying this sense in the TT on the second stage. In order to understand the ST one must carry out the pro-

cedure of discourse reconstruction. Discourse reconstruction — is a restoration of the context of situation, accompanied by movement in the hermeneutic circle and sense conformance check, efforts that brings to light the discourse within which the source text takes a particular meaning. Using a fragment of an authentic text as an example, the author demonstrates how interpreter should carry out the search of corresponding sense via the new notion of discourse reconstruction. Reconstruction of discourse is the procedure that is in line with the cognitive nature of translation and can be used to increase adequacy of translation.

Key words: translation, SL text, TL text, sense, context of situation, reconstruction of discourse

REFERENCES

1. Buzadzhi, D.M. (2011). To the question of definition of the concept “translation”. *Problems of the theory, practice and didactics of the translation. Collection of scientific articles*, 14, 10—22. (in Russ).
2. Gurova, Yu.I. (2010). Translation. Reconstruction of the internal semantic program and uniform meaning of the text as basis of modeling of translation process. Saint Peterburg: Renome. (in Russ).
3. Zholkovskii, A.K. (1964). Preface. *Machine translation and applied linguistics*, 8, 3—16. (in Russ).
4. Zvegintsev, V.A. (1976). Sentence and its relation to language and speech. Moscow: Publishing house of the Moscow university. (in Russ).
5. Marchuk, Yu.N. (1983). Problems of machine translation. Moscow: Nauka (in Russ).
6. Mel’chuk, I.A. (1999). Experience of the linguistic models “Sense \Leftrightarrow Text”. Moscow: School of Languages of Russian Culture. (in Russ).
7. Novikova, M.G. (2014). Sense measure, thematic-rhematic articulation and adequacy of translation. Moscow: FLINT: Nauka. (in Russ).
8. Revzin, I.I. & Rozentsveig V.Yu. (1964). The foundations of general and machine translation. Moscow: Vysshaja shkola. (in Russ).
9. Tsvilling, M.Ya. (2009). About translation and interpreters. Moscow: Vostochnaya kniga.
10. Bell, Roger T. (1991) Translation and Translating: Theory and Practice. London; New York: Longman.
11. Bellos, D. (2011). Is That a Fish in Your Ear? London: Penguin books.
12. Chemical Preservatives and Food Dyes. Access mode: <http://richardhackworth.com/article4.php> accessed: 9.6.2016.
13. Hoover, L. Make Your Own Twinkies (Without the 100-Year Shelf Life). 2010. Access mode: <http://lifehacker.com/5443769/make-your-own-twinkies-without-the-100-year-shelf-life> accessed: 9.2.2016.
14. The Secret to Long Life//npr news. 2008. Access mode: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=17765003> accessed: 8.5.2016.

Для цитирования:

Калиш Е.Е. К вопросу о сущности перевода — поиск смысла как его онтологической составляющей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 571—581. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-571-581.

For citation:

Kalish, E.E. (2017). To the Question of the Essence of Translation — Search of Sense as its Ontological Component. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 571—581. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-571-581.

Elena E. Kalish, 2017. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 8(3). 571—581. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-571-581.

Сведения об авторе:

Калиш Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения стран АТР факультета иностранных языков, института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»; научные интересы: теория, практика и лингводидактика перевода, когнитивная лингвистика; *e-mail*: elenavvk@mail.ru

Bio Note:

Kalish Elena Evgenievna, associate professor of oriental studies and Asian-Pacific region studies department, faculty of foreign languages, institute of philology, foreign languages and media communication, FSBEI HE “Irkutsk State University”; *interests*: theory, practice and linguodidactics of translation, cognitive linguistics; *e-mail*: elenavvk@mail.ru

УДК: 811.133.1'255.4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-582-595

«LA MELANCOLIE» DE NIKOLAJ KARAMZIN ADAPTEE DE JACQUES DELILLE

F. Corrado-Kazanski

Université Bordeaux-Montaigne
Domaine universitaire, 33607 Pessac, France

INTRODUCTION

L'œuvre de Jacques Delille (1738—1813), considéré de son vivant comme un des plus grands écrivains français, puis tombé dans l'oubli, bénéficie aujourd'hui d'un certain regain grâce à la somme d'E. Guitton, *Jacques Delille et le poème de la nature en France de 1750—1820* [Guitton 1974], ainsi qu'aux *Cahiers Roucher-André Chénier*¹ créée en 1980 dans le but d'étudier ces deux poètes, et plus généralement la poésie française entre 1750 et 1850. En 2003, un numéro a été consacré à *Jacques Delille et la poésie descriptive* [Pascal 2003], qui s'ouvre sur un article d'E. Guitton précisément intitulé «Lueurs crépusculaires pour un retour à Delille» [Pascal 2003: 19—32]. Notre article souhaite modestement s'inscrire dans ce renouveau d'intérêt pour la poésie française de la fin du XVIIIème siècle, mais du point de vue cette fois des études russes.

Si Delille a acquis la notoriété grâce à sa traduction des *Géorgiques* de Virgile en 1770, qui lui a valu d'être admis à l'Académie française, ce sont *Les Jardins ou l'art d'embellir les paysages*, publiés en 1782, qui lui assurent un succès français et européen: ce poème en huit chants sera traduit en allemand, en anglais, en italien, en polonais, en russe. *Les Jardins*, dans leur intégralité, ont connu trois traductions russes, celles de P.M. Karabanov (1801), A.A. Palycin (1814) puis A. F. Vojejkov (1816)², qui devient le principal traducteur de Delille: je renvoie à la bibliographie établie par l'Institut de Littérature russe de l'Académie des Sciences de Russie, ainsi qu'à l'article de Ju. Lotman, consacré aux traductions des *Jardins* [Lotman 1996: 468—486]. Mais auparavant, plusieurs fragments avaient aussi été traduits librement par N. Karamzin dans les *Lettres d'un voyageur russe* (1791—1792), auxquels Tatiana Smoliarova a consacré une étude [Smoliarova 2014: 161—175].

En France, comme l'indique F. Dupont dans sa préface, *les Jardins*, ainsi que la traduction de Virgile, rencontrent l'engouement philosophique de l'époque pour la campagne et le progrès agronomique [Dupont 1997: 7—48]. Delille est un homme de son

¹ Voir le site de l'association qui présente les tables des matières des 35 numéros parus. URL: <http://www.assoc-roucher-chenier.fr> (Consulté le 31 mai 2016).

² URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=290> (Consulté le 31 mai 2016).

temps: *les Jardins* font de lui le maître de la poésie descriptive, nouveau genre poétique qui correspondrait à la vision du monde du siècle des Lumières, où l’alliance de l’imagination aux exigences de la raison s’exprimerait non seulement dans une poésie didactique mais encore dans un lyrisme de description compris comme «un lien entre l’homme et la nature» [Guitton 1969: 21—35]¹. La poésie descriptive pourrait donc être vue comme ce lieu de convergence entre la pensée et le lyrisme, qui nécessite une parole poétique renouvelée. Cette lecture permettrait de comprendre la fortune de la poésie de Delille en Russie, et notamment l’intérêt que porte à Delille N. Karamzin, dont l’œuvre entière est placée sous le signe de la mise en place d’une langue littéraire moderne, en phase avec son temps.

Après *les Jardins*, Delille a publié d’autres poèmes de la nature, et notamment *l’Imagination*, en 1806, mais dont certains extraits avaient déjà été lus au public des salons parisiens, et même publiés sous forme de fragments. Dans son article «Delille en Russie», E. Gretchanaïa, en s’appuyant sur une étude d’archives, écrit: «les fragments des œuvres de Delille ornent les albums de l’époque, y compris celui de l’impératrice Elisabeth Alexeïevna, épouse d’Alexandre 1er, et ce sont surtout *Les Jardins* et le poème de *L’Imagination* qui y sont cités» [Gretchanaïa 2003: 79—87], et en particulier l’extrait «la Mélancolie», fragment du chant III. L’élégie «la Mélancolie» de N. Karamzin a été publiée en 1802 dans le premier numéro de la revue *Vestnik Evropy*; par la suite Karamzin date son poème de 1800. Il a donc eu connaissance de l’extrait avant la publication des huit chants qui forment *l’Imagination*, ce qui ne permettra pas, pour ce poème, de suivre l’interprétation que propose Ju. Lotman pour les fragments des *Jardins*, selon laquelle l’enjeu des adaptations de Karamzin est de transformer le récit épique de Delille en fragment élégiaque [Lotman 1996: 481].

Dans son étude génétique sur «la Mélancolie» de Delille et de Karamzin, N.D. Kočetkova établit que le fragment sur la mélancolie a été publié en décembre 1800 dans le tome 16 de la revue de Hambourg «le Spectateur du Nord», revue bien connue de Karamzin [Kočetkova 2013: 209—218]. Ceci permet de résoudre le problème de datation résultant du fait que l’imitation de Karamzin était antérieure à la publication de l’original de Delille. La confirmation apportée par N. Kočetkova de la publication française du fragment de Delille «la Mélancolie», et de sa réception par des lecteurs russes, permet de lire et d’analyser le fragment de Delille, comme le poème de Karamzin non pas comme un extrait choisi mais comme un poème en soi, un fragment en tant que tel qui tend à être lu comme une totalité autonome.

Notre étude se présente dès lors comme une double analyse textuelle des poèmes de Delille et de Karamzin, dont l’enjeu serait de montrer comment le poème de Delille permet à Karamzin d’exposer sa propre conception de la poésie. Tout en suivant la composition du poème original, l’imitation de Karamzin renforce la tonalité élégiaque du texte de Delille; la mise en scène du je lyrique et de la parole poétique fera de cette

¹ L’expression est d’Edouard Guitton, «les tentatives de libération du vers français dans la poésie de 1760 à la révolution», *Cahiers de l’Association internationale des études françaises*, 1969, n°21, pp. 21—35. URL: http://www.persee.fr/doc/caief_0571-5865_1969_num_21_1_922 (Consulté le 31 mai 2016).

adaptation un poème programmatique du sentimentalisme, au centre duquel se trouve une voix lyrique qui manifeste sa sensibilité, et qui situe la parole poétique au point d'équilibre de la pensée et de l'émotion, de l'engagement éthique et de l'esthétique.

«LA MÉLANCOLIE» DE J. DELILLE

La note qui suit le fragment «la Mélancolie» dans l'édition de 1801 *Poésies diverses de Jacques Delille* [Delille 1801: 114—116] indique que «ce fragment n'a jamais été publié». Nous l'avons vu, N. Kočetnikova a démontré le contraire, et l'auteur lui-même, dans la préface à l'édition complète du poème «l'Imagination», en 1806, indique que le poème a été écrit entre 1785 et 1796, et déplore la réception faussée d'une œuvre dès lors que des fragments en ont été connus avant sa publication intégrale, ce qui suggère peut-être des publications indépendantes de sa volonté: «les lectures qu'en a faites l'auteur, soit dans le monde, soit dans les sociétés littéraires, les fragments qui en sont connus, lui donnent, au moment de sa publication, un air de vieillesse qui le décolore» [Delille 1825: 11].

Nous nous attachons ici à la réception première du poème, en tant que fragment d'une totalité qui ne sera connue que plus tard, mais qu'il est intéressant d'avoir en vue. Pour une étude du poème dans son contexte littéraire, et notamment ses traits préromantiques, nous renvoyons à l'article de Sakurako Inoue, intitulé «Des Lumières au Romantisme; autour de L'Imagination (1806) de Jacques Delille [Inoue 2011: 593—604]. *L'Imagination* se présente comme un poème en huit chants, dont le sujet, comme l'indiquent les auteurs de l'appareil critique de la deuxième édition, «embrasse à la fois les opérations les plus délicates de l'esprit, les mystères de la mémoire, les secrets du cœur et des passions, et l'empire que les merveilles de la nature, les prodiges des arts, et surtout les cultes religieux, exercent sur l'imagination» [Delille 1825: 76]. Jacques Delille lui-même, par souci de didactisme, annonce dans sa préface la composition de son poème et nomme les titres des huit chants. Le fragment sur la Mélancolie s'insère dans le chant trois; il est précédé de deux chants intitulés respectivement «l'homme sous le rapport de la raison» et «l'homme sensible», soulignant d'emblée le double horizon anthropologique dans lequel se situe son poème philosophique: la raison et les sens. Suivent deux chants consacrés aux impressions produites sur l'homme par le monde environnant: «impression des objets extérieurs» (auquel appartient donc notre extrait), et «impressions des lieux». Viennent enfin quatre chants consacrés à de grandes questions philosophiques et morales: «les arts», «le bonheur et la morale», «la politique», «les cultes». Le plan du poème suit ainsi à la fois une logique théologique qui va de l'homme à Dieu, et une logique sensualiste qui fait naître la réflexion théorique d'expériences concrètes, sensibles.

Le passage sur la mélancolie a ainsi été pensé comme une description de l'effet psychologique produit par «un objet extérieur», précisément par la ruine d'un temple. On retrouve donc dans ce passage un des principes qui présidait à la totalité: c'est dans une expérience sensible que s'enracine la réflexion. Le classicisme de la forme caractérise à la fois la versification, 43 alexandrins liés par des rimes suivies, et la composition, qui suit une logique rhétorique: après une courte introduction dramatique et lyrique

vient un long développement consacré d'abord à une définition de la mélancolie en tant que passion, puis à un portrait psychologique d'une mélancolie personnifiée; la conclusion fait écho au ton lyrique de l'introduction, et présente la mélancolie en muse du poète. C'est aussi en suivant cette trame que Karamzin composera son adaptation.

Fragment du poème de l'Imagination: la Mélancolie

Ah! quel bruit m'a frappé? c'est un temple qui tombe:

Ainsi que les Romains, leur ouvrage succombe.

Mais ce lieu si riant n'en est pas attristé,

Et sa mélancolie accroît sa volupté.

O sentiment plus pur, plus doux que la folie!

Bonheur des malheureux, tendre mélancolie!

Trouverai-je pour toi d'assez douces couleurs?

Que ton souris me plaît, et que j'aime tes pleurs!

.....

Dès que le désespoir peut retrouver des larmes,

A la mélancolie il vient les confier,

Pour adoucir sa peine et non pour l'oublier.

C'est elle qui, bien mieux que la joie importune,

Au sortir des tourmens accueille l'infortune;

Qui, d'un air triste et doux, vient sourire au malheur,

Adoucit le chagrin et calme la douleur.

De la peine au bonheur, délicate nuance;

Ce n'est pas le plaisir, ce n'est plus la souffrance;

La joie est loin encor, le désespoir a fui;

Mais, fille du malheur, elle a des traits de lui.

Sauvage et se cachant à la foule indiscrete,

Le demi-jour suffit à sa sombre retraite.

De loin, avec plaisir, elle écoute les vents,

Le murmure des mers, la chute des torrens.

C'est un bois qui lui plaît; c'est un désert qu'elle aime;

Son cœur plus recueilli, jouit mieux de lui-même:

La nature un peu triste est plus douce à son œil,

Elle semble en secret compâtrir à son deuil.

Aussi l'astre du soir la voit souvent, rêveuse,

Regarder tendrement sa lumière amoureuse.

Ce n'est point du printems la bruyante gaité;

Ce n'est point la richesse et l'éclat de l'été

Qui plaît à ses regards: non, c'est la pâle automne,

D'un main languissante effeuillant sa couronne.

Que la foule, à grands frais, cherche un grossier bonheur!

D'un mot, d'un nom, d'un rêve¹, elle nourrit son cœur:

Quand souvent des cités les brillantes orgies,

Au son des instrumens, aux clartés des bougies,

¹ Dans le texte, le mot «rêve» a par erreur, semble-t-il, été remplacé par «rire». En 1806, dans la publication du poème en entier, le mot «rêve» a été rétabli. Karamzin, lui, traduit bien «rêve» [Kočetnikova 2013: 213].

Etincellent par-tout de l'or des vêtements,
Des éclairs de l'esprit, du feu des diamans,
Pensive, et sur sa main laissant tomber sa tête,
Un tendre souvenir est sa plus douce fête.
Viens donc, viens, charme heureux des arts et des amours,
Je te chante deux fois; inspire-moi toujours, etc.

L'interjection, suivie d'un point d'exclamation, et l'interrogation personnelle qui ouvre *in medias res* le poème met en scène son caractère fragmentaire, et place le lecteur dans un contexte théâtral, prompt à susciter l'empathie: «Ah! quel bruit m'a frappé?». La question concerne une sensation auditive, la réponse donne une explication logique, même si elle est assez peu vraisemblable: «c'est un temple qui tombe». L'essentiel est de créer une impression émotionnelle forte, qui inspire au lecteur le sentiment de la ruine, et plus généralement de la fin, de la mort, comme le martèle la rime «tombe-succombe». Cette amorce de dialogue théâtral, tout rhétorique, pourrait aussi être lu comme une ekphrasis, qui annoncerait le genre descriptif du poème à suivre, tout en suggérant son intimité avec la célèbre gravure de Dürer (1514). En outre, l'image du temple romain en ruine qui ouvre le poème peut aussi être considérée comme une auto-représentation du fragment poétique lui-même: cette interprétation qui accorde toute sa valeur poétique au fragment en tant que tel semble justifiée par le fait que dans le texte intégral, les deux premiers vers ont disparu, la description de la mélancolie étant annoncée sur de longs vers par l'évocation d'une éruption volcanique (qui certes peut également être associée à l'Antiquité).

La courte introduction ekphrastique permet surtout d'introduire cette alliance paradoxale des contraires («Mais ce lieu si riant n'en est pas attristé») qui va présenter la mélancolie comme une jouissance («Et sa mélancolie accroît sa volupté») puis constituer la première définition de la mélancolie quelques vers plus loin: «Bonheur des malheureux, tendre mélancolie!». L'oxymore sonne comme le point culminant d'un élan lyrique «O sentiment plus pur, plus doux que la folie!» qui annonce la valeur éminemment positive du sentiment de la mélancolie, à travers les notions de pureté et de douceur. L'interrogation rhétorique qui suit, «Trouverai-je pour toi d'assez douces couleurs?» montre l'enjeu du poème: peindre un tableau de la mélancolie, mais souligne aussi l'engagement d'un je lyrique qui, le temps d'un vers, épanche ses sentiments («Que ton souris me plaît, et que j'aime tes pleurs!»), pour mieux les taire au vers suivant, vers vide suggérant aussi bien une coupe, aléatoire, dans le texte, qu'un silence volontaire. Quoi qu'il en soit, cette pause marque le passage à l'objectivité d'un récit à la troisième personne, objectivité qui sied à l'exposé rationnel de la définition de la mélancolie vis-à-vis des autres passions.

La mélancolie avait déjà été distinguée de la folie dans l'introduction; elle est maintenant présentée par rapport aux passions fortes que sont le désespoir, le chagrin, la douleur, pour finalement être définie comme «fille du malheur». La mélancolie se caractérise par la douceur, notion répétée à sept reprises dans le poème. C'est son action bienfaisante qui est chantée; elle tempère la violence des passions, celle «Qui, d'un air triste et doux, vient sourire au malheur, / Adoucit le chagrin et calme la douleur». Dans ce dernier vers, l'équilibre entre la peine et la sérénité qu'apporte la mélancolie

s'exprime dans la mesure de l'alexandrin, dont chaque hémistiche, de part et d'autre de la conjonction «et», est également composé d'un verbe et d'un complément nominal lui-même constitué de deux syllabes. L'organisation du vers met ainsi en scène l'équilibre que donne la mélancolie, tout en annonçant cet entre-deux mystérieux, cette «nuance» qui la définit:

De la peine au bonheur, délicate nuance;
Ce n'est pas le plaisir, ce n'est plus la souffrance;
La joie est loin encor, le désespoir a fui.

Dans ces trois vers qui forment le point culminant de la définition de la mélancolie, la conjonction «et» à l'hémistiche laisse place à la virgule, qui suggère tout en l'atténuant l'opposition des contraires exprimés par les notions abstraites «plaisir-souffrance», «joie-désespoir»; le parallélisme syntaxique et sonore des deuxième et troisième vers explicite la définition de la mélancolie donnée au premier vers, comme un point d'équilibre «de la peine au bonheur». Plus qu'une illustration conceptuelle, le balancement régulier des alexandrins donne un résumé prosodique de la délicatesse de la mélancolie. Mais brusquement, le vers suivant rompt cet équilibre sonore et rythmique: «Mais, fille du malheur, elle a des traits de lui». Deux virgules coupent le premier hémistiche qui contient aussi l'accent sémantique du vers «fille du malheur», faisant oublier l'autre moitié du vers, comme le suggère aussi la rime «fui/lui». C'est aussi cette personnification de la mélancolie qui permet la transition avec la seconde partie du poème, consacrée à un portrait psychologique de la mélancolie.

Ce portrait suit l'évocation de l'espace et du temps qui lui correspondent: «la nature un peu triste», «l'astre du soir», «la pâle automne» sont autant de traits qui dessinent un cadre propice à la rêverie mélancolique, inscrivant clairement le poème de Delille dans la sensibilité préromantique. Ici encore, le passage peut être lu comme la description de différents tableaux, dans lesquels les allitérations et assonances, et le rythme régulier de l'alexandrin mettent en valeur les détails les plus significatifs. Ce portrait psychologique de la mélancolie s'ouvre sur son besoin de solitude et de communion avec la nature sauvage. Les deux vers «De loin, avec plaisir, elle écoute les vents, / Le murmure des mers, la chute des torrens» théâtralisent la pose de l'héroïne, tout en faisant d'elle une contemplative, le «cœur plus recueilli», qui écoute, rêve, regarde («Aussi l'astre du soir la voit souvent, rêveuse, / Regarder tendrement sa lumière amoureuse»), et communique avec la nature («La nature un peu triste est plus douce à son œil, / Elle semble en secret compâtrer à son deuil»). Vient ensuite un portrait en négatif, nommant ce qu'elle refuse, et qui peut être résumé par la notion d'éclat, sonore ou visuel. A la «richesse et l'éclat de l'été», la mélancolie préfère la pâleur: le contre-rejet «c'est la pâle automne» met en valeur cette expression qui devient métonymique de la mélancolie, et signifie son humilité. Cette modération, liée au recueillement, est explicitée dans un vers qui est le point culminant du portrait, suivi d'une légère pause signifiée par les deux points: «D'un mot, d'un nom, d'un rêve, elle nourrit son cœur». Le ralentissement prosodique, induit par le partage du vers en quatre parts, et par l'anaphore, donne sa noblesse au portrait, et suggère aussi le silence, expression de l'intériorité. Alors que le poème, à son début, privilégiait les sensations, il magnifie ici la méditation, la pensée, qui est liée à la langue, mais qui naît dans le silence.

Le même contraste est ensuite repris, concernant cette fois non plus la nature, mais le faste des fêtes mondaines: au motif baroque de la lumière, diffracté par de nombreux noms, adjectifs et verbes qui disent la vigueur de l'éclat («brillantes», «étincellent», «or des vêtements», «feu des diamans»), s'oppose l'ascétisme symbolisé par le mouvement vers le bas de la tête, dont le fruit est la pensée, la mémoire: «Pensive, et sur sa main laissant tomber sa tête, / Un tendre souvenir est sa plus douce fête». Avec ce mouvement descendant, la tension dramatique retombe, le souvenir du passé rappelle les ruines du temple romain de l'*incipit*, tout comme les adjectifs «tendre» et «doux» font écho à la première évocation de la mélancolie. Cet effet circulaire annonce la fin du poème; la formule finale qui érige la mélancolie en muse pour le poète sacrifie à une rhétorique convenue. La vraie clausule est bien le dernier vers que nous avons cité, qui comme un effet de miroir, laisserait partir le poème sur la mélancolie dans le geste du souvenir. C'est ainsi que le traduira Karamzin [Karamzin 1800].

L'ADAPTATION DE NIKOLAJ KARAMZIN

Меланхолия

Подражание Делилю

Страсть нежных, кротких душ, судьбою угнетенных.

Несчастливых счастье и сладость огорченных!

О Меланхолия! ты им милее всех

Искусственных забав и ветреных утех.

Сравнится ль что-нибудь с твоею красотой,

С твоей улыбкою и с тихою слезою?

Ты первый скорби врач, ты первый сердца друг:

Тебе оно свои печали поверяет;

Но, утешаясь, их еще не забывает.

Когда, освободясь от ига тяжких мук,

Несчастный отдохнет в душе своей унылой,

С любовью ему ты руку подаешь

И лучше радости, для горестных немилой,

Ласкаешься к нему и в грудь отраду льешь

С печальной кротостью и с видом умиления.

О Меланхолия! нежнейший перелив

От скорби и тоски к утехам наслажденья!

Веселья нет еще, и нет уже мученья;

Отчаянье прошло... Но слезы осушив,

Ты радостно на свет взглянуть еще не смеешь

И матери своей, печали, вид имеешь.

Бежишь, скрываешься от блеска и людей,

И сумерки тебе милее ясных дней.

Безмолвие любя, ты слушаешь унылый

Шум листьев, горных вод, шум ветров и морей.

Тебе приятен лес, тебе пустыни милы;

В *уединении* ты *более с собой*.

Природа мрачная твой нежный взор пленяет:

Она как будто бы печалится с тобой.

Когда светило дня на небе угасает,
В задумчивости ты взираешь на него.
Не шумная весна любезная веселость,
Не лета пышного роскошный блеск и зрелость
Для грусти твоя приятнее всего,
Но осень бледная, когда, изнемогая
И томною рукой венки свой обрывая,
Она кончины ждет. Пусть веселится свет
И счастье грубое в рассеянии новом
Старается найти: тебе в нем нужды нет;
Ты счастлива мечтой, одною мыслью — словом!
Там музыка гремит, в огнях пылают дом;
 Блистают красотой, алмазами, умом:
 Там пиршество... но ты не видишь, не внимаешь
 И голову свою на руку опускаешь;
 Веселие твое — задумавшись, молчать
 И на прошедшее взор нежный обращать.

La mélancolie (Nous proposons notre propre traduction de travail, dans un souci de cohérence avec l'analyse qui est donnée du poème. Mais il convient de citer la traduction d'André Markowicz, dans *le Soleil d'Alexandre. Le cercle de Pouchkine 1802—1841*, Actes Sud, 2011, pp. 21—22)

Imité de Delille

Passions des âmes simples opprimées par le sort.
Bonheur des malheureux, douceurs des affligés!
Mélancolie! Tu es plus aimable pour eux
Que les rires éphémères et les plaisirs légers.
Trouvera-t-on comparaison à ta beauté,
A ton sourire et à tes larmes silencieuses?
Premier médecin de l'âme et première amie:
C'est à toi que le cœur peut confier sa peine,
Mais s'il est consolé, il ne peut l'oublier.
Quand, libre du fardeau de ses lourdes souffrances,
Dans l'ennui de son âme, le malheureux repose
C'est toi avec amour qui lui donnes la main,
Et meilleure que la joie, amère à l'affligé,
C'est toi son réconfort, qui verse dans son cœur
Une paix triste et simple, et pleine de tendresse.
O mélancolie! subtile et douce nuance
Du deuil et de l'ennui jusqu'au contentement!
Ce n'est pas la gaieté, ce n'est plus la souffrance;
Le désespoir n'est plus... Mais les larmes séchées,
Tu n'oses pas, joyeuse, regarder la lumière,
Et tu es le portrait de ta mère tristesse.
Tu fuis tout ce qui brille, tu t'éloignes des gens,
Tu préfères le soir à la clarté du jour.
Amante du silence, tu entends, monotones,
Les feuilles, les torrents, les vents, les océans.

Tu aimes les forêts, tu aimes les déserts,
Tu es plus recueillie dans ton isolement.
Par l'austère nature ton regard est séduit:
Quand tu es dans la peine elle est triste avec toi.
Lorsque l'astre du jour s'éteint à l'horizon,
Plongée dans tes pensées, tu regardes vers lui.
Ce n'est pas la gaîté plaisante du printemps,
Ni l'éclat somptueux, ni l'ardeur de l'été
Qui s'accorde à ta peine, mais c'est la pâle automne,
Quand, sa force épuisée, d'une main langoureuse
Effeuillant sa couronne, elle espère la fin.
Que le monde s'amuse, trouve un bonheur vulgaire
Dans les distractions: tu n'en as point besoin;
Ton bonheur, c'est un rêve, une pensée — un mot!
La musique résonne, la maison étincelle,
Tout brille de beauté, de diamant et d'esprit:
Là-bas c'est un festin... mais tu n'écoutes pas,
Ne voit pas — sur ton bras tu inclines la tête;
Ta joie, c'est de garder, pensive, le silence
Et de tourner ton doux regard vers le passé.

L'élégie «Mélancolie» de Karamzin est un poème de 46 vers écrit en hexamètre iambique, correspondant à l'alexandrin de Delille, mais s'en distinguant par une plus grande diversité des rimes, masculines et féminines, suivies et croisées, alors que le poème de Delille présente uniquement des rimes suivies. Le poème de Karamzin suit la composition générale de Delille: une introduction qui présente le thème du poème ainsi qu'une première définition «Несчастных счастье и сладость огорченных!» (vers 1 à 6), un long développement donnant tout d'abord une situation psychologique du sentiment de la mélancolie, puis un portrait personnifié de celle-ci (vers 7 à 44), enfin une brève conclusion dans le dernier distique, qui clôt l'évocation de la mélancolie sur les motifs du silence et du souvenir.

Le premier vers du poème de Karamzin correspond au vers 5 de Delille: «O sentiment plus pur, plus doux que la folie!», le dernier correspond au vers 41 «Un tendre souvenir est sa plus douce fête». Karamzin resserre donc son poème sur le cœur du fragment de Delille; omettant les passages relevant de la rhétorique traditionnelle, il consacre proportionnellement plus de vers que Delille à cette longue évocation de la mélancolie, pour en accentuer la tonalité lyrique, élégiaque. C'est dans cette perspective que s'inscrit le changement essentiel concernant l'énonciation. Si Delille décrit la mélancolie à la troisième personne, restant à distance de son objet, Karamzin compose son poème comme un long vocatif destiné à la mélancolie. Ce «tu» adressé à la mélancolie engage le sujet lyrique; la parole poétique qui se déploie a dès lors nécessairement une face esthétique et une face éthique. Jean Breuillard définissait le sentimentalisme comme «une esthétique fondée sur la parole et sur le sujet», et établissait le lien avec l'éthique de Karamzin, «son affirmation de la personne face au monde» [Breuillard 2012]. Nous verrons comment l'adaptation karamzinienne du poème de Delille enrichit l'original de motifs méta-poétiques qui servent ce double engagement éthique et esthétique du poète.

Dès les premiers vers en effet, les définitions proposées de la mélancolie unissent des concepts esthétique et éthique: «Страсть нежных, кротких душ», «Сравнится ль что-нибудь с твоею красотою, / С твоей улыбкою и с тихой слезою». L'humilité, exprimée à la fois par les adjectifs *nežnyj*, *tixij* et *krotkij*, est associée à la beauté (*kra-sota*), suggérant que le poème va décrire la beauté spirituelle, morale de la mélancolie. Le champ lexical de la douceur sera repris de nombreuses fois tout au long du poème: «С печальной кротостью и с видом умиления», «твой нежный взор», alors que l'adjectif *tixij* s'élargira au motif du silence: «Безмолвие любя». L'humilité et la beauté sont également liées à la sincérité: «О Меланхолия! ты им милее всех / Искусственных забав и ветреных утех». Elles annoncent aussi le motif de la compassion qui apparaît au début du portrait de la mélancolie, s'ouvrant, chez Karamzin comme chez Delille, par une mise en situation psychologique. La mélancolie vient au secours du malheureux: «Ты первый скорби врач, ты первый сердца друг», «С любовью ему ты руку подаешь». Se dessine ainsi un portrait de la mélancolie en figure consolatrice («утешаясь»), que l'on pourrait voir comme une présence angélique, et qui rappelle aussi celle de l'ami, éminente dans l'éthique karamzinienne. Le poème est rythmé par la répétition du vocatif «О Меланхолия!», absent chez Delille, qui suit une première définition exclamative dans l'introduction «Несчастных счастье и сладость огорченных!», et qui en annonce une nouvelle un peu plus loin:

О Меланхолия! нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья!
Веселья нет еще, и нет уже мученья;
Отчаянье прошло... Но слезы осушив,
Ты радостно на свет взглянуть еще не смеешь
И матери своей, печали, вид имеешь.

Il est intéressant de souligner que l'ajout de ce vocatif vient à l'appui de trois vers pouvant être lus comme des traductions précises de Delille du point de vue du lexique, mais qui présentent une prosodie nettement différente. Or cette invocation lyrique oriente toute la lecture dans le sens des émotions, et non dans le sens de considérations rationnelles exprimées sous la forme logique, presque symétrique de l'alexandrin. Dans le poème de Delille nous lisons:

De la peine au bonheur, délicate nuance;
Ce n'est pas le plaisir, ce n'est plus la souffrance;
La joie est loin encor, le désespoir a fui.

Nous avons déjà souligné l'équilibre des alexandrins de Delille. La régularité binaire des hémistiches double l'opposition terme à terme des notions dans l'original, alors que dans le poème russe les points d'exclamation et de suspension, de même que les enjambements, tendent à rompre la continuité des vers. Selon cette même logique de la discontinuité, Karamzin traduit une notion française par plusieurs notions russes, comme par un souci d'extrême précision, qui va justement dans le sens de la «nuance» delillienne, ici *pereliv*: par exemple les deux substantifs *skorb'* et *toska* traduisent le seul mot «peine». Seul le vers central du passage cité, «Веселья нет еще, и нет уже мученья», suit la construction prosodique de Delille, ce qui accentue encore l'effet de rupture. Enfin, par un dernier souci d'exactitude psychologique sans doute, Karamzin présente la mélancolie comme «fille de la tristesse», et non «du malheur».

Comme chez Delille, cette expression justifie la personnification de la mélancolie et annonce le portrait qui est fait d'elle en jeune fille sensible, contemplative, à l'image d'une héroïne de nouvelle sentimentaliste. Comme chez Delille, les traits caractéristiques de ce portrait sont la solitude, et l'attrait pour la pénombre plutôt que pour la lumière: «Бежишь, скрываешься от блеска и людей, / И сумерки тебе милее ясных дней». Le tableau qui suit présente l'héroïne face à la nature, conformément à l'original de Delille, mais il est introduit par une proposition gérondive «Безмолвие любя», première évocation du silence au centre du poème, qui sera reprise dans la clausule, sous forme verbale cette fois: «молчать». Le silence est la condition de l'écoute et de la contemplation, ce que soulignent la fin du vers et le contre-rejet: «Безмолвие любя, ты слушаешь унылый / Шум листьев, горных вод, шум ветров и морей». Le «tu», mis en valeur par la syntaxe, interpelle aussi le lecteur, et le système d'allitérations et d'assonances évoquant les sons de la nature met également en scène la dimension sonore de la parole poétique. Le silence recueilli («В уединении ты более с собой») rappelle aussi cette beauté spirituelle de la mélancolie dont il était question au début du poème, il renforce la dimension ascétique que Karamzin donne à la mélancolie (et qui était absente chez Delille), tout comme le suggère également l'adjectif qui qualifie la nature: «sauvage» chez Delille, «austère» chez Karamzin: «Природа мрачная твой нежный взор пленяет». De même, son regard est attiré par le soleil couchant: un mouvement descendant se dessine, qui s'abîme dans la méditation «В задумчивости». C'est ce même mouvement cénotique qui sera répété à la fin du poème.

Ce mouvement vers le bas se transforme ensuite en mouvement négatif. Comme chez Delille, la suite du portrait est une description par la négative: c'est en soulignant ce qu'elle n'est pas que le sujet lyrique parfait le portrait de la mélancolie. A la différence de la langue française, la syntaxe russe permet l'anaphore de la négation qui lance la dernière période du poème: «Не шумные весны...», «Не лета пышного...», et fait attendre le contrepoint, «Но осень бледная», «la pâle automne» de l'original qui constituait un des points culminants du poème français. Dans le poème russe, l'expression laisse encore un effet d'attente, résolu deux vers plus loin dans l'évocation de la mort: «Она кончины ждет». Il est à noter que tous ces accents sémantiques sont situés dans le poème russe en début de vers, ce qui contribue à la dynamique du poème dans son entier. Cette dynamique négative, qui oppose la mélancolie à la lumière, conduit vers le point d'orgue que constitue la dernière exclamation du poème: «Ты счастлива мечтой, одною мыслью — словом!», qui traduit le vers de Delille déjà commenté «D'un mot, d'un nom, d'un rêve, elle nourrit son cœur». Ici encore, la différence fondamentale entre ces deux versions est d'abord celle de l'énonciation. Le vers russe s'ouvre sur le «tu», faisant vibrer la voix du sujet lyrique, puis le tiret indique que la voix se tait, pour résonner et vivre à nouveau dans la parole, *слово*. La discontinuité ne fait que renforcer cette dimension méta-poétique du vers en mettant en scène la dialectique du silence et de la parole, là où le vers de Delille, au-delà du rythme ternaire du premier hémistiche, retrouve la continuité de l'alexandrin dans le second.

Le vers de Karamzin, comme celui de Delille, magnifie le rêve, la pensée, le verbe, et invite à faire une lecture méta-poétique du poème dans son entier. Le questionnement

esthétique du début, à partir de la notion de beauté, dont on a vu qu'il avait aussi une face éthique, s'élargit en questionnement poétique selon l'ambivalence du silence et de la parole, qui rencontre celle de la pensée et de l'émotion. Cette ambivalence trouve peut-être un reflet dans l'énonciation du poème, qui laisse entendre la voix d'un sujet à travers une parole adressée à un «tu». De plus, en refusant la musique et la lumière, à la fin du poème («Там музыка гремит, в огнях пылает дом; / Блистают красотой, алмазами, умом: / Там пиршество... но ты не видишь, не внимаешь»), la voix lyrique semble concentrer la parole poétique sur elle-même, dans un mouvement auto-référentiel qui est aussi une descente au plus profond de soi, que mime le corps («И голову свою на руку опускаешь»). Et dans la clausule, c'est le tiret, en milieu de vers, qui crée cet effet de miroir: c'est tout autant la figure de la mélancolie que la parole poétique elle-même qui s'abîme dans la méditation silencieuse du passé:

Веселие твое — задумавшись, молчать
И на прошедшее взор нежный обращать.

Dans son étude déjà citée sur l'histoire du tiret, Jean Breuillard écrivait: «Ce qui s'entend avec le tiret est la voix, singulière, inimitable, d'un énonciateur unique» [Breuillard 2012: 514], et Henri Meschonnic définissait la voix comme la «métaphore de l'originalité la plus intime» [Meschonnic 1982: 280]. Dans l'avant-dernier vers, on entend cette voix qui, tout en affirmant un sujet lyrique, appelle paradoxalement au silence. Le poème se clôt par la rime *molčat'obraščat'*, signe que ce retour sur soi du souvenir est encore une relation, et que le silence, comme la parole, engage la personne.

CONCLUSION

La lecture suivie des deux poèmes de Delille et de Karamzin a permis de mettre en évidence une différence poétique majeure. Bien que le poème de Delille se présente comme un fragment, les choix poétiques rétablissent la continuité en tant que principe, impliquant un effacement du sujet. Le poème de Karamzin pose au contraire le principe de la discontinuité dont le traitement de la ponctuation est emblématique, et qui fait entendre la voix d'un sujet.

C'est dans cette perspective que «la Mélancolie» de Karamzin peut être lue comme une mise en scène de la voix et de la parole poétique: si le motif de la mélancolie permet l'affirmation de la sensibilité comme constitutive du sujet, qui trouve aussi son expression dans une poétique de la discontinuité, la mise en scène de la voix lyrique dans le «tu» du poème situe la parole poétique entre la pensée et l'émotion, mais aussi à la limite du silence, inscrivant l'œuvre de Karamzin dans la modernité poétique. Cette mise en scène du sujet, dans sa relation à l'autre (et à soi-même) à travers la parole poétique, est bien l'expression de l'engagement à la fois éthique et poétique de Karamzin, dont l'œuvre a consisté à servir la langue russe et la personne humaine.

© Corrado-Kazanski Florence
Дата поступления: 1.07.2017
Дата принятия: 10.07.2017

REFERENCES

1. Guitton, E. (1974). Jacques Delille (1738—1813) et le poème de la nature en France de 1750 à 1820. Paris: Klincksieck.
2. Marmier, J. (1975). Edouard Guitton, Jacques Delille (1738—1813) et le poème de la nature en France de 1750 à 1820. Compte-rendu. In *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest*. Tome 82, numéro 2, pp. 232—235. URL: http://www.persee.fr/doc/abpo_0399-0826_1975_num_82_2_2776_t1_0232_0000_2 (Consulté le 31 mai 2016).
3. Pascal, J.N. (ed.) (2003). Jacques Delille et la poésie descriptive, Actes de la journée d'études de la Société des amis des poètes Roucher et André Chénier (Versailles, 16 mars 2002) In *Cahiers Roucher-André Chénier. Etudes sur la poésie du XVIIIème siècle*, n°22.
4. Lotman, Ju. (1996). About poets and poetry. SPb: Iskusstvo. pp. 468—486.
5. Smoliarova, T. (2014). Près du riant Marly... Quelques remarques sur la lettre 122. In *Nikolai Karamzin en France. L'image de la rance dans les Lettres d'un voyageur russe*, publié sous la direction de Rodolphe Baudin. Paris: Institut d'Etudes Slaves. pp. 161—175.
6. Dupont, F. (1997). Préface à l'édition de Virgile, Bucoliques, Géorgiques, Folio Gallimard. Paris. pp. 7—48.
7. Guitton, E. (1969). Les tentatives de libération du vers français dans la poésie de 1760 à la révolution. *Cahiers de l'Association internationale des études françaises*, 21, 21—35. URL: http://www.persee.fr/doc/caief_0571-5865_1969_num_21_1_922 (Consulté le 31 mai 2016).
8. Gretchanaïa, E. (2003). Delille en Russie. In *Jacques Delille et la poésie descriptive*, Actes de la journée d'études de la Société des amis des poètes Roucher et André Chénier (Versailles, 16 mars 2002), textes réunis par Jean-Noël Pascal, *Cahiers Roucher-André Chénier. Etudes sur la poésie du XVIIIème siècle*, 22, 79—87.
9. Kotchetnikova, N.D. (2013). Melancholia of J. Delille: the imitation of N.M. Karamzin and the translation of P.Yu. Lvov In *M.V. Lomonosov i slovesnost' ego vremeni. Perevod i podražanie v russoj literature XVIII veka*, Moscou-Saint Pétersbourg, Al'jans-arxeo, pp. 209—218.
10. Delille, J. (1801). Poésies diverses de Jacques Delille Paris: Colnet. pp. 114—116. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54494504.r=po%C3%A9sies%20diverses%20de%20jacques%20delille> (Consulté le 1er juin 2016). Nous n'avons malheureusement pas eu accès au tome 16 du *Spectateur du Nord* (1800).
11. Delille, J. (1825). L'Imagination, poème par Jacques Delille. Deuxième édition accompagnée de notes historiques et littéraires (par d'Andrezel, L.-S. Auger, de Féletz, M._G._F._A. Cte de Choiseul-Gouffier et de Sabran) et augmentée d'environ cinq cents vers nouveaux. p. 11.
12. Inoue, S. (2011). Des Lumières au Romantisme; autour de L'Imagination (1806) de Jacques Delille. *Revue d'histoire littéraire de la France*, 3 (vol. 111), 593—604. URL: www.cairn.info/revue-d-histoire-litt-éaire-de-la-france-2011-3-page-593.htm (consulté le 3 mai 2016).
13. Breuillard, J. (2012). Le tiret aux confins de la grammaire. Eléments pour une histoire du tiret en russe. *Derrière l'histoire, la langue*. Paris: Institut d'Etudes Slaves. pp. 493—516.
14. Karamzin, N. (1800). Melanxolija. Podražanie Delilju URL: <http://rvb.ru/18vek/karamzin/1bp/01text/01text/141.htm> (consulté le 9 juin 2016).
15. Meschonnic, H. (1982). Critique du rythme. Anthropologie historique du langage, chapitre VI «le poème et la voix», Paris: Verdier.

УДК: 811.133.1'255.4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-582-595

NIKOLAJ KARAMZIN'S «MELANCHOLIA» AN ADAPTATION OF JACQUES DELILLE

Florence Corrado-Kazanski

Université Bordeaux-Montaigne
Domaine universitaire, 33607 Pessac, France

Abstract. This paper presents an analysis of two poems «Melancholia» of Jacques Delille and «Melancholia» of Nikolaj Karamzin, in order to demonstrate how the poem of Delille gives Karamzin the possibility to explain his own conception of poetry. Karamzin underlines the elegiac tonality of the poem and focuses on the lyrical hero. Karamzin's adaptation may be interpreted as the program of sentimentalism, in which the poetic word is situated at the balance point between thought and sensibility, ethics and aesthetic.

Key words: Delille, Karamzin, melancholia, sentimentalism, ethics, aesthetic

For citation:

Corrado-Kazanski, F. (2017). Nikolaj Karamzin's «Melancholia» an adaptation of Jacques Delille, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 582—595. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-582-595.

Florence Corrado-Kazanski, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3). 582—595. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-582-595.

Сведения об авторе:

Коррадо-Казанская Флоранс, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой славяноведения отделения германистики и славистики Университета Мишеля Монтеня; Бордо 3; *научные интересы:* славянские языки и литературы, русская литература; *e-mail:* florencecorrado@gmail.com

Bio Note:

Corrado-Kazanski Florence, PhD, associate professor, Head of the Department of Slavic Studies, Department of German Studies and Slavic Studies at Bordeaux-Montaigne University; *interests:* Slavic languages and literature, Russian literature; *e-mail:* florencecorrado@gmail.com

УДК: 81'36:372.462

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-596-603

РОЛЬ ГРАММАТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ

Т.А. Вавичкина, Ю.Е. Власова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается роль грамматики в формировании коммуникативной компетенции студентов-нефилологов, изучающих арабский язык. Признавая основополагающую роль языковой (лингвистической) компетенции в формировании и эффективном развитии остальных компонентов иноязычной коммуникативной компетенции, авторы считают целесообразным начинать работу над ней с первых занятий, уделяя особое внимание типологическим особенностям арабского языка, его грамматическому строю. В статье приводятся характерные особенности грамматической системы арабского языка, структуры слова и корня, знакомство с которыми на раннем этапе обучения поможет избежать возможных трудностей и позволит сформировать необходимое языковое мышление. Теоретической базой послужили работы известных арабистов Старинина [Старинин 1963] и Юшманова [Юшманов 1938; 1998], а также выдающегося русского лингвиста академика Фортунатова [Фортунатов 1990]. Исследования такого рода имеют значение для сопоставительной грамматики и типологии языков и позволяют ближе подойти к мировосприятию носителей арабского языка. Выводы могут найти практическое применение в обучении российских студентов арабскому языку и арабов — русскому языку.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетенция, коммуникативная, языковая (лингвистическая) субкомпетенция, арабский язык, грамматика, структура слова, типология

В свете модернизации отечественной системы образования в целом и высшей школы в частности стало актуальным применение компетентностного подхода в преподавании иностранных языков.

Поскольку термины *компетентность/компетенция* варьируются в зависимости от целей и контекста, в котором используются, представляется целесообразным уточнить, как они будут пониматься в предлагаемой статье. Вслед за д.п.н. А.В. Хуторским мы будем, разделяя общее и индивидуальное, различать часто используемые синонимически данные понятия и определять их следующим образом.

Компетенция — включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним [Хуторской 2002].

Компетентность — владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности [Хуторской 2002].

Согласно действующему Федеральному компоненту государственных образовательных стандартов в процессе овладения иностранным языком у слушателя на разных этапах обучения должны закладываться, формироваться и далее развиваться следующие иноязычные компетенции:

коммуникативная компетенция, включающая в себя **речевую компетенцию**, под которой понимается способность индивида эффективно использовать изучаемый язык в качестве средства общения и инструмента познавательной деятельности;

языковая/лингвистическая компетенция, которая предполагает овладение языковыми средствами в соответствии с областью профессиональных знаний и умение оперировать ими в коммуникативных целях;

социокультурная компетенция (включающая социолингвистическую), которая охватывает знания слушателя о социокультурной специфике стран изучаемого языка, формирует умение строить свое речевое и неречевое поведение в соответствии с этой спецификой, развивает умения адекватно понимать и интерпретировать лингвокультурные факты;

компенсаторная компетенция, которая формирует умения выходить из положения при дефиците языковых средств в процессе межкультурного общения;

учебно-познавательная компетенция, предполагающая дальнейшее развитие специальных учебных умений, целью которых является совершенствование владения иностранным языком и активное его использование в процессе последующего образования и самообразования [Федеральный компонент государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования по иностранным языкам 2004: 93].

Современные исследователи не только по-разному определяют *иноязычную коммуникативную компетенцию* (ИКК), но и по-разному вычленяют ее структурные компоненты, по-разному описывают их взаимодействия. Однако все признают многокомпонентную структуру ИКК и выделяют в качестве ключевых следующие субкомпетенции: языковую (лингвистическую), социокультурную, социолингвистическую, прагматическую, дискурсивную, стратегическую [Красильникова 2009: 182]. Степень сформированности у обучающихся данных компонентов свидетельствует о том, насколько эффективно и продуктивно была проведена работа по формированию ИКК.

Языковая (лингвистическая) субкомпетенция представляет собою совокупность фонологических, лексических, грамматических знаний и умений и является обязательной и необходимой базой для эффективного развития остальных компонентов ИКК. Это позволяет выделить ее как основополагающую субкомпетенцию, без которой невозможно формирование иных субкомпетенций и работу над которой следует начинать с первых занятий.

Если изучение иностранного языка в высшей школе является логическим продолжением процесса, начатого в средней школе, или этот иностранный язык типологически схож с родным или ранее изучаемым иностранным языком, то особых

трудностей в овладении им студент не встретит. Однако если обучающийся начинает изучение иностранного языка с иной типологической структурой, нежели уже известные ему языки, то особенно важным оказывается сформировать на начальном этапе обучения четкие представления о типе этого языка. Как показывает практика, учащимся очень тяжело перестроить свое языковое мышление и начать мыслить на новом языке, так как этот процесс происходит иначе и регулируется иными законами, понять и принять которые иногда оказывается нелегко.

Поскольку арабский язык характеризуется высокой степенью грамматичности, то в процессе его преподавания и формирования иноязычной компетенции целесообразно уже на начальном этапе обратить пристальное внимание студентов на структуру арабского слова. Как уже отмечалось ранее [Вавичкина 2003: 97—100], существенные, носящие принципиальный характер, отличия построения арабского слова от индоевропейского и в частности русского, обуславливают особенности морфологической системы современного литературного арабского языка. Одной из таких особенностей морфологической системы арабского языка является высокая степень абстракции.

В морфологической структуре арабского слова, как правило, очень четко выделяются следующие элементы: трехсложный корень (лишенный каких-либо принадлежностей форм слов и служащий базой для образования как имен, так и глаголов), диффикс, словоизменяемые морфемы и словопроизводственные морфемы. Существенным же отличием семитского корня от индоевропейского является то, что этот корень никогда не встретится вам как отдельное слово. Сознание говорящих на этом языке людей выделяет этот абстрактный корень, основываясь на анализе однокоренных слов, с одной стороны, и лексико-грамматических моделей, с другой.

Арсенал служебных морфем также значительно отличает арабский язык от индоевропейских языков. Традиционно среди служебных морфем в арабском языке выделяются *префиксы* (предшествуют корню), *суффиксы* (следуют за корнем), *инфиксы* (внутри корня) и *диффиксы* или *трансфиксы* (гласные, разрывающие корень). Как видно из названий, основным критерием такого деления является то положение, которое занимают данные аффиксы относительно корня. Но если за основу взять не форму, а содержание, то есть учитывать функционирование и значение этих служебных морфем, то становится очевидным несовершенство такой классификации. Нагляднее всего это демонстрируется анализом аффиксов, с помощью которых образуются временные формы глагола. Данные аффиксы стандартны, т.е. могут быть присоединены к глагольной основе любой из десяти пород, и выражают грамматические значения лица, числа, рода и наклонения. В традиционных исследованиях по арабской грамматике они называются префиксами и суффиксами, хотя противопоставляют формы одного и того же слова. Присоединение данных аффиксов не влечет за собой изменения лексического значения слова (как это должно быть в случае с суффиксами и префиксами), а образованные с их помощью формы представляют собой одну парадигму. В таком случае

данные морфемы не могут отождествляться со словообразующими префиксами и суффиксами, как они понимаются в других языках, а скорее будут соответствовать общепринятому определению флексии. Ведь именно так мы понимаем тот конечный служебный элемент, который выделяется в слове после отделения основы и носит не деривационный, а реляционный характер. Именно словоизменятельная функция определяет активное участие подобных морфем в создании синтаксических форм. Таким образом, аффиксы словоизменения арабского глагола являются флексиями, отличительной особенностью которых будет способность располагаться не только традиционно за корнем, но и перед ним (что дало повод Н.В. Юшманову называть их окончаниями и началами [Юшманов 1998: 230]).

Отличительной особенностью семитских языков также являются диффиксы. Данный вид аффиксов не имеет аналогов в русском языке. Надо сказать, что эта морфема вообще долгое время не выделялась в структуре семитского слова как самостоятельная единица. Ученые были склонны считать изменения диффикса значимыми изменениями корня, то есть видели в арабском языке явление, схожее с «внутренней» флексией индоевропейских языков.

Впервые мысль о том, что из основы семитского слова можно вычленишь корень и некорневой остаток, пришла выдающемуся русскому языковеду Ф.Ф. Фортунатову. Именно он разделил неделимую ранее основу семитского слова на корень и некорневой остаток, который он понимал как флективную часть основы [Фортунатов 1990: 69].

Н.В. Юшманова не совсем удовлетворяло понимание некорневого остатка основы как флексии, и он назвал его огласовками. В это обозначение ученый вкладывал морфологический смысл: «В арабском словообразовании три основных момента — корень, огласовка и приставка (пре-, ин- и суффиксы)» [Юшманов 1938: 23].

В.П. Старинин предложил различать в семитских языках флексию корня и флексию диффикса: «для семитских языков надо различать диффиксацию — оформление корня в слово или основу, — во-первых, и флексию диффиксов, т.е. чередование их гласного состава как грамматический способ, во-вторых. Термин „внутренняя флексия“, или „флексия основы“, недостаточен, потому что основа не односоставна, а разделяется на две морфемы — корень и диффикс, из которых каждая может подвергаться флексии» [Старинин 1963: 46].

Шаг вперед в данном вопросе сделал А.А. Реформатский, назвав диффикс гласной прослойкой, имеющей грамматическое значение. Он признавал наличие в арабском языке особого вида аффиксации — трансфиксации, когда «аффиксы, разрывая корень, состоящий из одних согласных, сами разрываются и служат „прослойкой“ гласных среди согласных, определяя словоформу и оформляя ее грамматически». Таким образом, А.А. Реформатский рассматривал корень и трансфикс (согласно способу оформления и их значению) как две обособленные, соединенные агглютинативно, морфемы [Реформатский 1997: 269, 285].

Таким образом, на современном этапе ученые исходят из того, что структура семитского слова предопределяет двухморфемность слова, рассматриваемого

с точки зрения слово- и формообразования. Первым членом этого двучлена является корень, а вторым — морфема со словообразовательным или формообразовательным значением. Такая морфема является обязательным и неотъемлемым элементом для оформления несамостоятельного трехсогласного корня в слово или основу.

Не менее значимым оказывается и вопрос о характере отношений между частями слова. Действующая в русском языке фузионная тенденция, которая проявляется в тесном сплетении основы и аффиксов, существенно затрудняет членность слова на морфемы. В арабском же языке, напротив, аффиксы легко выделены, что объясняется агглютинативностью отношений между частями слова. На границах морфем отсутствуют непредсказуемые фонологически варьируемые. Четкие и однозначные границы морфем исключают саму возможность неоднозначного членения, что так характерно для языков флективного типа.

Служебные морфемы глагольного слова в арабском языке согласно занимаемому положению в словоформе делятся на внешние и внутренние аффиксы. С точки зрения функциональной роли первые представляют собой словоизменятельные флексии, а вторые являются префиксами, инфиксами и диффиксами, носящими основообразовательный характер. По своему значению все внутренние аффиксы являются либо словообразовательными (префиксы, инфиксы), либо словоизменятельными (диффиксы).

Таким образом, в арабском языке несамостоятельный трехсогласный корень всегда будет окружен основообразующими аффиксами (словоизменятельными или словообразовательными), без которых он не употребляется. Именно поэтому основа арабского слова никогда не совпадет с корнем: в ней всегда можно выделить либо корень и диффикс (если основа простая), либо корень, диффикс и словопроизводственные морфемы (если основа расширенная).

Следует обратить внимание и на различия в структуре глагольного и именного слова. Если в именной основе диффикс играет словообразовательную и словоизменятельную функцию, то в глагольной основе он выступает только как словоизменятельный элемент: гласные диффикса привносят определенное грамматическое значение времени или залога. Функция словопроизводственных морфем, как в глагольной, так и в именной основе одинакова. Данные структурные элементы определенным образом изменяют основное лексическое значение корня. Но полученная на данном этапе основа еще не может функционировать как самостоятельное слово. Оформление основы в словоформу в арабском языке завершается посредством присоединения словоизменятельных аффиксов. Причем последние являются обязательными. Чистая словообразовательная основа, не имеющая какого-либо грамматического показателя, в арабском литературном языке не может выступать в качестве самостоятельного слова.

Подобные особенности грамматической структуры арабского языка, явно отличающие его от индоевропейских языков, сформировали предубеждение о его трудности. В процессе знакомства с новым языком студент невольно начинает сравнивать его с уже известными языковыми системами, наталкиваясь на огром-

ное количество несовпадений и несоответствий, в связи с чем предполагается целесообразным преподавателю как можно раньше начать готовить аудиторию к восприятию иной системы, предугадывая и опережая возможные трудности на пути формирования нового языкового мышления. В случае с арабским языком преподавателю поможет именно грамматика, поскольку чем раньше студент осознает индивидуальность арабского языка и перестанет считать его грамматическую систему «не такой», тем быстрее снимутся трудности и сложности процесса изучения этого древнего и удивительно красивого восточного языка.

Исследования такого рода имеют значение для сопоставительной грамматики и типологии языков и позволяют ближе подойти к мировосприятию носителей арабского языка. Выводы могут найти практическое применение в преподавании иностранного языка, как при обучении арабскому языку российских студентов, так и при обучении русскому языку арабоязычной аудитории.

© Вавичкина Т.А., Власова Ю.Е.

Дата поступления: 28.06.2017

Дата принятия: 10.07.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вавичкина Т.А.* Морфологическая структура глагольного слова в арабском и русском языках (типологический анализ): дис. ... канд. филол. наук. Российский университет дружбы народов. Москва, 2003.
2. *Красильникова Е.В.* Иноязычная коммуникативная компетенция в исследованиях отечественных и зарубежных ученых // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 1 (58). С. 179—184. Режим доступа: http://vestnik.yvspu.org/releases/2009_1g/41.pdf Дата обращения: 18.04.2017.
3. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание / под ред. В.А. Виноградова. Москва: Аспект Пресс, 1997.
4. *Старинин В.П.* Структура семитского слова. Москва: Издательство восточной литературы, 1963.
5. Федеральный компонент государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования по иностранным языкам // Новые государственные стандарты по иностранному языку 2—11 классы. Образование в документах и комментариях. Москва: АСТ:Астрель, 2004.
6. *Фортуатов Ф.Ф.* Лекции по сравнительному языковедению. Сравнительное склонение. Курс 1884—1885 года // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1990. № 2. С. 61—85.
7. *Хуторской А.В.* Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Интернет-журнал «Эйдос». 2002. Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm>. Дата обращения: 10.04.2017.
8. *Юшманов Н.В.* Строй арабского языка. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета, 1938.
9. *Юшманов Н.В.* Избранные труды: Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.

УДК: 81'36:372.462

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-596-603

ROLE OF GRAMMAR IN THE FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF NON-LINGUISTIC STUDENTS

T.A.Vavichkina, Y.E.Vlasova

RUDN University

10, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article considers the role of grammar in the formation of communicative competence of non-linguistic students studying Arabic. Recognizing the fundamental role of linguistic competence in the formation and efficient development of the other components of foreign language communicative competence, the authors consider it advisable to start it from the very first lesson, paying particular attention to the typological peculiarities of the Arabic language, its grammar system. The article presents the characteristic features of the grammatical system of the Arabic language, the word and root structure, the knowledge of which at an early stage of learning will help to avoid problems and will allow to build the necessary linguistic thinking. The theoretical basis was the works of the famous Arabists Starinin (1963) and Yushmanov (1938, 1998), as well as the outstanding Russian linguist Academician Fortunatov (1990).

Such studies are important for comparative grammar and typology of languages and allow to get closer to the worldview of the native Arabic speakers. The conclusions may find their practical application in teaching the Arabic language for Russian students and the Russian language for Arabs.

Key words: competence approach, competence, communicative competence, language (linguistic) subcompetence, the Arabic language, grammar, word structure, typology

REFERENCES

1. Vavichkina, T.A. (2003). Morphological structure of Verbal Word in the Arabic and Russian languages (typological analysis): [dissertation]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. (in Russ).
2. Krasil'nikova, E.V. (2009). The foreign language communicative competence in the researches of domestic and foreign scientists. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 1, 179—184. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2009_1g/41.pdf (accessed: 18.04.2017). (in Russ).
3. Reformatskij, A.A. (1997). Introduction to linguistics. Moscow: Aspekt Press Publ. (in Russ).
4. Starinin, V.P. (1963). The structure of Semitic words. Moscow: izdatel'stvo vostochnoi literatury. (in Russ).
5. The Federal component of state educational standard of secondary (complete) comprehensive education in foreign languages (2004). *The new national standards in foreign language classes 2—11. Education in documents and comments*. Moscow: AST: Astrel' Publ. (in Russ).
6. Fortunatov, F.F. (1990). The lectures on comparative linguistics. The comparative declension. 1884—1885 course of lectures. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2, 61—85. (in Russ).
7. Hutorskoj, A.V. (2002). The definition of all-objective contents and key competence as a characteristic for a new approach in designing educational standarts. *Internet-magazine "Eidos"*. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (accessed: 10.04.2017). (in Russ).
8. Jushmanov, N.V. (1938). The System of the Arabic language. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. (in Russ).
9. Jushmanov, N.V. (1998). Selected works: Works on General phonetics, Semitology and classical Arabic morphology. Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. (in Russ).

Для цитирования:

Вавичкина Т.А., Власова Ю.Е. Роль грамматики в формировании коммуникативной компетенции студентов-нефилологов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. N 3. С. 596—603. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-596-603.

For citation:

Vavichkina, T.A. & Vlasova, Y.E. (2017). Role of grammar in the formation of communicative competence of non-linguistic students. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 596—603. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-596-603.

Tatiana A. Vavichkina & Yulia E. Vlasova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 596—603. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-596-603.

Сведения об авторах:

Вавичкина Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: грамматика литературного арабского языка, методика преподавания арабского языка на различных этапах обучения, типология; *e-mail*: vavichkina_ta@pfur.ru.

Власова Юлия Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: грамматика литературного арабского языка, методика преподавания арабского языка на различных этапах обучения, типология; *e-mail*: vlasova_yue@pfur.ru.

Bio Note:

Vavichkina Tatiana Anatolievna, PhD in Philological sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University; *Research Interests*: Grammar of the literary Arabic language, Methodology of teaching the Arabic language at various stages of education, Typology; *e-mail*: vavichkina_ta@pfur.ru

Vlasova Yulia Evgenievna, PhD in Philological sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University; *Research Interests*: Grammar of the literary Arabic language, Methodology of teaching the Arabic language at various stages of education, Typology; *e-mail*: vlasova_yue@pfur.ru

УДК: 811.111'373.43

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-604-613

НЕОЛОГИЗМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА XXI В.

Е.А. Кольцова

Ивановский государственный энергетический университет
ул. Рабфаковская, 34, г. Иваново, Россия 153003

Статья посвящена анализу номинативных процессов и лексических изменений, происходящих на современном этапе развития английского языка. Именно лексическая система языка, являясь наиболее гибкой и подвижной, непрерывно изменяется вместе с развитием языкового коллектива, обогащаясь новыми лексическими единицами и отражая актуальные общественные тенденции. Новые слова, появившиеся в языке в последние несколько лет, и стали объектом изучения данной статьи.

Материалом послужили неологизмы, включенные в оксфордский онлайн словарь, начиная с 2010 г. Большая часть рассматриваемых лексических единиц была включена в списки слов года оксфордского словаря, формирующихся на основании статистических данных о частоте использования в том или ином году.

Краткий обзор теоретических подходов к проблеме изучения неологизмов и влияющих на их возникновение факторов сопровождается сравнением статистических данных лингвистов конца XX — начала XXI в. В работе рассматривается специфика популярных неологизмов английского языка и актуализация их в повседневном общении носителей языка.

Исследование включало два этапа: аналитический, представляющий собой лексический анализ неологизмов, и интерактивный, заключающийся в опросе информантов. В семантическом плане выделен ряд обобщенных тематических групп / сфер функционирования. Выявление степени актуализации данных языковых единиц в речи носителей английского языка заключалось непосредственно в опросе информантов. Приведен анализ результатов опроса и отношения носителей языка к новым словам. Предпринята попытка разобраться в причинах происходящих изменений и предложить толкование результатов проведенного исследования.

Ключевые слова: неологизм, развитие языка, языковые изменения, сферы функционирования, языковая картина мира

ВВЕДЕНИЕ

Язык как любой живой организм непрерывно эволюционирует, обогащаясь разнообразными языковыми средствами. Наиболее подвижной и гибкой является, как известно, лексическая система языка, изменяющаяся динамично и постоянно вместе с развитием того или иного языкового коллектива, отражая происходящие в обществе изменения и современные тенденции. Именно происходящим в последние несколько лет лексическим метаморфозам английского языка и отношению к ним самих носителей языка посвящена настоящая статья.

Следует сказать, что сфера неологии, привлекающая к себе внимание лингвистов на протяжении не первого десятка лет, развивается сейчас столь же стремительно, как и сам объект ее изучения — новые слова. И если в конце XX в. исследователи оценивали количество появившихся новых английских слов в диапазоне 12 000 в год [Barnhart 1985], то в 2002 г. эта цифра по некоторым подсчетам увеличилась до 10 000 новых слов и словоформ в день [Metcalf 2004]. Количество

же неологизмов, возникающих в языке каждый день в наше время, уже не поддается исчислению. Безусловно, не все эти слова входят в широкую сферу употребления и попадают в словари. Тем не менее, лексикографы пытаются фиксировать все появляющиеся новые лексические единицы, что позволяет нарисовать более полную картину современных тенденций развития языка и говорящего на нем общества.

Изучению и анализу неологизмов посвящено большое количество работ и исследований, которые рассматривают новые слова с разных сторон и аспектов. Сама специфика изучаемого объекта такова, что тема не исчерпывает себя, а исследовательские работы продолжают оставаться актуальными, дополняя и уточняя анализируемый феномен.

ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «НЕОЛОГИЗМ»

Прежде всего определим само понятие, которым мы будем оперировать в настоящей статье. Итак, в самом общем смысле неологизмами в лексике считаются слова или значения существующих слов, появившиеся в языке сравнительно недавно. Ирина Рец, изучив возможные подходы исследователей к толкованию термина «неологизм», которые варьируются в зависимости от исследовательских целей, выделяет 5 основных теоретических подходов: стилистический, денотативный, структурный, этимологический и лексикографический. В рамках стилистического подхода неологизм трактуется как слово, новизна которого маркируется его новым стилистическим употреблением, примером чему могут служить слова, переходящие из жаргона или метаязыка в повседневный язык (например, термин *downtime* ‘time when one is not working or active’). Денотативная теория рассматривает неологизмы как слова, возникающие для наименования новых предметов и понятий и таким образом приобретающие новые денотативные значения, такие как *smartphone*, *selfie*, *e-book*. Структурный подход определяет неологизмы как слова, имеющие абсолютно новую языковую и акустическую форму и структуру, как то: *hobbit* Толкиена. При этимологическом подходе неологизм понимается как уже существующее в языке слово, развившее новое значение: *umbrella* 1) ‘device used as protection against rain’; 2) ‘a protecting force or influence’. И, наконец, сторонники лексикографического подхода к неологизму вкладывают в это понятие, среди прочего, незафиксированность нового слова в словарях, например языковая единица *cinematherapy* ‘using films as therapeutic tools’, которая набрала 70 000 цитирований в поисковой системе Google, но пока не нашла отражения в лексикографических изданиях [Rets 2016].

Обобщив данные подходы, можно заключить, что даже общий для всех определений фактор новизны представляется неоднозначным и во многом противоречивым, так как исследователь должен определить для себя, является ли та или иная языковая единица новой для всех членов общества или только для определенной части носителей языка, для языка повседневного общения или только для определенного подъязыка, метаязыка и т.д.

В данной работе под неологизмами будем понимать слова или словосочетания, являющиеся новыми по своей форме и значению в текущий момент времени и имеющими новое социокультурное значение. Иными словами, к неологизмам

будем причислять как собственно новые слова по форме и значению, так и уже имеющиеся в номинативном фонде единицы, значение которых преобразовалось в силу изменения дискурсивной отнесенности.

ДИНАМИКА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ НЕОЛОГИЗМОВ

На создание новых языковых единиц влияют различные факторы. Так, Л. Гилбер выделяет три таких фактора:

- 1) деноминативный (необходимость обозначить новый объект);
- 2) стилистический (потребность в экспрессивно окрашенной речи);
- 3) давление языковой системы (образование потенциально возможных слов на основе существующих моделей) [Gilbert 1975, цит. по Гацалова 2005].

По своей природе неологизмы в современном английском языке возникают на основании различных принципов. Многие лингвисты отмечают в качестве доминирующего на современном этапе принцип лингвистической экономии. Все более интенсивный ритм жизни и, как следствие, все острее ощущаемая нехватка времени приводит к изменению восприятия времени в XXI в., что отмечается социологами [Urry 2012]. Вполне естественно, что язык как своего рода зеркало социокультурной жизни изменяется вместе с обществом. При этом изменения затрагивают и саму природу языка, в частности его словообразовательные модели. Наиболее популярными становятся слияния, сокращения, аббревиации, которые позволяют выразить мысль, используя минимум языковых средств и затрачивая меньшее количество времени. Так, возникают слова *MOOC* ‘long-distance course’, *vom* ‘vomit’, *hurry sickness* ‘an urgent and persistent need to feel busy or productive’, *sightjogging* ‘visiting a foreign city by jogging around it’.

Статистические данные также подтверждают это явление. По свидетельству В.И. Заботкиной, в 60—70 гг. аффиксация преобладала над словосложением, уступив ему только в 80-е гг. В конце XX столетия одними из наиболее продуктивных собственно языковых способов образования новой лексики в английском языке являлись словосложение (29,5% от всего корпуса неологизмов), аффиксация (24%) и конверсия (3%). В 2014 г. некоторые исследователи ставят сокращения (слияния, аббревиатуры, акронимы) на второе место по частотности [Воейкова 2015], в то время как несколькими годами ранее канадский исследователь Пол Кук в своей докторской диссертации 2010 г., анализируя 1186 наиболее частотных неологизмов, отмечает, что 43% новых слов образованы по принципу слияния (blending) [Cook 2010: 41]. Следует отметить, что в 1991 г. Джон Алджео, изучая динамику словообразовательных моделей неологизмов, утверждал, что на долю слияния приходится лишь 5% новых слов [Algeo 1991].

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ: СФЕРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Словообразовательным моделям неологизмов английского языка посвящены десятки работ отечественных и зарубежных ученых. Поэтому в данной статье нет смысла останавливаться на них подробно. Основная цель исследования, как уже отмечалось вначале, заключается в определении специфики популярных неоло-

гизмов английского языка и актуализации их в повседневном общении средне-статистических носителей английского языка.

Материалом послужили неологизмы, включенные в оксфордский онлайн словарь начиная с 2010 г. Общий объем анализируемых слов и выражений составил 77. Слова отбирались по принципу, как представлялось на начальном этапе изучения, наиболее частотного употребления носителями языка. Так, большая часть рассматриваемых лексических единиц была включена в списки слов года оксфордского словаря, которые формируются на основании статистических данных о частоте их использования в том или ином году.

Исследование включало два этапа: аналитический, состоящий из отбора и лексического анализа неологизмов, и интерактивный, заключающийся в опросе информантов.

Изложение результатов проведенного исследования начнем с лексического анализа новых номинативных единиц. В рассматриваемую группу слов вошли 58% существительных, 25% глаголов, 13% прилагательных и 4% аббревиатур, за которыми стоят более композиционно сложные, развернутые словосочетания. Таким образом, структурный и частеречный анализ свидетельствует о доминирующем количестве однословных языковых единиц, выраженных существительными, что в свою очередь говорит о большей необходимости носителей языка именовать вновь появившиеся явления или ситуации. Отметим, что 49% рассматриваемых слов образованы путем слияния (*blending*), что полностью подтверждает приведенные в теоретической части наблюдения относительно принципа языковой экономии в контексте ускоряющегося ритма жизни XXI в.

В семантическом плане можно выделить 5 обобщенных тематических групп/сфер функционирования:

— общественная и повседневная жизнь, включающая названия различных недавно возникших явлений, привычек, вошедших в обиход предметов и т.д. (39%): *wine o'clock* ‘an appropriate time of day for starting to drink wine’; *cidery* ‘a place where cider is made’; *to binge-watch* ‘to watch multiple episodes of a television programme in rapid succession’; *fandom* ‘the state of being a fan of someone or something’; *showrooming* ‘the practice of visiting a shop or shops in order to examine a product before buying it online at a lower price’; *omnishambles* ‘a situation that has been comprehensively mismanaged’; *sodcasting* ‘the practice of playing music through the loudspeaker of a mobile phone while in a public place’; *to mansplain* ‘when a man explains something to a woman in a manner regarded as condescending or patronizing’;

— компьютерные технологии и социальные сети (21%): *selfie* ‘a self-portrait photograph’; *to rage-quit* ‘to angrily abandon an activity that has become frustrating’; *AFK* (*away from the keyboard*); *second screening* ‘the practice of watching television while simultaneously using a smartphone, tablet computer, laptop, or other screen device’; *webisode* ‘an episode of a series distributed as web television’; *to pocket-dial* ‘accidental placement of a phone call while a person’s mobile phone is in the owner’s pocket or handbag’;

— социально-экономическая сфера (12%): *bedroom tax* ‘a reduction in the amount of housing benefit if the property has more bedrooms than is necessary for the number of the people in the household’; *Eurogeddon* ‘the catastrophic potential financial collapse

in the Eurozone’; *squeezed middle* ‘the section of society regarded as particularly affected by inflation, wage freezes, and cuts in public spending’; *crowdsourcing* ‘the practice whereby an organization enlists a variety of freelancers, paid or unpaid, to work on a specific task or problem’;

— общественно-политическая лексика (9%): *Brexit* ‘potential withdrawal of the UK from the European Union’; *occupy* ‘an international movement protesting against perceived economic injustice by occupying buildings or public places and staying there for an extended period of time’; *hacktivism* ‘the subversive use of computers and computer networks to promote a political agenda’; *slacktivism* ‘actions performed via the Internet in support of a political or social cause but regarded as requiring little time or involvement’; *indyref* ‘independence referendum held in Scotland’;

— антропоцентрические характеризующие номинации, описывающие людей и их потребности, умственные качества, взгляды и убеждения, стиль и т.д. (19%): *moblivious* ‘staring at your phone whilst walking or driving and oblivious of your surroundings’; *sapiosexual* ‘a sapiosexual is a person who finds intelligence a sexually attractive quality in others’; *adorkable* ‘unfashionable or socially awkward in a way regarded as appealing or cute’; *hangry* ‘being so hungry that the lack of food causes a person to become angry and frustrated’; *on fleek* ‘extremely good, attractive, or stylish’; *normcore* ‘a trend in which ordinary, unfashionable clothing is worn as a deliberate fashion statement’; *lumbersexual* ‘a young urban man who cultivates an appearance and style of dress suggestive of a rugged outdoor lifestyle’.

Мы признаем условность данного разделения по группам и названия самих тематических групп (см. рис.). Это вызвано рядом причин, и прежде всего наличием в одном слове сем, позволяющих отнести его сразу к нескольким областям.

Рис. Тематические группы неологизмов

В процентном соотношении самой продуктивной по образованию неологизмов является сфера общественной и повседневной жизни — 39%, за которой следует бурно развивающаяся область новых технологий, Интернет и социальных сетей — 21% и далее довольно разнородная группа, которую мы обозначили как антропоцентрические номинации, характеризующие людей и их потребности, способности, манеры и стиль и т.д., занимающую 19% от общего числа анализируемых слов.

ИНТЕРАКТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ И АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Вторая часть исследования, нацеленная на выявление степени актуализации данных языковых единиц в речи носителей английского языка, заключалась непосредственно в опросе информантов — носителей языка, проживающих на территории Великобритании. В ходе опроса информантам предлагалось ответить на несколько вопросов, в частности о значении слова, частоте его употребления, возможных синонимах и прогнозах относительно потенциального закрепления лексики в словарном составе языка.

Предваряя результаты анализа, стоит сделать оговорку, что в проведенном опросе принимали участие жители южных графств Англии — Хемпшира, Суррей и Западного Сассекса и унитарных административных единиц Брайтон, Портсмут и Саутгемптон. Данный факт мог повлиять на результаты опроса, так как, возможно, в других частях и графствах Великобритании языковые тенденции несколько иные.

В XX в. большинству неологизмов требовалось время, чтобы прочно закрепиться в языке повседневного общения. Однако, как можно было бы предположить, в последнее десятилетие с развитием информационных технологий, социальных сетей и иных многообразных и широких возможностей для общения наблюдается не только интенсификация, ускорение процесса создания, но и, что принципиально важно для нас, быстрое распространение новых слов как в данном языковом коллективе, так и по всему миру.

Результаты оказались несколько неожиданными, поскольку группа информантов в возрасте от 25 до 45 лет определила значение лишь 36% слов. Однако, когда слова были представлены уже в контексте, информанты смогли понять значение 90% приведенных слов. Информанты возрастной группы 20—25 лет сообщили, что слышали либо встречали 50% слов, узнав их вне контекста. Однако активно, по мнению опрошенных, используются только 15—20% новых слов, которые отбирались для анализа. В основном это лексические единицы из сферы повседневной жизни, новых технологий и политико-экономического блока. В этой связи еще раз хотелось бы подчеркнуть специфику выбранных нами слов: большая часть лексем, включенных в опрос, публиковалась в списках слов года оксфордского словаря, которые формируются на основании высокой частоты использования.

Отношение информантов к подавляющему большинству неологизмов достаточно негативное. Они были охарактеризованы как «глупые», «ненужные» и неспособные надолго закрепиться в английском языке. Такое мнение выразила большая часть принимавших участие в опросе носителей языка, и, в частности, вся возрастная группа от 25 до 45 лет.

Подобное мнение не является новым, крайне отрицательное отношение носителей языка к новым, непривычным словам отмечалось неоднократно. Издание *The Telegraph* утверждает, что новые слова входят в язык настолько стремительно, что «проходят мимо» целого поколения ('terms ... have entered the language so quickly that they have bypassed the entire generation') [The Telegraph URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/newstoppers/howaboutthat/11574196/new-forms-of-social-media-terms-which-parents-do-not-understand.html>].

Дэн Клейтон, анализируя восприятие языковых изменений, цитирует ряд представителей средств массовой информации, которые описывают новые слова, рождающиеся в молодежном сленге или пришедшие из американского варианта английского языка, как «упадок», «вырождение», «разрушение» английского языка ('decline, decay and collapse'), сравнивая их с видом каролинских серых белок, вытесняющих коренные виды, разрушая тем самым языковую экосистему ('like the grey squirrel destined to drive out native species and ravage the linguistic ecosystem') [Clayton 2016: 86—87].

С лингвистической, исследовательской точки зрения, необходимо отметить, что эмоциональная отрицательная реакция носителей языка на новые и зачастую непонятные слова и их потенциал не отражает объективной языковой картины.

Проанализировав значение всех предложенных для опроса лексем, можно с уверенностью констатировать, что 90% слов появились либо развили новые значения для обозначения новых реалий, не существовавших в языковой картине мира ранее.

Слова, без которых, на первый взгляд, можно было бы обойтись и которые могли бы иллюстрировать избыточность языковых средств выражения, составляют приблизительно 10%. Это языковые единицы, возникшие в молодежном сленге и вошедшие в современный английский язык некоторых социальных и возрастных групп. Однако, по точному наблюдению известного отечественного лингвиста И.Б. Левонтиной, все эти слова появляются потому, что в языке существуют смысловые лакуны, что есть фрагменты языковой картины мира, не описанные языком или описанные так, как это не устраивает носителей языка на данном этапе развития. Так, например, новое слово может появиться не для называния нового объекта или новой реалии, а с целью имплицитного выражения той новой эмоциональной составляющей, которая отсутствует в других близких по смыслу лексемах языка (стилистический фактор возникновения неологизмов, по Гилберу) [Левонтина URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dfzCehnmHf8>].

Мнение И.Б. Левонтиной созвучно мыслям известного лексикографа Джона Алджео, который писал: 'We use some new words because we take delight in them... They reflect changes in material and intellectual culture. And they show us something of the way human beings cope with problems and laugh at the absurdities of life' (*Мы используем некоторые новые слова, потому что это доставляет нам определенное удовольствие... Они отражают изменения как материального мира, так и культурные. Они позволяют продемонстрировать то, как человек решает возникшие перед ним проблемы и смеется над нелепыми жизненными ситуациями*) [Algeo 1991: 15].

Попытаемся разобраться в причинах, по которым многие рассмотренные нами новые слова не попадают в активное употребление у носителей языка.

Приведенное выше мнение журналиста Telegraph относительно большого количества новых слов, вошедших в язык так быстро, что они «прошли мимо целого поколения», безусловно, является одним из объяснений полученных нами результатов. С другой стороны, нельзя забывать о самих концептах, стоящих за новыми словами. Аллан Меткалф предложил использовать ряд факторов, определяющих

«жизнеспособность», или, по выражению Пола Кука, «успешность» нового слова ('successful' new words) [Cook 2010]. Это частота употребления (frequency), 'неочевидность' значения (unobtrusiveness), широта распространения и многообразие ситуаций использования (diversity of users and situations), потенциальная способность слова образовывать иные формы и значения (generation of other forms and meanings), а также продолжительность существования самого концепта, выражаемого данным словом (endurance of the concept to which the word refers). Представляется, что именно фактор многообразия ситуаций употребления и, в ряде случаев, продолжительности существования самого внеязыкового концепта являются ключевыми для понимания и объяснения результатов проведенного опроса. Многие неологизмы созданы для описания конкретной ситуации (*moblivious, second screening, hangry, mansplain, etc.*), и их использование ограничено рамками этой ситуации. Причины создания таких неологизмов уже назывались: это стремление выразить свою мысль или передать свое отношение к чему-либо, используя минимум языковых средств и затрачивая меньшее количество времени. Кратковременный характер некоторых концептов, получивших именование в настоящий период времени, либо кажущаяся кратковременность и «несерьезность» именованного понятия (*normcore, sapiosexual, AFK, etc.*), могут служить еще одним объяснением нежелания носителей языка использовать неологизмы, острого неприятия и отторжения многих лексических единиц, вошедших в английский язык и пытающихся найти в нем свое место.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог рассуждениям о причинах «успешности» или «неуспешности» тех или иных неологизмов английского языка, отметим, что языковые процессы происходят стремительно в сравнении с прошлыми периодами, в течение нескольких дней появляется столько же новых слов, сколько в иные времена появлялось на протяжении нескольких лет. Как метко заметила И.Б. Левонтина, язык в наше время живет как будто в ускоренной съемке [Левонтина URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dfzCehnmHf8>]. И если язык является отражением жизни народа, а лексика своего рода лакмусовой бумажкой для социальных и культурных изменений, то можно предположить, что новые слова, какими бы непривычными и нелепыми они не казались большей части общества вначале, появляются и становятся популярными не случайным образом. Их появление закономерно, так как они несут с собой новые идеи и ценности.

© Кольцова Е.А.

Дата поступления: 27.03.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Воейкова А.А.* Особенности словообразования новой лексики в английском языке (на примере неологизмов, зафиксированных на Интернет-сайте www.wordspy.com) // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 3. С. 119—122.

2. Гацалова Л.Б. Неология как наука в общей парадигме современного языкознания (на материале русского и осетинского языков): дис. ... докт. филол. наук: Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова. Нальчик, 2005.
3. Левонтина И.Б. Язык как инструмент эволюции. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=dfzCehnmHf8> Дата обращения: 27.03.2017.
4. *Algeo J.* Fifty years among the new words: A dictionary of neologisms, 1941—1991. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
5. *Barnhart D.K.* Prizes and pitfalls of computerized searching for new words for dictionaries // *Dictionaries*. 1985. no 7. pp. 253—260.
6. *Clayton D.* Attitudes to language change and variation // *Knowing about language: Linguistics and the secondary language classroom*. London and New York: Routledge, 2016.
7. *Cook P.C.* Exploiting linguistic knowledge to infer properties of neologisms: [dissertation]. Canada: University of Toronto, 2010.
8. *Metcalf A.* Predicting New Words: The Secrets of Their Success. Boston, MA: Houghton Mifflin Company, 2004.
9. *Rets I.* Teaching Neologisms in English as a Foreign Language Classroom // *International Conference on Teaching and Learning English as an Additional Language, GlobELT 2016*, 14—17 April 2016, Antalya, Turkey. *Procedia: Social and Behavioral Sciences*, 2016. no 232. pp. 813—820.
10. *The Telegraph*. English language is changing faster than ever, research reveals. Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/newstopics/howaboutthat/11574196/new-forms-of-social-media-terms-which-parents-do-not-understand.html>. Дата обращения: 27.03.2017.
11. *Urry J.* Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century. London and New York: Routledge, 2012.

УДК: 811.111'373.43

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-604-613

NEOLOGISMS IN THE ENGLISH LANGUAGE IN THE 21ST CENTURY

Elena A. Koltsova

Ivanovo State Power Engineering University
34, Rabfakovskaya Str., Ivanovo, Russia 153003

Abstract. The article focuses on analysis of nominative processes and lexical change occurring in English at the present stage of language development. Lexical system, being the most flexible and accessible, constantly evolves with the development of society embracing new lexical means and thus reflecting current social trends. New recently coined English words are the object of this article.

The material included neologisms which have been added to oxford online dictionaries since 2010. Most of these lexical units have been selected for Oxford Word of the Year shortlists, compiled on the basis of their frequent use and significance in a particular year.

A brief review of theoretical approaches to studying neologisms and the factors influencing their coinage is accompanied by comparative studies of statistical data conducted by linguists in late twentieth and early twenty-first centuries. This paper examines some distinctive characteristics of popular English neologisms and their actualization in everyday communication of native speakers of the English language.

The research consisted of two stages: analytical, which included lexical analysis of neologisms, and interactive presenting an informant survey. A number of generalized thematic groups / functioning spheres have been identified in the semantic aspect during the initial stage. The degree of actual usage of these linguistic units by native English speakers has been determined in the survey of informants. The analysis of survey results has been performed and the attitude of native speakers to new and emerging words has

been considered. An attempt has been made to reveal the underlying causes of the current changes and to propose an interpretation of the results received.

Key words: neologisms, language evolution, linguistic change, spheres of functioning, linguistic picture of the world

REFERENCES

1. Algeo, J. (1991). *Fifty years among the new words: A dictionary of neologisms, 1941—1991*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. English language is changing faster than ever, research reveals (2015). *The Telegraph*. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/newsttopics/howaboutthat/11574196/new-forms-of-social-media-terms-which-parents-do-not-understand.html> (accessed: 27.03.2017).
3. Barnhart, D.K. (1985). Prizes and pitfalls of computerized searching for new words for dictionaries. *Dictionaries*, 7, 253—260.
4. Clayton, D. (2016). Attitudes to language change and variation. In: *Knowing about language: Linguistics and the secondary language classroom*. Routledge, London and New York.
5. Cook, P.C. (2010). Exploiting linguistic knowledge to infer properties of neologisms: [dissertation]. Canada: University of Toronto.
6. Gatsalova, L.B. (2005). Neology as a science in modern linguistics paradigm (on the basis of Russian and Ossetian languages): [dissertation]. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University. (in Russ).
7. Levontina, I.B. Language as an evolution instrument. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dfzCehnmHf8> (accessed: 27.03.2017). (in Russ).
8. Metcalf, A. (2004). *Predicting New Words: The Secrets of Their Success*. Boston, MA: Houghton Mifflin Company.
9. Rets, I. (2016). *Teaching Neologisms in English as a Foreign Language Classroom. International Conference on Teaching and Learning English as an Additional Language, GlobELT 2016, 14—17 April 2016, Antalya, Turkey*. Procedia: Social and Behavioral Sciences, 232, 813—820.
10. Urry, J. (2012). *Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century*. Routledge.
11. Voyeykova, A.A. (2015). Specific features of word-formation of new vocabulary in English (based on neologisms registered on the website www.wordspy.com). *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 3, 119—122. (in Russ).

Для цитирования:

Кольцова Е.А. Неологизмы английского языка XXI века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 604—613. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-604-613.

For citation:

Koltsova, E.A. (2017). Neologisms in the English Language in the 21st Century. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 604—613. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-604-613.

Elena A. Koltsova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 604—613. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-604-613.

Сведения об авторе:

Кольцова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры интенсивного изучения английского языка Ивановского государственного энергетического университета; *научные интересы:* прагматическая лингвистика, когнитивная лингвистика, речевое воздействие; *e-mail:* elena.a.koltsova@gmail.com.

Bio Note:

Koltsova Elena Aleksandrovna, PhD of Philology, Associate Professor of Intensive English Learning Department, Ivanovo State Power Engineering University; *research interests:* pragmatics, cognitive linguistics, linguistic manipulation; *e-mail:* elena.a.koltsova@gmail.com.

УДК: 811.111'367.622

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-614-619

КЛАССИФИКАЦИЯ НЕИСЧИСЛЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.Б. Костромин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается классификация неисчисляемых английских существительных. Эта тема широко представлена как в классических грамматиках, так и в исследовательских работах. Вместе с тем представляется, что в эту тему можно внести некоторые дополнения и уточнения.

Для этого вопрос необходимо рассмотреть с типологической точки зрения. Английский язык относится к аналитическим языкам, но его аналитизм значительно глубже, чем у других европейских языков, таких как французский, итальянский или испанский. Он имеет черты корнеизоляции. В частности, отсутствие такого классификатора, как категория рода, и сделало основой классификации оценку предмета с точки зрения того, как он существует — как множество отдельных единиц или как нечто неделимое. Движение в этом направлении может привести к уточнению классификационных признаков английских существительных.

Поскольку значительное количество существительных могут употребляться то как неисчисляемые, то как исчисляемые, возникает вопрос о соотношении этих значений. На примере слова *death* был проведен статистический анализ его неисчисляемых и исчисляемых употреблений.

Аналитизм означает также, что классификационные маркеры английских существительных выражены отдельными морфемами, не входящими в состав слова, либо не выражены никак. Отсюда следует отсутствие жесткой закрепленности за определенной категорией в отличие от неизменности категории рода. Классификационный статус английского существительного — это результат взаимодействия лексических, грамматических синтаксических факторов. Баланс этих факторов определяет возможность перехода существительных из категории неисчисляемых в категорию исчисляемых.

Для носителя синтетического языка артикль, особенно английский, представляет особую сложность, поскольку в его языковом мышлении данная категория отсутствует. Поэтому умение быстро и детально классифицировать объекты по категориям важно при изучении английского языка.

Ключевые слова: исчисляемые и неисчисляемые существительные, подгруппы неисчисляемых существительных, разряды исчисляемости, артикль и структура значений существительного

ВВЕДЕНИЕ

Категория исчисляемости имманентна множественному числу. Категория неисчисляемости проявляется как невозможность ряда существительных образовать множественное число (*singularia tantum*). В английском языке, в отличие от русского, есть знак, специализированный для указания на исчисляемость понятия. Неопределенный артикль, осуществляя свою первичную функцию — указание на имя существительное — и имея значение «один», неизбежно означает также и представление о том, что данный предмет представлен в единичном экземпляре и подлежит счету. Категория исчисляемости/неисчисляемости в английском языке одновременно является лексической, грамматической и синтаксической. Эта категория лексическая в том смысле, что она определяется прежде всего содержанием понятия. Эта категория грамматическая в том смысле, что для ее выражения ис-

пользуется грамматическая оппозиция неопределенного артикля или множественного числа нулевому артиклю. Это категория синтаксическая в том смысле, что зависит от контекста. Семантика существительного, грамматика и синтаксис представляют собой своего рода весы. Существительное оказывается исчисляемым или не исчисляемым в зависимости от того, какой фактор — лексическое значение, грамматика или синтаксис, перевешивает. В связи с этим можно провести более детальную квалификацию английских существительных, чем простое разделение их на две группы — исчисляемые и неисчисляемые.

ГРУППЫ НЕИСЧИСЛЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В первую очередь необходимо выделить неисчисляемые существительные, которые всегда принадлежат своей группе и ни при каких условиях не меняют своего статуса, оставаясь *singularia tantum* в силу своего лексического значения. Это такие лексические группы, как наименования неизменных отвлеченных понятий — *health, snobbery, behavior, information, advice, chaos, assistance, progress, nonsense, fun, accommodation* (в значении жилье); понятий о собирательном неделимом предмете, составленном из разнородных элементов — *furniture, jewelry, silver, baggage, luggage*; понятий о сплошной массе вещества или явления без собственных пространственных границ — *blood, rice, bread, traffic*; видов спорта и болезней — *socket, bronchitis*.

Представляется, что наименование видов спорта и болезней можно объединить в одну группу с точки зрения типа неисчисляемости — все эти существительные называют некий инвариантный процесс. Футбол это всегда одна и та же игра, сколько бы раз в нее не играли. Понятие, например, о бронхите также неизменно. Как и футбол, это процесс, обладающий совокупной группой неизменных признаков.

Среди наименований видов спорта можно встретить единичные случаи употребления в исчисляемом значении. В *A balanced corpus of British English up to 1994* представлен такой пример:

He took off his white coat. Under it he was wearing a slate-blue suit in tussore, the cut, material and colour not quite masculine enough for his height and heavily muscled chest. He had the figure of a rugby international and he made Wexford, who was just on six feet, feel short.

При таком употреблении происходит изменение значения: *регби* — *регбист*, по типу *beauty* — *a beauty* (см. далее). В ряду существительных, называющих болезни, также есть одно исключение: понятие *cancer* — *рак* имеет разновидности как по видам, так и по больному органу, и потому данное слово может употребляться с артиклем *a*.

ФАКТОРЫ ПЕРЕХОДНОСТИ

Самую большую группу составляют существительные, которые можно было бы назвать переходными, то есть способными употребляться и как неисчисляемые и как исчисляемые. Это существительные отвлеченные и вещественные. Внутри этой группы можно выделить свои подгруппы.

Особая небольшая группа — это отвлеченные неисчисляемые существительные, которые, не употребляясь в единственном числе с артиклем *a*, однако могут употребляться во множественном числе: *weathers, damages, evidences, permissions, equipments, sceneries*.

(...) students' misconceptions remained well ingrained even after a thorough coverage of the *evidences* supporting evolution [Corpus of Historical American English; 2004].

При этом необходимо отметить динамику развития таких существительных. Если the Corpus of Historical American English в 1820 отмечает 158 употреблений *evidence* во множественном числе, то в 2000 — только 5 [Levin M. URL: <https://blogg.lnu.se/english-language-blog/blog/magnus/is-evidence-used-in-the-plural>].

Основная масса переходных существительных — это неисчисляемые существительные, которые употребляются как исчисляемые с небольшими оттенками в значении. *Get into debt* — *влезть в долги*, то есть попасть в долговое состояние, задолженность. *Pay a debt* — *уплатить долг*, то есть некоторую сумму денег, отличную от другой суммы, а следовательно, некую величину, подлежащую счету в ряду других величин. *Catch (a) cold* — простудиться. Если артикль употреблен, то подчеркивается временное состояние простуды, если нет, — простуженность как таковая, состояние переохлаждения. *All children like ice-cream.* — *Все дети любят мороженое*. Мороженое мыслится как вещество. *The town itself was quite charming, however, and we enjoyed an ice-cream on the beach before visiting Bluff, the southernmost point of the main land.* ...и мы с удовольствием съели по мороженному... Имеется в виду порция мороженого.

Как видно из примеров, достаточно добавления артикля *a*, чтобы в соотношении семантика — грамматика последняя перевесила и слово перешло в разряд исчисляемых существительных.

В других случаях для такого перехода необходимо участие синтаксиса, а именно существительное реализует исчисляемое значение за счет присоединения определения. Определение может быть выражено:

◆ прилагательным или причастием (причастным оборотом) — *I was about to say tenderness — and to do that in part by acknowledging that it is a knowledge implicit in or enabled by Gide's own transgressive crossing of some forbidden boundaries;*

◆ предложным оборотом — *Also, the history of sculpture includes some account of the abortive plans for sculpture, just as the history of architecture is incomplete as a history of ideas without a knowledge of rejected proposals;*

◆ придаточным предложением — *These are people with a genuine interest in history coupled with a knowledge that might surprise you, considering they are amateurs.*

Данные языковых корпусов позволяют определить частотность употребления переходных существительных как исчисляемых и неисчисляемых. По данным языкового корпуса Лидского Университета [URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/itweb/htdocs/Query.html>], например, слово *death* как неисчисляемое употреблено 18 445 раз. Как исчисляемое без определений употреблено 289 раз, с такими атрибутивными определениями, как *tragic, sudden, slow* и т.д. — 246 раз и 7 раз с придаточными пред-

ложениями. Эти данные получены при осуществлении поиска в A balanced corpus of British English up to 1994. Другие корпуса дают несколько иные цифры, но в той же пропорции. Поэтому хотя в словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary [Hornby 1995] первым значением слова *death* дается его исчисляемое употребление, на основании приведенных данных можно считать, что именно несчисляемое значение является для него первичным.

РАЗРЯДЫ ИСЧИСЛЯЕМОСТИ

При исчисляемом употреблении неисчисляемые существительные осуществляют переход в один из следующих разрядов исчисляемости:

- ◆ вещество → единичный объект — *ice-cream* → *an ice-cream*;
- ◆ вещество → отдельное событие — *fire* → *a fire*;
- ◆ вещество → некая разновидность, сорт — *wine* → *a wine*:

Over the years she had developed a discerning palate and acquired an encyclopaedic knowledge of ... the suitability of a wine with a specific food.

◆ отвлеченное понятие → отдельное событие, временной промежуток — *morning* → *on a September morning*;

◆ отвлеченное понятие → некая разновидность, один из возможных вариантов явления — *attention* → *an attention*:

For Clelia was, as she had claimed, a good audience: she listened with an attention that picked up the faintest vibrations of meaning [<http://corpus.leeds.ac.uk/itweb/htdocs/Query.html>. URL: (date of reference on 19 2017)].

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ КАК СРЕДСТВО ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

В некоторых случаях при переходе неисчисляемых существительных в разряд исчисляемых происходит изменение значения. Как правило, происходит перенос по смежности: отвлеченное понятие о качестве — единичный предмет носитель этого качества, *beauty* — *a beauty*, вещество — событие, связанное с проявлением этого вещества *fire* — *a fire*; отвлеченное понятие о качестве — случай проявления этого качества, *decision* — *a decision*, *experience* — *an experience*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, внутри традиционно выделяемых неисчисляемых существительных — отвлеченных, собирательных и вещественных существуют как *singulalia tantum* (*advice, furniture, blood*), так и переходные, употребляющиеся и как исчисляемые (*attention, equipment, wine*). В свою очередь, переходность может быть разных типов: переходность только во множественном числе (*weather*); переходность грамматическая, переходность синтаксическая. Грамматическая переходность свойственна существительным, понятийное содержание которых предполагает предмет, обладающий почти в равной степени стороной исчисляемой и неисчисляемой. Такие существительные можно назвать бивалентными (*debt*). Синтаксическая переходность возможна для тех существительных, которые, будучи прежде

всего неисчисляемыми, модифицируются при присоединении уточняющих понятий (*knowledge*). Лексические группы «спорт», «болезни» в целом можно считать *singularia tantum*, за исключением двух слов *rugby* и *cancer* в двух единичных случаях.

В рамках категории неисчисляемости/исчисляемости образуются три оппозиции: вещество — физические объекты (штуки), неизменные процессы — события (временные интервалы), неизменные отвлеченные понятия — отдельные отвлеченные понятия и явления (разновидности).

© Костромин А.Б.

Дата поступления: 10.04.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

УДК: 811.111'367.622

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-614-619

A CLASSIFICATION OF ENGLISH UNCOUNTABLE NOUNS

Alexey B. Kostromin

RUDN University

Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article studies the classification of uncountable English nouns. The topic is described largely both in grammar manuals and research works. However, it may be presented in more details.

In the typological perspective English is not just an analytical language. It certainly demonstrates some features of an isolating language. Unlike such languages as French, German or Italian, it lacks the grammatical gender and that is the cause of a different ground for the classification of English nouns. They are divided into classes according to the way the things exist — either as separate single units forming quantities or some continuity with no definite limits both material and mental. This is the guideline to a more detailed description of countable and uncountable nouns.

The analytical character of English also implies that noun classifiers are not imbedded into a noun in its basic form, but are either a separate root morpheme (article *a*) or are not expressed at all. That differs much from grammatical gender which is a permanent attribute of a noun. The initial class of a noun is not fixed and can change depending the meaning and context. A balance of those two factors determines the shift from being a countable noun to the opposite status and vice versa. That's why a synthetic language speakers face a difficult task of mastering the English article and a detailed classification uncountable nouns may help them a lot.

A statistical analysis of the word *death* which is both countable and uncountable was made to show the prevailing usage.

Key words: uncountable nouns and countable nouns, groups of uncountable nouns, categories of noun countability, the indefinite article and the semantic structure of nouns

REFERENCES

1. Barmina, L.A. & Verkhovskaya, I.P. (2000). An English Training Course. Moscow: ASTREL-AST.
2. Hornby, A.S. (1995). Oxford Advanced Learner's Dictionary. UK: Oxford University Press.

4. Murphy, R. *English Grammar in Use. A self-study reference and practice book for intermediate students*. 2ed. UK: Cambridge University Press.
5. The Centre for Translation Studies. URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/itweb/htdocs/Query.html>. (accessed 19.04.2017).
6. The Corpus of Historical American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coha> (accessed 19.04.2017).
7. Levin M. Is “evidence” used in the plural? *The English Language Blog*. URL: <https://blogg.lnu.se/english-language-blog/blog/magnus/is-evidence-used-in-the-plural> (accessed: 19.04. 2017).

Для цитирования:

Костромин А.Б. Классификация неисчисляемых существительных в английском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 614—619. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-614-619.

For citation:

Kostromin, A.B. (2017). A Classification of English Uncountable Nouns. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 614—619. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-614-619.

Alexey B. Kostromin, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 614—619. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-614-619.

Сведения об авторе:

Костромин Алексей Борисович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Юридического института Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: теория языка, типология, компаративистика, германистика; *e-mail*: costromin@yandex.ru

Bio Note:

Kostromin Alexey Borisovich, PhD, associate professor in the Department of Foreign Languages, RUDN University; *Interests*: theory of language, comparative linguistics; *e-mail*: costromin@yandex.ru

УДК: 811.111:811.112

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-620-629

О ВЗАИМОСВЯЗИ КОННОТАЦИИ И СТИЛИСТИЧЕСКОЙ МАРКИРОВАННОСТИ (на материале английского и немецкого языков)

Л.Н. Лунькова, М.В. Мордакина

Государственный социально-гуманитарный университет
ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Московская область, Россия, 140410

Статья посвящена вопросам взаимосвязи коннотативного компонента содержания лексической единицы и ее стилистической маркированности. Таким способом раскрывается природа стилистической маркированности лексической единицы в результате приобретения ей при определенном ситуативном контексте дополнительной стилистической информации. Понимание стилистических значений как коннотативных способствует интерпретации явлений, относящихся к разным сторонам языкового устройства. Значимость исследований характера коннотативной структуры лексических единиц обусловлена тем, что в процессе актуализации в определенном ситуативном контексте лексические единицы могут приобретать новый стилистический статус, пополняя пласт стилистически маркированной лексики. В статье исследуется предметная согласованность коннотации и стиля, с помощью сопоставительного метода анализируются варианты стилистической маркировки лексических единиц в английском и немецком языках на материале английской и немецкой прессы (1995 английских и 2000 немецких контекстов). Основным способом описания лексической единицы является ее лексикографическая презентация. Скомпонованная в виде словарных комментариев, лексикографическая информация позволяет отразить сложную и многомерную структуру лексической единицы с учетом ее функционирования как в языковой системе, так и в речи.

Ключевые слова: стилистический маркер, коннотация, стилистика

ВВЕДЕНИЕ

В числе категорий, составляющих понятийный аппарат лингвостилистики, стилистическая маркированность занимает одну из ключевых позиций. На сегодняшний момент в ее концептуальное пространство входят почти все значимые категории стилистики: стилистический прием, выразительность, образность, эмоциональность и т.д. Научное осмысление природы стилистической маркированности заставляет лингвистов обратиться к поиску точки отсчета, определяющей параметры этого языкового явления. Такой точкой отсчета становится теория коннотации.

Но к ведению коннотативной семиотики относится целый ряд различных явлений, несущих в себе своего рода языковой диссонанс. В работе «Пролегомены к теории языка» Л. Ельмслев указывает, в первую очередь, на стилистические феномены. Это и различие стилистических форм, под которыми он подразумевает стихи, прозу или различные виды их комбинаций; и различие стилей («творческий», «чисто подражательный» и «архаический» — творческий и одновременно подражательный); и различие оценочных стилей («высокий», «нейтральный», «низ-

кий» — вульгарный) [Ельмслев 1960: 134—135]. Таким образом, устанавливается наличие определенной взаимосвязи между базовой коннотацией лексической единицы и ее стилистической маркированностью, а также выдвигается предположение о трансформации коннотационного фона лексической единицы в зависимости от стилистических условий ее употребления.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОННОТАЦИИ И СТИЛИСТИЧЕСКОЙ МАРКИРОВАННОСТИ

В работе «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц», рассматривая проблему взаимосвязи коннотаций и стилистической маркированности, В.Н. Телия позиционирует коннотацию как особый макроэлемент значения номинативных единиц, «который выражает эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому. Это отношение», — пишет автор — «может объединять в себе эмотивно-оценочную модальность, стилистическую маркированность в самом широком смысле и собственно экспрессивную окраску...» [Телия 1986: 17]. Стилистике, полагаем, как нельзя лучше подходит понимание коннотации, предложенное Л. Ельмслевым: «Стилистическое значение языкового знака — это коннотативное означаемое, чьим означаемым выступает данный знак как единство денотативного означаемого и денотативного означаемого» [Долинин 1978: 44]. Оно и стало опорным для всех дальнейших изысканий.

То, что предлагает сегодня стилистическая наука в отношении маркирования лексических единиц, довольно разнообразно и может варьировать в различных лингвокультурных исследовательских традициях. Так, в отечественных лингвистических исследованиях предлагаются понятия «стилистического уровня» и «стилистического слоя». Стилистический уровень понимается как «среднестатистический эстетический языковой уровень высказывания или текста» и определяется «по общему стилистическому уровню слов, их сочетаний и по общему характеру текста» [Kurз 2000: 103]. В свою очередь, стилистический слой в стилистике немецкого языка подразумевает «оптимальное положение языковой формы по отношению к литературной форме и ее эстетическое качество» [там же: 103]. Однако имеет место и другая точка зрения, когда термины «стилистический слой», «стилистический уровень», «стилистическая сфера» часто существуют как синонимы и объясняются как «общее, высшее эмоциональное положение языковых элементов, начиная с нейтрального слоя и повышая либо понижая стилистический слой» [Conrad 1985: 82].

Стилистический уровень, по В. Зандерс, относится не к отдельным лексическим единицам, а к целостному тексту: «Если стиль, в общем, это типичный и повторяющийся выбор и подчинение языковых элементов, то стилистический уровень характеризуется последовательным выбором, т.е. языковые элементы стилистически неделимы. Каждый элемент подобного текста подчиняется закону стилистического единства. А стилистический слой — это требование стилистического единства для всех стилистических уровней, которые так же распространяются на структуру текста» [Sanders 1995: 47].

Стилистические уровни, утверждает М.П. Брандес, связаны с системной стилой, т.е. с организованным контекстом, с произведением и соотносимы с двумя другими качествами стилистики языка — стилистическим пластом (*die Stilschicht*) и стилистической окраской (*die Stilfärbung*) [Брандес 2004: 114].

Число стилистических уровней и слоев, которые используются как в современной лексикографии, так и для унификации лексических единиц, в значительной степени различается от автора к автору и от языка к языку. Большой энциклопедический словарь «Языкознание» утверждает, что в русском языке их четыре — просторечный, разговорный, поэтический, книжный [Ярцева 1998: 463], не включая при этом в их число нейтральный. Для системы английского языка предлагают различать три — разговорный, нейтральный, книжный (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин и др.), для немецкого — пять: вульгарный, фамильярный, разговорный, нейтральный, книжный [см. WDG: Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (1961—1977). Hrsg. von R. Klappenbach und W. Steinitz. 6 Bde. Berlin]. К стилистическим маркерам могут относиться и те, что отражают установку и намерение говорящего и обуславливают использование этих лексических единиц (эвфемизм, пейоративная лексика, юмористические слова и выражения, ироничное и т.п.).

Стилистическая маркированность лексических единиц, очевидно, тесно связана с коннотативной структурой их значения. Ведь если используется выражение с номинативным или описательным значением, у реципиента активизируется не только понятийное содержание, которое связано с формой слова, но и целый ряд других смысловых ассоциаций. В таком случае такой ассоциативный ряд имеет отношение к коннотациям.

Согласованность коннотации и стилистики в большинстве случаев обозначается предметно, при этом отношение между данными языковыми явлениями зависит, прежде всего, от определения коннотации. Если коннотация представляет собой своего рода ограничение употребления и вместе с тем вариацию включения языковой единицы в языковую систему, то стиль образует подгруппу коннотации. Стилистическая коннотация при этом является способом внедрения языковой единицы в стилистическую подсистему. В контексте ситуативного употребления коннотация представляет собой своего рода проявление когнитивной оценки на языковом уровне. Для вербального выражения оценки говорящий вправе выбрать подходящий для определенной языковой ситуации стилистический вариант.

Проследим связь стилистики и коннотации на следующих примерах из русского, английского и немецкого языков соответственно. В русском языке слово «рожа» имеет стилистическую помету *просторечный/разговорный*, в английском языке его лексический эквивалент — «*rug*» с закрепленной лексикографической пометой *разговорный*, в немецком языке слово «*Fresse*» относится к *вульгарному* стилистическому слою. Приведенные примеры несут в себе отрицательные дополнительные семантические или стилистические функции, т.е. обладают отрицательной коннотацией. Лексические единицы «лицо», «*face*», «*Gesicht*» являются нейтральными и употребляются во всех функциональных разновидностях языка. Слово «лик» в русском языке имеет лексикографическую помету *поэтический/книжный*, слово «*image*» в английской лексикографии существует с пометой

книжный, «Antlitz» в немецком языке — слово *возвышенного* слоя. Данные примеры имеют положительную коннотацию.

Очевидно, что между стилистическими и коннотативными компонентами существует определенная соотнесенность. Примеры *лик/image/Antlitz*, *рожа/mug/Fresse* показывают соответствие высокого стиля положительной (мелиоративной) оценке и низкого стиля — отрицательной (пейоративной) оценке.

В целом, разграничивать стилистические и коннотативные компоненты позволяет определение понятия коннотации через эвалюативный компонент значения (например, «Коннотация — эмоциональная, оценочная окраска языковой единицы...» [БЭС «Языкознание» 1998: 236]. При этом оценочное значение подразумевает «указание на то, что данное слово используется с одобрительным, негативным и т.п. значением». Содержательное различие состоит в том, что коннотация выражает оценку в пределах континуума между положительным и отрицательным. Стиль же — понятие более многомерное (оно включает поэтический, вульгарный, фамильярный, молодежный стили, стиль специальной литературы и т.п.).

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Стилистические маркеры можно подразделять на маркеры языкового стиля и маркеры употребления. Тогда маркеры языкового стиля соотносят лексему и стилистический уровень (как, например, фамильярный, разговорный, вульгарный), метки функционирования лексики в определенной сфере употребления (насмешливое, ироничное, уничижительное и т.д.) подчиняют ее принципу воздействия на адресата. Коннотации же, связанные с выражением в речи чувств говорящего и с воздействием речи на чувства адресата, составляют эмоционально-экспрессивную стилистическую окраску языковых единиц. Рассматривая определение коннотации как стилистическую установку говорящего и как оценочный компонент значения, приходим к выводу, что пометы употребления отражают сами коннотации.

Проверка данного утверждения потребовала сопоставительного стилистического анализа эмпирического материала двух лингвокультур: английской и немецкой. Изучив систему лексикографических помет в словарях английского языка наиболее авторитетных издательств, удалось выделить следующие варианты стилистической маркировки лексических единиц.

В *New Oxford Dictionary of English* предложены: региональные пометы; пометы, объясняющие происхождение (этимологию) слов; пометы, указывающие на определенную область употребления слов; пометы, характеризующие ситуации или отдельные виды использования слов; пометы, указывающие, на хронологическое расслоение лексики; пометы, передающие эмоционально экспрессивную окраску; пометы, указывающие на другие ограничения в употреблении (подробнее см.: [Несова 2016: 202—208]).

В *Longman Dictionary of Contemporary English* используются: региональные пометы; этимологические пометы; пометы по сфере деятельности; ситуационно

обусловленные пометы; архаичные пометы; оценочные пометы; пометы ограничений в употреблении [Longman dictionary of contemporary English 2000]. Две последние группы представляют особый интерес для данного исследования, поскольку являются пометами, передающими эмоционально-экспрессивную окраску. К числу оценочных относятся: 1) **apprec** — *appreciative* (одобрительное) — выражение говорящим одобрения или симпатии; 2) **derog** — *derogatory* (неодобрительное) — выражение говорящим неодобрения и неприятия; 3) **humor** — *humorous* (ироническое, шутливое) — выражение иронического/шутливого отношения; 4) **romp** — *rotroous* (высокомерное, помпезное) — выражение высокомерного отношения.

В категории помет, указывающих на различные ограничения в употреблении, выделяются: 1) **dial** — *dialect* (диалектное) — характерно для местной речи на определенной территории; 2) **nonstand** — *nonstandard* (нетрадиционное) — неприемлемо для большинства образованных людей; 3) **taboo** — *taboo words* (вульгарное, запрещенное) — ненормативная лексика.

В целом, указанные толковые словари английского языка демонстрируют определенное единообразие в типах стилистических помет. Стилистические пометы, приведенные в двух толковых словарях английского языка, распределяются между литературной и разговорной нормой. Функционально-стилевая окраска лексических единиц поляризована на оси «книжный/литературный — разговорный» стили. Собственно стилистическая атрибуция лексемы построена чаще всего с учетом исторического фактора, т.е. стилистически маркированными оказываются архаизмы, территориально-диалектные вхождения, и речевые, относящиеся к носителю языка, — окказионализмы. Более детально стилистически охарактеризованными оказываются разговорные лексемы, определяемые узусом. Корпус стилистических помет отличается по наполнению и зачастую исключает эмоционально-экспрессивный компонент, который представлен пометой *оценочное* (Connotative labels). Такое положение вещей может говорить о тенденции свободного использования лексических единиц вне закрепленных за ними значений, а следовательно, о расширении их семантического объема. С этой точки зрения оценочность в семантике английского слова будет обнаруживаться в большей степени в узусе, а не в норме. В свою очередь стилистическая маркированность будет ограничиваться более объективными пометами (территориальными, тематическими, этимологическими и т.п.).

Тем не менее, имеющиеся лексикографические данные все же позволяют проанализировать корреляцию отдельных стилистических маркеров и типа коннотации. Изучение материалов англоязычной прессы (информационно-политическая газета The Guardian, 1995 контекстов) [<https://www.theguardian.com> (02.04.2017)] показало, что в целом закрепленные в словаре стилистические маркеры отражают соответствующую коннотацию. Взятые за основу оценочные маркеры словаря современного английского языка издательства Лонгман (одобрительное, неодобрительное, ироничное, помпезное) [Longman dictionary of contemporary English 2000] практически всегда отражаются в контекстуальной коннотационной структуре лексической единицы. Исследование также показало открытость количественного и качественного потенциала коннотативных вариантов лексических единиц.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В стилистике немецкого языка принято различать стилистический слой (уровень) и стилистическую окраску. Стилистическим слоем (уровнем) будем обозначать исходящую от нейтрального уровня стилистическую характеристику. И фактически речь идет о системе положительной и отрицательной коннотации, которая маркирует лексические единицы со знаком «+» или «-» в зависимости от их отношения к нейтральному слою.

Используемый при анализе маркированных единиц в языке немецкой прессы словарь *Das große Wörterbuch der deutschen Sprache* редакции Duden [Duden-GWB 1999] предлагает 4 типа маркеров: стилистические, территориальные, временные, специальные области познания и профессиональные; и предусматривает лексикографическое описание следующих стилистических слоев лексики немецкого языка: 1) *normalsprachlich* (нейтральное); 2) *bildungsspr.* — *bildungssprachlich* (книжное) — **наличие высокого уровня образования и общей грамотности**; 3) *geh.* — *gehoben* (возвышенное) — **словоупотребление в торжественных случаях и в основном в текстах поэтических произведений**; 4) *dichter.* — *dichterisch* (поэтическое) — выражение прикрепленности лексической единицы к сфере поэтической речи; 5) *ugs.* — *umgangssprachlich* (разговорное) — использование в сфере повседневного общения; 6) *salopp* (фамиллярное) — **выражение определенного уничижения общественных конвенций**; 7) *derb* (грубое) — **выражение грубого или привычного отношения**; 8) *vulg.* — *vulgär* (вульгарное) — выражение противоречия нормам высоко развитой общественности.

Спектр стилистических маркеров лексических единиц немецкого языка очевидно широк, и это позволяет учитывать мельчайшие нюансы в семантике слова, с одной стороны, но затрудняет определение контекстуальной коннотации — с другой. Для анализа координации стилистической маркированности и коннотации лексических единиц в немецкой прессе нами были взяты стилистические маркеры, предложенные в большом словаре немецкого языка издательства Duden: *abwertend* (уничижительное) — выражение полного презрения; *bildungsspr.* — *bildungssprachlich* (книжное) — **наличие высокого уровня образования и общей грамотности**; *derb* (грубое) — выражение грубой, часто оскорбительной оценки; *dichter.* — *dichterisch* (поэтическое) — выражение прикрепленности лексической единицы к сфере поэтической речи; *fam.* — *familiär* (непринужденное) — свойственно разговорной речи или просторечию и имеет или интимный или развязный, фамиллярный характер; *gaunerspr.* — *gaunersprachlich* (воровской жаргон) — социальный диалект, употребляемый в среде деклассированных элементов общества; *geh.* — *gehoben* (возвышенное) — выражение уважения, восхищения к предмету речи; *hochspr.* — *hochsprachlich* (литературное) — свойственно литературному языку; *Jargon* (жаргон) — речь какой-либо социальной или иной объединенной общими интересами группы; *mundartl.* — *mundartlich* (диалектное) — употребляемо только жителями той или иной местности; *salopp* (фамиллярно-разговорное) — выражение **небрежного отношения и определенного уничижения общественных конвенций**; *scherzh.* — *scherzhaft* (шутливое) — выражение шутливого отношения к предмету; *spött.* — *spöttisch* (насмешливое) — вы-

ражение насмешки, иронии; **ugs.** — *umgangssprachlich* (разговорное) — свойственно преимущественно разговорной речи; **verhüll.** — *verhüllend* (эвфемизм) — замена прямого обозначения чего-либо описанием с целью скрыть что-то предосудительное; **vulg.** — *vulgär* (вульгарное) — выражение противоречия нормам высоко развитой общественности; **iron.** — *ironisch* (ироническое) — выражение иронического отношения; **emotional/emotional verstärkend** (эмоциональное) — выражение эмоционального состояния; **affektiv** (аффективное) — выражение повышенно-эмоционального состояния; **wohlwollend** (доброжелательное) — выражение благосклонного отношения [Duden-GWB 1999].

Изучение стилистической маркированности в словарной статье (1994 лексические единицы) и контекстуальный анализ материалов немецких газет «Berliner Zeitung» [<http://www.berliner-zeitung.de> (14.03.2017)], «FAZ» [<http://www.faz.net> (16.03.2017)], «Die Welt» [<https://www.welt.de> (17.03.2017)], «Die Zeit» [<http://www.zeit.de> (19.03.2017)], а также информационно-политического журнала «Der Spiegel» [<http://www.spiegel.de/> (01.04.2017)] (общее количество анализируемых контекстов — 2000) показал, что следующие маркеры могут считаться непосредственными указаниями коннотации: **abwertend** (уничижительное), **scherzh.** — *scherzhaft* (шутливое), **spött.** — *spöttisch* (презрительное), **verhüll.** — *verhüllend* (эвфемизм), изрядное количество которых свидетельствует об отрицательной эмоционально-оценочной коннотации (*abwertend*, *scherzhaft*, *spöttisch*), и маркер *verhüllend* дает ревальвирующее описание положения вещей (так, например, перифразы «entschlafen», «einschlafen», «hinübergehen» для глагола «sterben» расцениваются как положительно коннотированные). Часто наблюдается скрытая ирония, которая придает коннотации «знак — (минус)», превращая ее в пейоративную (например, использование лексемы «Zweitfrisur» вместо «Toupet» в следующих предложениях: 1) Insgesamt brauchen 16 Prozent aller deutschen Frauen nur ins Schubfach zu greifen, wenn sie sich mit einer Zweitfrisur verschönern wollen: 15 Prozent haben ein Haarteil, eine von hundert hat eine komplette Perücke parat (Der Spiegel, 10.03.1969)).

Таким образом, очевидно, что коннотированная лексика неизбежно создает экспрессивно-прагматический эффект высказывания. Разумеется, такого же эффекта можно добиться и при помощи речевого употребления языковых единиц, не обладающих коннотативным аспектом значения путем их необычной сочетаемости, однако здесь мы имеем дело с иным механизмом создания экспрессии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, благодаря словарным пометам словарная статья толкового словаря представляет сжатое, компактное описание центральной языковой системы — слова. Она аккумулирует свойства слова как словоформы и как лексемы, а потому является описанием и грамматического, и лексико-семантического планов языка в их органичном единстве. Стилистические пометы, в отличие от грамматических помет, которые представляют слово как часть речи и обращены к словоформе (т.е. в первую очередь характеризуют словоизменение), обращены к лексеме, к содержанию слова и его функционированию в языке и речи. Они апеллируют к значению, включая оценочный и коннотативный компоненты широкого спектра.

В словарных статьях отражены экстралингвистическая и собственно лингвистическая информация о заголовочном слове. В толковых словарях, которые выполняют и функции словарей энциклопедических, так как толкование значений в первую очередь представляет денотативное или сигнификативное содержание слова, языковая информация содержится в иллюстрациях — языковых употреблениях в непосредственном, эксплицитном представлении, а также в словарных пометах, которые следуют непосредственно за заголовочным словом. Словарные пометы представляют языковой компонент слова в сжатом, знаковом виде; часто они представлены сокращениями, которые разъясняются в справочном разделе словаря.

В английском языке стилистика зачастую не различает языкового и речевого аспекта, а опирается на различия нормы и узуса, при этом норма представлена литературным языком, а узус — разговорной практикой. Поэтому, словарные стилистические пометы не образуют некоторого содержательного целостного комплекса, а предстают как симметричные отражения нормы и узуса, при приоритете нормы. Такой подход, естественно, выливается в исследование стилистической синонимии, изосемичных средств языка и речи. Стилистические пометы при этом не вскрывают оценочного или экспрессивного компонента значения, объединяя его в одном коннотативном смысле.

В ходе анализа лексикографических источников немецкого языка было выявлено, что единой системы помет также не существует. Стилеобразующие признаки могут быть как функционально-стилистические (указывают на сферы употребления лексических единиц), так и экспрессивно-стилистические (содержат информацию о выразительных свойствах лексем), поскольку принадлежность лексической единицы к определенному стилистическому слою может быть мотивирована рядом подвижных факторов: конкретной сферой общения, социальной ситуацией, типом письменности.

Сопоставление зафиксированных в лексикографических источниках стилистических характеристик лексической единицы и ее контекстуальной коннотации демонстрирует лишь частичное их соответствие. Нам удалось установить, что в рамках определения коннотации как эвалюативного компонента значения не все ограничения употребления и вместе с тем не все лексикографические пометы непосредственно указывают на коннотативные семантические структуры. Лишь несколько маркеров, вычлененные на основании анализа лексикографических помет, дают точные указания на коннотативный характер лексической единицы. Данные сопоставительного исследования свидетельствуют о достоверности выводов по отношению по меньшей мере к двум лингвокультурным системам английского и немецкого языков и позволяют ставить вопрос об универсальном характере предположения.

Дальнейшие исследования в рамках сопоставительной стилистики на материале английского и немецкого языков обеспечат достаточный эмпирический материал и дополнительную доказательную базу нашего исследования.

© Лунькова Л.Н., Мордакина М.В.
Дата поступления: 15.05.2017
Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брандес М.П. Стилистика текста. Москва: Прогресс-Традиция; Инфра-М, 2004.
2. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Москва, 1978.
3. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. Москва, 1960.
4. Несова Н.М. Представление словарной статьи в двуязычных словарях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 202—208.
5. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986.
6. Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998.
7. Conrad R. Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1985.
8. Duden-GWB (1999): Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. In zehn Bänden. (Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion). 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG.
9. Kurz J., Müller D. Stilistik für Journalisten. Wiesbaden, 2000.
10. Longman dictionary of contemporary English (2000). London. Longman Group United Kingdom.
11. New Oxford Dictionary of English (2001). New York. Oxford University Press.
12. Sanders W. Stil und Stilistik. Heidelberg, 1995.
13. WDG: Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (1961—1977). Hrsg. von R. Klappenbach und W. Steinitz. 6 Bde. Berlin.

УДК: 811.111:811.112

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-620-629

TO THE INTERRELATION OF THE CONNOTATION AND STYLISTIC LABELS (on the material of the english and german languages)

Larisa N. Lunkova, Maria V. Mordakina

State University of Social Studies and Humanities
Zelyonaya str., 30, Kolomna Moscow Region, 140410

Abstract. The article is devoted to the interrelation of a word connotation and its dictionary stylistic label. In such a way, the nature of stylistic labels is revealed when lexis carries additional stylistic information in the certain situational context. The understanding of stylistic meanings as connotative promotes interpretation of the phenomena relating to the different parts of the language structure. The significance of a lexical unit connotative structure analysis lies in the fact that words may change their stylistic nature depending on certain contextual conditions. The article discusses the possibilities of the style-connotation correlation, suggests the comparative analysis of stylistic labels in English and German lexicography on material of the English and German press (1995 English and 2000 German contexts). One of the essential ways to present vocabulary as a system is a lexicographical interpretation of a word. Concentrated in the form of notes lexicographical information allows represent complicated and many-sided picture of a lexeme not only in a dictionary but also in speech.

Key words: stylistic label, connotation, stylistics

REFERENCES

1. Brandes, M.P. (2004). *Stylistics of the text*. Moscow: Progress-Tradition; Infra-M. (in Russ).
2. Dolinin, K.A. (1978). *French stylistics*. Moscow. (in Russ).
3. Hjelmslev L. (1960). Prolegomena to a theory of language. *New in Linguistics*, 1, 134—135. (in Russ).
4. Nesova, N.M. (2016). Representation of the entry in bilingual dictionaries. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 202—208. (in Russ).
5. Telia, V.N. (1986). *Connotative aspect of semantics of nominative units*. Moscow: Science. (in Russ).
6. Jarzeva, V.N. (Ed.). (1998). *Linguistics. Great encyclopedic dictionary*. Moscow: Great Russian Encyclopedia. (in Russ).
7. Conrad, R. (1985). *Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut.
8. Duden, K. (Ed.). (1999). *Duden-GWB: Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*. In zehn Bänden. (Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion). 3, völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG.
9. Kurz, J. & Müller, D. (2000). *Stilistik für Journalisten*. Wiesbaden.
10. Rundell, M. (Ed.). (2000). *Longman dictionary of contemporary English*. London. Longman Group United Kingdom.
11. Pearsall, J. (Ed.). (2001). *New Oxford Dictionary of English*. New York. Oxford University Press.
12. Sanders, W. (1995). *Stil und Stilistik*. Heidelberg.
13. Klappenbach, R. & Steinitz, W. (Ed.). (1961—1977). *WDG: Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* Hrsg. von. 6 Bde. Berlin.

Для цитирования:

Лунькова Л.Н., Мордакина М.В. О взаимосвязи коннотации и стилистической маркированности (на материале английского и немецкого языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 620—629. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-620-629.

For citation:

Lunkova, L.N. & Mordakina M.V. (2017). To the interrelation of the connotation and stylistic labels (on the material of the English and German languages). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 620—629. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-620-629.

Larisa N. Lunkova & Maria V. Mordakina, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 620—629. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-620-629.

Сведения об авторах:

Лунькова Лариса Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Государственного социально-гуманитарного университета; *научные интересы*: стилистика, компаративистика, когнитивистика, германистика; *e-mail*: loralu@list.ru.

Мордакина Мария Владимировна, старший преподаватель кафедры французского и немецкого языков Государственного социально-гуманитарного университета; *научные интересы*: стилистика, компаративистика, германистика; *e-mail*: mariya-v-m@yandex.ru.

Bio Note:

Lunkova Larisa Nikolaevna, Doctor of Philology, professor of Department of English Language, State University of Social Studies and Humanities; *Interests*: stylistics, comparativistics, cognitive science, germanistics; *e-mail*: loralu@list.ru.

Mordakina Maria Vladimirovna, Assistant teacher of Department of French and German Languages, State University of Social Studies and Humanities; *Interests*: stylistics, comparativistics, germanistics; *e-mail*: mariya-v-m@yandex.ru.

УДК: 811.111'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-630-635

ИСТОРИЯ НАРОДА В ИСТОРИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА (на материале английского языка)

Т.Б. Пасечник

Государственный социально-гуманитарный университет
ул. Зеленая, 30, Коломна, 140410

В настоящей статье рассматривается вопрос о влиянии фразеологического образа на формирование структуры значения английских фразеологизмов. Изучаемая проблема актуальна, так как обусловлена возрастающим в современной лингвистике интересом к исследованию механизмов вторичной номинации в разных языках и выявлению на материале фразеологизмов специфических особенностей вербального мышления и восприятия действительности языковыми коллективами.

Предметом исследования являются частично или полностью переосмысленные английские фразеологизмы. Объектом рассмотрения являются их семантические особенности, обусловленные фактом мотивации или демотивации по причинам лингвистического или экстралингвистического характера. Метод исследования предполагает обзор исторических фактов, связанных с образованием устойчивых выражений. Проблема, поставленная в статье, заключается в рассмотрении сложного взаимодействия значения английской идиомы и значения свободного словосочетания, являющегося его прототипом, который может определяться по предложенной А.В. Куниным классификации как речевой, языковой, внеязыковой или смешанный. На этом уровне анализа можно убедительно показать, что выразительность идиом с «затемненной» семантической структурой не уступает той, которую можно наблюдать при наличии в выражении «прозрачной» метафоры.

На примере английских устойчивых фраз и выражений демонстрируется, как языковые средства достоверно отражают информацию о характере народа, говорящего на нем, во всем его сложности и многообразии.

Ключевые слова: фразеологическая единица, языковая единица, фразеологическое значение, языковой прототип, речевой прототип, внеязыковой прототип, смешанный прототип

ВВЕДЕНИЕ

Английские исследователи характеризуют идиомы как аномалии языка. С ними не поспорить. К такой характеристике присоединятся, без сомнения, все фразеологи: “An idiom breaks the normal rules, then, in that it does not mean what you would expect it to mean. In fact the idiom is a new linguistic entity with a sense attached to it that might be quite remote from the senses of the individual words that form it. Although it is in form a phrase, it has many characteristics of a single word” [Flavell Flavell 2011: 4]. Слова-компоненты в таком выражении, образно говоря, «венчаются» друг с другом. Теперь их не разлучить. Соединяясь, они утрачивают свое собственное значение и образуют новое, которое может выдержать проверку временем и надолго бережно сохраняться в языке. Но может устареть и выйти из употребления, оставшись почти в забвении лишь на страницах фразеологических словарей.

Семантика устойчивой фразы может полностью измениться с течением времени, и это будет похоже на начало новой жизни. Здесь целая галерея, очевидно, странных образов: темная лошадка, слон в посудной лавке, собака, которая лает

не на ТО дерево, зеленоглазое чудовище, человек, у которого сердце почему-то в рукаве... Чтобы разобраться во всех странностях фразеологизма, нам необходимо обратиться к его происхождению. У каждой идиомы своя история, своя легенда, своя тайна. “They have a tale to tell” [Flavell, Flavell 2011: 2]. Разгадывая эту тайну, мы непременно выйдем за пределы языка. Нам откроется не просто история выражения, а история жизни целого народа, его культура и традиции.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ФРАЗЕОЛОГИЗМА КАК ЕГО ИСХОДНО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

По мнению А.В. Кунина, «все ФЕ восходят к потенциальным фразеологизмам, которые обозначают познанные человеком объекты внеязыковой действительности. Но это не означает, что все ФЕ проходят один и тот же путь развития, так как в их основе лежат разные прототипы» [Кунин 1996: 166]. Он выделяет прототипы четырех разновидностей — речевые, языковые, внеязыковые и смешанные, а внутренние формы подразделяет на простые и сложные. Эта классификация, как видим, учитывает материал, на основе которого возник фразеологизм. Речевым и языковым прототипам соответствует простая или сложная внутренняя форма, а внеязыковым и смешанным — только сложная.

К ФЕ, восходящим к речевым прототипам, относятся обороты с прозрачной внутренней формой: (англ.) *make smb. open his eyes* (букв. заставить кого-л. открыть глаза) — (рус.) изумить, удивить кого-л. В данном примере внутренняя форма ФЕ основана на образном переосмыслении ситуации, действия.

К языковым прототипам относятся ФЕ, от которых в рамках третичной номинации образованы другие устойчивые выражения. Например, английская идиома (*as good as a feast* (в значении «достаточно») не восходит непосредственно к переменному словосочетанию, а опосредована соответствующей пословицей (*enough is as good as a feast* — хорошенького понемножку). Фразеологические дериваты включаются в словари как отдельные единицы наряду с их фразеологическими прототипами.

К смешанным прототипам относятся ФЕ, восходящие к тому или иному литературному источнику, от которых образованы другие идиомы путем фразеологической деривации. Так, известное выражение *to grin like a Cheshire cat* в значении «ухмыляться, улыбаться во весь рот», несомненно, приобрело особую популярность благодаря книге Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес». Однако «Чеширский кот» был известен задолго до этого. История гласит, что в Чешире производили сыры в форме кота либо ставили на головках сыра печать в виде его головы. Таким образом, выражение уже употреблялось за сто лет до выхода в свет популярной книги.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ИДИОМ С ВНЕЯЗЫКОВЫМ ПРОТОТИПОМ

К внеязыковым прототипам (осложненная внутренняя форма) относятся различные экстралингвистические факторы, с которыми ФЕ связаны деривационными отношениями. К таким факторам, способствовавшим появлению устойчивых выражений, относятся легенды, традиции, исторические события и др.

Примером идиомы с внеязыковым прототипом в английском языке может служить фразеологизм *to fall on smb's sword* (букв. упасть на меч) в значении «взять на себя ответственность за серьезную ошибку». Из истории известно, что некогда римские генералы именно так заканчивали жизнь самоубийством в случае поражения в стратегической битве. В современном английском при употреблении данного выражения часто подразумевают отставку политика, которая становится неизбежной после допущенных им просчетов.

Происхождение ряда идиом восходит к религиозным предписаниям, которые неукоснительно соблюдались англичанами. Примером выражения с внеязыковым прототипом может служить фразеологизм *in a month of Sundays* (букв. через месяц воскресений), который употребляют, говоря о чем-то, чему не суждено сбыться. Выражение восходит к первой половине 19 века, когда строго соблюдался запрет на работу в воскресенье, в отличие от будних дней, предназначенных для труда.

Возникновению идиом нередко способствовали, казалось бы, не очень примечательные, забытые события и факты из повседневной жизни англичан. Но язык сохранил устойчивые выражения и вновь возвращает нас в прошлое, если мы хотим узнать тайну их «скрытого» образа.

Ю.П. Солодуб, анализируя такого рода обороты, отмечает, что затемнение образа или его полная утрата ослабляют коннотативные возможности того или иного фразеологического оборота, усиливая одновременно роль сигнификативного и денотативного компонентов в структуре его значения. Тем не менее воздействие некоторых лингвистических факторов явным образом способствует сохранению за коннотативным компонентом его значительной роли.

Фразеолог акцентирует тот факт, что компоненты, не поддающиеся лингвистической интерпретации и способствующие тем самым безобразному восприятию всего фразеологизма, создают вместе с тем «эффект тайны», «загадки». Этот лингвистический фактор, явно усиливающий коннотативные возможности фразеологизмов такого типа, построен на лингвистическом парадоксе: компонент, способствовавший утрате образности фразеологической единицы, одновременно выступает и в роли дезактуализатора, и в роли интенсификатора коннотативного компонента в структуре фразеологического значения [Солодуб, Альбрехт 2002: 212].

Можно с уверенностью сказать, что очень немногие англичане, которые используют идиому *to laugh in (up) one's sleeve* (букв. смеяться в рукав) в значении «смеяться украдкой, исподтишка; смеяться в кулак», знают о ее происхождении. Впервые данное выражение было зарегистрировано в начале XVI в. Именно тогда в мужской и женской моде был широкий крой рукава, используя который несложно было спрятать ухмылку.

Другим интересным примером фразеологизма со «скрытой» образностью может стать выражение *as sick as a parrot* (букв. больной как попугай), которое используют, когда говорят о разочарованном человеке. Конечно, болезнь заставляет человека испытывать крайне негативные чувства. Но почему сравнивают такого человека с попугаем? В семидесятых годах прошлого века сообщалось о серьезной заболеваемости людей, которые имели домашних попугаев. Птицы в клетках стали причиной лихорадки, от которой быстрого излечения было непросто добиться так же, как порой и от чувства разочарования или грусти.

Переменная погода в Англии может свести с ума, стать поводом для шуток и долгих обсуждений. Вспомним столь известную идиому *to rain cats and dogs* в значении «лить как из ведра (о дожде)», происхождение которой восходит к XVIII в., когда на мощеных улицах Британии водостоки были так несовершенны, что во время обильных дождей дороги превращались в реки, смывающие все на своем пути, включая бедных животных. А вот и старинная английская шутка, подтверждающая версию: “It’s raining cats and dogs! I know — I’ve just stepped into a poodle!” [Flavell, Flavell 2011: 244].

Исследование идиоматического материала показывает, что англичане всегда много думали и говорили о море. Оно кормило, принося богатый улов рыбакам, манило дальними странствиями, сулящими быстрое обогащение, угрожало гибелью во времена шторма и ненастья. Специфичность среды бытования английского народа становится очевидной при рассмотрении фразеологизмов, прототипы которых связаны с мореплаванием и рыбацким промыслом. Английская идиоматика бережно хранит многочисленные слова и выражения, некогда используемые мореходами и рыбаками, но в современном языке они приобрели новые смыслы. Исследование этимологии этих фразеологизмов помогает понять, как шел процесс переосмысления переменных словосочетаний и закрепления их новых значений. Рассмотрим лишь некоторые примеры.

Английская идиома *to push the boat out* (букв. вытолкнуть судно) возникла в языке в начале 20 века и широко употреблялась моряками, когда речь заходила о веселой пирушке, до того, как корабль отправится в плавание. Событие отмечалось бурно, спиртное лилось рекой. Именно этот обычай способствовал широкому распространению в английском языке данного фразеологизма. Однако сегодня в Англии мало кто знает о былой традиции. Выражение используется в значении «быть щедрым, много тратить».

Шторм, постигший корабль в море, был большим испытанием для судна и экипажа. Выражение *to batten down the hatches* использовалось моряками и означало «закрывать люки» во избежание попадания воды как раз в тот момент, когда было очевидно, что буря неизбежна. В конце XIX в. выражение стало общепотребительным и было зарегистрировано в словарях в значении «приготовиться к неблагоприятным событиям, опасности».

Фразеологизм *to pour oil on troubled waters* с затемненной внутренней формой восходит к переменному словосочетанию, которое отражало давнее морское поверье — лить масло на поверхность моря, чтобы остановить шторм или сильное волнение. Сема успокоения была перенесена из морской практики на другие жизненные ситуации, которые можно урегулировать каким-либо способом, и в современном английском языке выражение используется в значении «прекратить ссору».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Погружение в исследование фразеологии языков неизбежно приводит к мысли о том, что язык подобен талантливому художнику, наследие которого останется на века. Он представляет не парадные портреты, а скорее мимолетные зарисовки

происходящего с акцентом на детали. Здесь и меч римского генерала, подавленного поражением, и беспечная пирушка моряков, отправляющихся завтра в небезопасное плавание, и отчаянная борьба за жизнь в бушующем море, и даже кем-то любимый попугай, внезапно ставший причиной серьезного недомогания.

Вслед за научным любопытством рождается просто человеческий интерес. О чем думали эти люди, что для них было ценно, чему радовались, о чем грустили... А это уже не уроки истории или фразеологии. Это уроки жизни.

Таким образом, проведенный нами этимологический анализ английских идиом убедительно показывает, что фразеология имеет бесподобное свойство в наиболее яркой и образной форме выражать дух народа, его менталитет, закреплять культурно-исторический опыт познания мира в виде устойчивых оборотов, не столько называющих, сколько почти всегда оценивающих явления и предметы, действия и состояния, предлагая не только рациональную, но и эмоциональную информацию о действительности.

© Пасечник Т.Б.

Дата поступления: 8.05.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996.
2. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. Москва: Русский язык Медиа, 2006.
3. *Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б.* Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). Москва: Флинта. Наука, 2002.
4. *Flavell L., Flavell R.* Dictionary of idioms and their origins. CPI Group (UK) Ltd., 2011.

УДК: 811.111'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-630-635

PEOPLE'S HISTORY IN THE ORIGIN OF IDIOMS (on the material of the english language)

Tat'yana B. Pasechnik

State University of the Humanities and Social Studies
30, Zelyonaya Str, Kolomna, Russia, 140407

Abstract. The article deals with the question of influence of a phraseological image upon the formation of a phraseological meaning in English idioms. The problem posed here is actual as it is caused by a rising interest in modern linguistics to the study of secondary nomination in different languages which is connected with peculiarities of people's verbal thinking and world outlook.

The subject of our investigation is the English phraseological units with a fully or partially transferred meaning. The object of our exploration is their semantic peculiarities defined by their motivation or demotivation for linguistic and extra-linguistic reasons. The method of the inquiry presupposes to go through a brief survey of some historical facts connected with the origin of English idioms. Our intention in writing this article is to trace the complicated interconnection between the meaning of an English idiom and the meaning of a phrase which is considered to be its prototype that can be defined according to A.V. Kunin's

classification as speech, language, outlanguage or mixed. At the level of analysis it is possible to demonstrate the fact that though the metaphor on which the given idioms are based is “darkened”, the expressiveness of such phrases is not a bit less than in idioms with “transparent” metaphors which are felt clearly motivated.

On the example of English set phrases an attempt is made to show the way language means reflect the information about the national character in its complexity and variety.

Key words: phraseological unit, language unit, phraseological meaning, language prototype, speech prototype, outlanguage prototype, mixed prototype

REFERENCES

1. Kunin, A.V. (1996). *A Course in Modern English Phraseology*. Dubna: Phenix. (in Russ).
2. Kunin, A.V. (Ed.) (2006). *Comprehensive English-Russian Dictionary Phraseological Dictionary*. Moscow: RusskyYazik Media. (in Russ).
3. Solodub, Yu.P. & Albreht F.B. (2002). *Modern Russian Language. Vocabulary and Phraseology (comparative aspect)*. Moscow: Phlinta. Nauka. (in Russ).
4. Flavell, L. & Flavell, R. (Ed.) (2011). *Dictionary of idioms and their origins*. CPI Group (UK) Ltd.

Для цитирования:

Пасечник Т.Б. История народа в истории фразеологизма (на материале английского языка) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 630—635. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-630-635.

For citation:

Pasechnik T.B. (2017). *People’s History in the Origin of Idioms (on the Material of the English Language)*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 630—635. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-630-635.

Tatiana B. Pasechnik, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 630—635. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-630-635.

Сведения об авторах:

Пасечник Татьяна Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Государственного социально-гуманитарного университета; *научные интересы:* русская и английская фразеология, методика преподавания английского языка; *e-mail:* ptb.65@mail.ru.

Bio Note:

Pasechnik Tatiana Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the English Language Department, State University of the Humanities and Social Studies; *research interests:* russian and english phraseology, theory and practice of teaching English; *e-mail:* ptb.65@mail.ru.

УДК: 81'255.4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-636-642

ПЕРЕВОД: ПРЕДЛОЖЕНИЕ ИЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЕ?

А.Л. Семёнов¹, В.И. Ершов², Н.Ю. Нелюбова³

¹Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, Москва, Россия, 119034

²Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России
пр-т Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

³Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Традиционно считается, что письменно переводчик переводит текст по предложениям, которое в этом случае и является единицей текста и перевода. В ситуации устного перевода переводчик переводит высказывание. Высказывание может быть сложным по структуре и воспроизводится с паузами, которые могут быть использованы для «вклинивания» перевода. В отдельных случаях высказывание и предложение могут совпадать по форме. Анализ деятельности переводчика и материалов, подлежащих переводу, показывает, что традиционное различие высказывания и предложения в отношении к типу перевода (устный или письменный) не всегда актуально. Высказывание по форме может совпадать с предложением и быть актуальным для письменного перевода. Наличие пауз при воспроизведении высказывания структурирует высказывание, превращая его в последовательность коротких фраз, удобных для перевода. Фраза является минимальной смысловой единицей, пригодной для перевода. Формально по технологии перевода фраза должна содержать в качестве опорных элементов смысла обозначения субъекта и действия. В рабочей ситуации переводчик может использовать технику перефразирования и восполнить недостающий опорный элемент смысла, не изменяя его объем.

Ключевые слова: предложение, высказывание, фраза, перефразирование, субъект, действие

ВВЕДЕНИЕ ТРЕХЗВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

По сравнению с традиционной коммуникацией (адресант-адресат) особенностью двужычной коммуникации является наличие третьего звена в общей схеме — межъязыкового посредника-переводчика. Коммуникация превращается из двухзвенной системы в трехзвенную: адресант—переводчик—адресат.

По всем законам формальной логики известно, что любое дополнительное звено снижает жесткость (в языковой ситуации — точность передачи смысла) системы. И уже много раз доказано, что перевод никогда не бывает абсолютно точным. Точность перевода мы сравниваем с извлечением корня квадратного из 2 [Семенов 2008: 160]. Это действие возможно выполнить только с определенной степенью точности, как и перевод возможно выполнить лишь с заданной или обусловленной степенью точности. Собственно коммуникативный процесс тоже может происходить лишь с определенной степенью точности.

Основными факторами, влияющими на точность передачи смысла в коммуникативном процессе, являются точность плана выражения смысла адресантом и точность восприятия смысла адресатом. Посреднический переводческий процесс можно рассматривать и в аспекте восприятия, и в аспекте выражения смысла. Вполне понятно, что точность (нейтральность) посреднического (переводческого) процесса в коммуникации зависит от сближения свойств восприятия и выражения переводчика с этими же свойствами адресанта и адресата. Но совершенно очевидно и то, что восприятие исключительно индивидуально. В двуязычной коммуникации первым воспринимающим является переводчик, и качество перевода, а следовательно, и коммуникации, зависит от восприятия переводчика. Но что воспринимает переводчик?...

СМЫСЛОВОЙ ЭЛЕМЕНТ В ПЕРЕВОДЕ

Современная даже максимально оперативная коммуникация может происходить не только в устном, но и в письменном виде. Переводчик последовательно переводит смысловые элементы, которые не принадлежат ему, а представлены в виде синтаксически структурированных лексических единиц. Минимально смысловой элемент представляет собой обозначение субъекта и его действия.

Поскольку перевод — это замена элементов одного языка элементами другого языка при сохранении смысла, переводчику необходима полная информация о смысловом действии. В большинстве случаев субъект и его действие несут целенаправленную единую смысловую информацию. Переводчик лишен возможности найти аналог обозначения действия в другом языке, если ему не известен субъект, и он не может перевести именную конструкцию, если не обозначено ее действие.

Не всегда смысловой элемент бывает оформлен в виде подлежащего и сказуемого, но, так или иначе, семантика действия субъекта должна быть выражена и явно известна переводчику. Переводчик не может перевести на английский язык без понимания субъекта и семантики действия однословное предложение «*Интересно!*». Он использует формальное подлежащее (субъект) и соответствующее ему сказуемое: *It is interesting!*

Формально сообщение «*Интересно!*» можно интерпретировать как высказывание или произведение устной речи, имеющее необходимое смысловое содержание и даже некоторую эмоциональную окраску. Перевод *It is interesting!* необходимо интерпретировать как предложение — текстовый элемент. Характеризуя перевод как текстовый элемент, мы не ограничиваем его использование исключительно в письменной форме. В этой ситуации становится совершенно очевидно, что предложение может быть устной и письменной формой представления информации одновременно.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ VS ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Соотношение предложения и высказывания — важный элемент для понимания многих технологических аспектов перевода. Бездоказательно принято считать, что письменный переводчик переводит предложения, а устный — высказывания.

Хотя это происходит в большинстве переводческих ситуаций, все же текстологические исследования показывают достаточно частое и явное смешение понятий предложения и высказывания и письменной и устной деятельности переводчика. То, что в последовательном устном переводе переводчик часто переводит сообщение по предложениям, совершенно очевидно. Но достаточно часто предложение в письменном тексте принимает форму высказывания, что создает чрезвычайно сложную ситуацию для перевода.

Вот один фрагмент из известного произведения В. Набокова «Дар» [Набоков 2007]:

Можно понять брезгливость Рудольфа, — но с другой стороны... мне иногда кажется, что не так уж ненормальна была Яшина страсть, — что его волнение было в конце концов весьма сходно с волнением не одного русского юноши середины прошлого века, трепетавшего от счастья, когда, вскинув шелковые ресницы, наставник с матовым челом, будущий вождь, будущий мученик, обращался к нему... и я бы совсем решительно отверг непоправимую природу отклонения («Месяц, полигон, виола заблудившегося пола...») — как кто-то в кончеевской поэме перевел «и степь, и ночь, и при луне...»), если бы только Рудольф был в малейшей мере учителем, мучеником и вождем, — ибо на самом деле это был что называется «буриш», — правда, буриш с легким заскоком, с тягой к темным стихам, хромой музыке, кривой живописи, — что не исключало в нем той коренной добротности, которой пленился, или думал, что пленился, Яша.

В тексте романа этот фрагмент формально представлен в виде предложения. Структура этого предложения сложна тем, что в нем используются достаточно сложные однородные конструкции, называющие разнородные субъекты и их действия. Множество вводных фраз усложняют понимание смысла, который заложил в текст автор. Структура этого фрагмента скорее приближает его к высказыванию, чем к предложению. Сохраняя логическую последовательность, его можно устно воспроизвести лишь с использованием в речи достаточно длительных пауз. Паузы характерны для высказываний. Они структурируют высказывание и делают его удобным для устного перевода. Но текст предполагает письменный перевод, и он был выполнен [Nabokov 2007]:

Rudolf's squeamishness is understandable, but if one looks at the matter more closely, one suspects that Yasha's passion was perhaps not so abnormal after all, that his excitement was after all very much akin to that of many a Russian youth in the middle of last century, trembling with happiness when, raising his silky eyelashes, his pale-browed teacher, a future leader, a future martyr, would turn to him; and I would have refused to see in Yasha's case an incorrigible deviation had Rudolf been to the least degree a teacher, a martyr, or a leader; and not what he really was, a so-called "Bursch", a German "regular guy", notwithstanding a certain propensity for obscure poetry, lame music, lopsided art — which did not affect in him that fundamental soundness by which Yasha was captivated, or thought he was (translated from the Russian by Michael Scammell with collaboration of the author).

Оставляя за рамками нашего наблюдения оценку передачи смысла и чисто филологический аспект, заметим, что перевод даже при участии автора все же потребовал заметных структурных изменений. Перевод произведений В. Набокова

всегда был проблематичным. И основная проблема — чрезвычайно усложненный синтаксис его текстов, что признавал и сам автор. Своему редактору Кэтрин Уайт он писал:

«Я буду признателен, если вы поможете мне выкорчевать плохую грамматику, но мне не хотелось бы, чтобы мои длинноватые фразы обрезали слишком коротко и чтобы опускали те разводные мосты, которые я с таким трудом поднял. Иными словами, я бы хотел, чтобы вы ощутили разницу между нескладной конструкцией (что плохо) и некой особой — как бы сказать — извилистостью каковая есть мой стиль и которая только на первый взгляд может показаться нескладной или неясной.» [Бойд, Брайан 2004].

С МЫСЛЬЮ О ПЕРЕВОДЕ

По сравнению с английским языком особенностью русского предложения является большая длина. В переводе на английский достаточно часто переводчик прибегает к делению русского предложения. Мы провели небольшое статистическое исследование, задачей которого было лишь убедиться в правомерности нашей гипотезы о сложности перевода сложных предложений. Случайным образом мы выбрали по пять фрагментов одинакового объема из произведений В. Набокова, И. Бунина и В. Аксенова. Нашей целью было определить среднюю длину предложения как условную характеристику синтаксиса языка каждого из этих авторов. В произведениях В. Набокова средняя длина предложения составила 35,73 слова. У И. Бунина — 19,67 слова, а у В. Аксенова 14,26 слова. Заметим, что «Московская сага» В. Аксенова попала в наше исследование из-за нашего предположения, что это произведение создавалось автором в период, когда у него не было ни малейшей надежды на то, что оно будет издано на русском языке, и изначально еще в процессе его создания готовилось к переводу. Автор работал с мыслью о переводе. На наш взгляд, это уникальный пример работы над текстом художественного произведения.

Как бы ни старался переводчик сохранить авторскую структуру произведения, ему все же не всегда удастся сделать это без ущерба художественной ценности текста. И наше исследование еще раз подтверждает, что удовольствие чтения произведения в оригинале никогда не сможет сравниться с чтением даже самого совершенного перевода. Вот еще один пример из «Дара» В. Набокова с переводом на английский язык:

«Меж тем, ничто не остановилось после Яшиной смерти, и происходило много интересного, в России наблюдалось распространение абортов и возрождение дачников, в Англии были какие-то забастовки, кое-как скончался Ленин, умерли Дузе, Пуччини, Франс, на вершине Эвереста погибли Ирвинг и Маллори, а старик Долгорукий, в кожаных лаптях, ходил в Россию смотреть на белую гречу, между тем, как в Берлине появились, чтобы вскоре исчезнуть опять, наемные циклонетки, и первый дирижабль медленно перешиагнул океан, и много писалось о Куэ, Чан-Солине, Тутанкамоне, а как-то в воскресенье молодой берлинский купец со своим приятелем слесарем предпринял загородную прогулку на большой, крепкой, кровью почти не пахнувшей, телеге, взятой напрокат у соседа-мясника: в плюшевых креслах, на нее поставленных, сидели две толстых горничных и двое малых детей купца, горничные пели,

дети плакали, купец с приятелем дули пиво и гнали лошадей, погода стояла чудная, так что на радостях они нарочно наехали на ловко затравленного велосипедиста, сильно избили его в канаве, искромсали его папку (он был художник) и покатали дальше очень веселые, а придя в себя, художник догнал их в трактирном саду, но полицейских, попытавшихся установить их личность, они избили тоже, после чего, очень веселые покатали по шоссе дальше, а увидев, что их настигают полицейские мотоциклетки, стали палить из револьверов, и в завязавшейся перестрелке был убит трехлетний мальчик немецкого ухаря-купца.»

«Meanwhile nothing stopped with Yasha's death and many interesting things were happening: in Russia one observed the spread of abortions and the revival of summer houses; in England there were strikes of some kind or other; Lenin met a sloppy end; Duse, Puccini and Anatole France died; Mallory and Irvine perished near the summit of Everest; and old Prince Dolgorukiy, in shoes of plaited leather thong, secretly visited Russia to see again the buckwheat in bloom; while in Berlin three-wheeled taxis appeared, only to disappear again shortly afterwards, and the first dirigible slowly stepped across the ocean and papers spoke a great deal about Coué, Chang Tso-lin and Tutankhamen, and one Sunday a young Berlin merchant with his locksmith friend set out on a trip to the country in a large, four-wheel cart with only the slightest smell of blood, rented from his neighbor, a butcher: two fat servant maids and the merchant's two small children sat in plush chairs set on the wagon, the children cried, the merchant and his pal guzzled beer and drove the horses hard, the weather was beautiful so that, in their high spirits, they deliberately hit a cleverly cornered cyclist, beat him up violently in the ditch, tore his portfolio to bits (he was an artist) and rolled on, very happy, and when he had come to his senses, the artist overtook them in a tavern garden, but the policeman who tried to establish their identities was also beaten up, after which they very happily rolled on along the highway, and when they saw that police motorcycles were gaining on them, they opened fire with revolvers and in the ensuing gunplay a bullet killed the merry merchant's three-year-old son.»

В этом фрагменте описаны сразу несколько событий, которые действительно создают стройное смысловое единство. Но все же вполне допустимо предположить, что художественная ценность фрагмента не пострадала бы, если бы текст был традиционно структурирован. Смешение субъектов и объектов при переводе оказалось неизбежным. Переводчик даже при содействии автора потерял логику единства текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пытаясь дать однозначный ответ на изначально поставленный нами вопрос, мы приходим к выводу о том, что переводчик все же скорее всего переводит фразу. Отсюда полное право получают такие термины, как пофразовый перевод и переводческое перефразирование. К сожалению, переводческое перефразирование еще очень мало изучено. Требование сохранить в переводе индивидуальность автора зачастую обедняет перевод. Хотя уже существует гипотеза о том, что перевод вполне может быть лучше оригинала!

© Семенов А.Л., Ершов В.И., Нелюбова Н.Ю.

Дата поступления: 10.05.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бойд, Брайан*. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. Москва: Издательство «Независимая Газета»; СПб.: Издательство «Симпозиум», 2004.
2. *Набоков В.В.* Дар: Роман. Санкт-Петербург: Азбука-Классика, 2007.
3. *Семёнов А.Л.* Основы общей теории перевода и переводческой деятельности. Москва: Издательский центр «Академия», 2008.
4. *Nabokov V.* *The Gift*. Режим доступа: <http://www.rulit.me/author/nabokov-vladimir/the-gift-get-273781.html> (дата обращения: 20.05.2017).

УДК: 81'255.4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-636-642

TRANSLATION: SENTENCE OR UTTERANCE? ...

L.S. Semenov¹, I.E. Ershov², N.Yu. Nelyubova³

¹Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka St., Moscow, Russia, 119034

²MGIMO University
76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454

³RUDN University
6, Miklukho-Maklay srt., Moscow, Russia, 117198

Abstract. It is traditionally considered that in writing an interpreter translates the text sentence by sentence which in this case is a unit of the text and translation. In case of interpretation (oral translation) the interpreter translates the utterance. The utterance can be complex in structure and produced with pauses that can be used to “insert” the translation. In some cases, the utterance and the sentence may coincide in form. The study of the interpreter's operations and the materials to be translated shows that the traditional difference between the utterance and the sentence with respect to the type of translation (oral or written) is not always valid. The utterance may by its form coincide with the sentence and be relevant to the translation. The presence of pauses while producing the utterance structures the statement turning it into a sequence of short phrases that are convenient for translation. The phrase is a minimum semantic unit suitable for translation. Formally, according to the technology of translation, the phrase should contain the meaning reference points to nominate the subject and the action. In a practical situation, the interpreter can use the paraphrasing technique and fill the missing meaning reference point without changing its volume.

Key words: sentence, utterance, phrase, rephrasing, subject, action

REFERENCES

1. Boid, B. (2004). Vladimir Nabokov: American years: Biography. Moscow: Nezavisimaya Gazeta; Saint Petersburg: Simpozium. (In Russ).
2. Nabokov, V.V. (2007). *The Gift*. Saint Petersburg: Azbuka-Klassika. (In Russ).
3. Semenov, A.L. (2008). Basics of the general theory of translation and translation practice. Moscow: Izdatelskij Centr «Akademiya». (In Russ).
4. Nabokov, V. *The Gift*. URL: <http://www.rulit.me/author/nabokov-vladimir/the-gift-get-273781.html> (accessed: 20.05.2017).

Для цитирования:

Семенов А.Л., Еришов В.И., Нелюбова Н.Ю. Перевод: предложение или высказывание?... // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 636—642. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-636-642.

For citation:

Semenov, L.S., Ershov, I.E. & Nelyubova N.Yu. (2017). Translation: sentence or utterance?... *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3). 636—642. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-636-642.

Arkadii L. Semenov, Viktor I. Ershov & Nataliya Yu. Nelyubova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3). 636—642. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-636-642.

Сведения об авторах:

Аркадий Львович Семенов, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка Переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; *научные интересы*: теория перевода, новые информационные технологии в переводе; *e-mail*: arksem@gmail.com.

Виктор Иванович Еришов, кандидат филологических наук, доцент, доцент военной кафедры при МГИМО МИД России; *научные интересы*: теория перевода, инновационные подходы в обучении переводу, *e-mail*: ershovik@mail.ru.

Наталья Юрьевна Нелубова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: сопоставительные исследования на материале французского, русского и английского языков, *e-mail*: at.nelubova@mail.ru.

Bio Note:

Arkadii L'vovich Semenov, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Translation Theory and Practical Translation of English, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; *research interests*: theory of translation, innovative information techniques in translation; *e-mail*: arksem@gmail.com.

Viktor Ivanovich Ershov, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Military Department, MGIMO University; *research interests*: theory of translation, innovative approaches in translation teaching, *e-mail*: ershovik@mail.ru.

Nataliya Yur'evna Nelyubova, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *research interests*: comparative study of French, Russian and English, *e-mail*: nat.nelubova@mail.ru.

УДК: [811.512.162:811.111.111]373.21

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-643-653

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ РЕАЛЬНЫХ И ВЫМЫШЛЕННЫХ ТОПОНИМОВ В АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

И.Я. Ганиева

Институт языкознания Национальной академии наук Азербайджана
просп. Г. Джавида, 115, Баку, Азербайджан, 1143

В данной статье группируются возможности использования топонимов в художественных текстах двух разносистемных языков. Здесь обосновывается тот факт, что писатели относятся индивидуально к реальным топонимам. В азербайджанских и английских художественных текстах реальные названия мест используются по двум причинам. Во-первых, чтобы убедить читателя, что события, происходящие в художественном тексте, реальны, и во-вторых, чтобы показать, что топонимы — наиболее эффективные средства выражения культуры и традиций народа в современный период. Азербайджанские и английские писатели также используют вымышленные топонимы в своих произведениях. В азербайджанской литературе Дж. Мамедкулизаде, а в английской литературе Т. Гарди отдают предпочтение вымышленным топонимам, что характеризует их стиль.

Актуальность данной статьи определяется сравнительным анализом стилистических возможностей топонимов на базе конкретного материала двух разносистемных языков (азербайджанского и английского). Цель исследования — определить роль реальных и вымышленных топонимов в рамках художественного текста. Предметом исследования является анализ функционирования топонимов в художественных текстах двух разносистемных языков. Объектом исследования являются реальные и вымышленные топонимы, употребляемые азербайджанскими и английскими писателями. В работе применяется комплексная методика исследования, используются такие методы, как дескриптивный, сравнительный, контекстуальный, стилистический, статистический и т.д. Источниками для исследования послужили азербайджанские и английские художественные тексты, а также научная литература по ономастике, стилистике и лексикологии. Результаты работы могут найти применение в чтении спецкурсов, проведении семинарских занятий, написании дипломных и диссертационных работ.

Ключевые слова: топонимы, художественный текст, пространство, стиль, сравнительный анализ, разносистемные языки

ВВЕДЕНИЕ

Имена собственные до сих пор остаются объектом пристального внимания филологов-лингвистов и литературоведов, так как любое наименование, любое имя собственное — это слово. Оно живет в разных формах речевой деятельности человека — устно-речевой, разговорной, письменно-официальной, письменно-научной и т.д. Одной из таких форм, одной из живых и мощных речевых стихий, поддерживающих жизнь имен и названий или же дающих им жизнь, являются произведения художественной литературы. Писатели не могут в своем творче-

стве обойтись без использования имен собственных, причем практически всех разновидностей: от имен и фамилий до географических названий, от наименований планет до кличек животных. Работа писателя над собственными именами представляет собой сложный и трудоемкий процесс: фамилии, имена, наименования должны быть стилистически верны и точны, должны отвечать всему духу, целям, идее произведения, должны нести колорит, а иногда какой-то специальный смысл, особое значение [Gorbanevskij 1988: 4].

Топонимы в художественном тексте, подчиняясь законам организации текста, превращаются в носителей письменной информации, а также оказывают воздействие на содержание через функцию указания на текстовое пространство. Следовательно, функции топонимов внутри художественного произведения — не только наименование какого-либо места, но и оказание влияния на информативность текста через свою семантику. Исследователи справедливо подчеркивают, что антропонимы и топонимы участвуют в создании художественных образов героев, формировании художественного пространства и времени, служат раскрытию идейно-эстетического содержания текста, выявлению скрытого, расположенного между строчек смысла [Kalinkin 1999; Magazanik 1978; Fleissner 2001; Litt 2001].

Важным направлением исследования является сравнительный анализ этих процессов в разносистемных языках. Подобные исследования проводятся, но в условиях активного билингвизма здесь есть много возможностей для выявления сходства и различия в языковых процессах на ономастическом уровне.

В преобладающих случаях в научной литературе о поэтической ономастике разных стран топонимы в художественных произведениях делятся на две группы. Это реальные и вымышленные топонимы. Рассмотрим каждый из указанных видов обозначения пространства в азербайджанских и английских художественных текстах.

РЕАЛЬНЫЕ ТОПОНИМЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Под реальностью в ономастике подразумевают имена, прошедшие регистрацию в официальных документах. Если имена людей реализуются лишь после написания их в удостоверении личности, то личными карточками топонимов являются карты, исторические документы и летописи. Основываясь на этом, можно сказать, что топонимы из языковой памяти исчезнуть не могут.

К сожалению, так бывает не всегда. Во всем мире топонимы состоят не только из названий крупных городов и стран, здесь есть многочисленные микротопонимы, большая часть которых, не пройдя никакой регистрации, сохраняется и сберегается в памяти народной, многие, преодолев века и эпохи, до сих пор живут в памяти людей, некоторые же, напротив, забываются и стираются из языковой памяти.

В первых исследованиях, связанных с поэтической ономастикой, к реальным топонимам относились лишь как к конкретным показателям местности, у них не исследовалась дополнительная стилистическая функция. Считалось, что топонимы — всего лишь географические термины, и искать в них какую-либо стили-

стическую функцию не следует. Однако сегодня во всех исследованиях относительно поэтической ономастики к ним относятся как к лингвистическим единицам и их изучают как единицы, могущие выражать различную стилистическую суть. К примеру, творчество одного из ведущих поэтов Азербайджана Наби Хазри исследовал А. Джафаров, который так писал о вышеуказанной проблеме: «Н. Хазри, уделяя внимание топонимам Азербайджана, таким, как Миль, Мугань, выявил в них лексико-семантические и стилистические особенности. Миль, Мугань и другие имена являются названиями территории Азербайджана. Однако в творчестве Н. Хазри эти наименования, наряду с наименованием местности, приобретают и особый мудрый смысл» [Jafarov 2012: 57].

Реальные топонимические единицы в художественных произведениях, наряду с изображением существующих жизненных событий, также повествуют и о реальной жизни. Они взяты из реальной жизни. Мы считаем, что в художественных произведениях реальные топонимы по своему происхождению следует разделить на две группы: а) национальные топонимы и б) топонимы вне пределов страны.

а) Если рассматривать национальные топонимы с точки зрения внутритекстовой стилистики, то можно сказать, что подобные топонимы играют роль связующего звена между прошлым и настоящим и могут служить символом родины. Конкретизация, причем чувствительная, национальных топонимов в азербайджанской художественной литературе произошла в XVIII в., проявившись в творчестве М.П. Вагифа. Это, однако, не означало, что топонимы стали обыденностью, такой же как в реалистической литературе и сатире. Реалистическая литература и сатирический стиль сделал топонимы еще более конкретными.

Т. Гаджиев так писал о национальной топонимике: «Писатель, представляя реальные события, при помощи национальной топонимике делает так, что читатель воспринимает художественную среду, как реальность. В истории литературного языка в этом отношении показательным явилось творчество М.Ф. Ахундова. Впервые мысленно локализуя в представлении читателей такие местности и топонимические имена, как Агджабеди, Хачмаз, Ленкорань, Нуха, он верит, что это событие очень похоже на то, которое он когда-то представлял или видел, а образ этот очень сравним с тем, который он хорошо знает. Таким образом, читатель чувствует себя в окружении художественной реальности, является его непосредственным участником или свидетелем, или же считает художественный вымысел настоящей, реальной жизнью» [Наджиев 1975: 112].

Рассмотрим на примере художественной литературы на азербайджанском и английском языках вышеперечисленные стилистические особенности национальных топонимов:

Многочисленные ходоки из деревень прибывали в Баку с жалобой об изъятиях в продовольственном налоге [J. Mammedguluzadeh's works. Vol. III. 2004: 106]. *Мы остановились в Каравансараяе примерно на один час, в полдень тронулись в путь на автомобиле, и в три часа прибыли в Закаталы* [J. Mammedguluzadeh's works. Vol. I. 2004: 333].

I remember that a friend of mine once took a short sea trip from London to Liverpool for his health [Jerome 2002: 5]. *We passed Wallingford and Dorchester and we spent the night at Clifton Hampden which was a very pretty village* [Jerome 2002: 77].

б) Для того, чтобы оживить художественные произведения, показать имеющиеся связи народа с социальной, политической, культурной, экономической сферами, писатели используют, наряду с местными наименованиями, также и топонимы из других языков и стран. Иностранные топонимы расширяют ареал действия героев и событий, показывают их в различных географических точках, создают условия для более близкого знакомства с другими народами. Вот примеры:

*Сын, выезжая из **Москвы**, предупредил, что будет гостить две недели у дяди в **Тбилиси*** [J. Mammedguluzadeh's works. Vol. I. 2004: 139]. *В чем же причина того, что, когда **Украина** и **Финляндия** уже стремились к свободе, у кавказских народов об этом еще даже не говорили?* [J. Mammedguluzadeh's works. Vol. III. 2004: 29].

*I have been in **Greece** and **Asia**, till at last I landed here in **Ephesus*** [Tales from Shakespeare 1962: 9]. *The duke and all other great people of **Venice** tried to make him give up this cruel revenge* [Tales from Shakespeare 1962: 35].

В художественных текстах заимствованные слова используются не только для обозначения логически очерченного слова о предмете или событии, но и в связи с различными стилистическими целями. Подобное использование, прежде всего, проявляет себя в зависимости от тематики и специфики художественного произведения. Эффективное использование писателем в художественном произведении иностранных слов помогает реализовать различные стилистические цели [Afandiyeva 1980: 206].

Как известно, реальные топонимы являются носителями определенной информации о себе, поскольку языковая единица представляет собой и географический термин. Каким бы высокопарным не был стиль писателя, он не сможет отдалиться от этой информации, поскольку у читателя в подсознании эта информация сохраняется. Эта память, в зависимости от уровня знаний читателя, может быть разной, которая обновляется, когда он встречается с топонимом. Хороший писатель одерживает победу, когда может надстроить над этой памятью свою вымышленную информацию. То есть если он не будет учитывать эту информацию, то тем самым нанесет урон своему произведению. В англоязычной письменной литературе такие писатели, как О. Уайлд, Л. Керол, Дж. Голсуорси, К. Сендбург, А. Кристи, В.Б. Уитс, Дж.К. Джером и др. заслужили свой успех именно благодаря тому, что присоединяли реальные топонимы к тем знаниям, которыми владели читатели.

Таким образом, можно утверждать, что как в азербайджанской, так и английской письменной литературе используется множество реальных топонимов. В целом использование в письменном литературном языке реальных топонимов связано не только с содержанием, потребностью сделать изображаемые события более правдоподобными, но и с потребностью выразить через те же события дух народа, его обычаи и традиции, донести их до нашего времени. Привлеченные нами в исследовании многочисленные топонимы в художественных произведениях, написанных на азербайджанском и английском языках, помогают проследить и их различные стилистические особенности.

ВЫМЫШЛЕННЫЕ ТОПОНИМЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Когда мы говорим о стилистических возможностях топонимов в художественных произведениях, не стоит забывать о вымышленных топонимах. В традиционном языкознании все топонимы делятся как раз на эти две группы — реальные и вымышленные. Фактически в сфере ономастики не имеет значения то, являются ли топонимы реальными или вымышленными и откладываются ли они в человеческом сознании или нет. В современном языкознании ономастические единицы, которые не имеют конкретных денотатов, называются вымышленными или нереальными единицами.

Отметим, что создание нового понятия, или слова, как процесс достаточно сложен и вызывает множество споров. Привнесением классиками в историю литературы в художественный язык новых слов обогащает словарный запас языка. Однако это никогда не было основной целью художественной литературы, хотя в творческом плане заслуживает всяческого поощрения. Но следует отметить также, что, в отличие от общеупотребительных слов и антропонимов, топонимы, как плоды художественного вымысла, причем и реальные, и вымышленные, не получают право «на жизнь» вне текста произведения. Создание вымышленных топонимов означает создание новых смыслов в соответствии с общим замыслом произведения. Определить местонахождение таких имен сложно. Ведь они не остаются в нашей повседневной жизни и не регистрируются в государственной статистике.

Об этом исследователи пишут, что «особые поэтические имена — поэтические антропонимы или же поэтические топонимы — при создании и использовании в художественном тексте есть один из специфических приемов писателя по созданию определенного качества художественного слова. Искусственные имена, созданные этим способом, обладают большой образностью, эмоциональностью и тонкими поэтическими признаками» [Aliyeva 2010: 11; Gurbanov 1986: 59].

Традиционно новые имена привносит в художественную литературу и фольклор. Еще в древних сказаниях, мифах и преданиях, с целью сделать содержание более интересным и явственным, народ создавал новые образы, сказочные города, территории, чтобы привлечь еще большее внимание читателя. Каждый писатель, выросший на этих сказках, ощущающий в себе силы творить, когда-либо начинает обращаться в своем произведении к вымыслу.

Естественно, что вымысел писателя должен основываться на естественных фактах, дополнять их, не должен противоречить историческим реалиям. Но это не всегда получается. Иногда писатель, с целью сделать вымысел более реалистичным, начинает искажать действительность. М. Ариф так проявил свое отношение к данной проблеме: «В связи с обсуждением проблемы языка иногда говорят о необходимости создания новых слов. Мы не должны здесь смешивать термины с творчеством в сфере художественной литературы. Необходимым является создание терминов в сфере науки и техники. В художественной литературе не обязательно создавать новые слова. Художественная литература может воздействовать

на язык, способствовать украшению языка и слов, приведя их в новое и популярное состояние. Иногда бывает, что слово, созданное писателем, проникает в литературный язык, однако это не закон» [Arif 1993: 241].

В азербайджанской и английской литературе можно повстречать множество топонимов, которые характеризуют индивидуальный стиль писателя с точки зрения интересного вымышленного факта. Вымышленные топонимы, используемые в разносистемных языках, применяются писателями в разных целях. Выдающие мастера слова наблюдали стилистико-коммуникативные стороны вымышленных топонимов и умели использовать их в своей практике весьма искусно.

Исследователи в связи с этим подчеркивают, что «писатель, приводя топонимы в неопределенное состояние, при этом их обобщает. Эти имена, которых нет в реальной жизни, на самом же деле могут быть применены к любой деревне, любому поселку или региону. В этих именах нет местечек, нет уездов, в то же время эти имена характеризуют исторические реалии любого региона Ближнего Востока» [Najiyev 1975: 122].

В произведениях таких азербайджанских писателей, как С. Рагимов, А. Ахвердиев, Анар, М.А. Сабир, Н. Нариманов и др., можно увидеть вымышленных топонимов. Характеризуя вымышленные топонимы, используемые в азербайджанской литературе, следует особо подчеркнуть заслуги Джалил Мамедкулизаде. В творчестве этого известного писателя есть множество интересных ономастических единиц, вымышленных топонимов, которые характеризуются исследователями. Как подчеркивает Г. Багиров, «использование топонимов в творчестве Дж. Мамедкулизаде, группировка их с разных позиций и анализ их стилистических особенностей представляет исключительный интерес» [Bagirov 1987: 247].

Можно так классифицировать стиль топонимических единиц, которые используются писателем в прозе и драматических произведениях:

1) топонимы, которые образуются с применением фонетических изменений, например: *Uruset* (Россия), *Firəngistan* (Франция), *Yevropa* (Европа), *Əmrstan* (Америка), *Zəngən* (Зинджан), *Tiflis* (Тбилиси), *Qafqaziyyə* (Кавказ) и т.д.;

2) вымышленные названия как продукт воображения писателя: *İtqapan* (Где собаки хватают), *Qaraqılçiq* (Черная нога), *Pirsaqqız* (Святая жевательная резинка), *Ulaqlı* (Ослиный), *Dənabaş* (Телячья голова), *Zurnaçı* (Играет на дудочке, т.е. «парит» мозгу), *Qurtbasar* (Заполонен волками), *Qapazlı* (Запрещена), *Donquzeyən* (То, что ест свинья), *Dənəqirt* (Телячье место), *Qurbağalı* (Лягушачье место), *Satanlıq* (Место, где много соломы), *Dəvəli* (Верблюжье место), *Sarıc* (Веревка вьется), *Qarakənd* (Черное село) и т.д.

Без использования возможностей обобщения и типизации создание художественного слова не представляется возможным. Автор изменяет истории, знания о личностях, названия местности, которые он знает по жизни, придавая им новый смысл. В этом смысле Дж. Мамедкулизаде прибегал к особенностям топонимики, по-своему изменяя имена и названия географических мест.

Известный мастер слова, к месту используя стилистические возможности топонимических единиц, применял их в изложении сатирических сцен. В его произведениях, под его пером топонимические названия превращались в средство

изобличения отрицательных героев, выявления их нравственные недостатки. Эти топонимы отделились от своих реальных значений, попав в новую смысловую среду. При этом слово из одного словарного значения переходит в другое, вступая в новую смысловую социальную среду, новое стилистическое окружение.

Основной характерной особенностью вымышленных топонимов, применяемых Дж. Мамедкулизаде, является то, что здесь в основном используются имена животных и предметов, которые в народе приобрели определенное нарицательное значение (пес, теленок, осел, волк, лягушка, свинья, кобылица, дудочка, жевательная резинка, затрещина, щетинка, схватить, напасть, и проч.). Писатель применяет вымышленные географические названия с тем, чтобы показать культурную отсталость людей, своих современников, их невежество и фанатизм. Следует также отметить, что в драматических произведениях этого писателя применяется меньше вымышленных топонимов, нежели в сатирических произведениях малого жанра. Обратимся к примерам:

Сын свата Мамедгусейна прислал ему из села Qurtbasar (Заполонен волками) подарки [J. Mammedguluzadeh's works. Vol. I. 2004: 195]. Хан вышел и увидел, что в дверь стучит его односельчанин, Новрузали из села İqaran (Где собаки хватают) [J. Mammedguluzadeh's works. Vol. I. 2004: 123]. Ни от одного жителя села Danabaş (Телячья голова) он не видел такого беспардонства. Но что поделаешь? Город не заменит села Danabaş (Телячья голова) [J. Mammedguluzadeh's works. Vol. I. 2004: 60].

Словарный смысл вымышленных топонимов в стилистическом отношении оказывает писателю значительную помощь. К примеру, вымышленные географические названия, используемые писателями, даже без их истолкования в целом уже характеризуют просвещение, культуру, технический прогресс определенных регионов [Наjiyev 1975: 194].

Следует отметить, что в англоязычной литературе А. Хоуп, В.Б. Уитс, Э.А. Робинзон, Э.А. Поу, Л. Керол и др. писатели тоже обращались к вымышленным топонимам в своих произведениях. Анализ англоязычной литературы показывает, что среди известных мастеров слова Томас Гарди более других склонен к использованию вымышленных топонимов. В его художественном языке не изображается пространство, где происходят события, и писатель иногда последовательно применяет вымышленные топонимы, готовя читателей к встрече с событиями, которые могут произойти, посредством стилистических особенностей вымышленных топонимов. Если в азербайджанском языке при упоминании вымышленных топонимов вспоминается Дж. Мамедкулизаде, то в английской литературе сразу идут ассоциации с Т. Гарди.

Из истории известно, что в период власти англосаксов (V век) Англия была поделена на королевства. Одним из них было Уэссекское королевство, расположенное на юго-западе Англии. В XI в., в результате норманнского завоевания эти королевства пали, однако мастера слова сумели сохранить их имена в своих художественных произведениях. Одним из таких авторов был Т. Гарди. Вымышленные им имена-топонимы Уэссекского королевства на самом деле были ему хорошо знакомы. Писатель, намеренно искажив знакомые ему названия мест, избрал

их местом действия событий его произведений. Территория Уэссекса в его творчестве постепенно расширялась. Т. Гарди в своих произведениях делил эту территорию на следующие части:

Lower Wessex — Devon, *Mid Wessex* — Wiltshire, *North Wessex* — Berkshire, *Outer Wessex* — Somerset, *South Wessex* — Dorset, *Upper Wessex* — Hampshire [http://www.bl.uk/collection-items/map-of-thomas-hardys-wessex].

Как уже отмечалось, многие писатели в своих произведениях используют для описания событий как вымышленные, так и реальные топонимы. Однако Т. Гарди применяет топонимы, их стилистико-коммуникативные особенности в своеобразной форме, в индивидуальном проявлении. Основной чертой, делающей его произведения популярными, является то, что он искажает названия местечек, приводя в наполовину реальные, наполовину придуманные формы. Т. Гарди использовал неизменными малое число мест. Можно следующим образом сгруппировать реальные и вымышленные топонимы, использованные Гарди в своих произведениях:

а) *по сходству формы и смысла*. Поскольку вымышленные топонимы Т. Гарди по своей форме и смыслу очень похожи на реальные, читатель их узнает с большой легкостью. Например: *Abbots Cernel* — Cerne Abbas, *Abbotsea* — Abbotsbury, *Chief Street* — High Street, *Biblioll* — Ballion, *Evershead* — Evershot, *Exonbury* — Exeter, *Lulwind Cove* — Lulworth Cove, *Middleton Abbey* — Milton Abbas, *Nuttlebury* — Hazelbury Bryan, *Port Bredy* — Bridport, *Roy Town* — Troy Town, *St. Aldhelm's Head* — St. Alban's Head, *Shaston* — Shaftesbury, *Sherton* — Shertorne, *Wintonchester* — Winchester, и т.д.;

б) *группа лексики, где учитываются признаки и качества, присущие топонимам*. При смене топонимов Т. Гарди учитывает также присущие этим топонимам признаки и качества. Например, топоним *Wantage* он меняет на *Alfredston*, поскольку именно здесь появился на свет король Альфред. Топоним *Newbury* сменен на слово *Kennetbridge*, поскольку этот город расположен на реке *Kennetbridge*;

в) *упоминание в произведении в измененной форме знакомых писателю мест*. Т. Гарди, намеренно исказив названия мест, которые были ему хорошо знакомы, превращал их в место обитания своих героев. Например, в своем произведении «*Jude the obscure*» («Джуд незаметный») автор сменяет топонимическое название местечка, где он родился и вырос, т.е. *Stinsford and Bockhamptons*, на *Mellstock* и преподносит это как место проживания Джуда. События в произведении происходят в селе *Marygreen*, на карте это соответствует названию села *Fawley*. В селе же *Fawley* жила бабушка писателя. Т. Гарди исказил этот топоним, а истинное название села превратил в фамилию (Jude Fawley) своего героя;

г) *использование реальных имен-топонимов при описании несуществующих мест*. Например, Т. Гарди, изображая топоним *Melchester*, упоминает при этом названия колледжей, школ, определенных географических наименований, все это говорит об уподоблении этого места местечку под названием *Salisbury*;

д) *топонимы, которые являются плодом воображения писателя*. Топонимы, которые реально не существуют и отражены в произведениях Т. Гарди, следу-

ющие: *Chillington Wood, Nicholas Cottage, Mount Lounge, Oozewood, Wherryborne Wood* и т.д.

Обратимся к примерам из произведений писателя:

He came from Mellstock, down in South Wessex, about a year ago [Hardy 1985: 51]. One day Jude Fawley was as usual walking out to his aunt's at Marygreen from his lodging in Alfredston which now had large attractions for him [Hardy 1985: 95]. The miller at Cresscombe lent him a small, white, tilted cart and horse to carry his goods to the city of his destination [Hardy 1985: 47]. He would meet her at Alfredston road, the following evening, on his way back from Christminster [Hardy 1985: 235].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ собранных материалов показал, что топонимы могут называть реальные или вымышленные точки географического пространства. Как в азербайджанской, так и в английской письменной традиции топонимы, выступая как компонент художественного текста, являются важным выразительным средством для писателей, которые используют эту возможность для создания эмоциональной связи между читателем и текстом.

Отношение писателей к использованию вымышленных топонимов различно, интересным является сопоставление данного аспекта творчества азербайджанского писателя Дж. Мамедкулизаде и английского прозаика Т. Гарди. Каждый из них считал особо значимым использование вымышленных топонимов, и это придало их творчеству отмечаемое читателями своеобразие.

Анализ применения топонимов в художественной литературе разносистемных языков показывает, что понятие пространства в сознании человека равноценно бесконечности. Насколько бесконечна для человека Вселенная, настолько значимо и велико для него и окружающее его пространство. Для осознания этого пространства человек прежде всего оценивает его в материальном плане, и это является вполне целесообразным. Однако при применении в языке и речи наименований не всегда приводит к полноте выражения смысла. В таком случае писатели обращаются к новым языковым единицам, придумывая то новое название, то выражая пространство в неопределенной или вымышленной форме, что определяет внутри-текстовую стилистическую функцию топонимов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в азербайджанских и английских художественных текстах для выражения пространства писатели прибегают к различным способам, преследуя при этом вполне определенные цели. Прежде всего это попытка заставить читателя поверить в реальность излагаемых событий и желание увеличить силу идейно-художественного воздействия на него.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе. Москва: Издательство РУДН, 1988.
2. Калинин В.М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999.
3. Магазаник Э.Б. Ономастика или «говорящие имена» в литературе. Ташкент: Фан, 1978.
4. Arif M. Ədəbi tənqidi məqalələr. Bakı: Azərənəşr, 1993.

5. *Bağirov Q.Ə.* C.Məmmədquluzadənin nəsr və dram əsərlərindəki toponimlər və danışq dili // Azərbaycan Onomastikası Problemləri (AOP), Bakı: APİ nəşriyyatı, 1987, I, S. 245—247.
6. *Cəfərov A.G.* Nəbi Xəzrinin poetik dili. Bakı: Elm və təhsil, 2012.
7. *Əfəndiyeva T.Ə.* Azərbaycan dilinin leksik üslubiyatı. Bakı: Elm, 1980.
8. *Əliyeva D.T.* M.S.Ordubadinin dili və üslubu // Humanitar elmlərin öyrənilməsinin aktual problemləri. Bakı: Mütərcim, 2010, N 2, S. 10—14.
9. *Hacıyev T.I.* Satira dili: Molla Nəsrəddinin dili. Bakı: ADU, 1975.
10. *Qurbanov A.M.* Azərbaycan onomalogiyası məsələləri. Bakı: APİ, 1986.
11. *Məmmədquluzadə C.* Əsərləri. 4 cilddə. I c. Bakı: Öndər Nəşriyyat, 2004.
12. *Məmmədquluzadə C.* Əsərləri. 4 cilddə. III c. Bakı: Öndər Nəşriyyat, 2004.
13. *Fleissner R.F.* Names, titles and characters by literary writers: XIX and XX century authors. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2001.
14. *Hardy T.* Jude of Obscure. London: Penguin Books, 1985.
15. *Jerome J.K.* Three men in a boat. Oxford: Oxford University Press, 2002.
16. *Litt D.* Names in English renaissance literature. Lewiston: Mellen Press, 2001.
17. Map of Thomas Hardy's Wessex. <http://www.bl.uk/collection-items/map-of-thomas-hardys-wessex>.
18. Tales from Shakespeare. Moscow: Prosvesheniye, 1962.

УДК: [811.512.162:811.111.111]373.21

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-643-653

THE FEATURES OF THE USE OF THE REAL AND FICTITIOUS PLACE NAMES IN THE LITERARY TEXTS OF THE LANGUAGES OF DIFFERENT SYSTEMS (AZERBAIJANI AND ENGLISH)

Irada Y. Ganiyeva

Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Azerbaijan
H. Javid 115 ave., Baku, Azerbaijan, 1143

Abstract. In this article the possibilities of the use of place names in the literary texts of the two languages of different systems are grouped. Here the fact is proved that writers treat individually real place names. In the Azerbaijani and English literary texts real place names are used for two reasons. Firstly, to persuade the reader that the events happening in the literary text are real and secondly, to show that place names are the most effective means of expression of the culture and traditions of the people nowadays. Azerbaijani and English writers also use fictitious place names in their works. As to the usage of fictitious place names, in the Azerbaijani literature J. Mammedguluzadeh and in the English literature T. Hardy are the writers who prefer to use fictitious place names in their works which characterize their style.

The relevance of this article is defined by the comparative analysis of the stylistic opportunities of place names on the basis of concrete material of the two languages of different systems (Azerbaijani and English). The aim of the research is to define the role of the real and fictitious place names used within the literary text. The subject of the research is to analyse the function of the place names in the literary texts of the two languages of different systems. The object of the research is the real and fictitious place names used by the Azerbaijani and English writers. In the work the complex technique of investigation is applied and such methods as descriptive, comparative, contextual, stylistic, statistical, etc. are used. The Azerbaijani and English literary texts and also scientific literature on onomastics, stylistics and lexicology were the sources of the research. The results of the work can be applied in reading special courses, holding seminars, writing of research papers and dissertations.

Key words: place names, literary text, space, style, comparative analysis, languages of different systems

REFERENCES

1. Gorbanevskij, M.V. (1988). Onomastics in fiction. Moscow: RUDN publ. (in Russ).
2. Kalinkin, V.M. (1999). Poetics of an onym. Donetsk: Jugo-Vostok. (in Russ).
3. Magazanik, E.B. (1978). Onomastics or “the speaking names” in literature. Tashkent: Fan. (in Russ).
4. Arif, M. (1993). Literary critiques. Baku: Azər nəşr. (in Azerb).
5. Bagirov, G.A. (1987). Toponyms and colloquial style in the works of J. Mammedguluzadeh. *Problems of the Azerbaijani Onomastics (POA)*, Baku: API publ., I, 245—247. (in Azerb).
6. Jafarov, A.G. (2012). Poetic diction of Naby Khazry. Baku: Elm və təhsil. (in Azerb).
7. Afandiyeva, T.A. (1980). Lexical stylistics of the Azerbaijani language. Baku: Elm. (in Azerb).
8. Aliyeva, D.T. (2010). The language and style of M.S. Ordubady. *Current problems of the research of the humanities*. Baku: Mütərcim, 2, 10—14. (in Azerb).
9. Həjiyev, T.I. (1975) The language of satire: about the language of Molla Nasreddin. Baku: ADU. (in Azerb).
10. Gurbanov, A.M. (1986). Issues of the Azerbaijani onomastics. Baku: API. (in Azerb).
11. J. Mammedguluzadeh’s works. In 4 volumes. Vol. I. (2004). Baku: Öndər publ. (in Azerb).
12. J. Mammedguluzadeh’s works. In 4 volumes. Vol. III. (2004). Baku: Öndər publ. (in Azerb).
13. Fleissner, R.F. (2001). Names, titles and characters by literary writers: XIX and XX century authors. Lewiston: Edwin Mellen Press.
14. Hardy, T. (1985). *Jude of Obscure*. London: Penguin Books.
15. Jerome, J.K. (2002). *Three men in a boat*. Oxford: Oxford University Press.
16. Litt, D. (2001). *Names in English renaissance literature*. Lewiston: Mellen Press.
17. Map of Thomas Hardy’s Wessex. <http://www.bl.uk/collection-items/map-of-thomas-hardys-wessex>.
18. *Tales from Shakespeare*. (1962). Moscow: Prosvesheniye.

Для цитирования:

Ганиева И.Я. Особенности использования реальных и вымышленных топонимов в азербайджанских и английских художественных текстах // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 643—653. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-643-653.

For citation:

Ganiyeva, I.Y. (2017). The features of the use of the real and fictitious place names in the literary texts of the languages of different systems (Azerbaijani and English). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 643—653. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-643-653.

Irada Y. Ganiyeva, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 643—653. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-643-653.

Сведения об авторе:

Ганиева Ирада Ясиновна, докторант Института языкознания Национальной Академии наук Азербайджана, старший преподаватель кафедры иностранных языков Азербайджанского государственного экономического университета. *Научные интересы*: языки, типология, компаративистика, германистика, теоретическое языкознание. *e-mail*: iradaganiyeva@rambler.ru.

Bio Note:

Ganiyeva Irada Yasin, doctoral candidate of the Institute of Linguistics of the Azerbaijan National Academy of Sciences, senior lecturer of the chair of Foreign Languages of the Azerbaijan State University of Economics. *Interests*: languages, typology, comparativistics, germanistics, theoretical linguistics. *e-mail*: iradaganiyeva@rambler.ru.

НАУКА 21.0

УДК: 81'37:281.93

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-654-663

ПЕРЕУСТАНОВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИТУРГИЙНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Е.Ю. МедведевРоссийский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В богословской семиотической системе различают пространство литургийное и пространство внелитургийное. Такое разграничение не может не сказаться на семантической структуре литургийной православной проповеди, органически связанной с литургийным пространством. Объектом исследования выступает текст православной литургийной проповеди, предметом — принципы развития текста литургийной проповеди. Тема настоящей статьи связана с одним из ведущих принципов формирования такого текста — принципом переустановления семантических оппозиций, что вызвано необходимостью предотвратить привычное восприятие тех форм, содержание которых обусловлено особенностями семантической структуры общеупотребительного языка. Актуальность данной статьи определяется повышением внимания к религии как важной составляющей жизни человека и общества и, как следствие, познавательной потребностью понять природу активно входящего в действительность современной России церковного слова и научно осознать специфику интенсивно возобновляемых и развивающихся речевых жанров, центральным из которых является речевой жанр проповеди. Источником исследования послужили тексты литургийных проповедей патриарха Кирилла и архиепископа Гермогена. Методы исследования обусловлены характером эмпирического материала. Так, в работе были применены основы структурного анализа, подразумевающего определение не только состава элементов объекта, но и их взаимоотношения: путем сегментации выявлялись определенные структурные элементы проповедей, которые далее объединялись в некоторый класс на основании обнаружения определенных закономерностей в их использовании. Оппозитивный анализ позволил выявить дифференциальные и интегральные признаки структурных элементов проповеди. Кроме того, исследование текста как целого диктует необходимость применения системного метода, исходящего из понимания текста как системы, выполняющего определенную функцию в надсистеме.

Ключевые слова: литургийная православная проповедь, семантическая структура текста, переустановление семантических оппозиций, типологическая разновидность оппозиции, комплементарная оппозиция, градуальная оппозиция

ВВЕДЕНИЕ

Язык — это «определенным образом организованная система, т.е. такое органическое целое, элементы которого закономерно связаны друг с другом и находятся в строго определенных отношениях» [Новиков 2001: 22].

Каждый элемент системы (на любом уровне: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом) противопоставляется другим подобным

элементам, занимает в системе определенное место и наделяется свойственной только ему значимостью (парадигматическим структурным значением).

В лексике системные отношения отчетливо прослеживаются в классификации слов по противоположности их значений. Антонимия основывается на некоторых общих причинах, кроющихся в самом характере мышления человека. Так, в сознании говорящего с легкостью возникает логический антоним или «парное» слово. «Это одно из проявлений той относительности, которая определяет (и ограничивает) всю деятельность разума. Таким образом, в нашем сознании абстрактные понятия заложены парами, причем каждое из слов всегда так или иначе вызывает представление о другом» [Балли 1961: 139].

Антонимия представляет собой «наиболее общее и характерное для всех носителей языка противопоставление слов, закрепленное в нормах словоупотребления и основанное на опыте <...> всего языкового коллектива» [Новиков 2001: 35]. Соотносительная противоположность слов в языке устанавливается через осмысление каких-либо признаков, качеств, свойств как противоположных, т.е. подразумевает оценку, наличие некоторой «точки отсчета» [Гегель 1971: 52].

Учитывая асимметричность светской семиотической системы и богословской семиотической системы — разных *этических* систем, логично будет предположить, что и «точки отсчета» установления противоположностей в каждой из систем не совпадут.

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ ОППОЗИЦИИ

Слова *кротость* и *смирение* в общеупотребительном языке входят в следующий синонимический ряд: *безответность, безропотность, добродушие, миролюбие, мягкость, покорность, скромность, терпеливость, уступчивость, бесхарактерность* [Абрамов 1999]. Синонимы *силы* — *крепость, мощь* [Абрамов 1999], *принуждение, могущество* [Александрова 2001]. А синонимами слова *счастье* являются *благополучие, благоденствие, благодать, блаженство, победа, удача, успех, случай* [Абрамов 1999]. Эти синонимические ряды, как мы видим, не пересекаются.

Но в литургийной проповеди *кротость, смирение, счастье и сила* становятся синонимами:

*«Господь нам открывает великую тайну человеческого счастья — быть с Ним и помнить, что **величайшей силой**, преобразующей человеческое сердце, успокаивающей в любых скорбях, дарующей мир и покой, является **смирение и кротость**. Это не слабость — мы знаем, как смиренные, кроткие люди были способны жизнь отдать за своих близких, за Отечество и многим поступиться в жизни. **Кротость и смирение** не являются синонимом слабости — они являются синонимом счастья»* [Из слова Святейшего Патриарха Кирилла... URL: <http://www.prihozhanin.msdm.ru/patriarkh-korotko-o-glavnom/1201-krotost-i-smirenje-sinonim-schastyia.html>].

Кротость и смирение — ‘величайшая сила, преобразующая человеческое сердце, успокаивающая в любых скорбях, дарующая мир и покой’, ‘не синоним слабости, а синоним счастья’.

Кротость и смирение связаны в литургийной проповеди с образом святого благоверного князя Александра Невского, занимающего в истории России особое место: «Сохранение русской земли от татарского нашествия на востоке, подвиги за веру и землю против шведов, немцев и Литвы на западе доставили Александру славную память на Руси, сделали его виднее всех князей от Мономаха до Димитрия Донского» [Соловьев 1860: 559].

«Это кротость и смирение не помешали святому благоверному князю отстоять Русь в Золотой Орде силой своего ума и защитить Русь на Чудском озере и в устье Ижоры на берегах Невы с мечом в руках. Того человека, который шел в единоборство со шведским великаном и поразил его копьем в голову, нельзя было назвать человеком слабым, трусливым, а это означает, что смирение не есть синоним слабости и трусости. Смирение есть выражение того, ЧТО ты есть на самом деле. Если уступаешь место Богу, то твои собственные качества становятся очевидными людям. Если же нет смирения, то, значит, и нет этих внутренних качеств, которые могут быть очевидны для людей и которые могут привлекать людей, особенно к тому, кто является носителем власти. Вот тогда и требуется внешняя мишура, которая создает видимость силы, а силы нет, видимость способности решать сложнейшие задачи, а самой способности нет, видимость мужества, а мужества нет. Но если нет, так ведь нужно создать его искусственно. Такие люди не одерживают побед» [Слово Святейшего Патриарха Кирилла... URL: <http://www.sedmitza.ru/text/793496.html>].

Каким образом *кротость и смирение* оказались синонимичны с *силой*? Мы можем проследить определенные смысловые цепочки:

1) *смирение* → *выражение того, что ты есть на самом деле* → *уступаешь место Богу* → *твои собственные качества становятся очевидными людям*;

2) *нет смирения* → *нет внутренних качеств, которые могут быть очевидны для людей и которые могут привлекать людей* → *требуется внешняя мишура, которая создает видимость силы при ее отсутствии, видимость способности решать сложнейшие задачи при ее отсутствии, видимость мужества при его отсутствии*.

Пошаговое сопоставление приведенных смысловых цепочек позволяет выявить пропущенные звенья (табл. 1).

Таблица 1

Восстановленные звенья смысловой цепочки

Смирение	Отсутствие смирения
Выражение того, что ты есть на самом деле	Видимость того, чем ты на самом деле не являешься*
Уступаешь место Богу	Не уступаешь место Богу
Приобретаешь определенные внутренние качества	Нет внутренних качеств, которые могут быть очевидны для людей и которые могут привлекать людей
Твои собственные качества становятся очевидными людям	Внешняя мишура, которая создает видимость силы, а силы нет, видимость способности решать сложнейшие задачи, а самой способности нет, видимость мужества, а мужества нет

*Восстановленные звенья выделены полужирным курсивом.

Если *видимости силы* противопоставить *силу* (в тексте это названо как «*твои собственные качества*» без детализации), то *сила* оказывается логически соположенной со *смирением*, а следствием *отсутствия смирения* будет *видимость силы*. **Смирение** оказывается в одной плоскости с **силой**, и эти слова становятся не антонимами, а синонимами. Здесь обнаруживается различие в богословской семиотической системе *силы* и *видимости силы*, чего нет в общепотребительном языке, а значит, в светской семиотической системе.

Таким образом, текст, который направлен на максимальную семантизацию — «материализуемую волю к прояснению и уточнению значения предмета речи» [Валентинова 2015: 29—42], требует все новых и новых уточнений вновь возникающих этически значимых понятий.

Литургийная проповедь характеризуется предельной смысловой плотностью. Это связано с «невозможностью поставить точку в постижении истины», поскольку «Истина необъятна и потому сложнее любого нашего представления о ней» [Валентинова 2005: 6]. Поэтому в каждой сформулированной мысли в литургийной проповеди все равно остаются, так сказать, «слепые зоны», которые требуют все нового и нового уточнения.

ИЗМЕНЕНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ОППОЗИЦИИ

В литургийной проповеди также может меняться характерная для общепотребительного языка типологическая принадлежность конкретной оппозиции, то есть связь между семантическими свойствами определенных слов и характером их противопоставления [Новиков 2001: 241—290].

Например, слова *смертный* и *бессмертный* в системе общепотребительного языка представляют собой оппозицию комплементарную. Отличительной особенностью такого типа оппозиций является невозможность выделения какого-либо промежуточного качества (ср.: *женатый* ↔ *холостой*): «либо X либо Y» или «если не X, то Y / если не Y, то X».

В семантической структуре литургийной проповеди характер оппозиции *смертный* ↔ *бессмертный* существенно усложняется. Эта оппозиция остается комплементарной:

«Все современное человечество — точнее, все человечество, происшедшее от падших прародителей Адама и Евы, — по своему духовному признаку делится на два рода: на род бессмертных людей и на род смертных людей. К роду бессмертных людей относятся все люди истинно и искренне Верующие в Бога Христа Иисуса и Божественное Евангелие. К роду смертных людей относятся все богоборцы: последователи языческих религий, последователи монотеистических нехристианских религий и богоотступники, неверующие в Бога, Христа и Евангелие» [Архиепископ Гермоген 2006: 156—158].

Сравним:

Таблица 2

Комплементарная оппозиция

Род бессмертных — 'все люди истинно и искренне Верующие в Бога Христа Иисуса и Божественное Евангелие'	Род смертных — 'все богоборцы: последователи языческих религий, последователи монотеистических нехристианских религий и богоотступники, неверующие в Бога, Христа и Евангелие'
---	---

Основание противопоставления людей *смертных* и людей *бессмертных* уточняется следующим образом:

«После грехопадения наших прародителей смерть вошла во всех людей. Так что на земле нет бессмертных людей по плоти, и всем людям предстоит смерть — и верующим в Бога, и неверующим в Него. Но на земле живут люди, верующие в Бессмертие человеческой личности и воскресение из мертвых, — и неверующие в бессмертие человеческой личности, и по этому-то признаку они и разделяются на род бессмертных людей, которым после воскресения из мертвых предстоит благодатная жизнь вечная, и на род смертных людей, которым после воскресения из мертвых за их неверие Богу, Христу и Божественному Евангелию, за их ожесточенное противление Промыслу Божию предстоит Смерть вечная» [Архиепископ Гермоген 2006: 156—158].

Сравним:

Таблица 3

Уточнение основания комплементарной оппозиции

Бессмертные — ‘люди, смертные физически, но верующие в Бессмертие человеческой личности и воскресение из мертвых, которым после воскресения из мертвых предстоит благодатная жизнь вечная’	Смертные — ‘люди, смертные физически и неверующие в бессмертие человеческой личности, которым после воскресения из мертвых за их неверие Богу, Христу и Божественному Евангелию, за их ожесточенное противление Промыслу Божию предстоит Смерть вечная’
---	--

Далее комплементарный характер оппозиции «смертные ↔ бессмертные» нарушается:

«Итак, спасутся совсем немногие, и настоящих людей очень мало на земле. И если бы Богу было угодно, хотя бы на мгновение, в этой земной жизни внешне отличить людей друг от друга по их духовному складу, то весь бы род человеческий превратился в огромное скопище чудовищ: полулюдей, полуживотных; сфинксов, кентавров и тому подобных чудищ. И последователи, и исповедники Истинной Христианской Религии, носители истинного мировоззрения, носители истинного образа Божия, ужаснулись бы, видя, как в мире мало настоящих людей, и что даже самые близкие для них люди, которых они считали людьми, окажутся вовсе нелюди» [Архиепископ Гермоген 2006: 156—158].

Здесь появляется промежуточный член оппозиции. Сравним:

Таблица 4

Нарушение комплементарного характера оппозиции

Настоящие люди (=бессмертные) — ‘последователи и исповедники Истинной Христианской Религии, носители истинного мировоззрения, носители истинного образа Божия’	Полулюди , полуживотные, сфинксы, кентавры и тому подобные чудища	Нелюди (=смертные)
---	--	---------------------------

Комплементарная оппозиция «смертные ↔ бессмертные» приобрела вид оппозиции градуальной, которую можно представить как «цепочку последовательных отрицаний, постепенный переход от противоречащих (и недостаточно определенных по своему содержанию) понятий к понятиям крайним, противоположным»

[Новиков 2001: 269]. Ср.: *горячий ↔ негорячий...теплый...нехолодный ↔ холодный*: «только X ↔ и X и Y ↔ только Y».

Далее в семантической структуре литургийной проповеди закрепляется градуальный характер оппозиции «*смертные ↔ бессмертные*»:

*«Бог создал род человеческий по своему образу и подобию, но одни люди после грехопадения своим своеволием настолько **извратили** образ и подобие Божие, что уже не могут пред лицом Божиим именоваться людьми и подлежат уничтожению, а другие люди не окончательно подавили в себе образ и подобие Божие, и им дана Богом возможность через послушание Божественному Промыслу и Евангелию Христа Иисуса вернуть первозданный образ и подобие Божие и блаженное — благодатное — личное бессмертие»* [Архиепископ Гермоген 2006: 156—158].

Сравним:

Таблица 5

Разъяснение возникновения промежуточного члена оппозиции

<p>Бессмертные — ‘те, кто не подавили в себе образ и подобие Божие’</p>	<p>Потенциально бессмертные — ‘те, кто не окончательно подавили в себе образ и подобие Божие, и им дана Богом возможность через послушание Божественному Промыслу и Евангелию Христа Иисуса вернуть первозданный образ и подобие Божие и блаженное — благодатное — личное бессмертие’</p>	<p>Смертные — ‘те, кто извратили в себе образ и подобие Божие настолько, что уже не могут пред лицом Божиим именоваться людьми и подлежат уничтожению’</p>
--	--	---

Если попробовать условно восстановить всю «цепочку последовательных отрицаний» и установить крайние члены градуальной оппозиции, получится следующее:

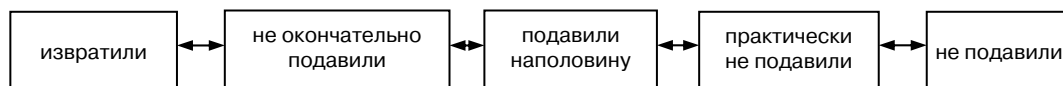

Рис. 1. Восстановление звеньев градуальной оппозиции

В семантической структуре литургийной проповеди употребление именно этих слов — *извратили* и *подавили* — оказывается не случайным, поскольку «чем выше мера осмысления предмета речи, тем неслучайнее материальные формы этого осмысления» [Валентинова 2015: 29—42]:

— *подавить* — не дать обнаружиться, проявиться; привести в мрачное, угнетенное состояние [Кузнецов 2000];

— *извратить* — представить в неправильном виде, исказить, очень сильно изменить, придать неестественный вид [Кузнецов 2000].

Иными словами, *подавить* — значит изменить **количественный** показатель какого-либо признака, уменьшить степень проявления этого признака, но **суть** предмета при этом **не изменится**. В качестве примера можно привести электрическую лампу с регулятором яркости: поворотом ручки регулятора в одном направлении мы делаем свет максимально ярким, при повороте регулятора в другую сторону интенсивность освещения уменьшается, но электричество в лампе остается электричеством, вне зависимости от его «количества».

Извратить же — значит **изменить суть** предмета, сделать его **качественно** другим. Например, если в стакан чистой питьевой воды налить уксус, то это будет уже не питьевая вода, а уксусный раствор. По виду мы вряд ли сможем заметить разницу, но по сути это два разных вещества, имеющих разные химические формулы. Ср.:

*«...одни люди после грехопадения своим своеволием настолько **извратили** образ и подобие Божие, что уже **не могут** пред лицом Божиим **именоваться людьми...**».*

Противопоставление в контексте проповеди не крайних членов градуальной оппозиции «*извратили ↔ не подавили*», а соседних — «*извратили ↔ не окончательно подавили*» поддерживается семантической структурой текста:

*«Но, слава Богу, что Ему ныне угодно обнажать душевную наготу людей, чтобы люди не отчаивались в земной жизни и своем спасении и упражнялись в добродетели и богословии. **Бог** долготерпелив и многомилостив и ждет обращения людей к Истинной Христианской Религии и **не отталкивает** от себя **даже самого падшего человека, если тот прибегает к Богу**, и всем людям предлагает жизнь вечную»* [Архиепископ Гермоден 2006: 156—158].

‘*Даже самый падший человек, если он прибегает к Богу*’ — человек, который «не окончательно подавил образ и подобие Божие». То есть в богословском семиотическом пространстве у человека есть возможность преодолеть вечную смерть не только в случае его полной непогрешимости, а даже тогда, когда «образ и подобие Божие» в человеке проявляются в минимальной степени, когда между проявлением качества и полным его отсутствием есть хотя бы минимальный зазор.

Возвращаясь к характеристике оппозиций градуального типа в общеупотребительном языке, важно отметить, что «они имеют промежуточный, средний член, служащий своеобразной точкой отсчета степени проявления качества» [Новиков 2001: 269]. Ср.: в оппозиции «*горячий ↔ холодный*» такой «точкой отсчета» будет *теплый* — качество, которое равноудалено и от «горячий», и от «холодный». Но тем не менее здесь речь идет о степени проявления *одного и того же* признака.

Градуальная оппозиция, устанавливаемая в литургийной проповеди, имеет иной характер:

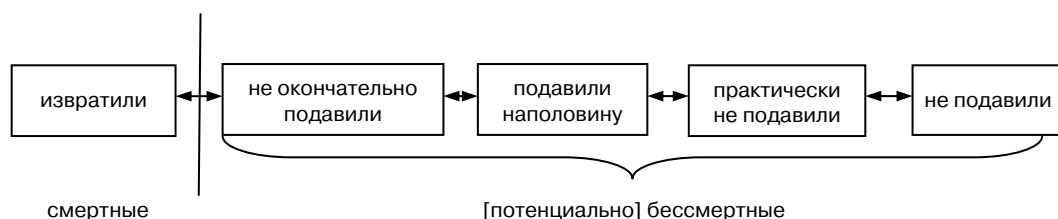

Рис. 2. Оппозиция комплементарно-градуальная

Здесь, в отличие от характерной для общеупотребительного языка градуальной оппозиции, градуированным является только один крайний член оппозиции, выражающий проявление в человеке определенного качества — «образа и подобия Божия». В свою очередь, все степени проявления качества совокупно противопоставляются полному отсутствию качества.

Оппозиция «*смертные ↔ бессмертные*», комплементарная в системе общеупотребительного языка, в литургийной проповеди приобретает специфический вид: она одновременно проявляет свойства комплементарности и градуальности, которая относится только к одному крайнему члену оппозиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вероятно, перераспределение смысловых оппозиций в литургийной проповеди вызвано необходимостью предупредить инерционность восприятия тех форм, которые встречаются также в системе общеупотребительного языка и обусловлены ее семантическими особенностями.

Переустановление оппозиций в литургийной проповеди может происходить не только за счет перераспределения отношений в существующей в общеупотребительном языке оппозиции, в том числе таким образом, что слова, бывшие антонимами, могут стать синонимами, но и за счет изменения типологической разновидности оппозиции.

© Медведев Е.Ю.

Дата поступления: 07.02.2017

Дата принятия к печати: 10.05.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамов Н.А.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Москва: Русские словари, 1999.
2. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка: Около 11 000 синонимических рядов. Москва: Русский язык, 2001.
3. *Архиепископ Гермоген.* Проповеди о вере и спасении / сост. Н.Г. Княжинская. Москва: Вече, 2006.
4. *Балли Ш.* Французская стилистика. Москва: Издательство иностранной литературы, 1961.
5. *Валентинова О.И.* Семиотика полифонии: Монография. Москва: РУДН, 2005.
6. *Валентинова О.И.* Грамота патриарха Никона о Крестном монастыре: мера проявления авторского начала // Материалы Международной научной конференции «Многомерные миры языка», 28 октября 2015 г. Москва: РУДН, 2015. С. 29—42.
7. *Гегель Г.* Наука логики. Т. 2. Москва: Мысль, 1971.
8. Из слова Святейшего Патриарха Кирилла в канун празднования Собора старцев Оптиных в Оптиной пустыни. Режим доступа: <http://www.prihozhanin.msdm.ru/patriarkh-korotko-oglavnom/1201-krotost-i-smirenie-sinonim-schastyia.html> (дата обращения: 15.05.2016).
9. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000.
10. *Новиков Л.А.* Избранные труды. Т. I: Проблемы языкового значения. Москва: Издательство РУДН, 2001.
11. Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Божественной литургии в Феодоровском монастыре в Городце. Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/793496.html> (дата обращения: 15.05.2016).
12. *Соловьев С.М.* Учебная книга русской истории. Москва: Типография В. Грачева и комп., 1860.

УДК: 81'37:281.93

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-654-663

REDETERMINATION OF SEMANTIC OPPOSITIONS AS ONE OF THE PRINCIPLES OF ORTHODOX LITURGICAL SERMON

Yevgeniy Yu. Medvedev

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. In the theological semiotic system liturgical space and non-liturgical space are distinguished. This distinction can not but affect the semantic structure of the liturgical Orthodox sermon which is organically related to the liturgical space. The object of the study is the text of the Orthodox liturgical sermon, the subject is the principles of the development of the liturgical sermon text. The theme of this article is related to one of the leading principles of the formation of such text — the principle of reinstalling semantic oppositions, which is caused by the need to prevent habitual perception of those forms whose content is due to the peculiarities of the semantic structure of commonly used language. The relevance of this article is determined by increased attention to religion as an important component of human and social life and, as a consequence, by the cognitive need to understand the nature of the church language actively entering into the reality of modern Russia and to realize scientifically the specifics of intensively renewed and developing speech genres, the central one of which is the speech genre of sermon. The source of the study is the texts of the liturgical sermons of Patriarch Kirill and Archbishop Hermogenes. The methods of the study are determined by the nature of the empirical material. The fundamentals of structural analysis were applied, implying the definition of not only the composition of the object elements, but also their interrelations: by segmentation, certain structural elements of sermons were identified and later combined into a certain class on the basis of the discovery of certain regularities in their use. Oppositional analysis has revealed differential and integral features of the sermon structural elements. In addition, the study of the text as a whole dictates the need for a systematic method, proceeding from the understanding of the text as a system performing a specific function in the supersystem.

Key words: orthodox liturgical sermon, semantic structure of a text, redetermination of semantic oppositions, typological variety of opposition, complementary opposition, gradual opposition

REFERENCES

1. Abramov, N.A. (1999). Dictionary of Russian Synonyms and Similar Expressions on Sense. Moscow: Russkie slovari. (in Russ).
2. Address of His Holiness Patriarch Kirill after the Divine Liturgy in the monastery Theodore Gorodets. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/793496.html> (accessed: 15.05.2016). (in Russ).
3. Aleksandrova, Z.E. (2001). Russian Thesaurus: Nearly 11000 Synonymous Series. Moscow: Russian language. (in Russ).
4. Arkhiepiskop Germogen. (2006). Sermons about Faith and Salvation. N.G. Kniazhinskaia (Ex. ed.). Moscow: Veche publ. (in Russ).
5. Bally, Ch. (1961). French stylistics. Moscow: Foreign Literature Publishing House. (in Russ).
6. From the words of His Holiness Patriarch Kirill on the eve of the Council of the Optina elders in Optina. URL: <http://www.prihozhanin.msdm.ru/patriarkh-korotko-o-glavnom/1201-krotosti-smirenie-sinonim-schastyia.html> (accessed: 15.05.2016). (in Russ).
7. Hegel, G. (1971). Science of logic. Vol. 2. Moscow: Mysl' publ. (in Russ).
8. Kuznetsov, S.A. (Ed.). (2000). Big Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: Norint publ. (in Russ).

9. Novikov, L.A. (2001). Selected works by Lev Novikov. *Vol. I: Problems of linguistic meaning*. Moscow: Publishing house RUDN. (in Russ).
10. Solov'ev, S.M. (1860). Textbook of Russian history. Moscow: v tipografii V. Gracheva. (in Russ).
11. Valentinova, O.I. (2005). Semiotics of polyphony: Monograph. Moscow: Publishing house RUDN. (in Russ).
12. Valentinova, O.I. (2015). Charter of the Cross monastery by patriarch Nikon: measure expression of the author. *Proceedings of the International scientific conference "Language Multidimensional Worlds"*, October 28, 2015. Moscow: Publishing house RUDN, 29—42. (in Russ).

Для цитирования:

Медведев Е.Ю. Переустановка семантических оппозиций как один из принципов организации литургийной православной проповеди // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 654—663. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-654-663.

For citation:

Medvedev, Ye.Yu. (2017). Redetermination of Semantic Oppositions as one of the Principles of Orthodox Liturgical Sermon. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 654—663. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-654-663.

Yevgeniy Yu. Medvedev, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 654—663. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-654-663.

Сведения об авторе:

Медведев Евгений Юрьевич, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: лингвистическая семантика, филологическая герменевтика; *e-mail*: eugene_medvedev@mail.ru.

Bio Note:

Medvedev Yevgeniy Yurievich, Post-graduate student of the General and Russian Linguistics Department, RUDN University; *Research Interests*: linguistic semantics, philological hermeneutics; *e-mail*: eugene_medvedev@mail.ru.

УДК: 811.161.1:811.134.3:651.92

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-664-671

ГАРАНТИЙНОЕ ПИСЬМО КАК ЧАСТЬ ДОКУМЕНТООБОРОТА: СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА НА РУССКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Г.Н. Пудикова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются морфологические особенности русских и португальских документных текстов на примере гарантийных писем. Выбор темы обусловлен развитием традиций делового оборота в России и странах, где португальский язык является государственным, расширяющимся международным сотрудничеством, экономической глобализацией, построением информационного общества, которые требуют всестороннего изучения теоретических, методологических и практических подходов в области лексического наполнения документов делового оборота. Актуальность работы определяется следующими причинами: глобализацией международных деловых связей, что приводит к формированию единых подходов и стандартизации деловой переписки; активно развивающимися информационными технологиями, что приводит к снижению барьеров в формировании деловой переписки; происходящими в связи с глобализацией экономики и информатизацией общества изменениями в национальной лексике и деловой культуре.

Целью работы является рассмотрение морфологических особенностей русских и португальских документных текстов на примере гарантийных писем.

Автором были определены следующие задачи: определить содержание гарантийного письма и особенности его составления; провести анализ морфологических особенностей гарантийных писем на русском и португальском языках.

Предметом исследования выступают лексические особенности составления документов на русском и португальском языках. В качестве источников в работе использованы: нормативные правовые акты Российской Федерации, диссертационные исследования, литературные источники по изучаемой теме, публикации в периодической печати и материалы Интернет.

Объектом исследования выступают правила и традиции делового оборота.

Ключевые слова: гарантийное письмо, документооборот, документ, официально-деловой стиль, документальная лингвистика, деловой язык, бизнес коммуникация, деловое общение, международный документооборот

ВВЕДЕНИЕ

В условиях развития современных экономических отношений, глобализации, информатизации, интернационализации бизнеса, в деловом мире между коммерческими организациями необходимо выстраивание прочных взаимовыгодных отношений. Неотъемлемой частью таких отношений выступают товарно-денежный обмен и деловая переписка. Одной из форм деловой переписки является гарантийное письмо. Данный документ имеет ряд особенностей. Кратко рассмотрим их.

АНАЛИЗ КОМПОЗИЦИОННО-ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГАРАНТИЙНЫХ ПИСЕМ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гарантийное письмо является документом, в котором отправитель обещает или гарантирует осуществить выполнение каких-либо действий в отношении адресата, которые связаны с его интересами. Данное письмо не является официальным обязательством, скорее оно представляет собой некий знак серьезности намерений со стороны отправителя и выступает подтверждением взятых им на себя обязательств. Однако данный документ обычно имеет необходимые реквизиты — подпись руководителя и печать организации. Согласно существующим правилам документооборота гарантийные письма официально регистрируются и являются составной частью деловой переписки организации.

Отправителем гарантийного письма обычно является юридическое лицо либо лично руководитель организации. Адресоваться такой документ может как юридическому, так и физическому лицу. Иногда само слово «*гарантия*» и не фигурирует в тексте письма, однако сама форма говорит о том, что данная переписка именно такого рода. Гарантироваться могут различные действия, например, своевременная оплата за товар, сроки отгрузки или надлежащее качество выполнения работ.

В отдельных случаях гарантийные письма могут требоваться одной из сторон товарных отношений. Это происходит тогда, когда одна сторона не уверена в своем деловом партнере и нужны дополнительные гарантии проведения сделки, выполнения работ, оказания услуг и т.п. Кроме этого гарантийные письма часто служат дополнением к основному договору, как дополнительная гарантия качественного сотрудничества.

Наиболее распространенным случаем использования гарантийного письма является факт подтверждения оплаты. Тогда по тексту самого письма или в приложении приводится ссылка на номер счета, по которому производится оплата. Но иногда гарантийное письмо может служить и заверяющим документом. В случае регистрации компании в государственных органах, когда помещение для юридического адреса будет предоставлено только через какое-то время, достаточно гарантийного письма от арендодателя. Некоторые банковские учреждения могут принимать гарантийные письма от сторонних организаций для выдачи кредита. В этом случае такой документ подтверждает платежеспособность заемщика.

В случае, если в письме идет речь о финансовых вопросах и суммах оплаты, то помимо подписи руководителя или должностного лица, от чего имени ведется переписка, ставится еще и подпись главного бухгалтера или финансового директора.

Гарантийное письмо обычно составляется в двух формах:

1) когда уже в начале текста Отправитель дает гарантию, а далее по тексту расшифровывает суть обязательств, сроки, условия и т.п.. Например, основной текст письма — без реквизитов — начинается со слов *Гарантируем настоящим письмом..;*

2) по тексту письма описывается суть переписки, а в середине или в конце письма указывается на предоставление гарантий со стороны отправителя, например, *Выполнение условий гарантируем.*

Гарантийное письмо является документом, в котором отправитель обещает или гарантирует осуществить выполнение каких-либо действий в отношении адресата, которые связаны с его интересами. Данное письмо не является официальным обязательством, но представляет собой некий знак серьезности намерений со стороны отправителя и выступает подтверждением взятых им на себя обязательств. Данный документ имеет определенные реквизиты, заверяется подписью руководителя и печатью организации.

В Приложении 1 представлен пример гарантийного письма на русском языке.

В тексте данного документа содержится просьба в адрес корреспондента и юридически значимый компонент документа: «*Оплату гарантируем*», что позволяет считать данное послание гарантийным письмом.

Анализируя данный текст можно отметить следующие аспекты:

1) наличие необходимых реквизитов гарантийного письма — отправителя, получателя, подписей должностных лиц, печати организации;

2) использование простых предложений (в основном тексте — без реквизитов — использовано всего 3 предложения):

3) обращение с просьбой о предоставлении необходимого оборудования (повествовательное, невосклицательное, двухсоставное, полное, распространенное, осложненное предложение);

4) сочетание просьбы с уведомлением о предоставлении гарантии (*Оплату гарантируем* — повествовательное, невосклицательное, неполное, нераспространенное, неосложненное предложение);

5) указание банковских реквизитов (повествовательное, невосклицательное, безличное, распространенное, осложненное предложение).

Язык, которым написано данное гарантийное письмо, является сугубо деловым. Содержание его является понятным, в нем не использованы длинные размытые фразы и выражения, просторечье, жаргонизмы и другие обороты разговорной речи.

Данный документ в полной мере соответствует требованиям к оформлению деловой переписки. В письме указан вид деловой операции (предоставление дистрибутива) для конкретного оборудования, по которой предоставляется гарантия оплаты. В письме указаны необходимые банковские реквизиты для проведения операции. Единственным недостатком данного письма с позиции организации эффективного делового оборота является отсутствие сроков перевода, что делает данную операцию расплывчатой по времени выполнения. Но исходя из существующих норм делового оборота проведение расчетов осуществляется в течение 3—5 рабочих дней. Поэтому следует понимать, что платеж должен быть проведен в эти сроки после получения дистрибутива.

Так, например, в Яндекс.Директ — системе размещения поисковой и тематической контекстной рекламы — используется система гарантийных писем, которые могут быть оформлены со стороны юридических лиц (организаций и индивидуальных предпринимателей) и физических лиц [Правила оформления]. Общим для всех указанных документов выступает использование определенных правил.

1. Реквизитов Отправителя (для физического лица — фамилия, имя, отчество, паспортные данные, адрес проживания; для организации — наименование органи-

зации, ее юридический адрес, ОГРН или ИНН, контактные данные; для индивидуального предпринимателя — наименование ИП, ОГРН, адрес регистрации ИП).

2. Все страницы заполненного гарантийного письма должны быть сшиты в один документ. На печатающей наклейке должны находиться следующие данные: подпись и количество прошитых страниц. Если гарантийное письмо не прошито, каждая страница должна быть пронумерована и подписана.

3. Реквизиты подписи (для физического лица подпись должна быть нотариально заверена; для организации — содержать дату, подпись ответственного лица/руководителя, печать; для индивидуального предпринимателя — проставлены дата подписания, подпись и печать (при ее наличии)).

4. В гарантийном письме должны быть указаны адреса рекламируемых сайтов. Перечислять конкретные адреса страниц, на которые совершаются переходы с объявлений в рекламной кампании, не нужно, поскольку при изменении адреса такой страницы гарантийное письмо будет считаться недействительным.

5. Для индивидуального предпринимателя к гарантийному письму необходимо приложить копию свидетельства о государственной регистрации ИП, заверенную подписью и печатью (при ее наличии).

6. Для организаций подписать гарантийное письмо должен руководитель организации или уполномоченное лицо (в последнем случае к письму нужно приложить заверенную копию доверенности, в которой предусмотрено право указанного лица на подписание соответствующих документов от имени организации).

Анализ текста данных гарантийных писем позволяет выделить следующие морфологические особенности языка документов:

1) широкое использование нормативной лексики, юридических и экономических терминов (*законодательство, требование, лицензия, реализация, товар, свидетельство* и др.);

2) использование в основном простых предложений (1 сложноподчиненное предложение во всем тексте);

3) использование перечислений (для описания обязанностей Рекламодателя и гарантий со стороны Отправителя);

4) отсутствие эмоционально-экспрессивных синтаксических средств.

АНАЛИЗ КОМПОЗИЦИОННО-ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГАРАНТИЙНЫХ ПИСЕМ НА ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

При рассмотрении специфики морфологических приемов при составлении гарантийных писем на португальском языке необходимо кратко отметить особенности португальской лексики.

О.Л. Гренадерова отмечает, что предлог является наиболее употребляемой языковой единицей в португальском языке, что свидетельствует о ее важном положении в лексической системе, анализ этого лексико-грамматического класса слов позволяет лучше осознать языковую систему как одно целое [Гренадерова 2005].

К.А. Степаненко, исследуя категорию лица в функционально-семантическом аспекте в русскоязычных и португалоязычных текстах, отмечает, что на уровне

целого текста функционально-семантическая категория лица/персональности выполняет текстообразующую функцию, вступая во взаимодействие с другими текстообразующими категориями, и в первую очередь с модальностью. При этом план выражения соответствующего функционально-семантического поля в тексте имеет такой же набор конститuentов, как и в высказывании [Степаненко 2009].

А.Н. Быков отмечает, что в португальском языке увеличительные и уменьшительные суффиксы чаще используются для выражения пейоративной, нежели мелиоративной оценки [Быков 2005].

В португальской речи активно используются различные фразеологические обороты. Устная португальская речь экспрессивна, достаточно насыщена яркими сравнениями, междометиями и другими характерными лексическими единицами, что выделяет ее среди других языков [Гуревич 1998; Мартынов 2005; Мартынова 1984; Платонова 1996; Праченко 2004].

Рассмотрим, как эти особенности лексики проявляются в деловом обороте стран, где португальский язык используется как государственный.

В Приложении 2 представлен образец гарантийного письма для предоставления недвижимости в случае аренды.

В гарантийном письме представлены необходимые реквизиты:

- 1) Арендатора (*LOCATÁRIO*);
- 2) Арендодателя (*LOCADOR*);
- 3) Администратора (*ADMINISTRADOR*);
- 4) сведения о недвижимости;
- 5) сведения о компании-поручителе/гаранте, сроках удовлетворения претензий в случае неоплаты арендных платежей (60 дней);
- 6) место и дата подписания документа;
- 7) сведения о свидетелях сделки и их подписи.

В основном тексте широко использованы различные юридические и экономические термины: санкционировал, уполномочил (*fica autorizada*), имущество (*imóvel*), ежемесячная арендная плата (*aluguel mensal*), аренда (*locação*), сборы (*encargos*) и др.

В тексте не использованы просторечья, язык письма деловой. В тексте использовано только 1 сложносочиненное предложения, остальные — простые.

Таким образом, можно сделать вывод, что морфологические особенности составления гарантийных писем на португальском языке и использования лексики определяются спецификой самого документа делового оборота — гарантийного письма — и существующими требованиями/обычаями к его оформлению.

Во многом они схожи со спецификой составления гарантийных писем на русском языке, что можно объяснить схожими нормативными подходами при оформлении гарантийных писем как в российской деловой практике, так и стран, использующих португальский язык в качестве государственного.

В практике составления гарантийных писем на русском и португальском языках не используются лексические особенности этих языков, исключено применение

ние просторечий, фразеологизмов, характерных для устной речи (в том числе которые могут быть использованы и в устном деловом общении — на переговорах, встречах, конференциях, обсуждениях и т.п.). Эта особенность определяется существующей деловой (в том числе и международной) практикой, на которую ориентированы и правила национального документооборота.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гарантийное письмо выступает одной из форм деловой переписки. Гарантийное письмо является документом, в котором отправитель обещает или гарантирует осуществить выполнение каких-либо действий в отношении адресата, которые связаны с его интересами. Данное письмо не является официальным обязательством, но представляет собой некий знак серьезности намерений со стороны отправителя и выступает подтверждением взятых им на себя обязательств. Данный документ имеет определенные реквизиты, заверяется подписью руководителя и печатью организации.

Морфологические особенности составления гарантийных писем на русском и португальском языках и использования лексики определяются спецификой самого документа делового оборота — гарантийного письма — и существующими требованиями/обычаями к его оформлению.

К таким особенностям следует отнести:

- 1) широкое использование нормативной лексики, юридических и экономических терминов;
- 2) использование в основном простых предложений;
- 3) использование перечислений;
- 4) отсутствие в тексте эмоционально-экспрессивных синтаксических средств.

Во многом морфологические особенности составления гарантийных писем на русском и португальском языках схожи между собой, что можно объяснить похожими нормативными подходами при оформлении гарантийных писем как в российской деловой практике, так и стран, использующих португальский язык в качестве государственного.

В практике составления гарантийных писем на русском и португальском языках не используются лексические особенности этих языков, исключено применение просторечий, фразеологизмов, характерных для устной речи (в том числе которые могут быть использованы и в устном деловом общении — на переговорах, встречах, конференциях, обсуждениях и т.п.). Эта особенность определяется существующей деловой (в том числе и международной) практикой, на которую ориентированы и правила национального документооборота.

© Пудикова Г.Н.

Дата поступления: 17.03.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Быков А.Н.* Вариативность употребления суффиксов оценки в португальском языке: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005.
2. *Гренадерова О.Л.* Полифункциональность предлога: на материале португальского языка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005.
3. *Гуревич Д.Л.* Речевые слова в португальском языке: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1998.
4. *Мартынов Е.В.* Функционально-семантическая характеристика пропозициональных структур с модальным значением необходимости: на материале португальского языка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005.
5. *Мартынова Л.Л.* Семантико-синтаксическая характеристика пропозициональных структур с оценочным значением (на материале португальского языка): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1984.
6. *Платонова Е.Е.* Междометие в португальском языке: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1996.
7. *Праченко О.В.* Фразеологические единицы с колоративным компонентом в русском, английском, испанском и португальском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
8. *Степаненко К.А.* Категория лица в функционально-семантическом аспекте: на материале русского и португальского языков: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009.
9. Правила оформления гарантийного письма // Яндекс.директ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/support/direct/required-docs-rules/letter-of-guarantee.xml?lang=ru#legal> (дата обращения 05.01.2017).

УДК: 811.161.1:811.134.3:651.92

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-664-671

LETTER OF GUARANTEE AS PART OF DOCUMENT: COMPARATIVE DESCRIPTION OF THE DOCUMENT ON RUSSIAN AND PORTUGUESE

Galina N. Pudikova

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article deals with morphological features of Russian and Portuguese texts of Document on the example of letters of guarantee. Choosing a theme is caused by the development of traditions of business turnover in Russia and the countries where Portuguese is the official language, expanding international cooperation, economic globalization, the construction of the Information Society, which require a comprehensive study of theoretical, methodological and practical approaches in the field of lexical content of documents of business turnover.

The relevance of the work is determined by the following reasons: globalization of international business ties, which leads to the formation of unified approaches and standardization of business correspondence; Actively developing information technologies, which leads to a reduction of barriers in the formation of business correspondence; Occurring in connection with the globalization of the economy and the informatization of society changes in the national vocabulary and business culture.

The purpose of the work is to consider the morphological features of Russian and Portuguese documentary texts on the example of guarantee letters.

The author has identified the following objectives: to determine the content of the letter of guarantee and especially its preparation; an analysis of morphological features of letters of guarantee in the Russian and Portuguese. The subject of research is the lexical peculiarities of drawing up documents in Russian and Portuguese. The sources used in the work: normative legal acts of the Russian Federation, doctoral research, literary sources on the studied subject, published in the periodical press and Internet materials.

The object of research is the rules and traditions of business turnover.

Key words: commitment letter, document, document, official-business style, documentary linguistics, business language, business communication, business communication, international document

REFERENCES

1. Bykov, A.N. (2005). Variability use suffixes assessment in the Portuguese language: [dissertation]. Moscow. (in Russ).
2. Grenaderoova, O.L. (2005). Polyfunctionality excuse: on a material of the Portuguese language. (in Russ).
3. Gurevich, D.L. (1998). Spoken word in Portuguese: [dissertation]. Moscow. (in Russ).
4. Martynov, E.V. (2005). Functional-semantic characteristic of propositional structures with modal value of necessity: on a material of the Portuguese language: [dissertation]. Moscow. (in Russ).
5. Martynova, L.L. (1984). The semantic and syntactic characteristic of propositional structures with an estimated value (based on the Portuguese language). (in Russ).
6. Platonova, E.E. (1996). Interjection in Portuguese: [dissertation]. Moscow. (in Russ).
7. Prachenko, O.V. (2004). Phraseological units with kolorativnym component in Russian, English, Spanish and Portuguese: dissertation]. Kazan. (in Russ).
8. Stepanenko, K.A. (2009). Category entity in functional-semantic aspect: on a material of Russian and Portuguese dissertation]. Moscow. (in Russ).
9. Rules of writing a guarantee letter // Yandex.direct [Electronic resource]. URL: <https://yandex.ru/support/direct/required-docs-rules/letter-of-guarantee.xml?lang=ru#legal> (accessed: 5.01.2017).

Для цитирования:

Пудикова Г.Н. Гарантийное письмо как часть документооборота: сопоставительное описание документа на русском и португальском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 664—671. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-664-671.

For citation:

Pudikova, G.N. (2017). Letter of guarantee as part of documents: comparative description of the document on Russian and Portuguese. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 664—671. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-664-671.

Galina N. Pudikova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 664—671. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-664-671.

Сведения об авторе:

Пудикова Галина Николаевна, ассистент кафедры русского языка № 1 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов; научные интересы: теория, практика и методика преподавания русского языка как иностранного, компаративистика; e-mail: pudikova.g.n@gmail.com.

Bio Note:

Pudikova Galina Nikolaevna, Assistant of the Russian Language Department No. 1 of Faculty of Russian language and General Educational Disciplines of RUDN University; *Scientific interests*: theory, practice and methodology of teaching Russian as a foreign language, comparativistics; e-mail: pudikova.g.n@gmail.com.

УДК: 811.161.1:398.9

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-672-681

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Сунь Шуян

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Любое явление в реальном мире имеет определенные истоки и причины и порождает те или иные следствия. Установление причинно-следственных связей есть результат — а нередко и цель — человеческого мышления, что делает выявление подобных связей в различного типа текстах неизменно актуальным: оно раскрывает как специфику ментальной и языковой логики, так и видение человеком окружающего мира.

Русские пословицы как объект лингвистического изучения предоставляют большие возможности для выявления особенностей выражения причинно-следственных связей: в них проявляются имманентные свойства паремий как единиц фольклорного жанра, с их особым характером обобщения и вербализации информации, с особым синтаксисом, — например, тенденция к выражению не одной конкретной, а нескольких связей одновременно; склонность к преимущественному использованию отдельных пословичных моделей и т.д.

Материалом нашего исследования являются русские пословицы, почерпнутые из словарей В.И. Даля, В.П. Жукова и др., и иллюстрирующие контексты из Национального корпуса русского языка.

Последовательный анализ пословичных синтаксических структур — от простого предложения к различным типам сложного, — проведенный с учетом опыта изучения категории каузальности и способов выражения причинно-следственных связей в языке, позволяет увидеть наиболее типичные для русских паремий особенности их выражения. К таковым относятся, с одной стороны, способы эксплицитной и имплицитной их вербализации. С другой стороны, нами выделены представленные в русских пословицах синтаксические структуры и среди них — наиболее частотные (например — бессоюзное предложение), а также лексические средства, участвующие в выражении семантики причинности, и случаи ее зашифровки в семантике паремии как целого.

Ключевые слова: причинно-следственные связи, русские пословицы, причинно-следственная конструкция, конъюнкция, импликация, экспликация

ВВЕДЕНИЕ

В современной паремиологии, представленной трудами З.К. Тарланова [Тарланов 1999], Л.В. Савенковой [Савенкова 2002], Н.Н. Семенов [Семенов 2005], Е.И. Селиверстовой [2009], В.М. Мокиенко [Мокиенко 2011] и многих других, разрабатывается широкий круг проблем и, в частности, такие аспекты, как изучение трансформаций и вариативности пословичных единиц (ПЕ), отграничение их от других типов фразеологических единиц, структурно-семантические и дискурсивно-стилистические особенности паремий и т.д.

В данной статье мы остановим свое внимание на особенностях выражения в русских поговорках причинно-следственных связей, поскольку в них проявляется как сама природа пословиц, так и их предназначение, и конечно, традиция оформления этого типа устойчивых языковых единиц.

Способы выражения причинно-следственной связи и используемые для этого лексические и грамматические средства достаточно подробно описаны на материале разных стилей — публицистического [Фетисов 2005], научного [Дашкова 2004], разговорного [Ламухина 2006], а также как особенность языка мастеров художественного слова [Чернышева 1993]. Между тем характер причинно-следственных отношений в русских ПЕ пока не получил, на наш взгляд, достаточного существенного внимания, хотя отдельные поговорки приводятся в качестве примеров в работах синтаксического плана.

Пословица как один из фольклорных жанров, как единица, функционирующая в качестве «особого типа текста» [Рвачева 2010: 264], имеет явно выраженные синтаксические и семантические особенности, определяемые ее обобщенным характером, предельной краткостью, дидактичностью и т.д., в том числе — специфику языкового оформления причинно-следственных отношений. На обобщающий характер пословиц как влияющий в определенной степени на тип их синтаксического построения указывал В.П. Жуков [Жуков 1991: 12]. Проявлением обобщенного характера ПЕ является, по мнению З.К. Тарланова, «отсутствие в предложении конкретного лица, осуществляющего действие, при наличии самого действия и отсутствие в поговорке указания на конкретное время действия» [Тарланов 1999: 44].

Изучение языковых причинно-следственных связей относится к сфере изучения категории каузальности. При выявлении характера причинно-следственных связей в русской поговорке мы принимаем во внимание следующие особенности их выражения в русском языке.

1. В широком смысле условия или обстоятельства возникающего как их следствие события допустимо также допустимо рассматривать в качестве причины. Между причиной и условием существует тесная связь.

2. Мы разделяем мнение Р. Квирка, признающего многообразие семантических особенностей и формальных маркеров причины и следствия и выделяющего 4 типа каузальных конструкций: «1) cause and effect; 2) reason and consequence; 3) motivation and result 4) circumstances and consequence» [Quirk 1985: 1103—1104]. Анализируя предложенную Р. Квирком классификацию, Э.Д. Шапиро уточняет стоящий за каждым из терминов смысл. Так, «в мотивирующе-результативных конструкциях (motivation and result) реализуются намерения одушевленных существ, которые воплощены в имеющийся результат. Обстоятельственно-результативные конструкции (circumstances and consequence) — это конструкции, совмещающие причину и условие, которое реализовано или будет реализовано» [Шапиро 2008: 275].

3. Русский язык располагает формальными показателями выражения каузальности или причинно-следственных связей — такими, как предлоги и союзы *от, из-за, по, вследствие чего, так как* и каузальные глаголы, такие как *велеть*,

приказать и др. Значит, «единого показателя каузальности в русском языке, как и в других славянских языках, нет» [Дадуева 2011: 77].

4. Кроме причинно-следственной связи, в тексте обнаруживаются разные типы отношений — временные, пространственные, контрастные, но при этом «любое логически связанное речевое произведение строится на причинно-следственных связях» [Аматов 2005: 22]. Эти связи доступны говорящим как благодаря особым языковым показателям, так и без таковых. По мнению А.М. Аматова, причинно-следственные отношения выражаются не только лексико-грамматическими способами в отдельных предложениях, но и концептуально, в пределах текста. Как и в предложениях, они могут выражаться не только эксплицитно (явные связи), но также и имплицитно (скрытые связи). «Концептуальные причинно-следственные отношения могут сводиться к лексико-грамматическим (компрессия)» [Там же].

РЕЗУЛЬТАТЫ НАБЛЮДЕНИЙ

Итак, в нашем материале присутствуют следующие конструкции ПЕ, выражающие причинно-следственные связи.

I. Пословицы со структурой простого предложения включают несколько способов выражения причинно-следственных отношений:

А. Широко представлена в поговорках конструкция с предложно-падежной формой существительного с союзом *без*, указывающей на значимое отсутствие чего-либо, что становится причиной некоторых событий: *Без соли, без хлеба худая беседа; Без бычка не поешь молочка; Без соли стол кривой; Без труда не вынешь и рыбку из пруда; Без разума сила — все равно, что железо гнило*. Все эти предложения могут трактоваться и как условные, и как реализующие оба типа отношений.

Ср.: Выгодное это дело для колхоза — рыбководство. Денежное... — Оно, конечно, может, и выгодное, да трудное, — возражает Луков. — **А без труда не вытащишь рыбку из пруда**, — веско замечает Анастас [НКРЯ; Виктор Курочкин «Последняя весна»].

Б. Достаточно типичны конструкции, в которых причина выражена определением к существительному, являющемуся в предложении подлежащим (*Сытое брюхо к учению глухо; Голодный француз и вороне рад; Пустая мельница без толку мелет; Битый пёс догадлив стал; Голодный и патриарх хлеба украдет*), логическим субъектом в безличных и неопределенно-личных предложениях (*Дареному коню в зубы не смотрят; Старую собаку новым фокусом не научишь; Голодному Федоту и репа в охоту*), прямым или косвенным объектом (дополнением) — *Береженого бог бережет; За одного битого двух небитых дают, да и то не берут; С малыми детками горе, а с большими — вдвое; Бездонную бочку водой не наполнишь; Бессовестного гостя пивом из избы не выгонишь*. В примерах данной подгруппы мы вправе говорить о собственно причинно-следственных отношениях.

Ср.: Не кажется ли вам, что содержание лиризма его теперь уже почти антипоэтическое? Или я заблуждаюсь от аттицизма Пушкина, или соболезнование о том, что сыт, да ни к чему не годен по поговорке: *сытое брюхо к учению глухо*, не есть поэтические данные [НКРЯ; П.В. Анненков «Письмо И.С. Тургеневу»].

Притяжательное местоимение *свой* во многих ПЕ оправдывает и объясняет наблюдаемый ход событий: *За свой грош везде хорош; В своем гнезде и ворона коршуну глаз выклюет.*

Данный тип конструкции анализируется в работе А.Е. Ренковской, которая оперирует вопросом «почему» для выявления смысловых связей в паремии. По ее мнению, ответом на этот вопрос в ПЕ часто служит определение: Бездонную бочку водой не наполнишь — *Почему?* — Потому, что бездонная; Бессовестного гостя пивом из избы не выгонишь — *Почему?* Потому что бессовестный» [Ренковская 2011: 552]. Аналогичную функцию в ПЕ *Два медведя в одной берлоге не живут* выполняют числительные.

В. Предлоги являются одним из наиболее ярких средств выражения ПСС — это распространяется и на паремийные единицы. Ср.: *От жару и камень киснет* (причиной является жар); *От недосмотра хозяйство гинет; От денег все зло на земле; От плохого семени не жди хорошего племени; К обедне ходят по звону, а к обеду по зову* (потому что звонят; потому что зовут). *С поклону голова не отвалится; С уменья руки не болят; За стыд голова гинет; За деревьями леса не видели (увидел, увидит); За компанию и еврей повесился.*

Ср.: — Ну, чего вы чертями-то сидите? — не вытерпел, наконец, старик, когда я вышел на крыльцо. — Видите, барин вышел, ну, шапочку бы сняли. Ах, вы, чертомы! Ведь *с поклону голова не отвалится!* [НКРЯ; Мамин-Сибиряк, «Золотуха»].

II. Единицы со структурой бессоюзного предложения, весьма типичные для паремий, обнаруживают несколько разновидностей.

А. Конструкция, в которой причина и следствие выражены формой инфинитива: «причина (глагол в инфинитиве) → следствие (глагол в инфинитиве)»: *Волков бояться — в лес не ходить; Правду говорить — друга не нажить; При дороге жить — всех не угостить; Грязью играть — руки марать.*

Ср.: — Вам, Василий Петрович, уже шестьдесят два года. Если товарищи по партии выдвинут кандидатом в губернаторы Белгородской области именно вас, не опасаетесь, что ваш возраст будет активно использоваться как аргумент в предвыборной пропаганде? — Можно ответить на это известной пословицей: «*Волков бояться — в лес не ходить*» [НКРЯ: Василий Алтухов. Не в силе бог, а в правде (2003) // «Завтра», 2003.05.20].

Б. В конструкции «Обстоятельство/условие — результат» — с глагольным сказуемым — более ярко выражено значение условия и через него может (или могла бы) реализоваться семантика причинности: *Мельница мелет — мука будет; язык мелет — беда будет; За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймашь; Мир дунет — ветер будет, мир плюнет — море будет; Берись дружно — не будет грузно. С собакой ляжешь — с блохами встанешь.*

Ср.: Печалит, конечно, что остался только один, но с другой стороны, это несколько облегчает работу, поскольку *за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймашь*. А этого одного я уж точно должен накрыть [НКРЯ; Пётр Галицкий. Опасная коллекция (2000)].

III. Сложносочиненные предложения

А. В сложносочиненном предложении ПСС наиболее очевидны в паремиях по модели «причина/условие — следственный результат/состояние»: *Отец рыбак, и дети в воду смотрят; Рука руку моет, и обе белы живут; Гром не грянет, [и] мужик не перекрестится (не дрогнет).*

Ср.: Почему нас так поражают пожилые европейцы, от которых энергия буквально бьет ключом? Просто они с юных лет трепетно относились к своему здоровью, берегли его. А если заболели, то объявляли настоящую войну болезни. А у нас даже пословица есть: *«Пока гром не грянет, мужик не перекрестится»* [НКРЯ; Виктор Лихачёв. У природы не плохой погоды (2003) // «Встреча» (Дубна), 2003.05.07].

В данной подгруппе паремий связь между двумя частями не однозначна, что позволяет предложить разные варианты трактовки ПЕ: *Рука руку моет, и обе белы живут* (причина — следствие) и *Рука руку моет, хотя обе белы быть* (следствие — причина).

Б. Типична для ПЕ четырехчастная конструкция «причина/условие — следствие + причина/условие — следствие», две большие части которого соединяются противительным союзом, что позволяет осуществить сопоставление (противопоставление) двух разных потенциальных действий, качеств, моделей поведения, ситуаций: *Тонул — топор сулил, а как вытащил — и топорница жаль; Годится — молиться, а не годится — горшки покрывать; В полплеча работа тяжела, а оба подставить — легче справиться.*

Ср.: О чем, например, говорит эта пословица: *«Тонул — топор сулил, а вытащил — и топорница жаль»*. О чем это? — Это вот если неблагодарный человек, — торопится ответить Мышка. — Вот, например, Алинина Клепеницер. Она очень боялась экзаменов, и, когда Алина с ней занималась, она все-все обещала! А как выдержала экзамен, так ничего не дала [НКРЯ; Валентина Осеева; «Динка» (1959)].

Сочинительной связью соединены составляющие целое две части предложения, в каждой из которых без использования союзов выражено отношение *причина-следствие*.

IV. Сложноподчиненные предложения с частями, связанными между собой причинно-следственными отношениями, включают несколько подтипов — с разными союзами и союзными словами.

А. Предложение с причинно-обстоятельственной семантикой придаточного и союзным словом *где* и указательным местоимением *там* имеет стабильную структуру: придаточное с семантикой причины и места располагается в препозиции: *Где дрова рубят, там и цепки летят; Где мед, там и мухи; Где [кто] родился, там и пригодился; Где пьют, там льют; Где тонко, там и рвется; Где хозяин ходит, там земля родит.*

Ср.: Здесь-то и кроется ответ на вопрос, почему и как люди простужаются. Дело в том, что у каждого человека есть свое собственное слабое звено... *Где тонко, там и рвется*, — в силу минимальных, не замечаемых в обычной жизни дефектов развития... [НКРЯ; Е. Кольцова. Весенние «сюрпризы» (2003) // «100% здоровья», 2003.02.14].

Б. В ПЕ по модели «*Кто...тот*» местоимение *кто* выполняет в придаточном предложении (в комбинации с соотносительным словом *тот* в главном предложении) функцию подлежащего указывает на неопределенность субъекта ('любой'). Придаточное причины располагается в препозиции: *Кто ищет, тот найдет; Кто в понедельник бездельник, тот и во вторник не работник; Кто в небо глядит, тот без хлеба сидит.*;

Ср.: Все слышали? Все поняли? «*Кто не работает, тот не ест!*»! Каждый из вас должен будет взять кетмень и отправиться обрабатывать отнятую у отцов землю. Только тогда вас будут кормить. [НКРЯ; Еремей Парнов. «Третий глаз Шивы» (1985)].

В. Аналогичен предыдущему тип конструкции «*Что...то*», скрепляемой соотносительным местоимением *что* в придаточном предложении (в сочетании с соотносительным словом *то* в главном предложении), выполняющим функцию подлежащего (*Что с возу упало, то пропало*) или дополнения (*Что посеешь, то и пожнешь*): *Что в сердце варится, то в лице не утаится; Что на уме думается, то во сне видится.*

Ср. Он чувствовал собственную бездарность. Завидовал черной завистью. И мстил — доносами. Но *что посеешь, то и пожнешь!* <...> Его посадили в тюрьму, куда он своими доносами столько народу отправил. [НКРЯ; В. П. Стеценко. Из воспоминаний о Леонове (2004) // «Наш современник», 2004.08.15].

Г. В ПЕ по модели «*Чем...тем*» с помощью сложного союза *чем...тем* присоединяется сравнительное придаточное предложение: *Чем дальше в лес, тем больше дров; Чем вино старше, тем оно крепче; Чем чуднее, тем моднее.*

Ср.: — Как тебе сказать... — Люсин поставил кружку. — По правде говоря, я уже давно не был так занят, как сейчас. И *чем дальше в лес, тем больше дров.* Ни рук, ни головы уже не хватает, а концов не видно. [НКРЯ; Еремей Парнов, «Третий глаз Шивы» (1986)].

В приведенных выше конструкциях пары слов *где...там; кто...тот; что...то* выполняют не только функции выразителей отношений между частями сложных предложений и их содержанием, но имеют и «иное лексическое значение и по функции в предложении подобны знаменательным словам» [Василенко 1965: 49]. На наш взгляд, с одной стороны, широкое использование местоимений *что...то, кто...тот* и др. в русских пословицах вызвано обобщенным характером выражения: в приведенных примерах они выполняют функции подлежащего, дополнения или обстоятельства и выражают неопределенность субъекта (объекта, обстоятельства); с другой стороны, в структуре сложноподчиненных предложениях с их помощью поддерживается на смысловом уровне связь двух частей предложения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ пословиц как особого типа фольклорного текста, отражающего логику коллективного носителя языка, позволяет сделать некоторые выводы.

1. В нашем материале по вполне понятным причинам отсутствуют пословицы с союзами и союзами словами *так как, благодаря чему, вследствие чего* и др.,

которые в принципе могут участвовать в выражении причинно-следственных связей и широко используются как их показатели в других типах текстов. Впрочем, в ПЕ — в силу их лаконичности, разговорности, эвфонической специфичности — отсутствуют и иные распространенные союзы (*поэтому, поскольку* и проч.), предназначенные для выражения ПСС.

2. Причинно-следственные связи выражаются в ПЕ иными, весьма разнообразными, средствами. Помимо союзных средств (*и, на, что...то, кто...тот* и др.), предлогов (*от-, по-, за-*) и синтаксических средств (порядок слов, тире), семантика причинности раскрывается лексическими значениями слов (наименование особых признаков субъекта/объекта как причина соответствующего поведения, отношения и т.д.) и может быть зашифрована в семантике паремии как целого (*Береженого бог бережет*).

3. С одной стороны, в русских пословицах причина (собственно причина или причина, сочетающаяся с условием) и соответствующее следствие (результат) могут быть явлены эксплицитно. С другой стороны, более типичным для паремий является имплицитное выражение глубоких ПСС, отчасти опознаваемых по типичным синтаксическим структурам (в частности, бессоюзного предложения), но также зависящих от носителя языка, участвующего в семантической дешифровке ПЕ и выявляющего будь то причинно-следственные связи либо временную, условную и проч. семантику (ср.: *Когда Бог ума не дал, кузнец не прикует*).

4. Причинно-следственная и условная связи в русских пословицах переплетаются. ПЕ, выражая в предельно краткой форме общечеловеческие мысли, многовековой опыт, имеют обобщенный характер, допускающий различные трактовки, что подтверждают как лингвисты, говорящие о семантической неопределенности пословиц, так и философы, квалифицирующие ПСС как универсальную модель человеческого мышления, тесно связанную с другими значениями обусловленности.

© Сунь Шуян

Дата поступления: 17.02.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аматов А.М.* Причинно-следственные связи на разных уровнях языка / дисс. ... докт. филол. наук: Московский педагогический государственный университет. Москва, 2005.
2. *Василенко И.А.* К вопросу союзных и бессоюзных предложениях в русском языке // Проблемы современной филологии. Москва, 1965. С. 47—52.
3. *Дадуева Е.А.* Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ, 2011. № 2. С. 76—82.
4. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: сб.: в 2 т. М., 1996.
5. *Дашкова С.Ю.* Логико-прагматический анализ аргументации а научно-учебном тексте / дисс. ... канд. филол. наук: Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2004.
6. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок: около 1200 пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык, 1991.

7. Ламухина О.М. Каузальные отношения в типологии диалогов: На материале английского языка / дисс. ... канд. филол. наук: Армавирский лингвистический университет. Армавир, 2006.
8. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. Москва: Смысл, 1997.
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. Москва: «ОЛМА Медиа групп», 2011.
10. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
11. Рвачева О.Ю. Текст пословиц — особый способ передачи оценочной семантики в русском языке // Вестник ТГУ. Вып. 4 (84). 2010. С. 264—267.
12. Ренковская Е.А. Некоторые особенности синтаксической структуры русских пословиц (на примере монопредикативных предложений) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2011. № 10 (17). С. 545—555.
13. Савенкова В.М. Русские паремии как функционирующая система / дисс. ... докт. филол. наук: Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону, 2002.
14. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. Санкт-Петербург: Мирс, 2009.
15. Семенов Н.Н., Шипицына Г.М. Русская пословица: функции, семантика, системность. Белгород: Издательство БелГУ, 2005.
16. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999.
17. Фетисов О.В. Категориальная сущность каузальных отношений в русском и английском языках / дисс. ... канд. филол. наук: Армавирский лингвистический университет. Армавир, 2005.
18. Чернышева Е.Ю. Типология причин в художественном прозаическом тексте (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») / дисс. ... канд. филол. наук: Воронежский государственный университет. Воронеж, 1993.
19. Шатило Э.Д. Выражение причинно-следственных отношений в сложноподчиненных предложениях разных типов // Вестник ЧГУ. 2008. № 4. С. 274—278.
20. Quirk R. *A comprehensive grammar of the English language*. London: Longman, 1985.

УДК: 811.161.1:398.9

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-672-681

CHARACTERISTICS OF THE EXPRESSIONS OF CAUSALITY IN RUSSIAN PROVERB

Sun Shuyang

Sankt-Petersburg State University

Universitetskaya embankment, 7/9, Saint-Petersburg, Russia, 199034

Abstract. Any phenomenon in our real world has certain springs and causes and produces certain consequences. Establishing causality is the result — and sometimes a purpose — of human thinking, which makes the study of these relationships in different types of texts relevant: it reveals the specifics of the mental and linguistic logic, and the vision of the world in our mind.

Russian Proverbs as an object of linguistic studies give us great opportunities to identify the characteristics of expressions of causality: in proverbs are manifested immanent properties of Proverbs as units of the folk genre, with their particular nature of generalization and verbalization of information, with a special

syntax. The materials of our study are Russian Proverbs, which gleaned from the dictionary of V.I. Dahl, V.P. Zhukov, etc., and the contexts from the National corpus of the Russian language. Analysis of the proverbial syntactic structures — from simple sentences to various types of complex, which are based on the experience of the study of the category of causality and ways of expressing causality in language, allows you to see the most typical features of expressions in the Russian Proverbs. These include, on the one hand, the explicit and implicit ways of their verbalization. On the other hand, our classification is based on syntactic structures of Russian Proverbs, and among them — most frequency, and lexical means involved in the expression of the semantics of causality, and it were encoded in the semantics of proverbs as a whole.

Key words: cause-effect relationships, Russian proverbs, the causative construction, conjunction, implication, explication

REFERENCES

1. Amatov, A.M. (2005). Causal relationships at different levels of the language [dissertation]. Moscow. (In Russ.)
2. Vasilenko, I.A. (1965). On the issue of allied and non-union proposals in the Russian language. In *Problems of modern philology*. Moscow. pp. 47—52. (In Russ.)
3. Dadueva, E.A. (2011). General characteristics of causative verbs. *Bulletin of SibGUTI*, 2, 76—82. (In Russ.)
4. Dal, V.I. (1996). Proverbs of the Russian people. Moscow. (In Russ.)
5. Dashkova, S.Yu. (2004). Logico-Pragmatic Analysis of the Argumentation of Scientific and Teaching Text [dissertation]. Kemerovo. (In Russ.)
6. Zhukov, V.P. (1991). Dictionary of Russian proverbs and sayings: about 1200 proverbs and sayings. Moscow. (In Russ.)
7. Lamuhina, O.M. (2006). Causal relations in the typology of dialogues: On the material of the English language [dissertation]. Armavir. (In Russ.)
8. Leontiev, A.A. (1997). Fundamentals of psycholinguistics. Moscow. (In Russ.)
9. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2011). Folk wisdom. Moscow: OLMA Media Group. (In Russ.)
10. The National Corps of the Russian Language. <http://www.ruscorpora.ru>.
11. Rvacheva, O.Yu. (2010). The text of proverbs is a special way of transferring the estimated semantics in Russian. *Bulletin of TSU. Issue. 4 (84)*, 264—267. (In Russ.)
12. Renkovskaya, E.A. (2011). Some features of the syntactic structure of Russian proverbs (on the example of monopredictive sentences). In *Computer linguistics and intellectual technologies: based on the materials of the annual international conference “Dialogue”, no 10 (17)*. pp. 545—555. (In Russ.)
13. Savenkova, V.M. (2002). Russian paremia as a functioning system [dissertation]. Rostov-on-Don. (In Russ.)
14. Seliverstova, E.I. (2009). The space of the Russian proverb: constancy and variability. St. Petersburg: Mears. (In Russ.)
15. Semenenko, N.N. & Shipitsyna, G.M. (2005). Russian proverb: functions, semantics, system. Belgorod: Publishing house BelGU. (In Russ.)
16. Tarlanov, Z.K. (1999). Russian proverbs: syntax and poetics. Petrozavodsk. (In Russ.)
17. Fetisov, O.V. (2005). Categorical essence of causal relations in Russian and English [dissertation]. Armavir. (In Russ.)
18. Chernysheva, E.Yu. (1993). Typology of causes in the artistic prose text (based on the novel by F. Dostoevsky “Crime and Punishment”) [dissertation]. Voronezh. (In Russ.)
19. Shapiro, E.D. (2008). Expression of cause-effect relations in complex sentences of different types. *Bulletin of the Chechen State University*, 4, 274—278. (In Russ.)
20. Quirk, R. (1985). A comprehensive grammar of the English language. London: Longman.

Для цитирования:

Сунь Шуян. Особенности выражения причинно-следственных связей в русских пословицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 672—681. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-672-681.

For citation:

Sun, Shuyang (2017). Characteristics of the expressions of causality in Russian proverb, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 672—681. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-672-681.

Sun Shuyang, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 672—681. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-672-681.

Сведение об авторе:

Сунь Шуян, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета; *научные интересы*: теория функциональной грамматики, грамматическая категория вида русских глаголов, русские пословицы; *e-mail*: ssy198812@gmail.com.

Bio Note:

Sun Shuyang, PhD student in Saint Petersburg State University; *Interests*: Functional discourse grammar, grammatical aspect, proverbs in Russian language. *e-mail*: ssy198812@gmail.com.

УДК: 81:39(=512.145)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-682-693

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ПОВОЛЖСКИХ ТАТАР В ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И ТАТАР РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН*

А.В. Разумкова

Институт языкознания РАН
ул. Кисловский пер., 1/1, Москва, Россия, 125009

В статье на основе интерпретации экспериментального материала определяется содержание этнического образа поволжских татар. Актуальность исследования обусловлена тем, что описание содержания образов «себя» и «другого» в сознании русских и татар могут внести существенный вклад в работы по прогнозированию и исследованию межнациональной напряженности в Республике Татарстан. Объектом исследования является этнический образ автохтонного населения Республики Татарстан. Предмет исследования — авто- и гетеростереотипы поволжских татар в рамках домена «Национальный характер». Рассмотрение этнических стереотипов подразумевает изучение описательных признаков на материале ассоциативного поля «Татары, какие они? (дайте несколько определенных типичных черт)» с применением методики полевой стратификации, которая была разработана И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой (2011). Для анализа этнонимов, полученных в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента, был использован метод построения «семантического гештальта», предложенный Ю.Н. Карауловым (2000). Материалом для описания авто- и гетеростереотипов поволжских татар послужили данные, собранные в результате проведения направленного ассоциативного эксперимента среди студентов (17—23 лет) высших учебных заведений г. Калуги и г. Казани в 2016 г. Ассоциативное поле этнонима «татары» было сформировано на материале пилотажного свободного ассоциативного эксперимента, проведенного на русском языке среди школьников и студентов (12—23 лет) Республики Татарстан осенью 2015 г. Сопоставление результатов двух психолингвистических экспериментов позволяет сделать вывод, что большая часть этностереотипов занимает периферийную зону в содержании образа этноса, что в целом свидетельствует о нестереотипизированном восприятии титульного населения республики русскими и татарами.

Ключевые слова: этнический стереотип, авто- и гетеростереотипы, направленный ассоциативный эксперимент, свободный ассоциативный эксперимент, индекс яркости, совокупный индекс яркости значения, полевая стратификация

ВВЕДЕНИЕ

Формирование этнических стереотипов как устойчивых компонентов этнического сознания происходит в процессе межэтнического общения. «Функция этнической культуры заключается в структурировании мира вокруг человека, в определении возможностей и условий действия человека в мире. Благодаря этнической культуре человек формирует свое видение мира, свой образ мира или, по определению современной этнологии, этническую картину мира» [Уфимцева 2012: 73].

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта № 15-34-14007 «а (ц)».

Важной функцией стереотипа является определение поведения человека и его ориентировка в непривычной ситуации. Этнические стереотипы оказывают влияние на формирование этнических антипатий (этногонизм) и симпатий [Бромлей 1983: 184].

В межэтническом общении базовые стереотипы «мы/свои-они/чужие» могут привести к идеализации и, наоборот, к неприятию представителей другого этноса [Леонтович 2002: 324]. Так как «этнические стереотипы влияют на этнические симпатии-антипатии, на национальные установки, определяют характер межэтнического взаимодействия» [Уфимцева 2012: 73—74], описание содержания образов «себя» и «другого» в сознании русских и татар могут внести существенный вклад в работы по прогнозированию и исследованию межнациональной напряженности в регионе.

Объектом исследования является этнический образ автохтонного населения Республики Татарстан. Этнический образ формируется на основе стереотипа, который в рамках психолингвистики рассматривается как некоторое «„представление“ фрагмента окружающей действительности, фиксированная ментальная „картинка“, являющаяся результатом отражения в сознании личности „типичного“ фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира» [Красных 2001: 177—178] или как аффективно окрашенный фрагмент языкового сознания [Тарасов 2006: 69].

Предметом исследования являются авто- и гетеростереотипы поволжских татар. Для определения содержания образа «себя» и образа «другого» (авто- и гетеростереотипов) используются разные психолингвистические методы.

Совместное исследование И.А. Стернина и О.Е. Виноградовой (2016) показало, что существует зависимость получаемых результатов от методики психолингвистического исследования. Так, для описания «значений слова актуальных для языкового сознания носителя языка наиболее эффективны методы свободного ассоциативного эксперимента и метод направленного ассоциативного эксперимента по вопросам-стимулам» [Виноградова 2016: 31]. Задача исследования заключается в изучении авто- и гетеростереотипов поволжских татар в рамках домена «Национальный характер» с целью выявления устойчивых стереотипных представлений, на формирование которых непосредственное воздействие оказывают такие факторы, как территория и этнический состав населения. Анализ содержания этнонима «татары» в языковом сознании русских и татар, проживающих на территории Республики Татарстан, позволит определить наличие/отсутствие экспериментально выявленных авто- и гетеростереотипов татар в быденном языковом сознании респондентов. В случае присутствия стереотипов мышления необходимо проанализировать их ядерное/периферийное положение, то есть определить их «постоянный» или «вероятностный» характер (термины Г.А. Черкасовой) в языковом сознании изучаемых этносов. Материалом для описания авто- и гетеростереотипов татар являются данные, собранные в результате проведения направленного ассоциативного эксперимента (далее НАЭ) среди студентов (17—23 лет) высших учебных заведений г. Калуги и г. Казани в 2016 г. Всего было собрано 200 анкет (100 мужчин/100 женщин) в г. Калуге и 223 анкеты в г. Казани, из них

100 анкет (43 мужчины/57 женщин) среди русских и 123 анкеты (59 мужчин/64 женщины) среди татар. Для удобства обозначим Русских 1, к которым относятся русские, проживающие в г. Калуге, Русские 2 — русские г. Казани и Татары — респонденты, национальная принадлежность которых была обозначена как татары.

АП этнонима «татары» было сформировано на материале пилотажного свободного ассоциативного эксперимента (далее САЭ), проведенного на русском языке среди школьников и студентов (12—23 лет) Республики Татарстан осенью 2015 г. Результаты эксперимента представлены в виде электронной базы данных с возможностью доступа как к прямому, так и обратному ассоциативным словарям. Всего было опрошено 355 жителей республики (русские и татары). Достоверность и обоснованность получаемых при помощи ассоциативного эксперимента результатов обеспечивается достаточным количеством испытуемых.

По итогам количественных исследований ассоциативных словарей Г.А. Черкасовой (2005) было выявлено, что «„Постоянные“ реакции (их не более десятка) имеют относительную частоту встречаемости более 5% в любых выборках (опросах) объемом не менее 100 респондентов. При увеличении объема выборки (опроса) со 100 до 200 респондентов относительные частоты встречаемости (ранги) „постоянных“ реакций стабилизируются» [Черкасова 2005: 244]. Таким образом, анкетирование не менее 100 человек обеспечивает достоверность полученных результатов.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрение авто- и гетеростереотипов поволжских татар подразумевает изучение описательных признаков на материале ассоциативного поля «Татары, какие они? (дайте несколько определенных типичных черт)».

Фрагменты образа мира, которые были сформированы на основании реакций испытуемых направленного ассоциативного эксперимента, представлены в виде ассоциативных полей (далее АП), при составлении которых были применены правила лемматизации и семантической интеграции. Единичные реакции, которые не подверглись семантической интеграции, не были учтены при анализе АП, так как одним из свойств ментального стереотипа, наряду с речевым, считается его частотность. Содержание ассоциативных полей представлено совокупностью ассоциатов с индексом яркости (далее ИЯ), который вычисляется «как отношение количества испытуемых, актуализировавших (вербализовавших) данную сему в экспериментах, к общему числу испытуемых. *Индекс яркости* представляется очень важным показателем семантического компонента, так как он <...> отражает степень актуальности того или иного семантического компонента для языкового сознания» [Стернин, Рудакова 2011: 101].

Применительно к данному исследованию индекс яркости позволит выявить актуальные для языкового сознания респондентов авто- и гетеростереотипы поволжских татар. При выделении нескольких тематических подгрупп в ассоциативных полях слова-стимула (вопроса) «вычисляется также совокупный индекс яркости значения (СИЯ) как сумма индексов яркости всех образующих значение»

[Стернин, Рудакова 2011: 101] ассоциатов, что позволяет ранжировать тематические подгруппы по критерию «ядерные/периферийные». Полевая стратификация также применима для определения наиболее/наименее значимых черт и характеристик изучаемого этноса.

Вслед за И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой определим «количественные параметры отнесения когнитивных признаков к разным зонам поля: ядро — наиболее частотный (рекуррентный) признак или признаки, но имеющий индекс яркости не менее 0,12—0,15, ближняя периферия — ИЯ 0,10—0,04, дальняя периферия — ИЯ 0,03—0,02 крайняя периферия — яркость 0,01 и ниже (то есть один процент испытуемых и менее объективировал этот признак)» [Стернин, Рудакова 2011: 126].

АП этнонима сформировано из реакций, которые расположены в порядке убывания (от самых частотных до единичных). Для анализа экспериментального материала свободного ассоциативного эксперимента был использован метод построения «семантического гештальта», предложенный Ю.Н. Карауловым [Караулов 2000: 194].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

АП «**Национальный характер**» формируется из реакций Русских 1, Русских 2, Татар на слово-стимул (вопрос) «Татары, какие они? (дайте несколько определенных типичных черт)». Реакции респондентов распределяются по двум основным тематическим подгруппам: «антропологические характеристики» и «описание этноса, черт национального характера и поведения» (график 1).

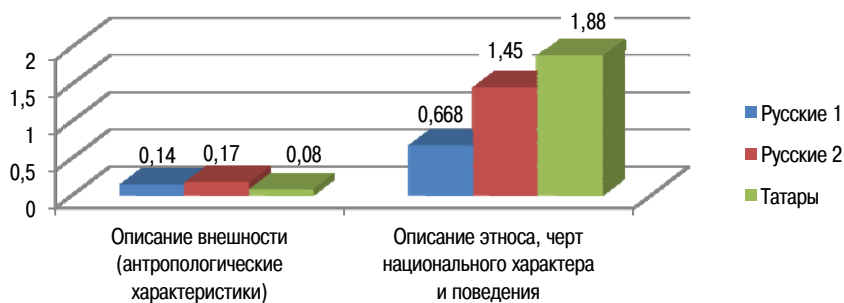

График 1. Количественное соотношение суммарных индексов яркости тематических подгрупп в АП «Национальный характер» Русских 1, Русских 2 и Татар

В АП Русских 1 и Русских 2 обе тематические подгруппы входят в ядерную зону. Суммарный индекс яркости (далее СИЯ) тематической подгруппы «описание этноса, черт национального характера и поведения» в АП Русских 1 в два раза меньше, чем в АП Русских 2, что можно объяснить большим количеством отказов и единичных ассоциатов, а также невысоким индексом яркости частотных реакций. Для Татар описание внешности играло незначительную роль (СИЯ = 0,08), а вот суммарный индекс яркости тематической подгруппы «описание этноса, черт национального характера и поведения» является самым высоким среди трех групп.

Важно отметить небольшой процент (25%) единичных реакций в АП Татар, что говорит о сформированности автостереотипов национального характера титульного населения республики. Тот факт, что компонент «внешний облик» представлен в значительной степени в АП Русских 1 и Русских 2, но не ярко выражен в АП Татар подтверждает слова Н.В. Шимбель и Е.В. Собор, что «в основе гетеростереотипов лежит такое свойство, как антропостереотипичность, т.е. обусловленность стереотипа внешним обликом индивида. Внешность часто выступает практически важным признаком, несущим в себе информацию об этнической принадлежности субъекта. Признаки, из которых слагаются внешний облик и поведение, могут иметь осведомительное значение и выполнять регулятивную функцию. В гетеростереотипах на уровне обыденного сознания внешний облик представителя соответствующей этнической общности чаще всего связывается с определенными психологическими чертами человека. На основе этих стереотипов неизбежно создаются соответствующие типы межэтнического общения и поведения людей» [Шимбель, Собор 2014: 3—4].

Что касается антропологических характеристик, респонденты трех групп сошлись во мнении, что татары *темноволосые* ($P1 (0,03)$, $P2 (0,08)$, $T (0,016)$). Русские 1 и Русские 2 отмечают *смуглый цвет кожи* ($P1 (0,055)$, $P2 (0,02)$) и *карие глаза* ($P1 (0,02)$, $P2 (0,04)$). Респонденты г. Калуги сообщают об *узком разрезе глаз* ($P1 (0,055)$) и *невысоком росте татар* ($P1 (0,025)$). Русские 2 и Татары подчеркивают красоту этноса реакцией *красивые* ($P2 (0,03)$, $T (0,048)$), хотя Русские 1 дают реакцию *страшные* ($P1 (0,02)$).

Описанные черты национального характера и поведения совпали в 13 ассоциатах с разным индексом яркости (график 2).

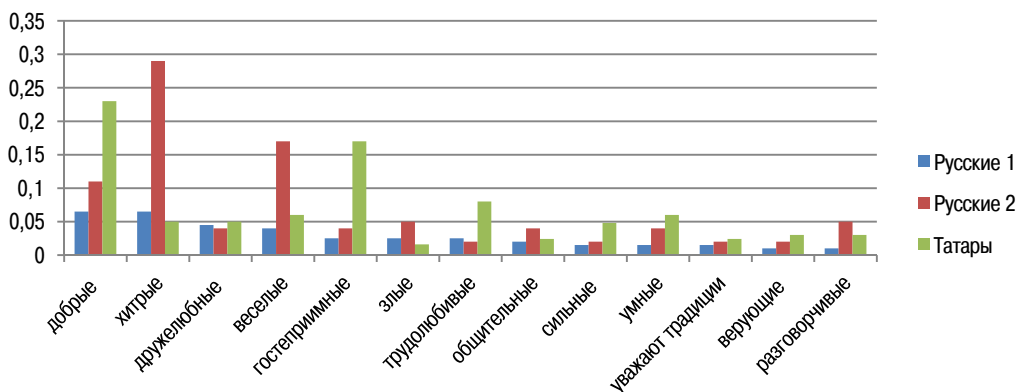

График 2. Количественное соотношение совпадающих во всех трех АП частотных реакций на слово стимул «Татары, какие они? (дайте несколько определенных черт)» по индексу яркости

По коммуникативному поведению и отношению к людям татары представляются *добрыми* ($P1 (0,065)$, $P2 (0,11)$, $T (0,23)$), *дружелюбными* ($P1 (0,045)$, $P2 (0,04)$, $T (0,05)$), *веселыми* ($P1 (0,04)$, $P2 (0,17)$, $T (0,06)$), *гостеприимными* ($P1 (0,025)$, $P2 (0,04)$, $T (0,17)$), *общительными* ($P1 (0,02)$, $P2 (0,04)$, $T (0,024)$), *разговорчивыми* ($P1 (0,01)$, $P2 (0,05)$, $T (0,03)$), но в тоже время *злыми* ($P1 (0,025)$, $P2 (0,05)$, $T (0,016)$).

Реакция «*добрые*» относится к ядерной зоне АП Русских 2 и Татар. Титульное население республики в три раза чаще упоминает данное качество. Респонденты подчеркивают трудолюбие татар реакциями *трудолюбивые* ($P1 (0,025)$, $P2 (0,02)$, $T (0,08)$), *работящие* ($P1 (0,01)$), *трудящиеся* ($T (0,016)$); выносливость — реакцией *сильные* ($P1 (0,015)$, $P2 (0,02)$, $T (0,048)$); умственные способности — реакцией *умные* ($P1 (0,015)$, $P2 (0,04)$, $T (0,06)$); религиозность — реакцией *верующие* ($P1 (0,01)$, $P2 (0,02)$, $T (0,03)$).

Особое отношение татар к своим традициям передается ассоциатами *уважают традиции* ($P1 (0,015)$), *чтят традиции* ($P2 (0,02)$), *сохраняют и придерживаются традиции* ($T (0,024)$), которые нами объединяется в стереотип — уважают традиции. Такое качество татар, как *хитрость*, по мнению Русских 2, является самой яркой чертой национального характера ($P2 (0,29)$). Данный ассоциат в АП двух других групп занимает зону ближней периферии ($P1 (0,065)$, $T (0,05)$).

Таким образом, самыми яркими чертами национального характера автохтонного населения республики, по мнению татар, являются доброта и гостеприимство, по мнению русских г. Казани, — хитрость, доброта и умение веселиться. Среди реакций русских г. Калуги ядерные ассоциаты отсутствуют, все реакции относятся к разным уровням периферийной зоны, однако самыми частотными реакциями респонденты также подчеркивают доброту и хитрость татар. Всего респондентами было дано 231 одинаковая реакция.

Далее рассмотрим ассоциаты, которые совпадают в АП только двух групп или не совпадают вообще. Автостереотипные частотные реакции Русских 1 и Русских 2 совпали в 5 ассоциатах. С одной стороны, татары представляются *обычными* ($P1 (0,02)$, $P2 (0,02)$) и *интересными* ($P1 (0,01)$, $P2 (0,03)$), с другой — *странными* ($P1 (0,02)$, $P2 (0,02)$). Такое качество, как *жадность* ($P1 (0,025)$, $P2 (0,02)$), опровергается татарами через реакцию *щедрые* ($T (0,024)$). Татары кажутся респондентам *шумными* ($P1 (0,02)$, $P2 (0,02)$) и *громкими* ($P2 (0,04)$). Реакции Русских 1 и Татар совпадают в 4 ассоциатах. Респонденты единодушны в том, что татары *улыбчивые* ($P1 (0,02)$, $T (0,016)$), *жизнерадостные* ($P1 (0,01)$, $T (0,016)$), *готовы помочь* ($P1 (0,015)$) или *всегда придут на помощь* ($T (0,04)$), но *гордые* ($P1 (0,015)$, $T (0,03)$). Остальные реакции Русских 1 можно разделить на нейтральные, положительные и отрицательные. Некоторые респонденты сообщают, что татары *нормальные* ($P1 (0,015)$), *классные* ($P1 (0,01)$) и *радушные* ($P1 (0,01)$), но могут быть *жестокими* ($P1 (0,01)$), *воинственными* ($P1 (0,015)$), *строгими* ($P1 (0,01)$) и *серьезными* ($P1 (0,01)$).

Вслед за информантами отметим, что татары *сплоченные* ($P1 (0,01)$) и *предприимчивые* ($P1 (0,01)$), но не являются *русскими* ($P1 (0,025)$). С последним ассоциатом в корне не согласны Русские 2 и Татары, считая, что татары *такие же* (,) *как и русские* ($P2 (0,02)$) или просто *как русские* ($T (0,016)$). Реакции Русских 2 и Татар совпадают в 5 ассоциатах. Респонденты единодушно подчеркивают доброту, дружелюбие и готовность помочь реакциями *отзывчивые* ($P2 (0,02)$, $T (0,048)$), *добродушные* ($P2 (0,02)$, $T (0,016)$), *простые* ($P2 (0,03)$, $T (0,04)$), *дружные* ($P2 (0,02)$, $T (0,03)$), а также дают этносу положительную характеристику реакцией *хорошие* ($P2 (0,02)$, $T (0,07)$), которая в АП Татар встречается в три раза чаще. Остальные

реакции Русских 2 раскрывают изучаемый этнос с разных сторон: с одной стороны, татары *закрытые* ($P2 (0,02)$) и *непонятные* ($P2 (0,02)$), с другой стороны — *смешные* ($P2 (0,05)$) *уважительные* ($P2 (0,04)$), с третьей — *властные* ($P2 (0,03)$), *наглые* ($P2 (0,02)$) и *самоуверенные* ($P2 (0,02)$).

Русские 2 упоминают об особом отношении татар к семье через реакции *семейные* ($P2 (0,02)$), *преданные семье*, *привязанные* и *любящие родню* (последние две единичные реакции были семантически интегрированные в частотную реакцию *преданные семье* с ИЯ = 0,02). АП Татар представлено большим количеством частотных реакций. Так, татары подчеркивают свою любовь к чистоте ассоциатами *чистые* ($T (0,03)$), *аккуратные* ($T (0,03)$), *ухаженные* ($T (0,016)$).

Некоторые из указанных черт этноса являются противоречивыми. Например, татары могут быть *скромными* ($T (0,04)$), *стеснительными* ($T (0,024)$), *спокойными* ($T (0,024)$), *терпеливыми* ($T (0,016)$) и в тоже время *открытыми* ($T (0,024)$), *смелыми* ($T (0,024)$), *эмоциональными* ($T (0,016)$) и *живыми* ($T (0,016)$); *честными* ($T (0,04)$), *справедливыми* ($T (0,024)$), *добросовестными* ($T (0,016)$), но *лицемерными* ($T (0,024)$). Татары дополняют авто- и гетеростереотип *умные* ($P1 (0,015)$, $P2 (0,04)$, $T (0,06)$) реакциями *образованные* ($T (0,024)$) и *мудрые* ($T (0,03)$).

Доброта татар проявляется в том, что они *доброжелательные* ($T (0,03)$), *великодушные* ($T (0,03)$), *душевные* ($T (0,016)$) и *заботливые* ($T (0,016)$). Татар отличает *целеустремленность* ($T (0,024)$) и *независимость* ($T (0,016)$), они всегда *приветливые* ($T (0,016)$) и *вежливые* ($T (0,016)$). Автохтонное население республики дает высокую оценку своему этносу реакцией из ближней периферии — *лучшие* ($T (0,04)$) и считает, что они *молодцы* ($T (0,016)$). Татары преданы семье и к представителям своего этноса относятся как к *родным* ($T (0,016)$).

Отдельно стоит обратить внимание на реакции, которые не вошли ни в одну из указанных тематических подгрупп. Русские г. Калуги упоминают характерный для татар способ передвижения — *на лошадях* ($P1 (0,01)$) (стереотип — татары ездят на лошадях). Русские г. Казани считают, что татары — это *люди* ($P2 (0,02)$) *с характерной речью (татарским акцентом)* ($P2 (0,02)$). В структуре автостереотипа имеет место реакция в форме своеобразного лозунга *татары — сила, живут красиво* ($T (0,016)$). По мнению Ю.Н. Караулова, стереотипные надписи, лозунги, призывы прочно входят в ассоциативно-вербальную сеть и становятся частью картины мира носителя языка [Караулов 2002: 756].

По данным ряда исследований доказано, что автостереотипы всегда более позитивные, чем гетеростереотипы [Стефаненко 1987]. В АП «Национальный характер» больше всего частотных реакций с отрицательной коннотацией мы находим в АП Русских 2 (27%) (реакции: *хитрые* ($29/0,29$), *злые* ($5/0,05$), *властные* ($3/0,03$), *наглые* ($2/0,02$), *самоуверенные* ($2/0,02$), *странные* ($2/0,02$), *жадные* ($2/0,02$)), на втором месте — АП Русских 1 (20%) (реакции: *хитрые* ($13/0,065$), *злые* ($5/0,025$), *жадные* ($5/0,025$), *странные* ($4/0,02$), *страшные* ($4/0,02$), *воинственные* ($3/0,015$), *жестокие* ($2/0,01$)) и небольшой процент негативных ассоциатов — в АП Татар (4,3%) (реакции: *хитрые* ($7/0,05$), *злые* ($2/0,016$), *лицемерные* ($2/0,016$)).

АП ЭТНОНИМА «ТАТАРЫ» (РУССКИЕ 2)

Проанализируем содержание этнонима «татары», полученного в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) в Республике Татарстан. В сознании русских Республики Татарстан татары — это *татары* (4), *народ* (4), *нация* (2), *русские* (5), а также *монголы* (1). Это *люди* (4), которые *говорят по-татарски* (1), *звонят* (1), *исполняют желания* (1) и *жгут* (1). Русские представляют татар *друзьями* (1), а не *врагами* (1), более того, для них, татары — это *соседи* (1). Титульное население республики ассоциируются с *окном* (1), *чакчаком* (1), *религией* (1) и местом проживания — *Татарстаном* (2). По качественным характеристикам татары *хитрые* (2) и *умные* (1). Русские выражают положительную оценку татарам реакций *молодцы* (1). В АП исследуемого этнонима мы находим реакцию на татарском языке — *исенмесез* (1), что в переводе означает «здравствуйте».

Проанализируем ассоциативное поле (АП) этнонима на наличие/отсутствие выявленных при помощи направленного ассоциативного эксперимента (НАЭ) этнических стереотипов национального характера татар в обыденном языковом сознании нетитульного населения республики Татарстан. Сопоставительный анализ АП двух слов-стимулов: *татары* и *татары, какие они? (дайте несколько типичных черт)* показывает наличие некоторых стереотипов мышления. Так, самой частотной реакцией на этноним является ассоциат *русские* (5). Респонденты НАЭ также считают, что татары мало чем отличаются от русских (реакция: *такие же, как и русские* (2)), что говорит о включении исследуемого этноса в контекст русского сознания. Ядерной реакцией АП «Ценности и пристрастия» является ассоциат *хитрые* (29). В АП этнонима данное качество упоминается только двумя респондентами, соответственно, стереотип о татарах как о хитром этносе существует в обыденном языковом сознании русских республики, однако занимает периферийную зону образа. Респонденты НАЭ отметили, что татары — это *умные* (4) *люди с характерной речью (татарским акцентом)* (2). Респонденты САЭ обнаруживают стереотипы единичными реакциями: *умные* (1), *люди, которые говорят по-татарски* (1). Таким образом, некоторые, выявленные экспериментальным путем, этнические стереотипы татар представлены в обыденном языковом сознании русских г. Казани, но, как правило (за исключением реакции *русские* (5)), они занимают периферийную зону в содержании образа этноса, что свидетельствует о нестереотипизированном восприятии русскими титульного населения республики.

АП ЭТНОНИМА «ТАТАРЫ» (ТАТАРЫ)

Татары видят в представителях своего этноса прежде всего *людей* (18), которые ассоциируются с *татарами* (16), *русскими* (12), *руссами* (3) или *россиянами* (1), а также с *монголами* (2), *мордвой* (1), *украинцами* (1) и *иностранцами* (1). Семантическая зона «Кто» наполнена такими ассоциатами, как *мы* (13), *мы (!)* (1), *это мы* (1), *свои люди* (1), *мои люди* (1), *родня* (2), *наши* (1), *татары (!)*, *татарин* (1), *я* (1), *они* (1).

Как видно, некоторые реакции даны с восклицательным знаком, что говорит о высокой степени экспрессивности и патриотизма исследуемого этноса. Отмечена

и религиозная принадлежность татар реакциями *мусульмане* (2) и *ислам* (1). О внешней красоте исследуемого этноса мы узнаем через ассоциат *красавицы* (1). Самой частотной реакцией семантической зоны «Что» является *сила* (16). Информанты сообщают, что татары — *это нация* (11), *национальность* (7), *родная национальность* (1) или *народ* (6), у которого есть *наследие* (1) и *религия* (1). Татары — *это дом* (1), *правда* (1), *дружба* (1) и *уважение* (1). Титульное население республики ассоциируется с национальной кухней, в частности, с *чак-чаком* (2) и *треугольниками* (1) (эчпочмаками).

В АП этнонима отмечен и национально-культурный праздник *сабантуй* (1). Сабантуй — этнически маркированный народный праздник окончания весенних полевых работ, который имеет определенный набор обрядов, атрибутов, увеселений. В традиционном быту сабантуй является активно функционирующим явлением этнической культуры татарского народа [Урозманова 2001: 387].

Наличие данной национально-культурно детерминированной реакции свидетельствует о важности для татар сохранения культурных традиций. Эмоционально-оценочный компонент образа татар характеризуется реакциями с положительной коннотацией. Татары могут быть *разными* (1): как *родными* (1), *добрыми* (2), *гостеприимными* (1), *открытыми* (1), *честными* (1), *спокойными* (1), так и *сильными* (1), *смелыми* (1), *умными* (1), *хитрыми* (1), поэтому *непобедимыми* (1). Описательные признаки занимают больший объем эмоционально-оценочного компонента образа, процент оценочных признаков невелик и представлен такими ассоциатами, как *лучшие* (5), *хорошие* (1), *хорошо* (2) и *супер* (1). По мнению респондентов, татары *есть* (1), они не просто *живут* (2), а *рулят* (4), также *разговаривают* (1) и *помогают* (1). По пространственному положению татары мыслятся *тут* (1), *впереди* (2) или *здесь* (1) и *везде* (1).

Сопоставительный анализ АП двух слов-стимулов: *татары* и *татары, какие они?* (дайте несколько типичных черт) показывает наличие значительного количества стереотипов мышления в обыденном языковом сознании титульного населения республики Татарстан. Так, автостереотип татар как сильных, смелых, добрых, умных, спокойных, открытых, гостеприимных, честных, но хитрых, готовых помочь, родных, хороших и красивых отражен омонимичными реакциями в АП этнонима, однако сформированный образ имеет «вероятностный» (термины Г.А. Черкасовой) характер, так как представлен единичными реакциями.

К стереотипам мышления с постоянным характером относится реакция *сила* (16), прецедентным текстом которой можно считать лозунг «Татары — сила, живут красиво!», озвученный в направленном ассоциативном эксперименте двумя респондентами.

Вслед за Ю.В. Бромлеем отметим, что, представления о своем собственном и о чужих народах, которое формируется в ходе межэтнического общения, является не просто суммой тех или иных черт, оно отражает оценочные характеристики [Бромлей 1983: 183]. К оценочной характеристике образа татар относится частотная реакция *лучшие* (5), которая в АП (Татар) «Ценности и пристрастия» занимает зону ближней периферии. Стремление воспринимать свой этнос как превосходящий другие этнические группы говорит о проявлении этноцентризма [Бромлей 1983: 183]. Таким образом, значительное количество этнических стереотипов

татар, выявленных экспериментальным путем, представлены в обыденном языковом сознании татар, но, как правило, они занимают периферийную зону в содержании образа этноса, то есть имеют вероятностный характер. Исключение составляет стереотип о том, что татары лучшие и они — сила, так как данные ассоциаты являются достаточно частотными в определении этнонима.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление результатов двух психолингвистических экспериментов позволило обозначить наличие некоторых этнических стереотипов татар в обыденном языковом сознании русских и татар г. Казани. Большая часть этностереотипов занимает периферийную зону в содержании образа этноса, что в целом свидетельствует о нестереотипизированном восприятии титульного населения республики русскими и татарами. К этностереотипам с постоянным характером можно отнести гетеростереотип татар, как этноса, который похож на русских, и автостереотипный образ татар как силы и лучших.

© Разумкова А.В.

Дата поступления: 7.05.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. Москва: Наука, 1983.
2. *Виноградова О.Е.* Психолингвистические методы и задачи исследования // Психолингвистика и лексикография. 2016. № 3. С. 29—32.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. Москва, 2002. Т. 1. С. 750—782.
4. *Караулов Ю.Н.* Показатель национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи. Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. Москва, 2000.
5. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. Москва: Эдиториал УРСС, 2000.
6. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Москва: ИТДГК Гнозис, 2001.
7. *Леонтович О.А.* Системно-динамическая модель межкультурной коммуникации между русскими и американцами / дисс. ... доктора филол. наук: Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград, 2002.
8. Пилотажный эксперимент в Республиках Коми и Татарстане. Режим доступа: http://persons.it-claim.ru/assoc_quest/words.php (дата обращения: 14.06.2016).
9. *Стернин И.А., Рудакова А.В.* Психолингвистическое значение слова и его описание. Воронеж: Ламберт, 2011.
10. *Тарасов Е.Ф.* Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 69—73.
11. *Урозманова Р.К.* Праздники // Серия «Народы и культуры», Татары. Москва: Наука, 2001.
12. *Уфимцева Н.В.* Россия и русские в исторической перспективе: взгляд европейцев // Межэтническое общение: контакты и конфликты: сборник статей / под ред. Н.В. Уфимцевой. Москва: Институт языкознания РАН—МИЛ, 2012.
13. *Черкасова Г.А.* Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Общение. Сознание. Межкультурная коммуникация. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005.
14. *Шимбель Н.В., Собор Е.В.* Автостереотипы и гетеростереотипы в межнациональных отношениях. Режим доступа: <http://ovv.esrae.ru/pdf/2014/5/1038.pdf> (дата обращения 23.04.2017).

УДК: 81:39(=512.145)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-682-693

ETHNIC STEREOTYPES OF THE VOLGA TATARS IN ORDINARY LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS AND THE TATARS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Anna V. Razumkova

The Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences
Bolshoi Kislovsky lane, 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009

Abstract. In the article, based on the interpretation of the experimental material, the content of the ethnic image of the Volga Tatars is determined. The relevance of the study is explained by the fact that the description of the content of the images: “yourself” and “the other” in the minds of Russians and the Tatars can make a significant contribution to the work on forecasting and research of interethnic tension in the Republic of Tatarstan. The object of the study is the ethnic image of the autochthonous population of the Republic of Tatarstan. The subject of the research is auto- and heterostereotypes of the Volga Tatars within the framework of the “national character” domain. The study of ethnic stereotypes implies the research of descriptive features on the material of the associative field “Tatars, what are they? (give some certain typical features)”, which is analyzed with the help of the methodology of field stratification techniques that was developed by I.A. Sternin and A.V. Rudakova (2011). The method of constructing the “semantic gestalt” proposed by Yu.N. Karaulov (2000) was used for the analysis of the ethnonyms. The material for describing the auto- and heterostereotypes of the Volga Tatars was collected with the help of the directed associative experiment, which was conducted among students (17—23 years) of higher educational establishments in Kaluga and Kazan in 2016. The associative field of the ethnonym “Tatars” was formed on the base of the pilot free associative experiment conducted in Russian among schoolchildren and students (12—23 years) of the Republic of Tatarstan in 2015. Comparison of the results of two psycholinguistic experiments allows us to conclude that most of the ethnostereotypes occupy the periphery of the image of the ethnos. In general, the research testifies that Russians and the Tatars of the Republic of Tatarstan perceive the Tatars in a non-stereotyped way.

Key words: ethnic stereotype, auto- and heterostereotypes, directed associative experiment, free associative experiment, the index of brightness, cumulative index of the brightness of a meaning, field stratification

REFERENCES

1. Bromlei, Yu.V. (1983). The essay of the theory of an ethnos. Moscow: Nauka. (in Russ).
2. Cherkasova, G.A. (2005). Quantitative researches of associative dictionaries. Communication. Consciousness. Cross-cultural communication. Kaluga: KGPU im. K.E. Tsiolkovskogo. (in Russ).
3. Karaulov, Yu.N. (2002). Russian associative dictionary as a new linguistic source and the instrument of the analysis of language ability. Russian associative dictionary: 2 vol. Moscow. Vol. 1, 750—782. (in Russ).
4. Karaulov, Yu.N. (2000). The index of national mentality in associative verbal chain. Language consciousness and the image of the world / executive editor N.V. Ufimtseva. Moscow. (in Russ).
5. Kobozeva, I.M. (2000). Linguistic semantics. Moscow: Editorial URSS. (in Russ).
6. Krasnykh, V.V. (2001). Ethnopsycholinguistics and lingvoculture. Moscow: ITDGK Gnozis. (in Russ).
7. Leontovich, O.A. (2002). Systematic dynamic model of international communication among Russians and Americans [dissertation] Volgograd State Teacher Training University. Volgograd. (in Russ).

8. Pilot experiment in Komi and Tatar Republics. URL: http://persons.it-claim.ru/assoc_quest/words.php (accessed: 14.06.2016). (in Russ).
9. Shimbел N.V. & Sobor E.V. (2014). Auto stereotypes and heterostereotypes in international relations. URL: <http://ovv.esrae.ru/pdf/2014/5/1038.pdf> (accessed: 23.04.2017). (in Russ).
10. Stermin, I.A. & Rudakova A.V. (2011). Psycholinguistic meaning of a word and its interpretation. Voronezh: Lambert. (in Russ).
11. Tarasov, E.F. (2006). The image of Russia: methodology of research. *Journal of Psycholinguistics*, 4, 69—73. (in Russ).
12. Urozmanova, R.K. (2001). Holidays. Series: Nations and cultures, Tatars. Moscow: Nauka. (in Russ).
13. Ufimtseva, N.V. (2012). Russia and Russians in the historical perspective: the view of Europeans. Interethnic communication: contacts and conflicts / executive editor N.V. Ufimtseva. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN—MIL. (in Russ).
14. Vinogradova, O.E. (2016). Psycholinguistic methods and the tasks of research. *Psycholinguistics and Lexicography*, 3, 29—32. (in Russ).

Для цитирования:

Разумкова А.В. Этнические стереотипы поволжских татар в обыденном языковом сознании русских и татар Республики Татарстан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 682—693. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-682-693.

For citation:

Razumkova, A.V. (2017). Ethnic stereotypes of the Volga Tatars in ordinary language consciousness of Russians and the Tatars of the Republic of Tatarstan. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 682—693. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-682-693.

Anna V. Razumkova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 682—693. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-682-693.

Сведения об авторе:

Разумкова Анна Викторовна, аспирант отдела психолингвистики Института языкознания РАН; научные интересы: психолингвистика, этнопсихолингвистика, этнолингвистика; e-mail: razumkova89@mail.ru.

Bio Note:

Razumkova Anna Victorovna, a post-graduate student of the department of psycholinguistics of the Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences; *Interests*: psycholinguistics, ethnopsycholinguistics, ethnolinguistics; e-mail: razumkova89@mail.ru.

УДК: 82-34:003

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-694-702

ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ИГРА В ТЕКСТАХ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ: СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О.Ю. Орлова

Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина
пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Россия, 620083

В статье рассматриваются фонографические приемы в литературных сказках английских и американских писателей. Цель статьи — продемонстрировать потенциал семиотических стратегий в детском тексте. Для достижения данной цели автор последовательно рассматривает различные фонографические приемы, используемые в текстах литературных сказок, и анализирует как характер связи означающего и означаемого, актуализируемой тем или иным приемом, так и значение данного приема в формировании специфического литературного кода детского текста, посредством которого автор ведет своеобразную игру со своим читателем. В качестве материала для исследования использованы классические произведения Л.Ф. Баума, Л. Кэрролла, А.А. Милна, К. Сендберга, Дж. Тёрбера, Р. Даля, наиболее полно репрезентирующие жанровые особенности англо-американской литературной сказки. Опираясь на функционально-семиотический подход, автор показывает, что, будучи неотъемлемой чертой жанра сказки, языковая игра может основываться как на подобии означающего и означаемого графического знака, так и на условной связи его двух сторон. Знак в детском тексте может также быть встроен в некоторый новый код, который читателю предстоит разгадать с целью правильной интерпретации целого произведения или его части. Проведенный анализ показывает, что фонографические стилистические приемы в произведениях для детей выполняют различные функции (дидактическую, игровую, эстетическую, развлекательную и др.), причем дидактическая является одной из ведущих, так как в книгах для детей эти техники, помимо прочего, служат для усвоения алфавита и правил чтения.

Ключевые слова: фонографические приемы, стилистика текста, литературная сказка, асимметрия языкового знака, функции игровых приемов в детском тексте

ВВЕДЕНИЕ

В современной детской литературе авторы прибегают к разнообразным игровым стратегиям. Одной из таких стратегий является фонографическая игра, эксплуатирующая асимметрию графического знака. Приемы фонографической игры разнообразны как с точки зрения техники, так и с точки зрения задач, которые эти приемы позволяют автору решать в рамках текста.

Литературный текст фиксируется графически, но также может прочитываться вслух. Эта двойная ориентация текста позволяет писателям «играть» одновременно и с элементами звукового и графического планов текста. Игра с формальными элементами текста особенно характерна для ряда литературных жанров, к которым, в частности, относится литературная сказка. По словам американского исследователя детской литературы С. Лерера, сказка — очень «филологический

жанр», нацеленный на вовлечение читателя в языковую игру [Lerer 2008: 210]. Фонографические приемы в детском тексте демонстрируют, насколько неоднозначны элементы плана выражения и плана содержания графического и фонетического уровней. Эти особенности отмечались в работах, посвященных детской литературе [Гаранина 1998; Цикушева 2010 и др.]. Однако в исследованиях как литературоведов, так и лингвистов, занимающихся жанром литературной сказки, отсутствует системное описание фонографических приемов, делающих этот жанр семиотически интересным объектом.

Фонографические приемы в тексте англоязычной литературной сказки можно классифицировать в зависимости от характера связи означающего и означаемого. В произведениях для детей приемы, основанные на символической связи двух сторон знака, вырабатывают у читателя навык узнавания таких конвенций. Подобные условия, или конвенции, при распознавании которых знак начинает собственно что-то «значить» в тексте, могут быть либо общеязыковыми, то есть известными всем носителям языка, либо представлять собой некоторый код, изобретенный автором. В последнем случае только при установлении правил использования неординарного кода читатель сможет понять авторский замысел и закодированное таким образом сообщение полностью.

ИКОНИЗМ ГРАФИЧЕСКОГО ЭЛЕМЕНТА ТЕКСТА

Означаемое (буква, фигурное оформление части повествования) может выступать как самостоятельный графический образ, «иллюстрирующий» содержание текста. Как правило, это связано с попыткой изобразить графически тематический элемент текста.

Одной из излюбленных графем авторов, используемых авторами произведений для детей, с целью графической игры, является графема Z, форма которой в некоторых ситуациях служит иконическим знаком для обозначения зигзагообразной траектории:

The train ran on and on till it stopped running straight and began running in zigzags like one letter Z put next to another Z and the next and the next [Sandburg 1990: 99].

Поезд все шел и шел по прямой, а потом поехал зигзагами, напоминающими одну букву Z, приставленную к другой Z, и так далее, и так далее¹.

Графическая игра строится на автосемантизме графемы, при котором означаемым является она сама. В данном случае она не обозначает звук, напротив, подчеркивается собственно графический облик буквы. Повтор буквы оказывается графическим, орнаментальным приемом.

Как и в некоторых образцах «взрослой» литературы, в детской литературе форма организации целого текста может отражать его содержание. В сказке Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» история (*tale*), рассказанная мышью, представлена в форме мышинного хвоста (*tail*) (рис. 1.) [Кэрролл 2015: 30]. Основой для языковой игры является омофоничность английских слов *tale* и *tail*.

¹ Здесь и далее, если не указано обратное, перевод принадлежит автору статьи.

Рис. 1

Неконвенциональная передача суперсегментных фонетических явлений графическими средствами также может быть основана на иконической связи плана выражения и плана содержания знака. Например, долгота звука может показываться повторением соответствующей графемы. Такой повтор мы видим в окказиональном междометии *scaroooooff!*, обозначающем звук, издаваемый чудовищем в сказке Дж. Тербера «Белая Лань»:

Thag stepped forward softly and swiftly,
but the monster, dreaming of danger, opened
one eye and struggled to his feet with a mighty
“scaroooooff!” [Thurber 1990: 213].

Тэг сделал шаг вперед мягко и быстро,
но монстр, почуяв опасность,
открыл глаз и вскочил с мощным
«скарUUUUуф!»

Особенность хода тона (мелодика фразы) передается расположением текста в строке. Так, в следующем фрагменте сказки о Винне-Пухе А.А. Милна мелодика фразы Пятачка, подпрыгивающего в сумке Кенги, отражена графически (некоторые слова находятся выше опорной линии текста):

«If this is flying I shall never really take to it»	называется
	это летать
[Милн 1983, 87].	«Если
	никогда
то я	на это не
	соглашусь!»

[Милн 1992: 60].

В сущности, таким способом автор сообщает читателю о тех супрасегментных характеристиках речи, которые не могут быть переданы стандартными графиче-

скими средствами, фиксирующими, как правило, только сегментный состав речи. Такой прием подобен подсказке, ремарке в пьесе, сообщающей о том, как произносить ту или иную реплику, однако такие подсказки обычно очень прозрачны за счет присущей им иконичности.

АЛФАВИТ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОД ВНУТРИ ТЕКСТА

Игра может быть построена основе алфавитного порядка как особого семиотического кода, который может иметь как игровую, так и дидактическую природу. Игровая сущность приема заключается в угадывании читателем нового кода, а дидактическая — в повторении букв алфавита. Алфавит становится кодом, который позволяет видеть «скрытую логику» в указанном перечне, но он же становится и вторичным означаемым графической синтагмы. Этот код служит для перечисления или введения в повествование новых объектов или персонажей. При этом необходимо отметить, что в таком случае связь означаемого и фонетического означаемого оказывается иррелевантной.

Так, «алфавитный код» имплицитно присутствует в сказке У.С. Моэма «Принцесса Сентябрь», где он оказывается одним из принципов выбора имен для детей в королевской семье. Сначала двух родившихся в семье принцесс называют День и Ночь, но когда появляется третья дочь, старших переименовывают в Понедельник и Вторник и продолжают называть последующих девочек в честь дней недели. При появлении восьмой дочери тактика родителей снова меняется: на этот раз именами для них служат названия месяцев. При этом упоминается, что с принцессами, которые начали появляться на свет сразу вслед за многочисленными дочерьми, такой проблемы не возникло: умудренные опытом родители начали называть их в честь гораздо более многочисленных букв алфавита и к моменту описываемых событий дошли таким образом до буквы J. Это десятая буква английского алфавита, и в русском варианте сказки ей будет соответствовать буква И, поскольку в данном случае важен именно порядковый номер буквы в алфавите, а не ее конкретное графическое воплощение. И хотя о сыновьях короля читатель узнает только то, что их имена дошли до определенной буквы, угадывание логики, лежащей в основе принципа именования, позволяет читателю подсчитать общее количество мальчиков в семье. Знание алфавита становится необходимым условием понимания правил игры, которую ведет с читателем автор, одним из кодов, необходимых для корректного прочтения текста.

Еще один вариант иронического переосмысления этой же графической конвенции встречаем в сказке Дж. Тербера «Белая лань». В поисках имени отца безымянной принцессы Королевский Летописец перечисляет в алфавитном порядке множество экзотических имен:

The Royal Recorder was reciting the names of imaginary kings to the Princess <...>: «Rango, Rengo, Ringo, Rongo, Rungo», chanted the Recorder. «Rappo, Reppo, Rippo, Roppo, Rurpo» [Thurber 1990: 204].

Придворный Историк зачитывал Принцессе имена воображаемых королей <...>: «Ранго, Ренго, Ринго, Ронго, Рунго», — монотонно тянул Историк. «Раппо, Реппо, Риппо, Роппо, Руппо».

Перечисление имен в алфавитном порядке позволяет читателю понять, что источником этих имен служит некоторый справочник, в котором слова приводятся именно таким образом.

В целом мотив поиска имени персонажа традиционен для жанра сказки и восходит к сюжету, отраженному еще в сказке «Румпельштицхен» братьев Гримм. В этом мотиве проявляется игровое начало, характерное для жанра волшебной сказки в целом [Lerer 2008: 210].

АСИММЕТРИЯ ГРАФИЧЕСКОГО ЗНАКА

Класс случаев, когда графический знак актуализирует в качестве своего означаемого одновременно несколько звуков, иллюстрирует такой феномен, как асимметрия графического знака.

Графический повтор как элемент игры очень часто в английском языке подразумевает асимметрию «графема — фонема»: одна графема может обозначать целый ряд фонем, и наоборот, разные графемы или диграфы могут обозначать одну фонему. В последнем случае повтор разных букв, обозначающих один звук, актуализирует в первую очередь звуковой повтор и наименее связан с проблемами графики. В то же время собственно графический повтор — это тот повтор, который нужно видеть, так как на слух его уловить практически невозможно. Например, так происходит с повтором буквы *o* в сказке Дж. Тербера «Волшебное О»: графическое единообразие заметно читателю уже с первой строки сказочной повести:

Somewhere a ponderous tower clock
slowly dropped a dozen strokes into the
gloom [Thurber 2009:1].

А где-то громоздкие башенные часы
медленно бросали дюжину ударов
в темноту.

Буква *o* обозначает целый ряд гласных фонем не только в приведенном отрывке, но и во всем тексте сказки. В этом случае становится возможной реализация дидактической функции фонографического приема (повтор буквы позволяет юному читателю понять разнообразие фонетических означаемых, закрепленных за ней). У такого приема два уровня семантики: собственно графический (буква означает саму себя) и фонетический (в этом случае читатель сталкивается с вариативностью фонетических означаемых).

Игра, построенная на неоднозначности связи графики и фоники, может приводить к сложности выбора однозначного варианта фонетического воплощения знака. Буква в этом случае представляет собой знак-символ, она связана с тем звуком, который она обозначает, условно, по некоторой договоренности. Читатель по умолчанию применяет конвенциональные правила (правила чтения), но при этом у него может не получиться применить эти правило однозначно, вплоть до принципиальной непригодности написанного.

В некоторых подобных случаях автор может использовать окказиональные лексемы, предлагая для них такую графическую форму, которая может быть двусмысленной: читатель не знает, как корректно произносится соответствующее слово. К этому типу примеров относятся некоторые окказиональные имена. На-

пример, имя *Thag* (Дж. Тербер, «Белая лань»), которое может читаться либо в соответствии с основными правилами чтения буквосочетания *th* в английском языке, либо согласно существующей традиции чтения имен собственных в данном языке (ср. имена собственные *Thames*, *Thomas* и др.). Такая ситуация может приводить к принципиальной непроизносимости имени, о чем косвенно свидетельствует тот факт, что в переводе имя собственное полностью заменяется другим именем, например, в переводе-пересказе сказки Дж. Тербера Г. Кружковым имя *Thag* заменяется на изобретенное переводчиком имя *Аграмур* [Кружков URL: <http://kruzhkov.net/fairytales>].

Неоднозначность графической формы часто проявляется у окказиональных междометий. Их форма может быть настолько сложной для прочтения, что такие текстовые элементы оказывается либо совсем невозможно произнести, либо вариантов их прочтения может быть несколько. Обе эти возможности приводят к семиотической асимметрии: у означающего есть либо несколько означаемых, либо ни одного. В сказке «Алиса в Стране чудес» Л. Кэрролла таким междометием является окказиональный выкрик Грифона «*Hjckrrh!*», необычность которого не сохранена в переводе Н.М. Демуровой:

These words were followed by a very long silence, broken only by an occasional exclamation of «*Hjckrrh!*» from the Gryphon, and the constant heavy sobbing of the Mock Turtle [Кэрролл 2015: 93].

И снова воцарилось молчание. Только Грифон изредка откашливался, да неумолчно всхлипывал Квази [Кэрролл 1991: 77].

В сказке «Волшебная страна ОЗ» Л.Ф. Баума ведьма Момби произносит заклинания, употребляя при этом окказиональные междометия «*Weaugh!*», «*Teaugh!*», «*Peaugh!*» [Баум 2007: 13]. Варианты передачи заклинания могут быть разнообразны («*Во!*», «*То!*», «*По!*» или «*Vay!*», «*Tay!*», «*Pay!*»). В этом случае графическая форма знака в оригинальном тексте становится самодостаточной. Это своего рода «минус-прием», при котором уровень звукового оформления соответствующего знака в тексте остается пустым. То есть читатель видит необычный графический образ знака (уровень графики) и даже понимает, почему именно такой знак использован (уровень смысла высказывания: такой прием оправдывается магическим характером лексики, автору важно подчеркнуть, что она не принадлежит «обычному» языку), но он так и не узнает, каково звуковое воплощение этого элемента текста (фонетический уровень).

Еще один вариант языковой игры, типичный для сказочного повествования — это игра, построенная на использовании графических искажений конвенциональных графических форм известных слов, в результате которых возникает новое, необычное фонетическое образование с неясной внутренней формой. Прояснение этой формы возможно только тогда, когда читатель разгадывает логику графического искажения. Примерами такого типа языковой игры могут служить так называемые «имена наоборот»¹. Подобные приемы встречаем в сказочных повестях

¹ Англоязычными терминами, обозначающими то же явление, являются *semordnilap* (слово *palindrome*, написанное наоборот), *heteropalindrome*, *anadrome* и др.

Роальда Даля. Имя черепахи, главного персонажа одноименной сказки, *Esio Trot*, прочитывается наоборот как *Tortoise* (черепаха). Это же странное «слово наоборот» в силу своей экзотичности начинает выполнять в тексте функцию заклинания, которое необходимо повторять хозяйке, чтобы домашний питомец быстрее подрастал. В другом рассказе Р. Даля речь идет о редкой болезни доброго викария из Нибблсвика, который страдает вымышленной формой дислексии, болезни, при которой человек произносит слова наоборот и не замечает этого, тем самым ставя себя и окружающих в неловкие ситуации. Так, сам преподаватель Ли (*Lee*) становится в одном из подобных случаев угрем (*Eel*), а одну из прихожанок, *Miss Prewt*, он от волнения «переименовывает» в *Miss Twerp* (англ. *twerp* ‘хам, грубиян’).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковая игра в тексте детской литературы, построенном на использовании фонографических приемов, эксплуатирует неоднозначность интерпретации знака, который может иметь как «иконическое», так и «символическое» означаемое. При этом необходимо отметить, что в художественном произведении знак может быть иконически соотнесен с самыми разными объектами и встроен в разные конвенциональные коды, которые вдобавок сами по себе могут становиться означаемыми такого знака (например, алфавит). Эта неоднозначность и множественность прочтений знака создает особый игровой эффект, обладающий как художественным, так и чисто развлекательным и даже дидактическим потенциалом. Представляется, что системное описание семиотических приемов, используемых авторами детской литературы, позволяет расширить наше представление о возможностях и функциях разных семиотических систем (в том числе языковых) в художественной литературе, углубить понимание механизмов декодирования таких текстов, а также выявить элементы интерактивности применительно к рецепции произведений, ориентированных на детскую или подростковую аудиторию.

© Орлова О.Ю.

Дата поступления: 26.05.2017

Дата приема к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баум Л.Ф. Страна Оз: сказка / на англ. яз. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007.
2. Гаранина Е.А. Языковые средства выражения комического в детской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 1998.
3. Кружков Г. Сказки. Режим доступа: <http://kruzhkov.net/fairytales> (дата обращения: 21.05.2016).
4. Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в зазеркалье. Москва: Наука, 1991.
5. Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье / на англ. яз. Москва: Издательство ИКАР, 2015.
6. Милн А. Повести о Винни-Пухе. Стихи для детей. Сборник / на англ. яз. Москва: Радуга, 1983.
7. Милн А.А. Винни-Пух и Все-все-все (И многое Другое) / пересказ, сост. и предисл. Б. Заходера. Ижевск, Москва: Странник, Авторская песня, 1992.

8. Цыкушева И.В. Лингвостилистическая специфика комического в литературной сказке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2010.
9. *Lerer S. Children's Literature: A Reader's History from Aesop to Harry Potter*. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
10. *Sandburg C. Rootabaga Stories // Американская литературная сказка: сборник, сост. Т.Д. Венедиктова*. Москва: Радуга, 1990. С. 95—189.
11. *Thurber J. The White Deer // Американская литературная сказка: сборник, сост. Т.Д. Венедиктова*. Москва: Радуга, 1990. С. 191—233.
12. *Thurber J. Wonderful O*. New York: The New York Review of Books, 2009.

УДК: 82-34:003

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-694-702

PHONOSTYLISTIC PLAY ON WORDS IN LITERARY FAIRY TALES: SEMIOLOGICAL ASPECT

Olga Yu. Orlova

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
51, Lenina str., Yekaterinburg, Russia, 620000

Abstract. The article considers phonographical stylistic devices in literary fairy tales by English and American authors. The aim of the article is to demonstrate the potential of semiotic strategies in children's literature. To achieve this aim the author consistently examines various phonographic devices used in the texts of literary fairy tales and analyses both the specific features of the relation between the signifier and the signified and the meaning of the given device in the formation of the specific literary code of the text for children by means of which the author plays with the reader. The author used as the material classic works by L.F. Baum, L. Carroll, A.A. Miln, C. Sandburg, J. Thurber, R. Dahl, which fully represent genre features of English and American literary fairy tale. Building on the functional-semiotic approach, the author reveals that being an essential feature of the fairy tale genre, play on words may be based both on the similarity and arbitrariness of relationships between the signifier and the signified of the graphical sign. A sign in a text for children can also be incorporated into a new code, which the reader is to solve in order to interpret the whole text or its part correctly. The analysis reveals that phonographical stylistic devices in children's literature perform different functions (creative, esthetic entertaining etc.), didactic function being one of the most important of them, since these techniques in books for young readers, among other things, serve as a means of mastering the alphabet and rules of reading.

Key words: phonographical stylistic devices, stylistics, literary fairy tale, asymmetry of the linguistic sign, functions of the creative devices in children's literature

REFERENCES

1. Baum, L.F. (2007). *The wonderful land of OZ: fairy tale*. Novosibirsk: Sibirskoye universitetskoye izdatelstvo. (in Russ).
2. Carroll, L. (1991). *Alice's adventures in Wonderland. Through the looking-glass and what Alice saw there*. Moscow: Nauka. (in Russ).
3. Carroll, L. (2015). *Alice's adventures in Wonderland. Through the looking-glass*. Moscow: IKAR.
4. Garanina, Ye.A. (1998). *Linguistic means of expression of the comic in children's literature [doctoral dissertation abstract]*. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University. (in Russ).
5. Kruzhkov, G. *Fairy tales*. URL: <http://kruzhkov.net/fairytales> (accessed: 21.05.2016). (in Russ).

6. Lerer, S. (2008). *Children's Literature: A Reader's History from Aesop to Harry Potter*. Chicago: University of Chicago Press.
7. Miln, A. (1983). *Books about Winnie-the-Pooh. Verses for children*. Collection. Moscow: Raduga (in English).
8. Miln, A. (1992). *Winni-the-Pooh and All, all, all (And much more)*. Izhevsk; Moscow: Strannik; Avtorskaya pesnya. (in Russ).
9. Sandburg, C. (1990). *Rootabaga Stories*. In: T.D. Venediktova (Ed.), *American literary fairy tale: A collection (95—189)*. Moscow: Raduga.
10. Thurber, J. (1990). *The White Deer*. In: T.D. Venediktova (Ed.), *American literary fairy tale: A collection (191—233)*. Moscow: Raduga.
11. Thurber, J. (2009). *Wonderful O*. New York: The New York Review of Books.
12. Tsikusheva, I.V. (2010). *Lingvo-stylistic characteristics of the comic in literary fairy tale [doctoral dissertation abstract]*. Maykop: Adyge State University. (in Russ).

Для цитирования:

Орлова О.Ю. Фоностилистическая игра в текстах литературной сказки: семиотический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8 (31). № 3. С. 694—702. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-694-702.

For citation:

Orlova, O.Yu. (2017). Phonostylistic play on words in literary fairy tales: semiological aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 694—702. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-694-702.

Olga Yu. Orlova, 2017, RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 8(3), 694—702. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-694-702.

Сведения об авторе:

Орлова Ольга Юрьевна, аспирант кафедры германской филологии Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина; *научные интересы*: фоностилистика, семиотика, лингвистика текста; *e-mail*: orlova_82@inbox.ru.

Bio Note:

Orlova Olga Yuryevna, PhD student, Department of Germanic Philology, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; *Scientific Interests*: phonostylistics, semiotics, text linguistics; *e-mail*: orlova_82@inbox.ru.

УДК: 821.161.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-703-713

ТЕМА ЮРОДСТВА У Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В.Б. Гомес Диас, И.А. Лексина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается отражение лексических единиц темы «юродство» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот», приводится типология героев с чертами, присущими юродивым, с выделением их характеристик в аспекте христианской традиции юродства и с точки зрения понимания философии юродства Ф.М. Достоевским. Единицы семантического поля «юродство» отражены в «Словаре языка Достоевского: Идиоглоссарий» РАН как идиоглоссы, несущие знания о мире языковой личности писателя. Мы приводим сопоставительный анализ 38 лексем, отражающих семантическое поле «юродство», которые актуализируют черты юродства героев в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Большинство из приведенных лексических единиц имеют отношение к христианской сфере, неслучайно «юродство» в понимании Достоевского отражает идею высшей христианской справедливости. Цель данной статьи — подытожить имеющиеся исследования темы «юродство» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот», обозначить ее место в языковой картине мира писателя и в философии его жизни. Актуальность исследования состоит в отсутствии значимого количества научных работ на данную тему. Свои выводы мы делали, анализируя в основном художественные произведения, переписку и дневники Ф.М. Достоевского, а также опираясь на работы известных ученых: М.М. Бахтина, А.П. Евгеньевой, В.В. Иванова, Ю.Н. Караулова, Т.А. Касаткиной, Р.Г. Назирова, С.М. Нельса, Е.А. Осокиной. Научная новизна заключается в том, что в исследовании впервые затрагивается тема юродства в ее лингвистическом аспекте на материале Словаря языка Достоевского.

Ключевые слова: концепт, юродство, юродивый, Достоевский, языковая картина мира писателя, христианство, шутовство, карнавальность, традиции юродства, идиоглоссарий

ВВЕДЕНИЕ

В научных работах о концепте «юродство», написанных нами ранее, мы указали на амбивалентность данного понятия и обозначили границы поля, выявив единицы, входящие в ядро, центр и периферию. Традиционно исследователи концептосфер применяют интерпретативный анализ текстов, использующих единицы изучаемого концепта. Нам представляется интересным провести анализ выделенных нами 38 лексических единиц в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Идиолект Достоевского, по словам Ю.Н. Караулова, представляет собой явление, замечательное в двух, по крайней мере, отношениях: он является оригинальным и вполне адекватным средством создания его оригинального художественного мира и в то же время знаменует собой отдельный, самостоятельный этап развития русского литературного языка, — этап, который воплощает особенности переходного периода от языка русской классики к современному русскому литературному языку [Караулов 2008, т. А—В: IX].

Изучая критическую и исследовательскую литературу его творчества, мы пришли к выводу, что специальных работ, которые посвящены именно теме юродства в творчестве Ф.М. Достоевского, практически нет, однако есть в его произведениях герои с чертами, присущими юродивым.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕМЫ ЮРОДСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Один из исследователей идиостиля Ф.М. Достоевского Р.Г. Назиров в статье «Фабула о мудрости безумца в русской литературе» рассматривает родственную юродству тему *безумца, который глаголит истину*. «Вершиной» в развитии фабулы мудрого безумца Р.Г. Назиров называет роман «Идиот» [Назиров 2005]. Другой исследователь, В.В. Иванов, в статье «Поэтика чина» [Иванов 1994] исследует произведения Ф.М. Достоевского как диалог двух иерархий: нравственной и социальной. Все юродивые герои разрушительно влияют на социальную иерархию, обращая ее членов в новую систему духовных ценностей. М.М. Бахтин писал об особой карнавальной функции образа Мышкина: «по-карнавальному пронизывает он барьеры жизненных положений» [Бахтин 1979]. Такая карнавальная функция персонажа, по мнению критика, необходима Ф.М. Достоевскому для создания «чистого» многоголосия в его романах, где общаются «чистые голоса», а не шаблонные голоса социальной иерархии.

Дополняет тему юродства тесно связанная с ней тема шутовства, которую рассматривает С.М. Нельс, утверждая, что слова «шут» и «приживальщик» употребляются в произведениях Ф.М. Достоевского как синонимы [Нельс 1972].

Исследователь Т.А. Касаткина анализирует героинь Ф.М. Достоевского, находя связь между «святостью» и «безумием». Данная параллель актуальна и для героини «Преступления и наказания» Лизаветы Ивановны. Ей присуща идея «растворения» личности в мире, идея единства всего человечества в будущем [Касаткина 1996].

В период работы над романом «Идиот» у Ф.М. Достоевского родился замысел повести «Юродивый» (май—сентябрь 1868 г.) [Достоевский 1972, т. 9: 490]. В черновиках к роману «Идиот» слово *юродивый* употребляется как в речи автора, так и в речи героев. Вот некоторые примеры:

«Все: „Какой он странный“. Сын: „Да, но он мне не показался глупым. Странен, правда. Совсем юродивый“» [Достоевский 1972, т. 9: 163].

«Князь совсем больной и юродивый. Женщины и дети около него Н <...> Ф <...> — с Рогожиным» [Достоевский 1972, т. 9: 251].

На основании черновых, дневниковых и публицистических записей можем выделить основные черты юродства, важные для Ф.М. Достоевского:

- 1) простота, прямота, наивность,
- 2) смирение, приниженность, всепрощение, стремление помирить всех враждующих, обращенность к Богу.

Юродивые герои у Ф.М. Достоевского, как и древнерусские юродивые, — смиренные и приниженные, отказывающиеся от своего эго, от гордыни и самолюбия. Ярче всех эти черты проявляются у главного героя романа «Идиот» — Льва Николаевича Мышкина. С одной стороны, князь благородный, умный и тактичный, а с другой — тихий, чудаковатый, временами смешной, ближе к типу мечтательного идеалиста. Он доверчив, благороден, ведет себя доброжелательно, мягко и чутко по отношению к другим людям, не храня ни капли злости, всепро-

щающе и терпеливо. Назвать князя юродивым нельзя, но по описанию его автором, читателю ясно, что философия юродства близка герою, также как и самому Достоевскому. Ни автор, ни персонаж не придают значения социальному статусу, одежде, своей бедности или богатству.

Лексическая единица *юродивый* обозначает для Ф.М. Достоевского носителя христианской идеи, человека «простого», необыкновенного и доброго. В речи автора синонимом *юродивого* становятся *чудак*, «странный человек», что подчеркивает исключительность данного типа личности в мире и ее восприятие как «неадекватной» с точки зрения обычных людей.

АНАЛИЗ ЕДИНИЦ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЮРОДИВЫЙ» (ПО РОМАНУ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»)

Для проведения текстового анализа мы выбрали роман Ф.М. Достоевского «Идиот» [Достоевский 1972, т. 6: 300—540], рассмотрели интересующие нас единицы в тексте романа и сопоставили их со значениями двух словарей: Малого академического словаря под ред. Евгеньевой [Евгеньева 1999] и «Словаря языка Достоевского. Идиоглоссарий» [Караулов 2008—2012]. Последний является специальным словарем писателя, который включает только идиоглоссы — те лексические единицы, которые помимо семантических характеристик обладают еще и когнитивными свойствами, несут знания о мире языковой личности писателя. [Осокина 2014: 107]. Разработанный авторским коллективом словаря «Идиоглоссарий» претендует на то, чтобы сформировать представление о мире реальности и виртуальном мире в произведениях писателя (идиосмыслы) с акцентом на его языке, превратив последний в самостоятельный вход в изучение [Осокина 2014: 109].

При обработке словарных статей и текста романа «Идиот» нами получены результаты, зафиксированные в таблице, приведенной ниже. Автор не использует в романе такие лексические единицы, как *вериги*, *отишельник*, *бездомный*, *странник*, *самоуничтожение*, *блажить*, *маргинал*, *прямодушный*, *киник*, *чудес*. Их мы не включаем в сравнительную таблицу (табл.).

Ф.М. Достоевский не использует собственно слово *юродство*, только производные от него лексические единицы. В описании главного персонажа князя Мышкина со слов Рогожина, мы можем понять, что слово *юродивый* употребляется автором всего три раза в значении «не такой как все», «странный» с религиозной подоплекой, так же, «человек, которого любит Бог», т.е. в значении, которое уже сформировалось у современного главному герою общества.

Выделенные нами лексемы говорят о том, что юродивых как таковых в текстах Достоевского нет, поэтому и само слово употребляется редко и в значении «не такой как все», но сама философия жизни и тематика, конечно, очень актуальна для него. Помогать другим, спасать других — внутренние конфликты Мышкина все из-за того, что он не такой как все, но он сам этого не может осознать. Юродивых на Руси тоже зачастую считали сумасшедшими, но на самом деле они добровольно взяли на себя личину безумия, для того, чтобы обличать суетный мир. Потому что они видели жизнь и все, что их окружает, глазами глубоко верующих православных людей.

Таблица

**Сопоставление дефиниций единиц лексического поля «юрдство»
и их репрезентация в романе «Идиот»**

Лексическая единица	Словарь Евгеньевой	Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий	Примеры из романа «Идиот»
Аскет	Человек в высшей степени воздержанный, ведущий суровый образ жизни (в древности: христианский отшельник, проводивший свою жизнь в строгом воздержании)	—	«В „рыцаре же бедном“ это чувство дошло уже до последней степени, до аскетизма; надо признаться, что способность к такому чувству много обозначает и что такие чувства оставляют по себе черту глубокую и весьма, с одной стороны, похвальную, не говоря уже о Дон-Кихоте» [Достоевский, т. 6: 265]
Безумие	1. Сумасшествие 2. Крайнее безрассудство; безрассудный поступок	1. Стремление или готовность совершить неожиданное, безрассудное, противоречащее существующим нормам действие; крайне неразумный или безрассудный поступок. 2. Мучительное состояние, сопровождаемое душевным расстройством, страданием. 3. Сумасшествие, болезнь [Караулов, т. А-В: 83]	«Как я только показывался, Мари тотчас же вздрагивала, открывала глаза и бросалась целовать мне руки. Я уже не отнимал, потому что для нее это было счастьем; она все время, как я сидел, дрожала и плакала; правда, несколько раз она принималась было говорить, но ее трудно было и понять. Она бывала как безумная, в ужасном волнении и восторге» [Достоевский, т. 6: 79]
Блаженствовать	Испытывать блаженство, наслаждаться	—	«А князь все-таки ничем не смущался и продолжал блаженствовать. О, конечно, и он замечал иногда что-то как бы мрачное и нетерпеливое во взглядах Аглаи; но он более верил чему-то другому, и мрак исчезал сам собой» [Достоевский, т. 6: 300]
Босой	Необутый, без обуви и чулок	—	«Наконец, ее отрепья стали уж совсем лохмотьями, так что стыдно было показаться в деревне; ходила же она с самого возвращения босая. Вот тут-то, особенно дети, всюю ватагой, — их было человек сорок с лишком школьников, — стали дразнить ее и даже грязью в нее кидали» [Достоевский, т. 6: 75]
Грех	1. У верующих: нарушение религиозно-нравственных предписаний. 2. Предосудительный поступок, ошибка, недостаток. 3. в знач. сказ., с неопразг. Предосудительно, нехорошо, грешно	1. Нарушение христианских нравственных заповедей. 2. Предосудительный поступок, преступление; вина или ошибка. 3. В функции сказуемого. Предосудительно, нехорошо [Караулов, т. Г-З: 226—227]	«Но во мне есть и грех пред вами: я вас люблю. Совершенство нельзя ведь любить; на совершенство можно только смотреть, как на совершенство, не так ли?» [6, т. 7: 143]

Продолжение таблицы

Лексическая единица	Словарь Евгеньевой	Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий	Примеры из романа «Идиот»
Доброта	<ol style="list-style-type: none"> устар. Свойство по прил. «добрый» (в 5 знач.); добротность. Свойство по прил. «добрый» (в 1 знач.); отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление делать добро другим 	—	«— И даже, князь, вы изволили позабыть, — проскользнул вдруг между стульями не утерпевший Лебедев, чуть не в лихорадке, — изволили позабыть-с, что одна только добрая воля ваша и беспримерная доброта вашего сердца была их принять и прослушать, и что никакого они права не имеют так требовать, тем более что вы дело это уже поручили Гавриле Ардалионовичу, да и то тоже по чрезмерной доброте вашей так поступили <...>» [Достоевский, т. 6, 285]
Молитва	<ol style="list-style-type: none"> Действие по глаг. «молиться» (в 1 знач.). Установленный текст, произносимый верующим при обращении к богу, к святым, а также при религиозных обрядах 	Текст (канонический или произвольный), произносимый верующими при обращении к Богу, к Богородице, к святым с покаянием, просьбой или благодарением, моление [Караулов, т. А-В: 705—706]	«Эти туманные выражения казались ему самому очень понятными, хотя еще слишком слабыми. В том же, что это действительно «красота и молитва», что это действительно «высший синтез жизни», в этом он сомневаться не мог, да и сомнений не мог допустить» [Достоевский, т. 6: 300]
Монастырь	<ol style="list-style-type: none"> Религиозная община монахов или монахинь, представляющая собой церковно-хозяйственную организацию, владеющую землями и капиталами. Церковь, жилые помещения и территория, принадлежащие такой общине 	<ol style="list-style-type: none"> Община монахов или монахинь, имеющая единый устав. Огороженный стеной комплекс богослужебных, жилых и хозяйственных сооружений, принадлежащий монашеской общине [Караулов, т. И-М, 757—758] 	«Прошлым летом, — обратился он опять к старичку, — графиня К. тоже, говорят, пошла в какой-то католический монастырь за границей; наши как-то не выдерживают, если раз поддадутся этим... пронырам... особенно за границей» [Достоевский, т. 7: 235]
Нагой	Не имеющий на себе никакой одежды, не прикрытый одеждой; голый	—	«— Вы сами так веруете? — спросил князь, странным взглядом оглянув Лебедева. — Верую и толкую. Ибо нищ и наг, и атом в коловращении людей. И кто почитит Лебедева? Всяк изощрается над ним и всяк вmale не пинком сопровождает его» [Достоевский, т. 6: 300]
Нищий	<ol style="list-style-type: none"> Живущий подаянием, милостыней. Неимущий, крайне бедный. перен.; Испытывающий острый недостаток в чем-л., скудный, бедный 	—	«— Вы сами так веруете? — спросил князь, странным взглядом оглянув Лебедева. — Верую и толкую. Ибо нищ и наг, и атом в коловращении людей. И кто почитит Лебедева? Всяк изощрается над ним и всяк вmale не пинком сопровождает его» [Достоевский, т. 6: 300]

Продолжение таблицы

Лексическая единица	Словарь Евгеньевой	Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий	Примеры из романа «Идиот»
Скиталец	Тот, кто постоянно скитается	—	«Князь вышел наконец из темного парка, в котором долго скитался, как и вчера. Светлая, прозрачная ночь показалась ему еще светлее обыкновенного; «неужели еще так рано?» — подумал он» [6, т. 6: 300]
Смех	<ol style="list-style-type: none"> 1. Характерные прерывистые горловые звуки, вызываемые короткими выдыхательными движениями при проявлении веселья, радости, удовольствия и т.п. 2. в знач. сказ. разг. смешно. 3. в знач. нареч. смехом. прост. Шутя, несерьезно 	—	«Да я удивляюсь, что вы так искренно засмеялись. У вас, право, еще детский смех есть. Давеча вы вошли мириться и говорите: "Хотите, я вам руку поцелую", — это точно как дети бы мирились» [Достоевский, т. 6: 133]
Смирение	книжн. устар. Отсутствие гордости, высокомерия, сознание своего ничтожества, своей слабости (одна из основных добродетелей по христианскому учению). Кротость, покорность	—	«Знайте, что есть такой предел позора в сознании собственного ничтожества и слабости, дальше которого человек уже не может идти и с которого начинает ощущать в самом позоре своем громадное наслаждение... Ну, конечно, смирение есть громадная сила в этом смысле, я это допускаю, — хотя и не в том смысле, в каком религия принимает смирение за силу» [Достоевский, т. 6: 300]
Сумасбродство	<ol style="list-style-type: none"> 1. Свойство по знач. прил. «сумасбродный»; склонность к сумасбродным поступкам. 2. Сумасбродный поступок 	—	«Ты знаешь, до какого сумасбродства она до сих пор застенчива и стыдлива: в детстве она в шкаф залезала и просиживала в нем часа по два, по три, чтобы только не выходить к гостям; дылда выросла, а ведь и теперь то же самое» [Достоевский, т. 7: 157—158]
Сумасшедший	<ol style="list-style-type: none"> 1. Страдающий душевным, психическим расстройством; умалишенный 2. разг. Утративший способность здраво рассуждать, поступающий необдуманно, безрассудно 	—	«Князь хотел было что-то сказать, но до того потерялся, что ничего не выговорил и с шубой, которую поднял с полу, пошел в гостиную — Ну, вот теперь с шубой идет! Шубу-то зачем несешь? Ха-ха-ха! Да ты сумасшедший, что ли?» [Достоевский, т. 6: 110]

Окончание таблицы

Лексическая единица	Словарь Евгеньевой	Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий	Примеры из романа «Идиот»
Счастливый	<ol style="list-style-type: none"> 1. Такой, который испытывает счастье, радость. 2. Приносящий счастье, радость, благополучие, полный счастья, радости. 3. Такой, которому благоприятствует счастье, удача, успех 	—	<p>«— Не знаю; я там только здоровье поправил; не знаю, научился ли я глядеть. Я, впрочем, почти все время был очень счастлив.</p> <p>— Счастлив! Вы умеете быть счастливым? — вскричала Аглая, — так как же вы говорите, что не научились глядеть? Еще нас поучите» [Достоевский, т. 6: 63]</p>
Убогий	<ol style="list-style-type: none"> 1. Имеющий увечье или какой-л. физический недостаток. 2. Пребывающий в бедности, нужде, нищете. 3. Недостаточный, несовершенный, неудовлетворительный в каком-л. отношении 	—	<p>«Иван Фомич Суриков, — в нашем доме, над нами живет, <...> Разговоритесь с ним: Беден, нищ и убог, умерла жена, лекарьства купить было не на что, а зимой заморозили ребенка; старшая дочь на содержанье пошла...» — вечно хнычет, вечно плачется!» [Достоевский, т. 6: 300]</p>
Цинизм	<ol style="list-style-type: none"> 1. Учение циников (в 1 знач.). 2. Грубая откровенность, бесстыдство, пренебрежительное отношение к нормам нравственности, благопристойности, к чему-л. пользующемуся всеобщим признанием, уважением 	—	<p>«[об Аглае] Была ли она женщина, прочитавшая много поэм, как предположил Евгений Павлович, или просто была сумасшедшая, как уверен был князь, во всяком случае эта женщина, — иногда с такими циническими и дерзкими приемами, — на самом деле была гораздо стыдливее, нежнее и доверчивее, чем бы можно было о ней заключить» [Достоевский, т. 7: 264]</p>
Чудак	Человек со странностями, поведение, поступки которого вызывают недоумение, удивление у окружающих	—	<p>«— Это очень хорошо, что вы вежливы, и я замечаю, что вы вовсе не такой... чудак, каким вас изволили отрекомендовать. Пойдемте. Садитесь вот здесь, напротив меня, — хлопотала она, усаживая князя, когда пришли в столовую, — я хочу на вас смотреть» [Достоевский, т. 6: 59]</p>
Юродивый	<ol style="list-style-type: none"> 1. устар. Психически ненормальный. 2. в знач. сущ. юродивый. Блаженный, аскет-безумец или принявший вид безумца, обладающий, по мнению религиозных людей, даром пророчества 	—	<p>«— Я, н-н-нет! Я ведь... Вы, может быть, не знаете, я ведь по прирожденной болезни моей даже совсем женщин не знаю.</p> <p>— Ну коли так, — воскликнул Рогожин, — совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких, как ты, бог любит!» [Достоевский, т. 6: 300]</p>

Тех, кто отрекались от всего «Христа ради», конечно, были единицы. Юродство — это не душевная болезнь, а цельная философия жизни, доступная для понимания не каждому. Так как Ф.М. Достоевский был глубоко верующим человеком, значительная часть лексем связаны с христианской сферой, что достаточно четко актуализируются в его текстах. Если посмотреть его дневники, письма и другие произведения, становится очевидно, что он был своеобразно, но верующим человеком, и, конечно же, и на явление юродства Достоевский смотрел глазами человека верующего.

Надо отметить, что над «Словарем языка Достоевского: Идиоглоссарий» [Капулов 2008—2012] еще ведутся работы. В настоящий момент выпущены три тома: А—В, Г—З, И—М, поэтому многие идиосмыслы еще не зафиксированы. Тем не менее наличие в идиоглоссарии таких слов, как безумие, грех, молитва и монастырь, уже свидетельствуют о том, что тема юродства занимала далеко не последнее место в философии Достоевского.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной научной статье мы представили выборку из романа «Идиот» Ф.М. Достоевского и проанализировали 38 лексических единиц, репрезентирующих семантическое поле «юродство». Большинство из приведенных лексем представлены в лексических словарях русского языка, что свидетельствует об их частотности и освоенности языком, однако, проводя параллель со «Словарем языка Достоевского», выявляем некоторые различия в значении, что свидетельствует не только об авторском понимании, но и том, что с течением времени значения и варианты сочетаемости приведенных лексем меняются. Данное явление обусловлено семантическим сдвигом в сознании современных носителей языка относительно сознания общества, в котором жил и творил Ф.М. Достоевский.

Значительная часть рассматриваемых лексических единиц имеет лексико-семантические варианты со значениями, связанными с христианской сферой, которые являются принадлежностью активного словаря русского языка, достаточно четко актуализируются в текстах Достоевского, несмотря на то, что феномен юродство является принадлежностью средневековой духовной культуры.

Слово юродивый у Ф.М. Достоевского является носителем идей христианской справедливости, отмечает человека «простого», необыкновенного и доброго.

© Лексина И.А., В.Б. Гомес Диас

Дата поступления: 25.05.2017

Дата приема к печати: 10.07.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Издательство: Наука. Ленинградское отделение, 1972.

- [3] *Евгеньева А.П.* (ред.) *Словарь русского языка в 4 томах*. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.
- [4] *Иванов В.В.* *Поэтика чина // Новые аспекты в изучении Достоевского: Сборник научных трудов / Под ред. В.Н. Захарова*. Петрозаводск, 1994. С. 67—100.
- [5] *Караулов Ю.Н.* (ред.) *Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий*. А—В. Российская академия наук Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2008.
- [6] *Караулов Ю.Н.* (ред.) *Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий*. Г—З. Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2010.
- [7] *Караулов Ю.Н.* (ред.) *Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий*. И—М. Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2012.
- [8] *Касаткина Т.А.* *Святая Лизавета // Характерология Достоевского: Типология эмоционально-ценностных ориентаций*. М.: Наследие, 1996. С. 185—189.
- [9] *Назирова Р.Г.* *Фабула о мудрости безумца в русской литературе // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход*. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 103—116.
- [10] *Нельс С.М.* *Комический мученик (К вопросу о значении образа приживальщика и шута в творчестве Достоевского) // Русская литература. 1972. № 2. С. 125—133.*
- [11] *Осокина Е.А.* (ред.) *Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Коллективная монография*. Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: ЛЕКСПУС, 2014.

УДК: 821.161.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-703-713

THE THEME OF HOLY FOOLISHNESS IN THE LITERARY WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY

V.B. Gomes Dias, I.A. Leksina

RUDN University

Miklukho-Maklaya, 10-2a, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article deals with the reflection of lexical units of the theme “foolishness” in F.M. Dostoevsky’s “The Idiot”, gives a typology of characters with traits characteristic of holy fools, highlighting their characteristics in the aspect of the Christian tradition of foolishness and from the point of view of understanding the philosophy of foolishness by F.M. Dostoevsky. Units of the semantic field “foolishness” are reflected in the “Dictionary of Dostoevsky’s language: Idioglossary” of the Russian Academy of Sciences, as idioglosses, which carry knowledge of the world of the writer’s linguistic personality. We present a comparative analysis of 38 lexemes, reflecting the semantic field of foolishness, which actualizes the traits of the foolishness of the characters in F.M. Dostoevsky’s “The Idiot”. Most of the lexical units cited are related to the Christian sphere — “foolishness” in Dostoevsky’s understanding reflects the idea of higher Christian justice. The purpose of this article is to summarize the available research on the topic “foolishness” in F.M. Dostoevsky “The Idiot”, to designate her place in the language picture of the writer’s world and in the philosophy of his life. The relevance of the study is the absence of a significant number of scientific papers on this topic. We made our conclusions analyzing mainly novels, correspondence and diaries of F.M. Dostoevsky, and also relying on the work of famous scientists: M.M. Bakhtin, A.P. Evgenieva, V.V. Ivanova, Yu.N. Karaulova, T.A. Kasatkina, R.G. Nazirova, S.M. Nelsa, E.A. Osokina. The scientific novelty

lies in the fact that in the study for the first time the theme of foolishness in its linguistic aspect is touched on the material of the Dictionary of the Dostoevsky language.

Key words: the concept of holy foolishness, Dostoevsky, Christianity, buffoonery, carnival, the tradition of holy foolishness, language world picture, idioglossia

REFERENCES

- [1] Bakhtin, M.M. (1979). Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow: Sov. Rossiya. (In Russ.) DOI: 10.2307/1771919.
- [2] Dostoevsky, F.M. (1972). Complete Works in 30 volumes. Sankt-Petersburg. Publ. Nauka. (In Russ.)
- [3] Evgen'eva, A.P. (1999). The Dictionary of the Russian Language in 4 volumes. Moscow. Russkiy yazik. Poligrafresursy. (In Russ.)
- [4] Ivanov, V.V. (1994). Poetics of the rank. New aspects in the study of Dostoevsky In Collection of scientific papers. Ed. V.N. Zakharova Petrozavodsk. (In Russ.)
- [5] Karaulov, Yu.N. (edit.) (2008). The Dictionary of Dostoevsky's language: Idioglossary. А—В. Russian Academy of Sciences. Institute of Russian language. V.V. Vinogradov. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
- [6] Karaulov, Yu.N. (edit.) (2010). The Dictionary of Dostoevsky's language: Idioglossary. Г—З. Russian Academy of Sciences. Institute of Russian language. V.V. Vinogradov. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
- [7] Karaulov, Yu.N. (edit.) (2012). The Dictionary of Dostoevsky's language: Idioglossary. И—М. Russian Academy of Sciences. Institute of Russian language. V.V. Vinogradov. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
- [8] Kasatkina, T.A. (1996). Saint Lizaveta. Dostoevsky's Characteristics: Typology of Emotionally Valuable Orientations. Moscow. Naslediye. (In Russ.)
- [9] Nazirov, R.G. (2005). Fabula on the wisdom of the madman in Russian literature. Russian classical literature: a comparative-historical approach. Ufa. RIO BashGU. (In Russ.)
- [10] Nel's, S.M. (1972). Comic Martyr (To the question of the significance of the image of an addict and a clown in Dostoevsky's work). *Russian literature*, 2, 125—133. Moscow. (In Russ.)
- [11] Osokina, E.A. (2014). The Word of Dostoevsky 2014. The Idiostyle and the World Picture. Collective monograph. Russian Academy of Sciences. Institute of Russian language named after V. Vinogradov. Moscow: LEKSRUS. (In Russ.)

Для цитирования:

Гомес Диас В.Б., Лексина И.А. Тема юродства у Ф.М. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 703—713. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-703-713.

For citation:

Gomes Dias, V. B. & Leksina, I.A. (2017). The Theme of Holy Foolishness in the Literary Works of F.M. Dostoevsky. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 703—713. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-703-713.

Vassili Blajenoi Gomes Dias, Irina A. Leksina, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 703—713. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-703-713.

Сведения об авторах:

Гомес Диас Вассили Блаженной, аспирант кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; научные интересы: семантика, языковое сознание, концепты культуры, ассоциативные словари; e-mail: vassiliblajenoi.dias@mail.ru

Лексина Ирина Александровна, аспирант кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; научные интересы: семантика, лексикология современного русского языка, проблемы общего и русского языкознания, лингвистическая безопасность; *e-mail*: irina_lexina1991@mail.ru

Bio Note:

Gomes Dias Vassili Blajenoi, postgraduate student of the Department of General and Russian Linguistics of RUDN University; Interests semantics, linguistic consciousness, culture concepts, associative dictionaries; *e-mail*: vassiliblajenoi.dias@mail.ru

Leksina Irina Aleksandrovna, postgraduate student of the Department of General and Russian Linguistics of RUDN University; Interests semantics, lexicology of the modern Russian language, problems of general and Russian linguistics, linguistic security; *e-mail*: irina_lexina1991@mail.ru

УДК: 811.111'276.5:355.11

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-714-723

МИРОВОСПРИЯТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО АРМЕЙСКОГО СОЦИУМА В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ

Е.В. Лупанова

ФГКВОУ ВПО «Военный университет»
Министерства обороны Российской Федерации
ул. Б. Садовая, 14, Москва, Россия, 123001

Статья посвящена исследованию особенностей мировосприятия представителя англо-американского армейского социума в зеркале фразеологизмов военной тематики. Актуальность работы обусловлена существующей в современной лингвистике необходимостью всестороннего освещения проблем менталитета членов военной субкультуры как составной части национальной культуры США и Великобритании. Подвергнув анализу содержание лексикографических источников, автор обнаруживает наличие в идиоматике представителей англо-американского военного социума особых образов, отражающих специфику мировоззрения военнослужащих, сформированного под влиянием особенностей функционирования армейского социума и выполняемых военнослужащими задач. Опираясь на фундаментальные работы В.А. Масловой «Лингвокультурология» (2001), В.Н. Телии «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» (1996), Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (2010) и др. работы, автор исследует проблематику отражения в фразеологизмах этнического менталитета носителей языка и социальных условий функционирования фразеологизмов военной тематики в англо-американской военной субкультуре. Автор не только подчеркивает общность военной фразеологии с общей фразеологией этноса, но и условия реализации речевого материала в языке профессиональных военнослужащих, образные системы фразеологии которого позволяют рассмотреть особенности языковой картины мира военных, выявить морально-нравственные установки и ценности, изучить проявления этнического менталитета в семантике ФЕ. В статье делается вывод о том, что исследуемые фразеологические единицы имеют преимущественно насмешливый, шуточный характер, репрезентируют юмористическое отношение к различным аспектам жизнедеятельности военнослужащего, что подтверждает факт об освобождающей силе смеха в борьбе со стрессом и психологическим напряжением.

Ключевые слова: фразеологизм, армейский социум, языковая картина мира, образ, социолект

ВВЕДЕНИЕ

Человек как носитель языка и культуры, его фоновые знания, морально-этические установки и ценности выступает в качестве основного объекта исследований в рамках господствующей в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы. Важнейшим способом формирования знаний человека о мире является язык, в котором фиксируются результаты познания индивидом объективного мира. Совокупность знаний превращается в так называемую «языковую картину мира», включающую, помимо запечатленных в языковой форме понятий о мире, отношение человека к предметам действительности. Языковая картина

мира строится на основании системы оценок и отношений, нашедших отображение в языке [Маслова 2011: 64].

Запечатленный в сознании человека образ мира воссоздается путем анализа языковых единиц, в частности фразеологизмов, обладающих национально-культурной спецификой за счет лежащих в их основе образных представлений о действительности, которые отображают исторический, духовный и культурный опыт этнической общности [Телия 1996: 249].

Одним из ключевых понятий в процессе осмысления мира выступает жизнь [Нарушевич 2003: 113]. Отношение к жизни во всех лингвокультурах представляет собой основной ориентир поведения человека, определяющий особенности национального характера представителя общности и специфические нормы и стереотипы общения, принятые в данном этносе.

Неотъемлемой частью любого цивилизованного общества являются вооруженные силы. Армия определяется К.К. Крыловым, российским философом и публицистом, как «антиобщественный общественный институт». Очевидное противоречие автор цитаты видит в функциях понятий: человеческое общество создает людей, основная же задача армии в конечном итоге сводится к их уничтожению [Крылов 2002: <http://www.strana-oz.ru/2002/8/k-filosofii-armii>]. Тем не менее, армия остается важнейшим институтом любого современного общества, основным инструментом защиты суверенитета государства и реализации военных целей страны.

Армейский социум представляет собой исторически сложившуюся общность, объединяющую людей, осознающих значимость выполняемых ими социальных функций, имеющую специфичную культуру взаимоотношений в коллективе, систему морально-нравственных ориентиров и ценностей [Митрахович 2007: 91].

Важность роли защитника Отечества, специфика службы, особенности воинского труда и быта предъявляют особые требования к личности представителя военной субкультуры и накладывают отпечаток на восприятие военным человеком явлений окружающего мира. Согласно шестилетнему исследованию, проведенному группой психологов Тюбингенского университета под руководством профессора Джошуа Джэксона, опыт военной службы не только оказывает значительное влияние на человека, но и меняет его личностные характеристики, мировоззрение и отношение к жизни [Jackson 2012: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0956797611423545>].

В рамках данного исследования нас интересует специфика мировосприятия членов армейского социума, отраженная в фразеологии языка субкультуры военнослужащих.

Основной характеристикой военной службы как одного из видов государственной службы выступает нормативно-правовая обусловленность, подразумевающая функционирование армии в соответствии с военным законодательством, которое включает систему норм, закрепляющих права, свободы, обязанности и ответственность военнослужащих. [<http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=4343@morfDictionary>].

ДИСЦИПЛИНА

Гражданин, вступивший в ряды вооруженных сил, оказывается в среде, порядки которой разительно отличаются от привычных. Главным требованием для него становится дисциплина — строгое и точное выполнение правил поведения, принятых в армии:

«To be effective on operations, the Army must act as a disciplined force... Discipline is the primary antidote to fear... Discipline instils self-control and breeds self-confidence» («Успешные боевые действия зависят от высокой армейской дисциплины. Дисциплина — это противоядие от страха... Дисциплина внушает чувство самообладания, воспитывает уверенность в себе») [https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/440632/20150529-QR_Army_Amdt_31_Jul_2013.pdf].

Жесткие требования порядка в воинской среде выразились в фразеологических оборотах, служащих для именования различных видов правонарушений: *cop a Sunday* — ударить кого-либо без предупреждения; *take off with* — украсть; *abuses and disorders* — недисциплинированность, разболтанность. Приведем пример из романа «Странная война Уиллоуби» («Willoughby's phoney war») американского писателя Уильяма Фокса:

— *Training for what? Night Ops?*
— *Er... yes, sir. Roughly.*
— *Describe your route.*
— *Round the Heath... over to Wimbledon and back... Etcetera.*
— *Etcetera eh? Well I've marked you absent without leave. You can explain yourself to the CO later.*

(— *Тренировался для чего? Готовишься к ночным вылазкам?*
— *Ммм... Да, сэр. Вроде того.*
— *Опиши маршрут.*
— *Вокруг Хита... К Уимблдону и назад... И так далее.*
— *И так далее? Ну, я отметил, что ты в самовольной отлучке. Потом сам отчитаешься перед командиром.*)

Выражение *absent without leave*, употребляемое героем произведения, представляет собой один из устойчивых оборотов английского языка, перешедших из армейского социолекта в лексико-фразеологический состав нейтрального стиля. Исконно военный термин *absent without leave*, обозначающий самовольную отлучку с места службы, входит в состав общеупотребительной лексики, используется для номинации работников, отсутствующих без уважительной причины.

За нарушением требований воинской дисциплины следует неизбежное наказание за совершенный поступок: *a month and a month* — *устар.* наказание (месяц на гауптвахте и месяц лишения денежного довольствия); *angel cake and wine* — хлеб и вода на гауптвахте; *brig rat* — арестованный матрос, матрос на корабельной гауптвахте; *crossbar hotel* — гауптвахта или тюрьма; *arrest in quarters* — под домашним арестом; *fifteen and two* — наказание пребыванием в казарме в течение 15 суток и двумя часами нарядов вне очереди ежедневно); *rack drill* — наказание за проступок, состоящее в том, что солдат должен выполнять тре-

нировочные упражнения с полной выкладкой; *six, six, and a kick* — наказание за проступок: шестимесячное заключение, шестимесячное лишение денежного довольствия, увольнение из рядов вооруженных сил; *captain's mast* — капитанский суд (капитанская мачта, т.к. капитанский суд в прошлые времена проходил на палубе возле мачты).

Жесткие требования воинской дисциплины, суровые условия службы накладывают отпечаток на психологическое состояние военнослужащего, формируя у него особый взгляд на мир, что, в свою очередь, отражается в языке представителей военной субкультуры. Ю.Н. Караулов определяет мировоззрение, основываясь на собственной теории уровней в структуре языковой личности, как соединение когнитивного и прагматического уровней, как результат взаимовлияния ценностной системы, картины мира, с целями, мотивами поведения, проявляющийся в порождаемых человеком текстах [Караулов 2010: 211]. Исследование языка представителей англо-американского армейского социума демонстрирует, что фразеологические единицы военного социолекта представляют собой преимущественно насмешливые, ироничные, шуточные, циничные устойчивые обороты.

Отталкиваясь от положения русского философа Н.А. Бердяева, утверждавшего, что «все внешнее есть лишь манифестация внутреннего» [Бердяев 2001: 422], мы можем сделать вывод о том, что смех для военнослужащих выступает в роли ресурса совладающего поведения, возможностью снять психологическое напряжение с помощью юмора. Причем, если в условиях ведения боевых действий смех выступает в роли освобождающей силы в подавлении страха перед угрозой смерти, а создание комического контекста, вербализация страха приводит к его ослаблению, позволяет человеку сохранить волю к сопротивлению [Огаркова 2015: 48], то в мирное время ирония помогает военнослужащему справляться с психологическим давлением несвойственных гражданским институтам явлений армейской жизни. В статье «The Conscience of a soldier» Josiah Bunting, американский педагог и писатель, проходивший службу в вооруженных силах США, отмечает:

«What does the professional officer do when his conscience troubles him, or even when his intellect alone troubles him, or when the two of them together tell him the institution of which he is a part is making very serious mistakes? Can he stand up within the institution, make his criticisms forthrightly, dare to hope that they will be scrutinized dispassionately and acted upon in a way which may vindicate his judgments? Can he do this without serious risk to the successful development of his career? Generally the answer to these questions is No» («Что делает военнослужащий-профессионал, когда его совесть, разум, или и то и другое подсказывают ему, что в институте армии, частью которого он является, допускаются серьезные ошибки? Имеет ли он право выступить с конструктивной критикой этого института, может ли надеяться, что его предложения рассмотрят беспристрастно и найдут доказательства правоты его суждений? Может ли он сделать это без риска для дальнейшего развития карьеры? Ответ на все эти вопросы будет только отрицательным») [Bunting 1973: 10].

Жесткие требования дисциплины, ежедневные физические нагрузки, строгий распорядок дня, отсутствие возможности высказать собственное мнение и многие другие явления, свойственные военной службе, приводят к возникновению в со-

циуме атмосферы, где «страх уравнивается смехом» [Козинцев 2002: 221], а единственным способом снять накопившееся психологическое напряжение становится ирония, сарказм и цинизм. Приведем в качестве примера жаргонизм *marine shower*. Основой для возникновения фразеологической единицы послужила типичная для среды морских пехотинцев ситуация нехватки воды, когда военнослужащие вынуждены применять в качестве средства для умывания лосьон и гигиенические салфетки. Антонимом к данному фразеологизму выступает *Hollywood shower*. «Голливудским душем» в армии именуется возможность помыться неограниченным количеством воды.

НАРЯДЫ

Будни рядового представителя армейского социума неизменно сопровождаются различными нарядами — явлением, свойственным вооруженным силам всех стран. Фразеологизмы, связанные с несением службы в нарядах, в языке представителей военной субкультуры США и Великобритании свидетельствуют о шутовском отношении солдат к этой обязательной части воинского быта: *bean jockey* — солдат в наряде по кухне; *dean o' the latrine* — солдат в наряде по чистке туалета; *dog watch* — ночная вахта; *bubble chaser* — солдат в наряде по кухне, мойщик посуды; *kicking pots* — наряд по кухне; *sprid coxswain* — наряд на чистку овощей; *tower rat* — часовой на вышке.

Проиллюстрируем ироничное отношение военных к нарядам по кухне цитатой из американского кинофильма «The Fighting 69th» («Борющийся 69-й», реж. William Keighley, 1940), сюжет которого основан на событиях, происходящих в 69-м пехотном полку г. Нью-Йорк во времена Первой мировой войны:

«And, now, Mr. Funny Man, before it slips my mind, suppose after retreat you report to the mess Sergeant and tell him that you'd like to do a little extra duty as kitchen police» («А теперь, господин Шутник, пока у меня из головы не вылетело, после отбоя доложишь заведующему столовой сержанту, что очень хочешь заступить в наряд по кухне вне очереди») [<http://www.quodb.com/search/and%2C%20now%2C%20mr.%20funny%20man%2C>].

«Кухонным полицейским» в военной среде именуют солдата, заступившего в наряд по кухне — *kitchen police duty*.

Приведем еще один пример из американской военной драмы «The Young Lions» («Молодые львы», реж. Edward Dmytryk, 1958):

«This isn't the Astor Hotel, Whiteacre. The maid doesn't come in here. Two extra days fatigue duty» («Здесь тебе не отель Астор, Уитэкр. Здесь нет горничных. Два наряда на хозяйственные работы вне очереди») [<http://www.quodb.com/search/two%20extra%20days%20fatigue%20duty>].

Герой кинофильма Майкл Уитэкр, звезда Бродвея, оказавшийся в армии помимо своей воли, получает два дня «*fatigue duty*» — «изнурительной службы», что в вооруженных силах США и Великобритании означает любую «невоенную» работу, которую выполняет солдат: от уборки помещений до ремонта дорог.

Рассмотрим фразеологизм *graveyard shift* или *graveyard watch*, имеющий значение «ночная вахта с 12 до 4 утра». В основе фразеологических оборотов лежит образное представление о дежурстве на кладбище. Этимология выражения уходит корнями в XIX век, когда в армии существовали особые ночные караулы на кладбищах, созданные для предотвращения выкапывания трупов в медицинских целях.

Неотъемлемой частью повседневной жизни военнослужащих являются различные смотры. Во всех случаях номинации данных рутинных операций, проводимых начальниками, вызывающих чувство апатии у любого солдата и офицера, используется насмешка и ирония: *brush the underwear* — привести одежду в порядок перед смотром; *junk on the bunk* — проверка солдатской одежды и принадлежностей, выкладываемых на кроватях в определенном порядке; *things on springs* — проверка солдатского имущества (вещи выкладываются на пружинный матрас).

ПИТАНИЕ

Одной из составных частей воискового быта служат приемы пищи. Анализ фразеологических единиц, служащих для номинации продуктов питания, показывает, что военнослужащий в своей повседневной деятельности либо чувствует постоянный голод (*soldier's supper* — голодание; *half gone* — голодный (досл. «наполовину мертвый»)), либо выражает презрительное недовольство качеством пищи: *embalment meat* — консервы (досл. забальзамированное мясо); *mystery meat* — мясо, поставляемое в армию (досл. «загадочное мясо», трудно определяемый сорт мяса); *sewer trout* — рыба, поставляемая в армию (досл. форель из канавы). Представитель англо-американского армейского социума с насмешкой и пренебрежительностью оценивает продукты, поставляемые в войска.

В основе образов, заложенных в фразеологизмах, которые обозначают пищу, лежат представления о предметах и веществах, непригодных к употреблению: *axle grease* — масло плохого качества (карданная смазка); *can of worms* — консервированные спагетти (жестянка с червями); *paint remover* — кофе (растворитель краски). Еда в войсках не отличается, как правило, ни вкусовыми качествами, ни разнообразием. Ряд фразеологизмов выражает потребность военнослужащего в сладостях, проявляющуюся в стремлении языковыми средствами наделить свойствами десерта обыденную пищу: *army biscuit* — сухарь; *Irish grapes* — картофель (ирландский виноград); *Georgia ice cream* — овсяная крупа («мороженое из штата Джорджия», имеется в виду, что жители этого штата любят овсянку).

СОН

Важнейшей составляющей жизнедеятельности военнослужащего является сон. Естественное физиологическое состояние организма человека в условиях военной службы приобретает первостепенное значение как возможность восстановить силы после трудового дня: «*well rested — well tested*» (хорошо отдохнул — хорошо поработал) гласит английская поговорка. Между тем отбой для солдата — это

еще и единственная часть суток, когда у него есть возможность остаться наедине со своими мыслями, заслуженная награда за трудовой день, долгожданный отдых, отсюда и многочисленные варианты номинаций сна средствами военной фразеологии: *blanket drill* — сон; *horizontal pleasure* — сон; *rack time* — время сна; *sack drill* — время сна; *sack duty* — сон; *bunk fatigue* — сон на койке в казарме в неположенное время; *cork off* — заснуть; *flake out* — лечь, заснуть; *get back in the rack* — лечь в постель, заснуть; *pound one's ear* — спать; *press blankets* — спать; *rack out* спать; *sack out* — крепко спать; *sack out artist* — человек, умеющий спать в любых условиях.

УВОЛЬНЕНИЯ

Представитель англо-американского армейского социума, постоянно находящийся под гнетом тягот и лишений военной службы, ищет выход своему психоэмоциональному напряжению и находит его, как показывает количество фразеологических единиц, обозначающих виды деятельности военных в свободное время, в выпивке: *lap it up* — пить пиво с жадностью; *cocunut juice* — самогон из фруктового сока; *corn squeezings* — самогонное виски; *panther blood* — крепкое спиртное; *red eye* — нелегальный алкогольный напиток; *admiral of the narrow sea* — пьяный матрос; *flying on instruments* — быть пьяным (летать по приборам, на автопилоте); *spin on* — упасть, будучи навеселе; *wing heavy* — пьяный. Алкоголь, будучи иногда единственно доступным удовольствием в армии, на некоторое время успокаивает нервную систему и снижает уровень стресса. Возможное понимание искусственности создаваемого спиртным эффекта приводит к созданию шуточных и ироничных номинаций выпивки. Фразеологизмы, обозначающие места, где военнослужащие собираются вместе и употребляют алкоголь, всегда имеют оттенок негативной оценки, несут грубый и презрительный характер: *gate ghetto* — забегаловка (место, где выпивают, с плохой репутацией у воинской части); *pig palace* — бар или ресторан низкого пошиба; *slop chute* — пивной бар («мусоропровод»); *spiff bar* — местный бар.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что особенности армейского социума и выполняемых военнослужащими задач накладывают отпечаток на мировосприятие и отношение к жизни как представителей военных субкультур, так и всех членов этнических общностей англоговорящих стран. Жесткие требования дисциплины, строгий распорядок дня, различные наряды и смотры, низкое качество продуктов питания, недосып и другие явления, свойственные военной службе, выступают основой для возникновения ряда фразеологических единиц, имеющих насмешливый, шуточный характер, репрезентирующих преимущественно юмористическое отношение к различным аспектам жизнедеятельности военнослужащего, что подтверждает факт об освобождающей силе смеха в борьбе со стрессом и психологическим напряжением.

© Лупанова Е.В.

Дата поступления: 10.05.2017

Дата приема к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО Пресс, 2001.
2. Военная служба // Военный энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=4343@morfDictionary>. Дата обращения: 11.06.17.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
4. Крылов К.К. К философии армии // Отечественные записки. 2002. Вып. 8(9). Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2002/8/k-filosofii-armii>. Дата обращения: 15.06.17.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001.
6. Митрахович В.А. Специфические характеристики военного социума // Образование и наука. 2007. № 5. С. 91—99.
7. Нарушевич А.Г. Образ смерти в русской языковой картине мира (на материале пословиц и поговорок) // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: мат-лы Международ. науч. конф. Вып. 2. История. Культура. Язык. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2003. С. 113—115.
8. Огаркова Е.В. Грани войны. Смеховая культура в условиях военной повседневности // Известия ВолГТУ. 2015. Т. 24. № 10 (174). С. 47—51.
9. Смех: истоки и функции / под ред. А.Г. Козинцева. СПб.: Наука, 2002.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
11. Bunting J. The conscience of a soldier // *Worldview*. 1973. Vol. 16. № 12. Режим доступа: <https://worldview.carnegiecouncil.org/archive/worldview/1973/12/2252.html> Дата обращения: 11.06.17.
12. Jackson J.J., Thoemmes F., Jonkmann K., Ludtke O., Trautwein U. Military Training and Personality Trait Development: Does the Military Make the Man, or Does the Man Make the Military? // *Psychological Science*. 2012. Режим доступа: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0956797611423545>. Дата обращения: 7.06.17.
13. Quodb. Режим доступа: <http://www.quodb.com/search/and%2C%20now%2C%20mr.%20funny%20man%2C>. Дата обращения: 10.06.17.
14. Quodb. Режим доступа: <http://www.quodb.com/search/two%20extra%20days%20fatigue%20duty>. Дата обращения: 10.06.17.
15. The Queen's regulations for the army. Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/440632/20150529-QR_Army_Amdt_31_Jul_2013.pdf. Дата обращения: 15.06.17.

УДК: 811.111'276.5:355.11

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-714-723

WORLDVIEW OF THE BRITISH-AMERICAN ARMY SOCIETY REPRESENTATIVE THROUGH MILITARY PHRASEOLOGICAL UNITS

Ekaterina V. Lupanova

Military University of the Russian Defence Ministry
14, B. Sadovaja str, Moscow, Russia, 123001

Abstract. The article is devoted to research of worldview features of the British-American army society representative in the mirror of military phraseology. The relevance of the work stems from modern linguistics' need for a comprehensive analysis of mentality problems of the military subculture members

as an integral part of the national culture of the US and the UK. After studying the content of lexicographic sources, the author finds the presence of special images in the idioms, which are being used by representatives of the British-American military society, reflecting the specific worldview of the military personnel, formed under the influence of peculiarities of the army society and performed military tasks. On the basis of fundamental works by of V.A. Maslova “Lingvoculture” (2001), V.N. Teliya “Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects” (1996), Yu.N. Karaulov “Russian language and linguistic personality” (2010) and other works, the author explores the issue of ethnic mentality reflection in native speakers phraseology and the social conditions of functioning of military phraseological units in British-American military subculture. The author not only emphasizes the common military phraseology and general phraseology of nation, but also the conditions of implementation of speech material in the language of professional soldiers, which allow us to consider the peculiarities of the soldiers’ language world picture, to reveal moral attitudes and values, to study ethnic mentality in the phraseological semantics. The article concludes that the studied phraseological units are mostly sarcastic, humorous, represent jocular attitude towards various aspects of soldier’s life, which confirms the fact of liberating power of laughter in dealing with stress and psychological tension.

Key words: phraseological unit, army society, language world picture, image, sociolect

REFERENCES

1. Berdyaev, H.A. (2001). Russia’s destiny: essays. Moscow: EKSMO Press. (in Russ).
2. Bunting, J. (1973). The conscience of a soldier. *Worldview*, 1973. Vol. 16. No 12. URL: <https://worldview.camegiecouncil.org/archive/worldview/1973/12/2252.html> (accessed: 11.06.17).
3. Jackson, J.J., Thoemmes, F., Jonkmann, K., Ludtke, O. & Trautwein, U. (2012). Military Training and Personality Trait Development: Does the Military Make the Man, or Does the Man Make the Military? *Psychological Science*. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0956797611423545> (accessed: 7.06.17).
4. Karaulov, Yu.N. (2010). Russian language and language personality. Moscow: Izdatel'stvo LKI.
5. Kozintsev, A.G. (2002). Laughter: sources and functions. SPb.: Nauka. (in Russ).
6. Krylov, K.K. (2002). To the army philosophy. *Otechestvennye zapiski*. Vol. 8(9). URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/8/k-filosofii-armii> (in Russ). (accessed: 15.06.17).
7. Maslova, V.A. (2001). Lingvoculture. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». (in Russ).
8. Military service. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=4343@morfDictionary> (in Russ). (accessed: 11.06.17).
9. Mitrakhovich, V.A. (2007). Specific characteristics of the army society. *Obrazovanie i nauka*. № 5. 91—99. (in Russ).
10. Narushevich, A.G. (2003). Image of death in Russian language world picture (on material of proverbs). In: *History of linguistics, literature and journalistic as basis of the modern linguistics: materials of International scientific conference*. Vol. 2. History. Culture. Language. Rostov n/D.: Izd-vo RGU, pp. 113—115. (in Russ).
11. QuoDB. URL: <http://www.quodb.com/search/and%2C%20now%2C%20mr.%20funny%20man%2C> (accessed: 10.06.17).
12. QuoDB. URL: <http://www.quodb.com/search/two%20extra%20days%20fatigue%20duty> (accessed: 10.06.17).
13. Ogarkova, E.V. (2015). The brink of war. The culture of humor in daily life under military. *Izvestiya VolgGTU*, 24. No 10 (174), 47—51. (in Russ).
14. Teliya, V.N. (1996). Russian phraseology. Semantic, pragmatic and lingvocultural aspects. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (in Russ).
15. The Queen’s regulations for the army. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/440632/20150529-QR_Army_Amdt_31_Jul_2013.pdf (accessed: 15.06.17).

Для цитирования:

Лупанова Е.В. «Мировосприятие представителей англо-американского армейского социума в зеркале фразеологизмов военной тематики» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 714—723. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-714-723.

For citation:

Lupanova, E.V. (2017). Worldview of the British-American army society representative through military phraseological units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 714—723. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-714-723.

Ekaterina V. Lupanova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 714—723. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-714-723.

Сведения об авторе:

Лупанова Екатерина Вячеславовна, адъюнкт кафедры английского языка (основного) Военного университета Министерства обороны РФ; *научные интересы*: теория языка, лингвокультура, психолингвистика; *e-mail*: katerina.lupanova9751@yandex.ru.

Bio Note:

Lupanova Ekaterina Vyacheslavovna, adjunct of the English department in Military university of the Russian defense ministry; *Interests*: language theory, lingvoculture, psycholinguistics; *e-mail*: katerina.lupanova9751@yandex.ru.

УДК: [811. 161.1:811.581]373.45
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-724-734

ПОНИМАНИЕ ТЕРМИНА ЗАИМСТВОВАННОЕ СЛОВО В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Чжан Кэ

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В предлагаемой статье рассматривается история изучения заимствованной лексики в русской и китайской лингвистической традиции. Объектом исследования являются современный китайский и русский языки. Предмет исследования — понятие заимствованного слова. Материалом исследования стали теоретические работы российских и китайских лингвистов, словари русского и китайского языков.

Автор статьи предлагает различать заимствованные слова в русском и китайском языках по способам их заимствования (фонетическому, семантическому, графическому) и на этой основе дать единое определение термина «заимствованное слово» в обоих языках, что будет полезно для дальнейших сравнительных исследований данного объекта.

В заключение автор предлагает ввести определение, в котором учтены графические заимствованные слова, которые находятся на периферии исследований заимствованных лексических единиц.

Ключевые слова: заимствованное слово, цзе цы, способ заимствования

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ТЕРМИНА ЗАИМСТВОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Изучение проблемы заимствования имеет богатую традицию и давнюю историю в российской лингвистике. Еще в 1886 г. С.К. Булич опубликовал в «Русском филологическом вестнике» статью «Заимствованные слова и их значение для развития языка». Результаты изучения заимствования отражены во многих научных трудах, например, в работах Я.К. Грота (1903), Л.П. Крысина (1968, 1998, 2000), Д.С. Лоте (1982), Л.А. Ильиной (1984, 1998), В.И. Заботкиной (1989), В.Г. Костомарова (1999), А.Д. Шмелева (2005), Е.В. Мариновой (2013) и других.

В справочной и учебной литературе, например в «Русском энциклопедическом словаре», заимствование определяется следующим образом: «В лингвистике переход элементов одного языка в другой как результат взаимодействия языков или сами элементы, перенесенные из одного языка в другой» [РЭС 2001: 236].

Одни российские лингвисты понимают под заимствованием процесс перемещения языкового материала и полученные в результате этого процесса языковые единицы (Л.П. Крысин, Н.Н. Амосова, Б.Н. Забавников, А.П. Майоров), другие — процесс адаптации иноязычных слов средствами принимающего языка (С.А. Беляев, М.А. Теленкова), третьи — процесс адаптации иноязычных единиц и языковые единицы, полученные в результате этого процесса (О.С. Ахманова, М.П. Алексеев, Е.В. Маринова).

В XX в. заимствование трактовалось в основном как лексическое заимствование [Левковская 1962: 92, 117; Реформатский 1967: 135; Рус. яз. 1979: 84; Фомина 1983: 281; Кодухов 1987: 162]. А.Л. Семенов и многие другие исследователи понимают заимствование только как лексическое заимствование: «Заимствование — это полное или частичное использование лексических единиц других языков... каждый отдельно взятый язык — это самостоятельный организм, действующий по своим законам, не нуждающийся в заимствованных языковых единицах фонетической системы, грамматического строя другого языка» [Семенов 2000: 210].

Однако мы считаем, что заимствование — это многогранное явление, и в процессе обращения к языковому фонду других языков участвуют все уровни структуры языка. Как отмечает М.П. Алексеева, «...заимствование, с одной стороны, творческий процесс обращения к языковому фонду других языков, затрагивающий все уровни языка: лексику и фразеологию, словообразование, грамматику и фонетику. С другой стороны, заимствование — это любая языковая единица, элемент, модель, появившиеся в результате этого процесса и вступающие в парадигматические и синтагматические связи с единицами, элементами и так далее» [Алексеева 1944: 16]. По мнению М.П. Алексеева и многих других лингвистов, термин *заимствование* имеет два значения: процесс и его результат, то есть он не моносемичен. Автор настоящей статьи вместо термина *заимствование* употребляет термин *заимствованное слово*, чтобы избежать синонимии и неточности в разграничении терминов.

Е.В. Маринова выделяет четыре основных вида заимствования в связи с его универсальным характером: «1. Заимствование фонем; 2. Заимствование морфем; 3. Заимствование лексических и фразеологических единиц (слов и фразеологизмов), то есть лексическое заимствование; 4. Заимствование синтаксических конструкций» [Маринова 2013: 89]. Исследователь также отмечает, что разные языковые уровни подвергаются процессу заимствования в разной степени. Самые активные «участники» этого процесса — единицы лексического уровня языка, то есть слова, так как лексика — самая открытая, динамичная и подвижная система.

Поэтому, основываясь на концепции Е.В. Мариновой, авторы видят *заимствование* как языковой процесс, при котором единицы одного языка принимаются и усваиваются другим языком, а сами языковые единицы, полученные в результате данного процесса, могут называться *заимствованными словами*.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА ЗАИМСТВОВАННОЕ СЛОВО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ С УЧЕТОМ АНАЛОГИЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ ДЛЯ ВЫЧЛЕНЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ КАК ОБЩЕГО ОБЪЕКТА ДВУЯЗЫЧНОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Понятие *заимствованное слово*, то есть лексическая единица как результат заимствования, имеет свое отражение во многих работах российских лингвистов, например, в исследовании Н.М. Шанского: «Всякое слово, пришедшее извне, даже если оно по составляющим его морфемам ничем не отличается от исконного» [Шанский 1972: 86]. Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова также широко трактуют данный термин: «Слова, пришедшие из других языков» [Розенталь, Теленкова 2003: 147—148].

В интерпретации Е.В. Мариновой заимствованному слову приписывается признак, характеризующий степень адаптации. Исследователь отмечает, что термин *заимствованное слово* соотносится только с теми словами, которые полностью адаптировались и утратили все признаки иноязычности. «Поскольку термин *заимствованное слово* интерпретирован как полноправные лексические единицы русского языка, данный термин оказывается не вполне удобным для обозначения таких неисконных слов, которые заметно отличаются своим внешним видом, грамматическими и семантическими особенностями от слов русской лексики. Возможно, поэтому в российской лексикологии утвердился все же термин *иноязычное слово*, который может относиться «к любым лексическим элементам неисконного происхождения» [Маринова 2013: 23].

Мы согласны с трактовкой термина *заимствованное слово* с точки зрения степени его адаптации, но мы относим к заимствованным словам все лексические единицы, образованные в результате заимствования. Учитывая степень адаптации, назовем слова, которые адаптировались в языке-реципиенте в полной степени и утратили все признаки иноязычности, «собственно заимствованными словами», чтобы отличать их от других заимствованных слов, которые заметно отличаются своим внешним видом, грамматическими и семантическими особенностями от слов языка-источника. Термин *иноязычное слово* рассматриваем применительно ко всем неисконным по происхождению лексическим единицам как близкий по смыслу с понятием «иностранный язык» или «чужое слово».

Термин *заимствованное слово* переводится на китайский язык как *借词* [цзе цы] (借词 [цзе цы], 借 [цзе] — заимствовать или заимствованный; 词 [цы] — слово(а), перевод данного слова на английский — *borrowing*). Данный термин употребляется в исследованиях многих китайских ученых (Ху Чжаоюнь, 2001; Гао Лицинь, 2005; Таохонмэнь, 2011; Ли Даньжуй, 2013; Шан Цзяньго, 2015). Однако в китайской лингвистике в подходах к определению *цзе цы* и в описании заимствованной лексики нет терминологического единообразия. В 1902 г. в работе исследователя Чжан Тайянь («如外来语, 破纯粹之国语而驳之, 亦非尽人理解, 有时势所逼迫, 非他语可以侷代, 则用之可也...» 《章太炎全集 (三) 》, 第 227 页, 1984 年上海人民出版社) был впервые использован термин *外来语* [вай лай юй] (外来语 [вай лай юй] — дословный перевод данного термина на русский язык — языковые материалы, входящие в свой язык из других, обозначающие фонетические заимствованные слова японского происхождения, написанные китайскими иероглифами). Интересно отметить, что сам термин *вай лай юй* происходит от японского слова *舶来语* [бо лай юй] (舶来语 [бо лай юй], 舶 — дословный перевод данного иероглифа на русский язык — судовой сплав; 舶来语 — слова из других языков морскими перевозками [Ши Ювэй 2004]. И до сих пор термин *бо лай юй* используется в качестве эквивалента английского *loanword* (заимствованное слово) в японском языке.

Термин *借字* [цзе цзи] (借字 [цзе цзи] — дословный перевод данного термина на русский язык — заимствованные иероглифы) был предложен Ло Чанлэй в его исследовании «Язык и культура» [Ло Чанпэй 1989: 222], опубликованном в 1950 г.,

так как категория «词 (цы)» в тот момент еще не была создана [Ло Чанпэй 1989: 222]. В 1968 г. известный китайский лингвист Чжао Юаньжэнь предложил термин 借语 [*цзе юй*] (借语 [*цзе юй*] — дословный перевод данного термина на русский язык — заимствованные языковые материалы) [Чжао Юаньжэнь 2002]. *Цзе цзи* и *цзе юй* в принципе могли рассматриваться как эквиваленты термина *заимствованное слово*, пока не появился термин *цзе цы*.

Когда в 1950 г. в китайский язык была введена категория «词 (цы)» (слово), термин *цзе цы* (заимствованное слово) постепенно заменил *цзе цзи* и *цзе юй* и в настоящее время получает общее признание в китайской лингвистике [Гао Минкай, Лю Чжэнянь 1958: 13]. Вместе с тем и многие современные китайские ученые (Чжоу Хонхон, 2009; Хэ Ганьцзюнь, 2011; Цзан Яньхон, Ван Цинн, 2011; Чжан Хон, 2012; Хань Шухон, 2014; Чжоу Сяоянь, 2016) часто используют 外来词 [*вай лай цы*] (外来词 [*вай лай цы*] — калька англ. Loanword, дословный перевод данного термина на русский язык — слова, входящие в свой язык из других) в качестве термина *заимствованное слово*. В большинстве работ китайских лингвистов оба эти два термина используются как взаимозаменяемые понятия. В энциклопедическом словаре «Цыхай» *вай лай цы* определяются так: «„Вай лай цы“, называемое также „цзе цы“, представляет собой слова, ассимилированные из других языков» («外来词, 也叫“借词”一种语言从别种语言里吸收来的词语» — «辞海 [Цыхай]» — «море слов», энциклопедический словарь, впервые изданный в 1915 г., последняя версия издана в 2009 г.).

Более детальное исследование различий перечисленных наименований базового понятия только еще больше осложнит простой вопрос, целесообразно ли считать *вай лай цы* и *цзе цы* равными по значению словами, придерживаясь доминирующей точки зрения, и употребляем ли термин китайского языка *цзе цы* как эквивалент термина *заимствованное слово* в русском языке. Главная задача нашего исследования заключается в вычленении термина *заимствованное слово* (*цзе цы*) как общего объекта исследования в русском и китайском языках, поскольку установление идентичных пределов объекта исследования в двух языках играет существенную роль в дальнейшем сопоставительном анализе.

Как в русской, так и в китайской лингвистике центром дискуссии при определении термина *заимствованное слово* (*цзе цы*) является вопрос о кальках. Некоторые российские ученые не считают кальки заимствованными словами; основанием является то, что кальки создаются собственными средствами языка-реципиента. Китайские ученые, такие как Гао Минкай и Лю Чжэнянь, также не рассматривают кальки как заимствованные слова: «В принимающем языке должны заимствоваться одновременно и лексическое значение, и фонетическая форма слова другого языка» [Гао Минкай, Лю Чжэнянь 1958: 8]. Исследователь Гэ Бэньи включает кальки в понятие «сложных слов с объединением семантики», а не в состав заимствованных слов, так как «в семантических переводах слов употребляются исконные слова или корни принимающего языка» [Гэ Бэньи 2002: 13].

Мы согласны с мнением Ши Ювэя: «Кальки входят в группу заимствованных слов, они не являются исконными китайскими словами, их значение или понятия

были заимствованы из другого языка, хотя китайский язык переработал их фонетическую и морфологическую форму» [Ши Ювэй 2004: 3]. Разделяя точку зрения Е.В. Мариновой, «В случае калькирования иностранные слова, не входящие в другой язык, как бы индуцируют появление в нем новых слов, которые, появившись под влиянием иностранного, могут быть расценены как своего рода заимствованные слова „по индукции“» [Маринова 2013: 92], интерпретируем кальки в русском и китайском языках как особого рода заимствованные слова. Во-первых, с точки зрения источника возникновения, они несобственные; во-вторых, они образуются по иностранным образцам, в определенной степени семантически соответствуют слову языка-источника, тем более в некоторых случаях при калькировании в русский и китайский языки может заимствоваться и структура калькируемого слова.

Н.В. Перфильева и Ху Пэй Пэй отмечают, что «в процессе заимствования и освоения неологизмов-англицизмов в русский и китайский языки наблюдаются сходства и различия. Если сходства обнаруживаются в моделировании сложносокращенных слов и транслитерации (фонетико-графическом освоении), то семантические модели, обусловленные калькированием, выявляют различия. Особо подчеркнем, что иероглифическое идеографическое письмо китайского языка в большей степени, чем звукобуквенное письмо английского и русского языков, влияет на специфику освоения заимствований, прежде всего на их семантизацию» [Перфильева, Ху Пэй Пэй 2012: 74].

Здесь следует подчеркнуть, что калькирование может считаться самым удобным способом заимствования в китайский язык в связи с его основными характеристиками: китайский язык принадлежит к языкам изолирующего типа, его слог несет определенное значение, вместе с тем строгая ограниченность состава слога и последовательность его составных элементов препятствуют заимствованию слов в китайский язык фонетическим способом. Калькирование как способ заимствования целесообразно называть семантическим заимствованием.

КАЛЬКИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Кальки в русском и китайском языках разделяются на три основных типа.

Первый тип — кальки, копирующие морфемную структуру иностранного слова и совпадающие с ним по лексическому значению. Например, в русском языке слово *насекомое* — калька латинского *insectum*: *in* — «на» + *sectum* — «секомое»; слово *предмет* — калька латинского *objectum*: *ob* — «пред-» + *ject* — «-мет», окончание *ut-* отброшено. В китайском языке слово 超人 [чаожэнь] — калька английского *superman*: *super* — «超 [чао]» ‘превосходить’ + *man* — «人 [жэнь]» ‘человек’; слово 周末 [чжоумо] — калька английского *weekend*: *week* — «周 [чжоу]» ‘неделя’ + *end* — «末 [мо]» ‘конец’.

Второй тип — кальки, описательно раскрывающие смысловое содержание иностранного слова, не копирующие его словообразовательную модель. Русские исконные слова допускают привнесение значения из слов других языков. Приведем примеры. Французское слово *clou*, помимо прямого значения ‘гвоздь’, имеет

еще значение ‘главная приманка программы’. Для передачи этого переносного значения русское слово *гвоздь* стало употребляться в данном заимствованном значении как *гвоздь сезона*, *гвоздь программы*. Другие примеры: слово *мышка* в значении ‘компьютерная мышка’ (англ. *mouse*); слово *мыло* в значении ‘длинный телесериал’ — *мыльная опера* (англ. *soap opera*). В китайском языке написанный иероглифом слог несет определенное значение, поэтому калькирование остается наиболее удобным способом заимствования. Например, французское слово *parachute* (*para* — ‘предотвращать’ + *chute* — ‘падение’) в китайском языке было калькировано весьма своеобразно: 降落伞 [цэанлуосань] — ‘зонтик для посадки’ («降落 [цэанлуо]» — ‘приземляться’ + «伞 [сань]» — ‘зонтик’).

Третий тип — кальки, чаще всего называемые полукальками, компонентов которых переведена с иностранного слова. Например, в русской кальке *трудоголик* (англ. *workaholic*) калькирована только первая часть английского слова, а транскрибирована вторая его часть. Первая часть кальки *антитело* (франц. *anticorps*) *анти* указывает на звучание *anti-* французского слова, вторая ее часть *тело* — на значение ‘corps’.

Рассмотрим примеры китайских калек. В слове 因特网 [интэван] (‘Интернет’, англ. *internet*): «因特» [интэ] — фонетическая запись части слова *inter* + «网» [ван] “сеть” — перевод части слова *net*. Таким образом, оказывается, что полукальки образуют связующее звено между кальками и фонетическими заимствованными словами.

Для передачи фонетического облика иностранного слова в русском языке существует два способа: транслитерация и транскрипция — передача по его исконному буквенному составу и передача по его исконному звуковому составу. Например, слова, заимствованные с помощью транслитерации: *партнер* (англ. *partner*), *вирус* (англ. *virus*), *процесс* (англ. *process*). При транскрипции русский язык заменяет звуковой состав слова языка-источника своими близкими фонемами. Например, *ноутбук* (англ. *notebook*), *сайт* (англ. *site*), *кофе* (англ. *coffee*), *фаст-фуд* (англ. *fast-food*).

Китайский язык в отличие от русского не транслитерирует иностранное слово, поскольку китайский язык принадлежит к сино-тибетской системе языков, в китайском языке письменный знак — это иероглиф, выражающий понятие и ассоциированный со слогом. При фонетическом заимствовании китайский язык передает звучание иностранного слова по слогам и записывает каждый слог иероглифом. Например, слово 咖啡 [кафэй] (англ. *coffee*) — в этом случае иероглифы «咖» [ка] и «啡» [фэй] служат фонетическим знаком, а употребляются не в собственном значении. Как известно, в китайском языке каждый слог несет определенное значение. Иероглиф представляет китайский слог в его звучании и семантике. Именно поэтому, чтобы отразить не только звучание, но и значение фонетических заимствованных слов, для их записи стали подбираться записывающие слова-иероглифы, семантически близкие по смыслу прототипам в языке-источнике или описательно характеризующие передаваемые этими словами понятия. В таких фонетических заимствованных словах раскрывают значение исходных слов все слоги (иероглифы), иногда — один или два слога.

В раскрытии значения иностранного слова участвуют все слоги (иероглифы), составляющие звуковой облик данного слова. Рассмотрим примеры: «*绷带*» [бэн-дай] ‘бандаж’, (англ. *bandage*) — «*绷*» [бэн] ‘связывать’ + «*带*» [дай] ‘лента’; «*维他命*» [вэйтамин] ‘витамин’ — «*维*» [вэй] ‘сохранять’ + «*他*» [та] ‘он или другой’ + «*命*» [мин] ‘жизнь’; «*香波*» [шанбо] (‘шампунь’, англ. *shampoo*) — «*香*» [шан] ‘ароматная’ + «*波*» [бо] ‘волна’.

В раскрытии смысла участвуют один или два слога (иероглифа), входящих в звуковой облик. Приведем примеры: «*芒果*» [манго] (‘манго’, англ. *mango*) — «*芒*» [ман] (фон. запись) + «*果*» [го] (фон. запись + значение ‘плод’); «*布拉吉*» [булацзи] (рус. *платье*) — «*布*» [бу] (фон. запись + значение ‘материал’) + «*拉*» [ла] (фон. запись) + «*吉*» [цзи] (фон. запись); «*卡通*» [катун] (‘мультипликационные фильмы’, англ. *cartoon*) — «*卡*» [ка] (фон. запись) + «*通*» [тун] (фон. запись + значение ‘движение’).

Китайский язык стремится делать фонетические заимствованные слова более понятными, ввести их в определенные лексико-грамматические разряды слов. Это проявляется в присоединении ко многим фонетическим заимствованным словам иероглифов, показывающих определенные родовые понятия. Присоединенные иероглифы имеют классифицирующие свойства, то есть указывают, к какой группе или классу понятий относится данное фонетическое заимствованное слово. Приведем примеры: «*坦克车*» [данькэчэ] ‘танк’ — «*坦克*» [данькэ] (фон. запись) + «*车*» [чэ] (морфема со значением ‘экипаж’); «*芭蕾舞*» [балэйю] ‘балет’ — «*芭蕾*» [балэй] (фон. запись) + «*舞*» [у] (морфема со значением ‘танец’); «*咖啡馆*» [кафэйгуань] (‘кафе’, фран. *café*) — «*咖啡*» [кафэй] (фон. запись) + «*馆*» [гуань] (морфема со значением ‘помещение’); «*啤酒*» [пицзю] (‘пиво’, немец. *bier*) — «*啤*» [пи] (фон. запись) + «*酒*» [цзю] (морфема со значением ‘алкоголь’).

В последние годы в русском и китайском языках все активнее заимствуются слова, «записываемые либо полностью буквами иностранных (преимущественно латинского) алфавитов, либо с их участием» [Лю Юнцюань 2002: 17]. Китайские лингвисты называют их своего рода *字母词* [цзи му цы] ‘буквенными словами’ в китайском языке. В первом случае это слова, например, *CD* ‘компактный диск’, во втором случае — *卡拉OK* [калаокхэ] ‘караоке’.

Лю Юнцюань подчеркивает, что «термин *буквенное слово* существует только в языках с иероглифической письменностью, поскольку в других языках с алфавитной письменностью слова естественным образом записываются буквами»; «под термином *буквенное слово* в китайском языке следует подразумевать не только собственно китайские буквенные образования, созданные на основе китайской фонетической азбуки, но и заимствованные буквенные слова и аббревиатуры, которые употребляются в китайском языке и адаптируются к его системе» [Лю Юнцюань 2002: 28]. Русские лингвисты называют такие заимствованные слова варваризмами. Так, Н.М. Шанский отмечает, что «под варваризмами следует понимать такие заимствованные слова, которые сохраняют все присущие им в языке-источнике свойства. Очень часто они передаются не русскими буквами, а с помощью

того алфавита, который присущ языку-источнику» [Шанский 1972: 137]. А.В. Калинин считает, что «варваризмы — это подлинно иностранные слова, вкрапленные в русский текст» [Калинин 1978: 75]. В данной статье такие заимствованные слова в русском и китайском языках, которые записываются либо полностью буквами иностранных алфавитов, либо с их участием, мы называем «заимствованными иностранными буквенными словами».

С распространением во всем мире английского языка в русском и китайском языках обнаруживается большое количество заимствованных английских буквенных аббревиатур, а также несокращенных английских слов, используемых в их полной записи в языке-источнике. Иностранные буквенные слова, заимствованные из других языков, сохраняющие исходную графику исходных слов, на наш взгляд, тоже относятся к группе заимствованных слов в русском и китайском языках. Мы отмечаем, что заимствованные иностранные буквенные слова подвергаются адаптации и в русском, и в китайском языке. Например, слово *e-mail*, хотя и записывается латиницей по-английски как в русском, так и в китайском языке, но произносится звуками русской фонетической системы, как [имейл] или [имэйл]; китайцы произносят его по пиньиню (системе романизации китайского языка), добавляя тоны (мелодическое представление) — [yī mèi]. Также некоторые заимствованные иностранные буквенные слова в китайском языке постепенно подвергаются аббревиации, например, английское слово *beeper* ‘бипер, сигнальное устройство’ — *BP 机* (机, обозначает ‘машину’) в китайском языке. Функционируют в русском языке и русифицированные варианты аббревиатур, например *бибикакса* (*BBS*), *пистюк* (*PC*), *айпишный* (*IP*), *айтишный* (*IT*) и другие.

В китайском языке часто употребляются слова, заимствованные из японского языка, написанные иероглифами: их графическая структура полностью копирует форму написания исходных слов японского языка (в японском языке имеется много слов, созданных иероглифами). Это связано с тем, что в VII в. Япония заимствовала иероглифическую письменность и вместе с ней большое количество китайских слов. В этом отношении китайский язык сыграл для Японии такую же роль, как классические языки (латинский и греческий) для европейских стран. Позже, когда Китай начал заимствовать некоторые термины, для создания которых в японском языке были использованы китайские иероглифы, сходство внешней формы слов и идентичность семантики корневых морфем привели к сохранению смысловой структуры терминов; при заимствовании меняется лишь их произношение по способу транслитерации, поскольку китайский язык существенно отличается от японского своей фонетической структурой. Китайский язык заимствует словообразовательную и смысловую структуру этих слов, а их произношение отличается от данных слов в японском языке. Например, 科学 [кэсюэ] ‘наука’ (от япон. 科学 [кагаку]), 社会 [шэхуэй] ‘общество’ (от япон. 社会 [шакан]).

Представленные выше иностранные буквенные и написанные иероглифами японского языка заимствованные слова мы называем графическими заимствованными словами — их графическая структура была заимствована из других языков, такой способ заимствования уместно назвать графическим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, имеет смысл выделить три основные категории заимствованных слов в русском и китайском языках на основании способов их заимствования: фонетические, семантические и графические заимствованные слова. В большинстве исследований лингвисты в основном сосредоточились на первой и второй группах заимствованных слов, игнорируя графические заимствованные слова. С опорой на новый критерий классификации заимствованных слов в настоящей статье и с учетом теоретических работ российских и китайских лингвистов нами предпринята попытка определить термин *заимствованное слово (вай лай цы)* с учетом особенностей русского и китайского языков: заимствованное слово — это единица языка, фонетические, графические или семантические признаки которой (или совокупность этих признаков) заимствованы из другого языка, и в определенной степени адаптированы в принимающем языке.

© Чжан Кэ

Дата поступления: 07.06.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алексеев М.П.* Английский язык в России и русский язык в Англии // Уч. зап. ЛГУ, 1944. № 72, Серия филол. наук, вып. 9, С. 77—137.
2. *Калинин А.В.* Лексика русского языка: Учеб. пособие для вузов. М.: Изд-во МГУ, 1978.
3. *Маринова Е.В.* Иноязычная лексика современного русского языка: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2013.
4. *Перфильева Н.В., Ху Пэй Пэй.* Словообразовательные модели неологизмов-заимствований в русском и китайском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 4. С. 69—75.
5. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь трудностей русского языка. М.: Айрис-пресс, 2003.
6. Российский энциклопедический словарь В 2 кн. / Гл. ред.: А.М. Прохоров. М.: Большая российская энциклопедия, 2001. Кн. 1: А—Н., Кн. 2: Н—Я, 2015.
- [7] *Семенов А.Л.* Лексика китайского языка. М.: Муравей, 2000.
- [8] *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка 2-е изд. М.: Просвещение, 1972.
9. Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII / под ред. Н.М. Шанского. М.: Московский университет, 1972.
10. 高明凯, 刘正埭. 现代汉语外来词研究. 北京, 文字改革出版社, 1958. 268 页. (*Гао Минкай, Лю Чжэнянь.* Исследование заимствованных слов в современном китайском языке. Пекин: Издательство Реформа письменности, 1958.
11. 葛本仪. 现代汉语词汇学. 济南: 山东人民出版社, 2002. 233 页. (*Гэ Бэньи.* Лексикология современного китайского языка Цзинань: Шаньдонское народное издательство, 2002).
12. 罗常培. 语言与文化. 北京, 语文出版社, 1989. 282 页. (*Ло Чанпэй.* Язык и культура. Пекин: Издательство филологии, 1989).
13. 刘涌泉. 关于汉语字母词的问题. 语言文字应用, 2002, 01: 85—90 页. (*Лю Юнцюань.* О проблемах букв в китайском языке // Употребление речи и письма. 2002. № 1. С. 85—90).
14. 赵元任. 汉语中的歧义现象. 赵元任语言学论文集. 北京, 2002. 820—835 页. (*Чжао Юаньжэнь.* Явление многозначности в китайском языке // Сборник статей по лингвистике. Пекин: Издательство Шану, 2002. С. 820—835).
15. 史有为. 外来词—异文化的使者. 上海, 上海辞书出版社, 2004. 358 页. (*Ши Ювэй.* Заимствованные слова — посланец иностранной культуры. Шанхай: Издательство Шанхай Цышу, 2004).

УДК: [811. 161.1:811.581]373.45

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-724-734

DEFINITION OF TERMINOLOGY *LOANWORD* IN RUSSIAN AND CHINESE

Zhang Ke

RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 3, Moscow, Russia, 117198

Abstract. This article examines the history of the study of loanwords in Chinese and Russian linguistic tradition. The object of research is modern Chinese and Russian languages. Subject of research — the concept of borrowed words. Material of the research was theoretical work by Russian and Chinese linguists, dictionaries Russian and Chinese languages.

The author proposes to distinguish between borrowed words in Russian and Chinese languages according to the ways of their borrowing (phonetic, semantic, graphic) and on this basis to give a single definition of the term “loan word” in both languages that will be useful for further comparative studies of this object.

In conclusion, the author proposes a definition, which takes into account the graphical borrowed words that are on the periphery of studies of borrowed lexical units.

Key words: loanword, Jie Ci, the way of borrowing

REFERENCES

1. Alekseev, M.P. (1944). English in Russia and Russian language in England. *Scientific notes of Leningrad state University*, 72 (8), Series of Philology. Sciences, vol. 9, 77—137. (in Russ).
2. Kalinin, A.V. (1978). The vocabulary of the Russian language. Moscow: izdatel'stvo MGU. (in Russ).
3. Marinova, E.V. (2013). Foreign Vocabulary of the modern Russian language. Moscow: Flinta. (in Russ).
4. Perfilyeva N.V. & Hu Pai Pai (2012). Word-building Patterns in Neologisms-Loanwords in Russian and Chinese. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 4, 69—74. (in Russ).
5. Rosenthal, D.E. & Telenkova, M.A. (2003). Dictionary of the difficulties of the Russian language. Moscow: Ayris-press. (in Russ).
6. Russian Encyclopedic Dictionary (2001, 2015). Moscow: Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediya. (in Russ).
7. Semenas, A.L. (2000). Vocabulary of Chinese. Moscow: Muravej. (in Russ).
8. Shanskyi, N.M. (1972). Lexicology of the modern Russian language. Moscow: Prosveshchenie. (in Russ).
9. Etymological studies of the Russian language (1972). *N.M. Shanskyi* (Ed.). Moscow: izdatel'stvo MGU. (in Russ).
10. Gao, Mingkai & Liu. Zhengyan (1958). The study of loan words in modern Chinese. Beijing. (in Chinese).
11. Ge, Benyi (2002). Lexicology of the modern Chinese language. Jinan. (in Chinese).
12. Lo, Changpei (1989). Language and culture. Beijing. (in Chinese).
13. Liu, Yongquan (2002). Personal letters problems in Chinese. *Language application*, 1, 85—90. (in Chinese).
14. Zhao, Yuanren (2002). The phenomenon of ambiguity in Chinese. In Linguistics thesis collection, pp. 820—835. Beijing. (in Chinese).
15. Shi Youwei (2004). Borrowed words — the messenger of foreign culture. Shanghai. (in Chinese).

Для цитирования:

Чжан Кэ. Понимание термина *заимствованное слово* в русской и китайской лингвистике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 724—734. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-724-734.

For citation:

Zhang Ke (2017). Definition of terminology Loanword in Russian and Chinese. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 724—734. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-724-734.

Zhang Ke, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 724—734. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-724-734.

Сведения об авторе:

Чжан Кэ (Kumai), аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: лингвистическая семантика; *e-mail*: ke6831@yandex.ru.

Bio Note:

Zhang Ke, Post-graduate student of the General and Russian Linguistics Department, RUDN University; *Research Interests*: linguistic semantics; *e-mail*: ke6831@yandex.ru.

УДК: 81'38

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-735-745

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА: ПАРАДОКС И АБСУРД*

Т.С. Узбекиков

Узбекский государственный университет мировых языков
ул. Кичик халка йули, кв-л Г9а, 21а, Ташкент, Узбекистан, 100138

В статье исследуется проблема сходств и различий абсурда и парадокса как явлений языка и речи, имеющих прямое отношение к логике и к философии, поэтому они рассматриваются как междисциплинарные языко-речевые факты, характеризующиеся нестандартностью и алогичностью. Эти понятия анализируются на основе их толкований в лингвистике, философии, логике; сравниваются сходства и различия в их содержании и делается вывод о разном в одинаковом и об одинаковом в разном. Главным отличием в них является: а) в парадоксе — нестандартность, кажущаяся алогичность, смысл; б) в абсурде — нестандартность, алогичность, бессмыслица. Абсурд, как разновидность языковой игры, определяется как один из факторов развития логического и алогического в процессе формирования языкового чутья индивида и общества, что способствует совершенствованию умений и навыков порождения речевой продукции. Парадокс представляется как необычное, нестандартное мнение, высказывание, которое может отрицать уже известную точку зрения, поэтому в нем содержатся и логичность, и алогичность. Парадокс как разновидность языковой игры способствует формированию логического мышления, т.е. выполняет и обучающую функцию. Объектом исследования является языковая игра как явление языка и речи. Предметом исследования является ее разновидность — парадокс и абсурд. Методика анализа построена на основе применения метода внутриязыкового сравнения и метода стилистической замены синонимов в контекстах, в которых функционируют парадокс и абсурд. Источниками исследования послужили толковые и философские, в которых представлены толкования парадокса, абсурда и художественные тексты.

Ключевые слова: парадокс, абсурд, логичность, алогичность, словарь

ВВЕДЕНИЕ

В русском языкознании языковая игра (игра слов или других языковых единиц: звуков, словосочетаний, предложений) в научном плане исследуется с точки зрения двух теорий.

1. Теория языковой игры. Это игра языковых единиц в целом. В языковой игре обязательно присутствует речевая ситуация, т.е. процесс общения говорящего и слушающего или такая речевая ситуация специально создается писателем. Таким образом, в языковой игре наблюдается естественный процесс особого использования языковых единиц, в результате которого появляются нестандартные, необычные значения, смыслы.

Языковая игра подразделяется на следующие разновидности: каламбур, ирония, игра слов, парадокс, абсурд и т.д. [см.: Санников 2002; Норман 2006].

* В статье используется часть материала статьи «Абсурд как разновидность языковой игры: его понимание в лингвистике, философии, логике», опубликованного автором данной работы в электронном журнале «Иностранные языки в Узбекистане» в № 4, 2016, С. 122—128.

У языковой игры есть лингвистические и экстралингвистические факторы ее порождения. Лингвистические факторы — это особое использование языковых единиц. Экстралингвистические факторы — это особенности речевой ситуации, т.е. особенности общения говорящего и слушающего (в разговорной речи, в официальной речи, в художественной речи, в дистанционной речи).

2. Теория лингвистической игры. Она характеризуется тем, что нацелена на обучение изучающих язык, его более глубокому и широкому овладению, формированию умений и навыков быстрого распознавания значений языковых единиц, их узнавания и словообразования, поэтому она называется лингвистической игрой. В лингвистической игре отсутствует естественный процесс общения. Она специально создается учителем или методистом для целей обучения.

Разновидности лингвистической игры: ребус, загадка, чайнворд, анаграмма, крокодил и др.

Парадокс и абсурд являются разновидностями языковой игры и поэтому способствуют формированию у индивида языкового чутья, логического и алогического мышления. Объясняется это тем, что в данных видах языковой игры заложены противоречие, логика и антилогика, отрицание известного, а также одновременно отрицание и утверждение. В зависимости от целей и задач говорящего и экстралингвистических особенностей речевой ситуации, в процессе языкового общения могут использоваться парадоксальное высказывание и абсурдное выражение. Для их использования и распознавания необходимо владеть языковым материалом на уровне нюансов в комплексе прямых и переносных значений, стилистических окрасов, контекстуальных иносказаний.

Абсурд и парадокс в разных гуманитарных науках (языкознание, логика, философия) имеют разные толкования, построенные на одном общем — неожиданности, нестандартности и алогичном отрицании [Ивин, Никифоров 1997; Фролова 2001; БАСРЯ 2004; НЭС 2005].

Абсурд и парадокс имеют сходства и различия, которые существенны и являются основой для утверждения, что они являются разными, находясь в одном семантико-стилистическом поле, или в разных (но очень близких по семантике и стилистике, логике мышления и экстралингвистическим особенностям) полях при функционировании в них одних и тех же языковых единиц и их сочетаний.

Абсурд употребляют как синоним понятия *парадокс*: абсурдная мысль, парадоксальная мысль; драматургический термин «театр абсурда», также называют «театром парадокса» или «театром насмешки» [Токарев 2002: 8]. По своей форме значения *абсурд* и *парадокс* имеют в себе общее — нестандартное, странное, неожиданное, противоречащее норме или здравому смыслу. Несмотря на семантическую схожесть, частичную синонимичность, абсурд и парадокс в содержательном плане имеют явные различия.

АБСУРД

Абсурд как разновидность языковой игры часто используется в разных речевых ситуациях. При этом использование абсурдного высказывания придает его содержанию, смыслу, а также значению конкретного слова неожиданное, почти

непонятное или непонятное понятное или понятное непонятное. Это значит, что речь говорящего или слушающего характеризуется не только логической необоснованностью, бессмысленностью, нестандартностью, алогичностью, но, и в определенной степени как личности с чувством повышенного языкового чутья, глубиной и широтой познания языка и речи. Ибо, чтобы создать абсурд в речи в целом и в конкретной речевой ситуации в частности, индивид должен обладать как логическими, так и алогичными способностями порождения речевой продукции.

Например:

Я хотел бы ни о чем

Еще раз с тобой поговорить... (О. Мандельштам)

В данном абсурдном предложении две смысловые части: 1) Я хотел бы еще раз поговорить; 2) Ни о чем еще раз поговорить.

Первая смысловая часть предложения имеет логическое и смысловое завершение.

Вторая смысловая часть предложения не опровергает смысл первой части предложения, но делает ее бессмысленной в том плане, что предмета беседы не будет, т.е. это будет «ни о чем». Вторая часть предложения делает все предложение абсурдным, алогичным.

Рассмотрим явление абсурда как понятия в лингвистике, логике, философии.

В Новом Большом Академическом словаре русского языка (БАСРЯ) — абсурд представляется как нелепость, бессмыслица: *доводить до абсурда, прийти к абсурду*; а абсурдность дается как свойство, по значению прилагательного абсурдный; нелепость, бессмысленность [БАСРЯ 2004: 71].

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой абсурд также представляется как: «1) нелепость, бессмыслица; 2) термин театр абсурда как течение в драматургии изображающее мир как хаос и поступки людей как алогичные, бессмысленные» [Ожегов, Шведова 2011]. Таким образом, по данным толковых словарей, абсурд, абсурдное высказывание — это выражение, действие, в котором отсутствует смысл, логика, т.е. бессмыслица.

Абсурд — явление противоречивое. Любое слово или выражение должно иметь смысл, должно быть логически обоснованным, логически связанным. Следовательно, само существование абсурда бессмысленно, абсурдно.

В Словаре по логике А.А. Ивина и А.И. Никифорова сказано, что абсурд (от лат. *absurdus* — нелепый, глупый) понимается как противоречивое выражение, где предмет, высказывание и утверждается, и отрицается одновременно. В данной словарной статье абсурд имеет отличие от *бессмысленного*... «бессмысленное не истинно и не ложно. Абсурдное высказывание осмысленно и в силу своей противоречивости является ложным. Напр., «Яблоко было разрезано на три неравные половины» не бессмысленно, а абсурдно. Логический закон *непротиворечия* говорит о недопустимости одновременно утверждения и отрицания. Абсурдное высказывание представляет собой прямое нарушение этого закона» [Ивин, Никифоров 1997: 7].

Например:

Хоккеист забил шайбу в третьем тайме первого периода.

Снежинки мягкие, пушистые, легко порхая, камнем бились о голову.

*Треугольник был разделен на четыре равных квадрата.
Дети сегодня учатся в школе, которая закрылась еще два года назад.*

Таким образом, понятие «абсурд в логике» представляется как нелогичное выражение с «кажущейся», на первый взгляд, логически связанной законченной мыслью, при этом имеющее отличие от бессмысленного. В предложении «*Если идет дождь, то трамвай*» предложение имеет законченный смысл, но нарушена логика сложного предложения с придаточной частью условия. Придаточная часть сложноподчиненного предложения «*Если идет дождь*» должна отражать условие главной части «*то трамвай*». В данном предложении предикативные части предложения не связаны по смыслу. Предложение не является абсурдным, оно бессмысленно.

Понятие абсурдности строится на противоречии высказываний, т.е. в предложении объединены сразу две противоположные точки зрения:

Если бы ты любила меня, я простил бы тебя за то, что ты меня не любишь.

Предложение кажется сумбурным, т.к. вторая часть предложения повторяет условие, которое озвучивает собеседник в первой части.

Старожилам особенно памятно цунами 1929 года, после которого никого из них в живых не осталось (А. Кнышев).

Абсурдность данного предложения заключается в том, что нарушена логика повествования: если во второй части предложения говорится о том, что никого в живых не осталось, то, соответственно, не может идти речи о старожилах. Ключевое слово этого предложения «из них», что указывает на сторожилов, переживших это страшное происшествие, но которых уже нет в живых.

В Философском энциклопедическом словаре И.Т. Фроловой *абсурд* (от лат. *absurdus* неблагозвучный, несообразный, нелепый) «определяется как граница, изнанка, оборотная сторона смысла, его превращенная форма. Попытка дать категориальное определение А. невыполнима и сама по себе абсурдна, поскольку А. не улавливается в сети ни здравого смысла, ни понятий, ни рассудка, ни идей разума. Абсурд связан с нарушением законов логики..., с неоправданным смешением категорий или с их подменой, даже с логически правильным рассуждением, если оно строится на неверных ограниченных посылах... А. — это симптом и предвестник ложности рассуждения: истинность — воплощение смысла, а ложность — бессмыслица» [Фролова 2001: 8].

Как видим, по данным словарей общее в понимании абсурда — следующее: это высказывание бессмысленное, логически необоснованное, то, что не может быть принято нормой в современном обществе. Однако понимание абсурда в гуманитарных науках (языкознании, логике и философии) разное. В языкознании — бессмыслица. В логике — противоречивое выражение, которое одновременно и утверждается, и отрицается. В философии — представляется как антоним, противопоставление смыслу, общеизвестному и общепринятому.

Различия в толковании абсурда в разных отраслевых словарях как явления языка и речи в лингвистике, логике, философии не разделяют его на несколько

самостоятельных слов, т.е. омонимов, а наоборот, объединяют все грани его значения и содержания в одно большое целое — в абсурд, в абсурдное, акцентируя при этом в каждой науке (лингвистике, логике, философии) тот аспект в содержании и значении слова, который является объектом и предметом исследования в каждой из этих наук в отдельности. Именно поэтому при общем содержательном толковании понятия абсурд в этих научных (отраслевых) словарях на передний план выдвигается «свое», что является доказательством «якобы» частично разного толкования понятия абсурд в этих гуманитарных толковых словарях.

ПАРАДОКС

Парадокс в языке и речи является одним из видов языковой игры, украшает речь, свидетельствует о высоком языковом чутье говорящего, его эрудированности и способности делать умозаключения, находить истинное в противопоставлении значений слов, высказываний. Парадокс, как правило, явление ситуативное, т.е. он возникает в процессе речи (художественная, публицистическая, разговорно-бытовая и др. ситуации).

Парадокс, как разновидность языковой игры, способствует развитию языкового чутья, образного воображения, формированию умений и навыков, построению логического и алогического, углублению в семантику и стилистику слова и контекста. Например: *Сел в автобус, стою. Если пробки перегорели, а новых нет, значит, пора разливать.*

В Новом энциклопедическом словаре (НЭС) парадокс имеет следующие определения: «(от греч. *paradoxos* — неожиданный, странный). 1) Неожиданное, расходящееся с традицией утверждение, рассуждение или вывод; 2) В логике — противоречие, полученное в результате логически формально правильного рассуждения, приводящее к взаимно противоречащим заключениям» [НЭС 2005: 879—880].

Парадокс — полиаспектное явление, свойственное всем языкам, и возможен только в ситуации хорошего владения языком. Парадокс — это логически обоснованное высказывание, имеющее подтверждение несмотря на отход от традиционности утверждений.

«Я позвонил в дверь, но было занято...» (А. Кнышев).

Ниже мы рассмотрим определение парадокса в лингвистике, логике, философии.

В словаре А.А. Ивина, А.Л. Никифорова дается следующее определение парадокса: «Парадокс (греч. *paradoxos*) — в широком смысле: утверждение, резко расходящееся с общепринятыми, устоявшимися мнениями, отрицание того, что представляется „безусловно правильным“; в более узком смысле — два противоположных утверждения, для каждого из которых имеются убедительные аргументы. Парадоксальны в широком смысле афоризмы, ..., любые мнения и суждения, противостоящие общеизвестному, „ортодоксальному“...» [Ивин, Никифоров 1997].

По Философскому словарю И.Т. Фролова, парадоксы (логики и теории множеств) «(от греч. *paradoxos* — неожиданный) — формально-логические противоречия, которые возникают в содержательной множестве теории и формальной

логике при сохранении логической правильности рассуждения. П. возникают тогда, когда два взаимоисключающих (противоречащих) суждения оказываются в равной мере доказуемыми. П. могут появиться как в пределах научной теории, так и обычных рассуждениях...» [Фролов 2001: 412—413].

Парадокс представляется как необычное мнение, высказывание, которое может отрицать уже принятую всеми точку зрения. При этом это необычное мнение воспринимается как нечто оригинальное, что заставляет собеседника уделить особое внимание парадоксальному высказыванию.

Например:

«Люди жестоки, но человек добр» (Р. Тагор).

В высказывании говорится о человеке, указывается на то, что человек по своей природе жесток, но что ему присущ и гуманизм. Приведенный пример — действительно парадоксальное высказывание, построенное на общей и контекстуальной антонимии лексических единиц *жесток* и *добр*. В высказывании жестокость рассматривается как свойство, присущее всем людям, т.е. вообще человеку, поэтому употреблено слово *люди*. Слово *доброта* (*добрый*, *добр*) относится к человеку, однако, это не значит, что добр только один конкретный человек. Слово человек *добр* в данном выражении употреблено в обобщенном значении, что добр каждый человек, т.е. все люди. Итак, всем людям, присущи и жестокость, и доброта. Именно противоречие этих значений и формирует парадоксальное значение этого выражения. Это выражение могло быть оформлено метатезой данных значений в предложении. Например, *люди добры, но человек жесток*. В этом случае парадоксальность значения высказывания сохраняется, но изменяется последовательность расположения смысловых компонентов этой парадоксальности. То, что у Р. Тагора словосочетание «человек добр» стоит после словосочетания «люди жестоки» свидетельствует о том, что автор акцентирует внимание читателя на доброте человека и человечества, поэтому эту смысловую часть выражения поместил в финалии фразы, как завершающую, доминирующую над жестокостью людей.

Приведем другие примеры парадоксальных высказываний:

Хороший человек, а попался!..

И от мысли, что Ивану тоже плохо, Сидору вдруг стало хорошо.

Сверху дали «добро». Внизу зло выругались, но пошли выполнять. Так добро побеждает зло.

Больной нуждается в уходе врача, и чем дальше врач уйдет, тем лучше.

Мужчины, женитесь! Женщины, мужайтесь!..

Часы могут идти, когда лежат, и стоять, когда висят.

Главным в парадоксе является непредсказуемость. Она может быть внешней (языковая единица какого-либо высказывания — языковая система) и внутренней (языковая единица — ее контекст). Эти виды непредсказуемости могут совпадать и могут встречаться порознь. Но *обманутое ожидание* является функцией только второго вида непредсказуемости. Термин стилистики *обманутое ожидание* харак-

теризует особую разновидность дополнительного смысла и, следовательно, квалифицируется как содержательная категория.

Хроническим недосытом страдает фасовщица бакалейного отдела Х. Гулькина. Она ежедневно недосыпает в среднем 5—6 кг муки и крупяных изделий. Хорошие фильмы нам дороги, но и плохие подчас дороговаты (Э. Кроткий).

Роль парадокса в логике

Словарь А.А. Ивина, А.Л. Никифорова (Словарь по логике, 1997): «Он свидетельствует о том, что привычные приемы теоретического мышления сами по себе не обеспечивают надежного продвижения к истине. П. можно рассматривать как критику логики в ее наивной, интуитивной форме. П. играют роль фактора, контролирующего и ставящего ограничения на пути конструирования логических систем. И здесь их можно сравнить с экспериментом, проверяющим правильность систем таких наук, как, скажем, физика и химия, и заставляющих вносить в них изменения. П. в логической теории говорит о несовместимости допущений, лежащих в ее основе. Он выступает как своевременно обнаруженный симптом болезни, без которого последнюю можно было бы долгое время не замечать. Наиболее известную и сложную группу П. составляют *антиномии*» [Ивин, Никифоров 1997: 262—264].

В парадоксе антонимия выражается лексемами — антонимами, а также словами, значения которых не являются прямыми антонимами, но в них есть элемент противоречия и, наконец, контекстуальными антонимами, появляющиеся в данном контексте, в данной речевой ситуации.

Итак, парадокс характеризуется необычностью, необщепринятостью, оригинальностью суждения индивида и самобытностью его речевой продукции, т.е. это парадоксальное мнение, парадоксальная точка зрения, парадоксальное высказывание, парадоксальная мысль. Все это реализуется в звуковом, лексическом, грамматическом и стилистическом оформлении.

ОДИНАКОВОЕ И РАЗНОЕ В ПАРАДОКСЕ И АБСУРДЕ

Абсурд и парадокс в художественной литературе часто используют для обозначения явлений, событий, характеров героев и их поступков. Таким примером может послужить стилистический прием оксюморон. Оксюморон не является ни парадоксом, ни абсурдом — это художественный прием, в котором намеренно используются противоречия для создания стилистического эффекта, описания объектов, совмещающих противоположные качества. Сочетание противоположных понятий порождает абсурдное выражения.

Например, названия некоторых художественных произведений: скупой рыцарь — словосочетание абсурдное, так как рыцарь не тот, кто носит доспехи с оружием в руках — это олицетворение мужественности, чести, доблести, следовательно, скупость не свойственна настоящему рыцарю. Живой труп — сочетание двух несовместимых понятий жизни и смерти; обыкновенное чудо — в существительном *чудо* заключено значение необычности, необыкновенного и т.п. Выше-

перечисленные примеры являются и абсурдом, и парадоксом, так как, несмотря на их алогичность, в содержании этих произведений они имеют логическое оправдание. Молодой рыцарь остается рыцарем: сожалея о том, что доспехи испорчены и нет возможности приобрести новые по причине бедности, молодой человек имеет понятие о достоинстве и чести. Живой труп — рассказ о герое, пьянице, пожелавшем хорошей и спокойной жизни своей жене, инсценирующем свою смерть, дав возможность выйти замуж за другого, порядочного человека.

Абсурд и парадокс — это философские понятия, в которых жизнь человека представляется бессмысленной. Это нашло свое отражение в художественной литературе, драматургии в театре абсурда.

Театр абсурда, абсурдизм представляется как течение в драматургии в 50—60 гг. XX в. в Западной Европе, где поступки людей как совокупность алогичных, бессмысленных фактов [БАСРЯ 2004: 71]. В драме абсурда (театр парадокса, театр насмешки) мир, жизнь человека показывается алогичным, лишенной внутреннего, философского и теологического оправдания смысла. Для драмы абсурда характерна гротескно-комическая демонстрация ложности и бессмысленности литературных и жизненных форм, бессилия языка как средства коммуникации (отсюда алогизм, разрушение фабулы) [НЭС 2005: 8].

Понятие театр абсурда ввел Мартин Эсслин «The Theatre of the Absurd». Эсслин считал, что предшественниками абсурдистов являются клоуны, жонглеры, а также писатели, которые строили свои произведения на нонсенсе, парадоксе, насмешке над обиходным языком. Абсурдное поведение выступает естественной реакцией на трагическую абсурдность мира, в которой человек чувствует себя посторонним [Токарев 2002: 8].

Лексическое значение слова «абсурд» — нелепость, бессмыслица, то, что в принципе невозможно осуществить. Абсурдное утверждение — идея, мысль, сама себе противоречащая. Абсурдное действие — это действие, которое априори не приводит к поставленной цели: оно изначально обречено на невыполнение в силу того, что строится без должного учета субъектом действия существующих обстоятельств и своих возможностей [Никитин 2006: 7].

Парадокс, напротив, обладает некоей потенциальной возможностью осуществления задуманного. Парадоксальная мысль амбивалентна с точки зрения устоявшейся логики вещей. Парадоксальное действие сознательно осуществляется субъектом познания для достижения целей, движение к которым невозможно обычным путем; такое действие непредсказуемо, но потенциально выполнимо. Абсурд проявляется там, где намерения и возможности расходятся, где субъект самополагает себя вне контекста условий, в которых он существует и которые определяют не только характер его действия, но и содержание его замысла [Никитин 2006: 7—8].

Парадокс имеет под собой основание, логически-обоснованное доказательство, отходящее от традиционного, непредсказуемые выводы, а абсурд — напротив, нечто не имеющее смысла, Абсурд и парадокс — это один из видов (или виды) мыслительной деятельности человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, парадокс и абсурд — явления языка и речи, со сложным смысловым и логическим содержанием, так как в них заложено: а) в парадоксе: утверждение отрицаемого — логическая алогичность (или утверждение отрицаемого, или отрицание утверждаемого); б) в абсурде: бессмыслица, алогичность.

Их сходства заключаются в присутствии неожиданности, нетрадиционности в содержаниях высказывания, в тоже время в легкости и в сложности восприятия смысла парадоксальной и абсурдной речи.

Их различия заключаются в том, что:

а) в парадоксе, при всей неожиданности, нестандартности, кажущейся алогичности высказывания, всегда присутствует смысл, завуалированная логичность;

б) в абсурде, при всей его неожиданности, нестандартности, кажущейся смысловой содержательности и логичности, отсутствует смысл (т.е. налицо бессмыслица).

Эти сходства и различия делают парадокс и абсурд «родственными» в сравнении с другими разновидностями языковой игры.

Парадоксальность или абсурдность высказывания, по мнению М. Джусупова, могут быть созданы и на межъязыковом уровне. Например, русское имя Вася (Василий) узбекские учащиеся могут произнести в виде Уасия или Уася. Налицо межъязыковая и звуковая интерференция и абсурдность высказывания: непонятно ни русскому, ни узбеку, т.е. бессмыслица [см. подробно: Джусупов 1991].

Итак, парадокс, абсурд и другие виды языковой игры — это результат девиации языковых средств при использовании их в устной и письменной речи, что порождает «активные стилистически релевантные процессы...» [Джусупов 2016: 19] и смысловые интерпретации, а это значит, что со временем «языковые девиации (аномалии, деформации) способны внести изменения в язык именно за счет их изначального выдвижения, способности деавтоматизироваться» [Джусупов 2016: 20].

Парадокс и абсурд следует рассматривать как междисциплинарное явление, так как они функционируют не только в языке, но и в логике, в философии. При этом языко-речевой аспект первичен, так как парадокс и абсурд оформляются языковыми средствами (словами, словосочетаниями, предложениями и т.д.), и в этой форме и в этом содержании дифференцируются в логике и философии. То есть логика языка в совокупности с принципами логики и философии создают парадокс и абсурд как междисциплинарные понятия.

Парадокс и абсурд в языке — серьезные явления, способствующие развитию динамики языка, с реализацией этой динамичности в различных функциональных стилях, но, прежде всего, в художественной, разговорной и публицистической речи.

© Узбеков Т.С.

Дата поступления: 07.05.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большой Академический словарь русского языка. Т. 1. Москва, Санкт-Петербург: Наука, 2004.
2. Джусупов М. Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. Ташкент: Фан, 1991.
3. Джусупов Н.М. Активные стилистически релевантные процессы как результат выдвижения языковых девиаций (на материале английского и русского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 1. С. 19—27.
4. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. Москва: ВЛАДОС, 1997.
5. Никитин Н.В. Онтология телесности: Смыслы, парадоксы, абсурд. Москва: Когито-Центр, 2006.
6. Новый энциклопедический словарь. Москва: Большая Российская энциклопедия: РИПОЛ классик, 2005.
7. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. Москва: Флинта, Наука, 2006.
8. Ожегов С.М., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Мир и образование, Оникс, 2011.
9. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. Москва: Языки славянской культуры, 2002.
10. Токарев Д.В. Курс на худшее: абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. Москва: Новое литературное обозрение, 2002.
11. Фролова И.Т. Философский словарь. Москва: Республика, 2001.

УДК: 81'38

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-735-745

LANGUAGE GAME: PARADOX AND ABSURD

T.S. Uzbekov

Uzbekistan State University of World Languages
Kichik halka yuli str., block G9a., 21A, Tashkent, Uzbekistan, 100138

Abstract. This article deals with the problem of similarities and differences between paradox and absurd as a phenomenon of language and speech. This problem deals with logics and philosophy, therefore the paradox and the absurd are considered as interdisciplinary facts of language and speech which are characterized by irregularity and alogism. The notion of the absurd and the paradox are analyzed on basis of its interpretation in linguistics, philosophy and logics. Similarities and differences in their content are analyzed and are concluded as different in same and same in difference. The main differences of these types of the language game are: a) there are irregularity, seeming alogism and sense in the paradox; b) there are irregularity, alogism and nonsense (because there is no sense in it) in absurd. Absurd as the type of the language game is defined as a factor of the development of logical and alogical in the process of forming lingual sense of the individual and society. It makes improvement of abilities and skills in the process of speech. Paradox is unusual, nonstandard thinking, opinion, statement, which disclaims well-known point of view, therefore the paradox contains logicity and alogism. Paradox isn't nonsense or absurd, it always has a sense. As a type of the language game, paradox forms logical thinking, i.e. it performs educational function. The Object of the investigation is word play in language and speech. Types of word play— an absurd and a paradox are the subject of the investigation. Method of the analysis is found on the basis by using the method of innerlingual comparison and by method of stylistic replacement of synonyms in contexts, where paradox and absurd function. The sources of the investigation are explanatory, philosophical and logical dictionaries, in which interpretation of the absurd and the paradox and literary texts are presented.

Key words: paradox, absurd, similarities, differences, nonstandard, logic, alogism

REFERENCES

1. Gorbachevich, K.S. (Ed.). (2004). The Great Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 1. Moscow, Saint Petersburg: Nauka. (in Russ).
2. Dzhusupov, M. (1991). Phonic system of the Russian and Kazakh languages. Syllable. Interference. Teaching of pronunciation. Tashkent: Fan. (in Russ).
3. Dzhusupov, N.M. (2016). Active stylistically relevant processes as a result of foregrounding of linguistic deviations (using the materials of English and Russian). *Vestnik RUDN: Educational problems: languages and speciality*, 1, 19—27. (in Russ).
4. Ivin, A.A. & Nikiforov, A.L. (1997). The dictionary of logic. Moscow: VLADOS. (in Russ).
5. Nikitin N.V. (2006). Ontology of corporality: senses, paradoxes, absurd. Moscow: Kogito-Centr. (in Russ).
6. Gorkin, A.P. (Ed.). (2005). Great Encyclopedic Dictionary. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija: RIPOL classic Publ. (in Russ).
7. Norman, B.Ju. (2006). The game on the faces of language. Moscow: Flinta, Nauka. (in Russ).
8. Ozhegov, S.I. & Shvedova N.Ju. (2011). The Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Mir i Obrazovanie, Oniks. (in Russ).
9. Sannikov V.Z. (2002). The Russian language in mirror of language game. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (in Russ).
10. Tokarev D.V. (2002). The course on the worst: absurd as a category of text of Daniel Harms and Samuel Beckett. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ).
11. Frolova I.T. (2001). Philosophy: the Encyclopedic Dictionary. Moscow: Respublika (in Russ).

Для цитирования:

Узбеков Т.С. Языковая игра: парадокс и абсурд // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 735—745. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-735-745.

For citation:

Uzbekov T.S. (2017). Language game: paradox and absurd. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 735—745. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-735-745.

Timur S. Uzbekov, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 735—745. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-735-745.

Сведения об авторе:

Узбеков Тимур Сакенович, аспирант Узбекского государственного университета мировых языков (Ташкент, Узбекистан); *научные интересы*: лексикология, словообразование, стилистика, русистика; *e-mail*: timuzbekov@mail.ru.

Bio Note:

Uzbekov Timur Sakenovich, PhD student of Uzbekistan State university of world languages; *Research Interests*: lexicology, word formation, stylistics, Russian philology; *e-mail*: timuzbekov@mail.ru.

УДК: 811.112'255.2:502

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-746-757

ПЕРЕВОД (ÜBERSETZUNG) И ПЕРЕДАЧА ЗНАЧЕНИЯ (SPRACHMITTLUNG) НЕМЕЦКИХ СОЦИОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

И.А. Аграновская

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Экология приобрела в последние годы особенное значение вследствие ухудшающейся экологической обстановки и осознания необходимости бережного отношения к природе. Решение экологических проблем требует совместной работы специалистов из разных областей знания: экологии и природопользования, экономики, социологии, юриспруденции, а также терминоведения, так как залогом успешного сотрудничества является эффективная коммуникация, опирающаяся на общую терминологическую базу. Но не все термины имеют точные аналоги в других языках. Некоторые теряют смысл при дословном переводе («энергетические растения», «невидимые энергоносители»), другие термины (чаще всего однословные), состоящие из нескольких компонентов, при переводе превращаются в целую фразу (Naturerfahrungsraum — «пространство для получения опыта общения с природой»). В статье рассматриваются немецкие и интернациональные социоэкологические термины, которые сложно или невозможно перевести на русский язык буквально, сохранив первоначальный смысл. В список также вошли некоторые термины, имеющие дословный (калькированный) перевод на русский язык, не раскрывающий значение терминов для неспециалистов («зеленый мост», «экологический след»), и термины, находящиеся на границе экологии человека и смежных областей (экономика, политика, экология города и др.). Автор аргументирует целесообразность использования понятия Sprachmittlung (передача значения) вместо понятия Übersetzung (перевод) для работы с подобными терминами и на конкретных примерах («КАСКО-страхование земли», «сафари в луже») показывает метафоричность немецкой социоэкологической лексики. Передача значения, или языковое посредничество (Sprachmittlung) является предметом настоящего исследования. Объектом исследования являются немецкие, а также английские (интернациональные) социоэкологические термины. Теоретической базой исследования явились труды таких ученых, как Е.М. Какзанова, И.Г. Ольшанский, Egon Becker и др. В заключение автор делает выводы об особенностях передачи значения немецких и английских социоэкологических терминов.

Ключевые слова: экологические термины, терминология, перевод, языковое посредничество, интернациональная компетенция

ВВЕДЕНИЕ

Перевести — значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка [Какзанова 2015: 125]. Перевод терминологии таит определенные трудности, так как не всегда возможно точно передать значение термина буквально. И не всегда для терминов одного языка существуют точные аналоги в другом. Поэтому уместно говорить не о переводе как таковом (Übersetzung), а о языковом посредничестве (Sprachmittlung). Языковое посредничество позволяет за счет ориентации на конкретного адресата (в случае

с терминами — на узкий или широкий круг специалистов в данной области) более точно передать смысл [Engbers, Senkbeil 2006: 45]. Для успешной передачи значения слова необходимы три компетенции: *языковая* (знание обоих языков, а также выделение главного), *межкультурная* (понимание различий — культурных и интерпретационных — между носителями разных языков и умение избегать связанных с ними искажений смысла) и *интеракциональная*, подразумевающая, что посредник vs. переводчик должен быть в состоянии передать личностные особенности и цели говорящего, а также понимать и поддерживать коммуникативные потребности и намерения собеседников (коммуникантов), действовать в соответствии с конкретной ситуацией. При этом посредник должен стараться не привносить в процесс передачи информации своих субъективных оценок и предпочтений [Engbers, Senkbeil 2006: 45]. В случае письменного перевода важна способность оценить уместность перевода, особенно перевода многозначных слов.

Таким образом, интеракциональная компетенция является также способностью корректно интерпретировать и воспроизводить вербальные и невербальные (например, мимика, жесты и даже акт молчания) языковые действия таким образом, чтобы они не шли вразрез с социокультурными и социопсихологическими правилами, принятыми в группе (обществе).

Мы сознательно выделили интеракциональную компетенцию, чтобы показать, что знания языка и культурных особенностей недостаточно для полноценной передачи смысла. Нужно понимание специфики ситуации, особенностей коммуникантов (в случае письменного научного перевода — целевой аудитории, то есть конкретного научного сообщества).

1.1. СОЦИОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

Согласно Б.Б. Прохорову [Прохоров, 1999, с. 5], терминология является наиболее консервативным элементом любой науки, в то время как ее понятийный аппарат весьма динамичен. Это объясняет важность создания понятийной базы каждой науки, в том числе экологии.

Терминологически развитые языки пополняются главным образом за счет специальной лексики, всестороннее изучение которой приобретает первостепенное значение [Какзанова, 2017, с. 7].

Терминология составляет значительную часть лексического состава любого языка [Раисова 2014: 15]. Она является источником получения и передачи информации, путем к дальнейшему развитию науки и техники, взаимопониманию и международному сотрудничеству [Ткачева 2009: 140 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/terminologiya-kak-rezultat-vzaimoobuslovlennosti-filologicheskikh-i-tehnicheskikh-nauk-i-ee-vostrebovannost-v-sovremennyh-usloviyah>].

Для терминологии также характерна «подвижность словарного состава» [Какзанова 2015 (2): 54], появление новых терминов или новых значений уже существующих терминов. Приращение терминологического фонда происходит не только за счет создания или терминологизации специальных слов в пределах одного языка, но и за счет заимствования терминов из других языков. Для многих

немецких и английских социоэкологических терминов существует устоявшийся перевод на русский язык (*das Umweltbewusstsein* — экологическое сознание, *environmental protection* — охрана окружающей среды). Однако имеется достаточно большой пласт терминов (как правило, достаточно «молодых» и еще не зафиксированных лексикографически), дословный перевод которых затруднителен или может привести к путанице. В данном случае следует акцентировать внимание не на дословном переводе, а на максимально полной передаче значения термина/терминологического сочетания.

1.2. ПЕРЕВОД И ПЕРЕДАЧА ЗНАЧЕНИЯ СОЦИОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Мы исследовали 25 немецких экологических терминов на материале немецких научных статей по социоэкологии, доступных в интернет-источниках, которые нельзя однозначно (буквально) перевести на русский язык, не утратив первоначальный смысл. В исследование добавлены некоторые термины, которые уже имеют дословный, калькированный перевод, но могут представлять сложность для понимания неспециалистами. Также в списке присутствуют термины, находящиеся на стыке экологии человека и экономики (например, *das Bio-Siegel*), политики (*das Green Scare*) или имеющие как экологическое, так и социальное значение (*das Mehrgenerationenhaus*). Появление большого числа таких «пограничных» терминов указывает на тесную связь экологии человека с другими сферами жизнедеятельности и невозможности рассмотрения, в частности, социально-экологической терминологии изолировано, в отрыве от смежных областей.

1. *die ökologische Betroffenheit* — можно перевести как «экологическая вовлеченность». *Betroffenheit* образовано от многозначного глагола *betreffen*, основное значение которого «касаться», «иметь отношение», «затрагивать». Термин носит отчасти политический характер и стал широко использоваться в социально-политическом контексте в 70-е гг. XX в., когда стали очевидными негативные экологические и социальные последствия быстрого промышленного роста. Именно в это время в Германии возросла готовность населения открыто (с помощью гражданских инициатив) выражать протест против реального и возможного ухудшения условий жизни вследствие загрязнения окружающей среды [Brand 1987: 4, 5, 9]. В настоящее время акцент сместился в сторону экономики и граничит с понятием экологической ответственности.

2. *die Bodenkasko-Versicherung* («КАСКО-страхование земли») — вид страхования земельных участков (с постройками или без) от последствий опасных изменений грунта. Название «навешено» автомобильным КАСКО-страхованием, покрывающим (в пределах заранее прописанной суммы) любой крупный ущерб, связанный с эксплуатацией транспортного средства (авария, в том числе по вине владельца страховки или в случае, когда виновный неизвестен (в припаркованную машину въехала другая), угон и т.д.). *Bodenkasko* призвано расширить список страховых случаев и обеспечить лучшую финансовую безопасность собственников земли (другие виды страховки не покрывают ущерб, связанный с непосред-

венно с почвой, а касаются построек и затрагивают лишь определенные виды угроз, таких как пожар) [Bohle 2012: 59].

3. *die Grünbrücke* («зеленый мост») — мост над автотрассой, предназначенный для безопасного перехода дикими животными оживленной дороги. Сама «пешеходная часть» покрыта зеленью (трава, деревья) и является естественным продолжением ландшафта. Таким образом восстанавливается среда обитания, разделенная автомагистралью, и минимизируются риски для животных при переходе на противоположную сторону. В русском языке обычно используется термин «экодук».

4. *die Energiepflanzen* («энергетические растения») — культуры, используемые в качестве сырья для производства биотоплива. Наиболее распространены следующие «энергетические растения»: кукуруза, рапс, сахарный тростник, подсолнечник, соя, масличная пальма, водоросли, быстрорастущие деревья (тополь, ива и т.д.), сахарная свекла, мискантус (веерник), топинамбур. Примеры — сахарный тростник (Бразилия), кукуруза (США), сахарная свекла (Германия). Биомасса представляет особую ценность как возобновляемый источник энергии. Некоторые эксперты считают ее одним из наиболее перспективных направлений развития энергетической индустрии.

5. *der unsichtbare Energieträger* — дословно переводится как «невидимые энергоносители». Речь идет о природном газе, невидимом невооруженному глазу (в отличие от воды, биомассы и солнечного света), который, кстати, на немецком языке звучит как «земляной газ» (*Erdgas*). В русском языке термин известен как «голубое топливо». Данная метафора возникла, вероятно, из-за голубого цвета пламени природного газа. Термин *Energieträger* представляет интерес с точки зрения терминообразования. Образованный от частотного простого полисемантического глагола *tragen* посредством словосложения, термин *Energieträger* является примером сложного существительного. Подобные термины, по мнению Е.М. Какзановой [Ольшанский, Какзанова 2007: 159], зачастую представляют большую трудность для перевода. И хотя в данном случае термин *Energieträger* раскладывается на компоненты и является лексикографически зафиксированным, что «свидетельствует о полном совпадении данных понятий в немецком и русском языках» [Ольшанский, Какзанова 2007: 159], в сочетании с прилагательным *unsichtbar* («невидимый») он представляет собой метафору, которая не может быть переведена дословно без потери смысла.

6. *der Flaschenpfand* («залог за бутылку») — небольшая фиксированная сумма, входящая в стоимость бутылки (чаще всего пластиковой), которую можно получить обратно, сдав бутылку в специальный автомат (автоматы по приему бутылок есть во многих крупных супермаркетах Германии). Размер залога отличается в зависимости от типа бутылки: за одноразовую (*Einwegflasche*) можно получить 25 центов, за многоразовую (*Mehrwegflasche*) — от 8 до 15 центов. Подобная система позволяет не только избавиться от мусора на улицах (пустые бутылки составляют значительную его часть), но и существенно снизить затраты на производство новых бутылок, т.е. сэкономить ресурсы и энергию.

7. «Последним пискom моды» в области сбора *Pfandflaschen* является *Pfandring*. Термин состоит из слов *das Pfand* (залог за тару) + *der Ring* (кольцо). *Pfandringe* представляют собой своеобразную подвесную подставку на несколько бутылок, которая крепится вокруг урны, контейнера или даже столба и призваны еще больше облегчить сортировку мусора в общественных местах.

8. *der ökologische Fußabdruck* (англ. *Ecological Footprint*) — переводится как «экологический след». Это показатель меры воздействия человека на среду его обитания. Позволяет рассчитать площадь территории, необходимой для производства ресурсов и поглощения отходов. Измеряется в глобальных гектарах (гга, gha). С помощью данного показателя можно также рассчитать, сколько ресурсов используют отдельные группы населения и виды деятельности.

9. *der Naturerfahrungsraum (NERaum)* — близкие к природным рекреационные территории для детей и подростков в населенных пунктах. Назначение этих территорий кроется в их названии: *die Natur* (природа) + *die Erfahrung* (опыт) + *der Raum* (пространство). Таким образом, *Naturerfahrungsraum* — это место, где можно получить опыт общения с природой. Здесь есть место и активным играм, и спорту, и спокойному отдыху. Единственный запрет — езда на мотоциклах. *Naturerfahrungsräume* имеют небольшую площадь (1—2 га) и располагаются в жилых районах или в непосредственной близости к ним, характеризуются естественной порослью (растения, характерные для данной местности, минимальный уход) и не имеют объектов инфраструктуры (зданий, сооружений, асфальтированных дорожек). В такой естественности — весь смысл подобных территорий: дети и подростки знакомятся с природой, характерной для данной местности, но расположенной максимально близко к ним. Таким образом выполняется сразу несколько функций: озеленение города (района), забота о здоровье подрастающего поколения (в основном это дети 7—14 лет), экологическое воспитание детей и подростков.

10. *der Naturerlebnisraum*. Термин, как и предыдущий, состоит из трех компонентов: *die Natur* + *das Erlebnis* + *der Raum*. Существительное *das Erlebnis* не имеет прямого перевода на русский. Глагол *erleben* можно перевести как «прочувствовать», «прожить», «ощутить на собственном опыте». Назначение данных территорий сформулировано в законе о защите природы федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн (*Landesnaturenschutzgesetz — LnatSchG*): *Naturerlebnisräume* должны обеспечивать посетителям познакомиться (зд.: дословно «узнать») с природой, природными связями и непосредственным влиянием людей на природу». Основное отличие от *Naturerfahrungsraum* — наличие педагогической подоплеки (игры, конкурсы, поделки с целью узнать больше о природе родного края и способах ее сохранения). Именно поэтому *Naturerlebnisräume* часто обустраивают рядом со школами и детскими садами.

11. *der Naturgarten = die Natur* (природа) + *der Garten* (сад). Это сад, выполненный в природном (естественном) стиле. Это искусственно обустроенная/облагороженная человеком территория, максимально приближенная к естественной среде. В отличие от искусственного сада в экологическом саду не нарушается естественная экосистема: растения, характерные для данной местности,

естественные (или близкие к ним искусственно вырытые) водоемы, грунтовые или выложенные натуральным камнем дорожки. Несмотря на простоту в уходе (все растения приспособлены к природным условиям региона), на создание такой микроэкосистемы уходят годы. Нам кажется подходящим сравнение природных садов с естественным макияжем — за внешней естественностью и некоторой небрежностью кроется долгая кропотливая работа.

12. *gesellschaftliche Naturverhältnisse* — дословно переводится как «общественно-природные (т.е. социально-экологические — И.А.) отношения». Это совокупность всех отношений между человеком и природой. Э. Бекер (Egon Becker) метафорично называет эти отношения «обменом веществ между человеком и природой» (*Stoffwechsel zwischen Mensch und Natur*) и «общественным метаболизмом» (*gesellschaftlicher Metabolismus*) [Becker: 22 URL: <http://www.isoe.de/ftp/hohenheim.pdf>]. Социально-экологические отношения являются объектом социальной экологии. Они представляют динамическую модель отношений между обществом и природой. Они глубоко символичны, хотя и регулируются экономическими (производственными) отношениями.

13. *naturverträglich* — термин состоит из двух компонентов: *Natur* (природа) + *verträglich* (переносимый, совместимый). В немецком словаре Duden термин переводится как «находящийся в согласии с природой». В русском языке наиболее близкими являются понятия «безвредный для окружающей среды», «экологически чистый», хотя они и не раскрывают значение термина *naturverträglich* в полной мере.

14. *der Ökoführerschein* — термин состоит из морфемы *öko* (эко) и существительного *der Führerschein* (водительские права). *Ökoführerschein*, однако, не имеет отношения к вождению транспортных средств. Это цикл семинаров для молодых людей в возрасте от 15 до 25 лет. Обучение включает в себя 5 семинаров общей продолжительностью 21 день, которые проводятся по всей Германии. Порядок и место прохождения семинаров можно выбирать самостоятельно. Также, посетив дополнительный семинар, можно получить в дополнение к *Ökoführerschein* так называемую *JugendgruppenLeiterInnenCard (JuLeiCa)* — пластиковую карту-удостоверение, подтверждающее работу на общественных началах, как в экологической, так и в других сферах. Оба документа дают конкурентное преимущество при оформлении документов о подаче заявлений на *Zivildienst* (альтернативная гражданская служба для военнообязанных), на *Freiwilliges Soziales Jahr (FSJ)* — добровольный социальный год), на *Freiwilliges Ökologisches Jahr (FÖJ)* — добровольный экологический год), при поступлении в вуз.

15. *Freiwilliges Ökologisches Jahr (FÖJ)* — «добровольный экологический год». Это волонтерская программа для молодых людей в возрасте от 16 до 27, имеющих как минимум среднее неполное образование. Программа длится, за редким исключением, 12 месяцев и включает в себя, помимо волонтерской работы, 25 дней, в которые проводятся теоретические и практические семинары по различным экологическим темам. FÖJ можно проходить в различных учреждениях и организациях: государственные и муниципальные органы, экологические организации, центры экологического образования, заповедники, фермерские хозяй-

ства. Конкретные обязанности варьируются в зависимости от места и текущих проектов. Участники программы получают карманные деньги, частичную компенсацию расходов на питание и проживание и 26-дневный «отпуск». Добровольный экологический год не является практикой (стажировкой), но засчитывается за *Wartesemester* («семестр ожидания») при поступлении на специальность с *Numerus Clausus* (ограниченное количество мест). Количество *Wartesemester* означает количество семестров, после которых абитуриента, набравшего меньший по сравнению с проходным балл, допустят к учебе по выбранной специальности (не обязательно экологической). По решению вуза *FÖJ* может также засчитаться за *Vorpraktikum* (предучебная практика). Таким образом, прохождение *FÖJ* может принести сразу несколько преимуществ.

16. *ÖKOPROFIT* — акроним, построенный на игре слов. Является сокращением от «*Ökologisches Projekt für integrierte UmweltTechnik*» («экологический проект интегрированной экологической техники») — программы, направленной на внедрение экологических мер, позволяющих снизить операционные затраты (повседневные затраты компании для ведения бизнеса и производства товаров или услуг). В то же время данный термин можно перевести как *Ökoprofit* — экологическая выгода, что также соответствует направлению проекта.

17. *die Ökostadt* — «экогород» — это поселение, являющееся самодостаточной жизнеспособной структурой и функционирующее по принципу природных экосистем. Экогород стремится обеспечить жителей достаточным разнообразием, при этом расходуя только то количество возобновимых ресурсов, которое может быть снова произведено. Экогород соблюдает принцип устойчивого развития и стремится ограничить производство отходов тем количеством, которое можно снова переработать или утилизировать таким образом, что оно не нанесет вред самому городу или соседним экосистемам. Частными случаями экологических поселений (не имеющих, однако, статуса города) являются *die Solarsiedlung* (или *das Solardorf*) — «солнечное поселение» («солнечная деревня») и *das Bioenergie-dorf* (биоэнергетический поселок, дословно «биоэнергетическая деревня»). В *Solar-siedlung* крыши домов оснащены солнечными установками. В подобных поселениях помимо солнечных батарей используются специальные типы построек (*die Solararchitektur* — «солнечная архитектура»), солнечные водонагреватели (*die Solarheizung* — «солнечное отопление») и фотогальванические энергетические установки (*Photovoltaikanlage*).

18. *das Bioenergie-dorf* покрывает внутренние потребности в электроэнергии и тепле за счет регенеративных энергоносителей, работающих на биомассе, произведенной в самом регионе. Первым биоэнергетическим поселком является поселение Юнде (*Jühnde*), существующее с 2006 г. Юнде считается пионером децентрализованного энергоснабжения.

19. *das Passivhaus* — дом с очень низким энергопотреблением, стремящимся к нулю. Дословно переводится как «пассивный дом». Под пассивным домом понимается здание (обычно жилой дом) с очень низким потреблением электроэнергии. Как правило, такой дом обладает независимой энергосистемой. Для пассивного дома очень важна хорошая термоизоляция, позволяющая предотвратить теп-

лопотери. Кроме «пассивных домов» к энергосберегающим относятся также «дома с низким потреблением энергии» (*Niedrigenergiehäuser*), «нулевые дома» (*Nullenergiehäuser*), «дома с положительным энергобалансом», или «активные дома» (*Plusenergiehäuser*). Данная классификация связана с различным уровнем энергопотребления — от минимального до нулевого или даже «положительного» (когда здание вырабатывает больше энергии, чем потребляет).

20. *der ökologische Rucksack* («экологический рюкзак») — сумма всех использованных природных ресурсов на всех этапах жизненного цикла продукта. Является метафорическим объяснением термина «материалоемкость». Измеряется в килограммах или тоннах. Позволяет визуализировать объем использованных ресурсов, этапы производственного процесса, географическое происхождение всех составляющих. Данный термин «перекликается» с термином «экологический отпечаток» (*der ökologische Fußabdruck*), который также является метафорическим. Если представить продукт в виде человечка, то на территории, по которой он «пройдет», будет «экологическим отпечатком», а ресурсы, необходимые для производства, будут сложены в «экологический рюкзак». С помощью данных в «экологическом рюкзаке» можно сравнивать продукты одного вида и делать выводы, например, о большей или меньшей «экологичности производственного процесса» или о природно-ресурсной эффективности (эко-эффективности) товара.

21. *die nachhaltige Schülerfirma* — «учебная фирма для устойчивого развития». Это форма обучения, близкая к проектной, где учащиеся создают имитационную модель реальной фирмы и «ведут бизнес», основываясь на принципах устойчивого развития, т.е. учитывая влияние производственного процесса на экологию и экономно используя «природные ресурсы». В образовательном процессе деньги и ресурсы являются вымышленными и присутствуют только на бумаге, однако влияют на принятие «реальных» решений. Целью «учебной фирмы для устойчивого развития» является выработка мировоззрения, учитывающего взаимосвязи экономики, экологии, социальной и культурной сфер, т.е. основных направлений концепции устойчивого развития.

22. *die Tümpelsafari* — можно дословно перевести как «сафари в луже». Является одним из методов экологической педагогики (*Umweltpädagogik*). Существует два вида подобных «сафари»:

— мелкие водные животные и насекомые помещаются в специальные аквариумы, где их можно рассмотреть при помощи лупы или микроскопа (в данном случае можно условно назвать мероприятие «сафари в бутылке» — И.А.);

— для детей организуется небольшая экскурсия к пруду или реке, где можно понаблюдать за местными обитателями вживую.

23. *Tümpelsafari* помогают детям познакомиться с природой родного края, узнать больше о ее (водных) обитателях и научиться ее ценить. Термин является метафорой, в которой «лужа» символизирует небольшой водоем естественного (пруд) или искусственного (аквариум) происхождения, которому обычно уделяют мало внимания, но который является бесценным источником экологических знаний.

24. *der Umweltsünder* — человек, который намеренно загрязняет окружающую среду или сознательно игнорирует ее загрязнение. Термин состоит из двух ком-

понентов: *die Umwelt* (окружающая среда) + *der Sünder* (грешник) и может быть переведен как «экологический грешник». Метафора не только символизирует тяжесть совершаемых проступков («грехов»), но и подчеркивает осознанное решение нанести вред природе. Термин применим не только к отдельным людям, но и группам/категориям (например, фермеры) и к целым странам.

25. *die Wilderei* — термин переводится как «браконьерство». Состоит из прилагательного *wild* (дикий) и суффикса женского рода *-erei*, добавляющего негативный оттенок к значению. Различают *Jagdwilderei* (незаконная охота) и *Fischwilderei* (незаконное рыболовство).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав данные термины, мы можем сделать следующие выводы.

1. Существует множество экологических терминов, не имеющих прямого перевода на русский язык либо имеющих дословный перевод-«кальку», затрудняющий понимание термина неспециалистом или человеком, не являющимся носителем языка. В этом случае мы говорим не о переводе, а о передаче значения (*Sprachmittlung*).

2. Термины, находящиеся на стыке двух и более дисциплин (наук), нередко являются метафоричными (*виртуальная ТЭЦ, зеленый камуфляж, серая энергия, голубое топливо*). Мы считаем, что метафоричность социоэкологических терминов требует самостоятельного рассмотрения.

3. Терминологию экологии человека нельзя рассматривать изолированно от смежных терминологий (экономики, социологии, энергетики, экологической педагогики, права и т.д.). Осознанное отношение к природе, стремление сохранить ее для будущих поколений (*концепция устойчивого развития*) побуждает человека во всех сферах жизнедеятельности помнить о хрупкости экологического равновесия и бережном отношении ко всему, что нас окружает.

4. Совокупность трех компетенций — языковой, межкультурной и интеракционной — позволяет максимально полно передать смысл, присущий ему на языке-оригинале. Большинство этих терминов не входят в экологические словари, что позволяет нам создать наш собственный тезаурус социоэкологических терминов.

© Аграновская И.А.

Дата поступления: 07.06.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Какзанова Е.М. Философские аспекты терминологии математики: монография. М: Флинта, 2017. Режим доступа: <http://global5.com/Knigi/Nauka-Obrazovanie/Matematika/Obschie-voprosy-matematiki/Terminologiya-Sprav/Filosofskie-aspekty-terminologii>. Дата обращения: 20.07.2017
2. Какзанова Е.М. (а) Имя собственное в термине: монография. Москва: ООО «Галлея-Принт», 2015.

3. *Какзанова Е.М.* (в) Разговор с Е.Г. Гаком о переводоведении в XXI веке // *Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения*. Двенадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению (Москва, 9—10 июня 2014). Сборник статей в 2 частях. Часть 1. Языки в аспекте лингвострановедения. Москва: Издательство «МГИМО-Университет», 2015.
4. *Ольшанский И.Г., Какзанова Е.М.* Сложные существительные со вторым компонентом -träger в немецких научных текстах // *Лексика и лексикография*. Сборник научных трудов. Выпуск 18. Москва, 2007.
5. *Прохоров Б.Б.* Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. Москва: Изд-во МНЭПУ, 1999.
6. *Раисова А.М.* Становление и развитие немецкой экологической терминологии: монография. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2014.
7. *Ткачева Л.Б.* Терминология как результат взаимообусловленности филологических и технических наук и ее востребованность в современных условиях // *Омский научный вестник*. 2009. № 2 Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/terminologiya-kak-rezultat-vzaimoobuslovlennosti-filologicheskikh-i-tehnicheskikh-nauk-i-ee-vostrebovannost-v-sovremennyh-usloviyah>. Дата обращения: 15.07.2017.
8. Becker E. *Soziale Ökologie: Konturen und Konzepte einer neuen Wissenschaft* Режим доступа: <http://www.iso.de/ftp/hohenheim.pdf>. Дата обращения: 15.07.2017.
9. Bohle F. *Sprachmittlung im Fremdsprachenunterricht: Mit Anwendungsbeispielen für den Spanischunterricht*. Hamburg: Diplomica Verlag, 2012.
10. Brand, K.-W. *Ökologische Betroffenheit, Lebenswelt und Wahlentscheidung: Plädoyer für eine neue Perspektive der Wahlforschung am Beispiel der Bundestagswahl 1983*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987.
11. Engbers, S. Senkbeil K. *Sprachmittlung als interkulturelle Kompetenz — interkulturelle Kompetenz durch Sprachmittlung* // *Forum Sprache* 6.2011. Ismaning: Hueber Verlag, 2006.

УДК: 811.112'255.2:502

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-746-757

TRANSLATION (ÜBERSETZUNG) AND MEDIATION (SPRACHMITTLUNG) OF GERMAN SOCIO-ECOLOGICAL TERMS

Irina A. Agranovskaya

RUDN University

Miklukho-Maklava str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Abstract. In recent years ecology has acquired special significance due to environmental deterioration and awareness of the need for caring attitude towards nature. Solution of environmental problems requires collaborative effort of specialists from different fields of expertise: ecology and natural resource management, economics, sociology, jurisprudence and terminology, since effective communication based on a common terminology base is key to successful cooperation. Some terms, however, have no exact analogues in other languages. Some terms lose their meaning in literal translation (“energy crops”, “invisible energy carriers”), while others (mostly one-word), consisting of several components, translate into a complete phrase (Naturerfahrungsraum — “space to gain experience with nature”). The article deals with German and international socio-ecological terms, which are difficult or impossible to literally translate into Russian while retaining the original meaning. The list also includes several terms that have

literal translations (loan translations) into Russian, which do not explain the meanings of the terms to non-experts (“green bridge”, “ecological footprint”), as well as the terms located at the boundary of human ecology and related fields (economics, politics, urban ecology, etc.). The author argues the advisability of using Sprachmittlung (mediation) instead of Übersetzung (translation) for working with such terms and gives specific examples showing the metaphoricity of German socio-ecological vocabulary (“CNC land insurance”, “safari in a puddle”). Communication of meaning or language mediation (Sprachmittlung) is the subject of this study. The objects of the study are German as well as English (international) socio-ecological terms. Works by E.M. Kakzanova, I.G. Olshansky, Egon Becker and others lay the theoretical foundation of the research. Finally, the author draws conclusions about the peculiarities of communication of meaning of German and English socio-ecological terms.

Key words: environmental terms, terminology, translation, linguistic mediation, interactional competence

REFERENCES

1. Kakzanova, E.M. (2017). Philosophical aspects of the mathematicak terminology: monograph. Moscow: Flinta. URL: <http://globalf5.com/Knigi/Nauka-Obrazovanie/Matematika/Obschievoprosy-matematiki/Terminologiya-Sprav/Filosofskie-aspekty-terminologii>. (accessed: 20.07.2017). (in Russ).
2. Kakzanova, E.M. (2015a). A proper name in the term: monograph. Moscow: OOO Gallea-Print. (in Russ).
3. Kakzanova, E.M. (2015b) Conversation with E.G. Gack about the translation science. In Linguistic and cultural studies: methods of analysis, education technology. Moscow: MGIMO-University». (in Russ).
4. Ol'shanskiy, I.G. & Kakzanova, E.M. (2007). Compound nouns with the second component -träger in German scientific texts. In Lexis and lexicography. Collection of scientific works. Issue 18. Moscow. (in Russ).
5. Prokhorov, B.B. (1999). Human ecology: Terminological dictionary. Moscow: MNEPU. (in Russ).
6. Raisova, A.M. (2014). Genesis and development of german ecological terminology: monograph. Omsk: OmGTU (in Russ).
7. Tkacheva, L.B. (2009). The terminology as a result of correlation of philological and technical sciences and its significance in modern conditions. *Omsk University Reports*, 2(76)/2009 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/terminologiya-kak-rezultat-vzaimoobuslovlennosti-filologicheskikh-i-tehnicheskikh-nauk-i-ee-vostrebovannost-v-sovremennyh-usloviyah> (in Russ). (accessed: 15.07.2017).
8. Becker, E. Soziale Ökologie: Konturen und Konzepte einer neuen Wissenschaft. URL: <http://www.isoe.de/ftp/hohenheim.pdf> (accessed: 15.07.2017).
9. Bohle, F. (2012) Sprachmittlung im Fremdsprachenunterricht: Mit Anwendungsbeispielen für den Spanischunterricht. Hamburg: Diplomica Verlag.
10. Brand, K.-W. (1987) Ökologische Betroffenheit, Lebenswelt und Wahlentscheidung: Plädoyer für eine neue Perspektive der Wahlforschung am Beispiel der Bundestagswahl 1983. Opladen: Westdeutscher Verlag.
11. Engbers, S. Senkbeil K. (2006) Sprachmittlung als interkulturelle Kompetenz — interkulturelle Kompetenz durch Sprachmittlung. Forum Sprache 6.2011. Ismaning: Hueber Verlag.

Для цитирования:

Аграновская И.А. Сравнение и передача значения экологических терминов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 746—757. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-746-757.

For citation:

Agranovskaya, I.A. (2017). Translation (Übersetzung) and mediation (Sprachmittlung) of german socio-ecological terms. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 746—757. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-746-757.

Irina A. Agranovskaya, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 746—757. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-746-757.

Сведения об авторе:

Аграновская Ирина Александровна, аспирант кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: когнитивная лингвистика, терминология, экология; *e-mail*: agranovskaya@mail.ru.

Bio Note:

Agranovskaya Irina Aleksandrovna, aspirant of Foreign Languages Department, Faculty of Humanities and Social Studies, RUDN University; *Interests*: cognitive linguistics, terminology, ecology; *e-mail*: agranovskaya@mail.ru.

УДК: 811.161.1'271.12

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-758-766

О СПОСОБАХ ФИКСАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЛОВАРЕ В.И. ДАЛЯ

О.Г. Згировская

Московский политехнический университет
107023, г. Москва, ул. Б. Семеновская, 38

Статья посвящена отражению категории «ценность» в структуре лексического значения слов, а также способам ее фиксации в словарях как семантического компонента. Актуальным представляется исследование способов лексикографирования культуры в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, поскольку в него вошла не только собственно лингвистическая информация о словах, но и культурологические и этнолингвистические сведения о жизни народа. Предметом исследования стали национально-специфические образы, категории и культурные реалии, объектом — культурный компонент в структуре лексического значения слова. Работа велась с использованием метода компонентного анализа, основанного на разложении лексического значения на минимальные семантические составляющие.

Одна из основных задач, которую необходимо решить, — выработка теоретического подхода к культуре в ее взаимодействии с лексикографией. Целью данной статьи является выявление сущности культурной информации в словаре и способов ее введения в словарную статью.

Проведен анализ толкований зоонимов в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и создана классификация толкований. Полученные результаты могут быть использованы как для включения культурной информации в традиционные словари (толковые, диалектные, фразеологические и др.), так и для создания словарей, непосредственно фиксирующих отраженные в языке элементы культуры (лингвокультурологические, лингвострановедческие; словари концептов и т. д.). В результате анализа выявлено, что наиболее важными являются имплицитные способы фиксации национально-специфичных компонентов (паремии, фразеологизмы, переносные значения для наименования человека). С помощью этих имплицитных средств в языке и культуре отражается иерархия ценностей, сложившаяся в сознании говорящих.

Ключевые слова: лингвокультурная информация, лексическое значение, этнокультурный компонент, ценность, зооним, Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития лингвистики особый интерес вызывают национально-специфические образы, категории и культурные реалии как предмет изучения. Они отражаются в языковой картине мира, сохраняя культуру с помощью различных единиц языка. Ключевые элементы культуры также находят воплощение в словарях, не только в специализированных лингвокультурологических, но и в толковых. Анализ способов фиксации культурологической информации в словарях представляется актуальным и перспективным направлением работы.

КАТЕГОРИЯ «ЦЕННОСТЬ» КАК ВАЖНЕЙШАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Для выявления культурных компонентов в структуре языковой картины мира одной из ключевых является категория «ценность» — важнейшая характеристика языка и культуры.

Ценность — это «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений» [Ценность URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/319990>].

С.Н. Виноградов понимал ценность как идеальное образование, основанное на представлении социума о важности (значимости, значительности) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида, проявленное деятели людей [Виноградов 2007: 93].

В рамках культурного пространства формируется определенный национально-специфичный набор ценностей, который является уникальным и позволяет отличать одну культуру от другой, а также дает возможность увидеть эволюционные процессы в менталитете представителей одной культуры. «Ядром любой модели мира является система ценностных ориентиров, которая выстраивает ценностную иерархию... (например, ценностную неоднородность пространства и времени, сакральный приоритет некоторых чисел и, разумеется, приоритеты в сфере нравственности)» [Никитина 2013: 31].

Ценность является результатом человеческого осмысления и анализа, то есть она всегда антропогенна.

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНЫЕ ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ

Отражение национально-специфичных ценностей средствами лексикографии — важный аспект сохранения культуры и национальной идентичности. Толкование языковых единиц в словарях отражает общее для носителей одной лингвокультуры содержание лексической единицы, то есть оно в определенной степени универсально. Согласно наиболее распространенной в настоящее время в лексикографии точке зрения, толкование «должно содержать только то, что исторически закреплено за той или иной единицей в сознании рядового, среднего носителя языка» [Богачёва 2013: 9].

В.В. Морковкин и А.В. Морковкина, понимая ценность особым образом, выделяют в структуре лексического значения следующие блоки.

1. Первый блок включает сведения о внешнем — представляет абсолютную ценность слова. Это информация о денотате. Выступая в качестве содержательного центра значения, абсолютная ценность противопоставляется в его составе относительной и сочетательной ценности.

2. Второй блок содержит сведения о зафиксированных в сознании существенных и несущественных для носителей данного языка признаках. Это относи-

тельная ценность — информация о соотношении слова с другими словами языка (стилистический и эмоционально-экспрессивный статус слова, способность иметь синонимы и/или антонимы, свойство вступать в омонимические или паронимические отношения и др.).

3. Третий блок — сочетательная ценность. Это сигнификативное значение — отображение в сознании тех черт денотата, указание на которые является достаточным для его выделения и обозначения. Этот блок содержит информацию о способности слова определенным образом сочетаться с другими словами. [См.: Морковкин 2001, Морковкин, Морковкина 1997, Морковкина 1993].

Однако лексическое значение может включать, помимо ядерного значения, сопоставимого с понятием, и другие важные в культурологическом отношении компоненты, фиксирующие представление о ценности: страноведческий фон, коннотации, эмотивные, экспрессивные, оценочные элементы, скрытые семы, потенциальные семы и т. д. Названные компоненты далеко не всегда отражаются в лингвистическом определении, но они являются важным источником культурной информации, потому толкования, содержащие эти сведения, «являются эффективным средством исследования значения слова; позволяют прояснить структуру лексико-семантических групп и полей; играют важную роль в выяснении эпидигматической структуры слова; имеют большое значение в переводческой деятельности, в преподавании иностранных языков, не говоря уже о лексикографировании» [Богачёва 2013: 7].

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

Для анализа культурного компонента в лексикографическом описании единиц мы выбрали «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля как один из богатейших источников культурологической и этнолингвистической информации. Автор не стремился создать именно лингвокультурологический словарь — сам В.И. Даль так определял свою задачу: «Я утверждаю, только, что мы должны изучить простую и прямую русскую речь народа и усвоить ее себе, как все живое усвоит себе добрую пищу и претворяет ее в свою кровь и плоть» [Даль 1978: 18].

Среди различных типов толкования значения (синонимический, перечислительный, описательный, отрицательный, отсылочный) В.И. Даль выбирал, как правило, синонимический способ: «При объяснении и толковании слова вообще избегались сухая, бесплодная определения, порождения школярства, потеха зазнавшейся учености, не придающая делу никакого смысла, а напротив, отрешающая от него высокопарною отвлеченностью. Передача и объяснение одного слова другим, а тем паче десятком других, конечно, вразумительнее всякаго определения, а примеры еще более поясняют дело» [Даль 1978: 22]. Подобные синонимы мы называем культуроносными, однако их рассмотрение выходит за рамки статьи; мы рассмотрим способы семантизации зоонимов. Национально-культурная обусловленность семантики этих единиц выражается особенно ярко, однако культурно обусловленными являются, конечно, и другие единицы.

Авторы словаря «Русское культурное пространство» выделяют в структуре лексического значения зоонимов «обыденный» уровень (именование того или иного животного) и «мифологический» (отражение образа в традиционной народной культуре, в фольклорных текстах, мифопоэтические представления), на основе которых формируется стереотипный образ, который актуализируется при использовании зоонима для характеристики человека. «При экстенциональном употреблении зоонима реализуется его „обыденное“ значение, когда же слово употреблено интенционально (для прямой или косвенной характеристики кого- или чего-либо), актуализируется стереотипное представление, связанное с „мифологическим“ значением имени, но не исчерпывающее его» [Брилева, Вольская, Гудков, Захаренко, Красных 2004: 27—28]. Причем стереотипный образ, присущий тому или иному зоониму, оказывается национально специфичным. При интенциональном употреблении говорящий ориентируется на сложившийся в данной лингвокультуре стереотипный образ вне зависимости от своих личных предпочтений и представлений о каком-либо животном.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТОЛКОВАНИЙ ПО СТЕПЕНИ «КУЛЬТУРОЛОГИЧНОСТИ»

Толкования зоонимов в словаре В.И. Даля в разной степени культурологичны, то есть несут в себе разные по объему и глубине культурологические сведения. Поэтому все дефиниции такого типа можно условно разделить на группы, присвоив каждой из них индекс. Анализ осуществляется по следующим выработанным нами критериям: 1) наличие в толковании «обыденного» уровня, содержащего энциклопедическую информацию о животном; 2) наличие синонимов; 3) наличие эксплицитно выраженных культурологических сведений (информации о месте данного животного в культуре использование, об использовании образа в традиционной народной культуре, в фольклорных текстах); 4) переносные значения (интенциональное употребление — использование зоонима для характеристики человека); 5) наличие паремиологических единиц, фразеологизмов, устойчивых сочетаний и примеров; 6) наличие родственных слов.

В зависимости от наличия или отсутствия какого-либо параметра культурологическая составляющая словарной статьи оценивается по шкале от 1 до 6. Так, например, статья БЕГЕМОТ содержит только энциклопедическую информацию об этом животном:

Бегемотъ м. большое неуклюжее животное, гипопотамъ, Hippopotamus amphibius, живущее въ болотахъ жаркихъ странъ; болотная корова.

Соответственно, индекс этой статьи — 1.

В статье ВОЛК приведены энциклопедические сведения, синонимы, переносные значения для характеристики человека, паремии и фразеологизмы, а также производные слова. Таким образом, индекс статьи — 6.

Волкъ м. хищный звѣрь песьяго рода, положительными признаками едва отличаемый отъ собаки, Canis Lupus; юж. вовкъ, нвг. лыкасъ (греч?), вост. татрс. бирюкъ, шутч. аўка, сѣрый, овчарь; собств. звѣрь. <...> Не за то волка бьютъ, что сѣрь, а за то, что овцу сѣль. Волка ноги кормятъ. <...> Какъ ни корми волка, а онъ все

въ лѣсъ глядитъ. Волкъ кормленный, конь леченый, жидь крещеный, да недругъ замиренный, равно надежны. <...> Волка бояться, и въ лѣсъ не ходить. <...> Пастухи воруютъ, а на волка поклепъ. На волка помолвка, а пастухи шалятъ. <...> И то бываетъ, что овца волка съѣдаетъ, о неправдѣ, напраслинѣ. <...> Хоть волкомъ выть. Пойми волка слезы. Вѣрь волчьимъ слезамъ. Онъ волкомъ глядитъ, ненадеженъ. <...> Бѣжитъ волчекъ, выхвачень бочекъ? залавокъ. <...> Волкъ дорогу перебѣжитъ, къ счастью. Дѣвка съ полными ведрами, жидь, волкъ, медвѣдь — добрая встрѣча; пустыя ведра, попъ, монахъ, лиса, заяць, бѣлка — къ худу. Овцѣ съ волками худо жить. <...> *Человѣкъ угрюмый, нелюдимъ, **волчійстый**; || ненадежный, который въ лѣсъ глядитъ. || Снарядъ для чистой трепки и разбивки шерсти; чертъ. <...> **Морской-волкъ** <...> **Волчійшня** <...> **Волчй** ср. **волчѣнокъ** <...> **Волчѣкъ** <...> **Волколѣсъ**, <...> **Волковать** <...> **Вѣлчій**, относящійся къ волку или волкамъ принадлежащій. *И волчьи зубы, и лисий хвостъ. Это волчьи слезы, притворныя.* <...> *С волками жить — по-волчьи выть. Волчій билетъ, народн. полугодовая отсрочка, выдаваемая приговореннымъ къ ссылкѣ преступникамъ, отъ которыхъ общество отрекается.* <...>

Однако статьи, имеющие одинаковый индекс, могут иметь различную степень «культурологичности» в зависимости от параметров, которые включает толкование. Поэтому все толкования дополнительно разделим на группы.

Группа А — словарные статьи включают толкования «обыденного» уровня, энциклопедическую информацию о животном или птице; могут содержать латинское название, ряд синонимов. Нет примеров употребления, паремиологических единиц, эксплицитно выраженных сведений о месте данного животного в культуре. Индекс — 1—2. Как правило, словарные определения такого типа даются для животных, которые не обитают на территории России и соседних стран. Например:

Агүти несклн. южноамериканскій золотистый заяць.

К этой группе относятся толкования таких зоонимов, как АГУТИ (1), АЙ, АИ (2), АКРИДА (1), БАРСЪ (2), БЕГЕМОТЬ (1), ГИЕНА (1), ГИППОПОТАМ (1), ЖИРАФ (1), ЗЕБУ (1). Эти животные имеют наименьшую культурологическую ценность для носителей русской культуры.

Группа Б — словарные определения, помимо энциклопедической информации, включают эксплицитно выраженные сведения культурологического характера. Синонимы могут отсутствовать, как и устойчивые выражения, примеры, однокоренные слова. Индекс — 2—3. В эту группу входят следующие единицы: АКЖИЛАНЪ, АКЗИЛАНЪ (2), АЁ, АЁВЪ (3), ДЕЛЬФИН (3), ЕНОТ (3). Интересно, что эти зоонимы хоть и содержат в толковании указание на использование образа в традиционной народной культуре, в фольклорных текстах, тем не менее не являются ключевыми для русской культуры. Например:

Акжиланъ, акзиланъ м. татарс. змѣя *Coluber dione*; обращена въ баснословную бѣлую рогатую змѣйку, которая служить на счастливаго; царь-змѣя, князекъ-змѣя.

Аё, аёвъ м. татр. ниж. астрх. медвѣдь, шуточ. бортникъ, мишка, топтыгинъ и пр. На Касп. морѣ, промышленники не смѣютъ поминать медвѣдя, опасаясь бури, а называютъ его аё, аю.

Группа В — толкование включает энциклопедическую информацию, а также переносное значение (употребление для характеристики человека). Синонимы и культурологическая информация могут присутствовать или отсутствовать. Паремии и фразеологизмы не введены. Индекс — 2—4. Так, например, для характеристики человека может использоваться слово *ехидна*:

Ехидна ж. ученые назвали так разряд ядовитых змей. Elaps, Naia; очковая-змея азиатских фигляров; также змея Coluber berus; || об. злой, злорадный человек.

К этой группе отнесем: АСПИДЪ (4), БАЙБАКЪ, БАБАКЪ (3), БАЛАБАНЪ, БАЛОБАНЪ (3), БИТЮКЪ, БИТЮГЪ (2), ЕХИДНА (3). Здесь же наименования животных, не ставших ключевыми в культуре, но имеющих большое значение для носителей этой культуры: в результате процессов вторичной номинации на основе ассоциаций — негативных, как правило, — у этих зоонимов развились переносные значения для характеристики человека.

Группа Г — толкование включает энциклопедическую информацию, паремии, фразеологизмы. Отсутствует переносное значение для характеристики человека. Индекс — 3. Например, в статье БОБРЪ, БОБЁР приводятся следующие пословицы и поговорки: *Отъ бобра бобренокъ, отъ свиньи поросенокъ. Около бобра не обобратъ, а всего ободратъ. Всѣ мужья добры, покупили женамъ бобры; а мой мужъ неуклюжь: невидаль, корову купилъ. Калязинцы свинью за бобра купили. Всѣ равны бобры, одинъ я соболекъ. Всѣ бобры добры до своихъ бобрятъ.* Из чего следует, что бобр (бобёр) считался ценным промысловым животным, поскольку из его меха делали теплую одежду. Бобёр, однако, не такое дорогое животное, как соболь, поскольку мех бобра добыть легче, чем мех соболя.

В эту группу входят такие единицы, как БОБРЪ, БОБЁРЪ, БОБРІХА (3), БОРОВЪ (3). Эти животные, связанные с промыслами, имеют большое значение для русской культуры.

Группа Д — в толкование входят энциклопедическая информация, указано переносное значение, паремии, фразеологические единицы. Синонимы и культурологическая информация могут приводиться, но могут и отсутствовать. В большинстве случаев — развитое словообразовательное гнездо. Индекс — 4—6. Так, например, из статьи ЗМИЙ, ЗМЕЙ, ЗМИЯ, ЗМЕЯ следует, что это животное занимает в русской лингвокультуре заметное место. Образ змеи амбивалентен. С одной стороны, он ассоциируется с качествами ‘зло’, ‘вероломство’; так называют злого, скрытного и коварного человека. Подтверждение тому бранное выражения *змея подколодная* и подобные: *змеиный язык* (злбный, клеветной); *сваха лукавая, змея семиглавая; злая жена та же змея.* Змея связана с бедой, несчастьем, о чем свидетельствуют запечатленные словарной статьёй пословицы, поговорки, народные приметы: *Змея умирает, а все зелье хватает. Сколько змею ни держатъ, а беды от нее ждуть. Выкормил змейку, на свою шейку. Глядит, словно змея из-за пазухи. Лстец под словами, змей под цветами. Змею обойдешь, а от клеветы не уйдешь. Змею выше глаз не подымай. Убив змею, вешай ее на осине. Если убить змею и повесить на березу, то пойдет дождь. Змея кусает не ради сытости, а ради лихости. Отогрел змею за пазухой.* В русских фольклоре также есть змее-

подобный персонаж: *Змей, более употребл. как название сказочного чудовища, лапчатого, крылатого; Змей Горынич, русский сказочный змей, житель горы, пещеры.* С другой стороны, змея — символ мудрости: *мудрость змеина, незлобивость (кротость) голубина.* На основе анализа статьи ЗМИЙ, ЗМЕЙ, ЗМИЯ, ЗМЕЯ видно, что связанный с номинацией образ, обладающий неоднозначной оценкой и активно используемый носителями русской лингвокультуры, безусловно, имеет существенную ценность для русской культуры, он сохраняется в поговорках и фольклорных текстах.

К группе Д относятся, по нашим данным, следующие зоонимы: АРГА-МАКЪ (4), БАРАНЪ (5), БЫК (5), ВОЛК (6), ВОРОНА (5), ЕЖ (4), ЖАБА (5), ЗАЯЦ (6), ЗМИЙ, ЗМЕЙ М. ЗМИЯ, ЗМЕЯ (5). Все эти животные сформировали стереотипные образы русской культуры, культурологическая ценность этих животных выражается в первую очередь имплицитными средствами — в поговорках, поговорках и фольклорных текстах. Важным средством также можно считать и развитие переносного значения у слова для характеристики человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализе словарных статей по перечисленным критериям приходим к выводу, что в словаре В.И. Даля наиболее «культурноносными» являются имплицитные способы фиксации культурологической информации. Это приведение паремий и фразеологизмов, а также переносных значений, сложившихся в русском языке для характеристики человека. Данные компоненты словарной статьи позволяют составить представление о месте зоонима в культуре и о его важности, содержат информацию о стереотипном образе того или иного животного и оказывают существенное влияние на формирование ценностных установок носителей русской лингвокультуры. Таким образом, сформированная в сознании говорящих иерархия ценностей находит отражение в словаре.

© Згировская О.Г.

Дата поступления: 07.05.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богачёва Г.Ф. Лексическое значение как объект словарного толкования. Москва: ФЛИНТА, 2013.
2. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. Москва: Гнозис, 2004.
3. Виноградов С.Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте культуры. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. С. 93—97.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Русский язык. 1978. Т. 1.
5. Морковкин В.В. О словарной лексикологии // Русский язык за рубежом. 2001. № 2. С. 32—38.
6. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). Москва: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1997.

7. Морковкина А.В. Русские агнонимы в теоретическом и прикладном рассмотрении: дисс. ... канд. филол. наук: Институт русского языка РАН, Москва, 1993.
8. Никитина С.Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах. Москва: Институт Наследия, 2013.
9. Ценность // Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. А.М. Прохоров. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/319990> (дата обращения 06.10.2016).

УДК: 811.161.1'271.12

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-758-766

ABOUT THE WAYS OF FIXING LINGUISTIC AND CULTURAL INFORMATION IN THE DAHL'S EXPLANATORY DICTIONARY

Olga G. Zgirovskaya

Moscow Polytechnic University
Bolshaya Semenovskaya str., 38, Moscow, 107023

Abstract. The article investigates the category of “value” in the structure of lexical meaning of words and methods of its fixation in dictionaries as a semantic component. It is relevant to study the ways of cultural lexicography in the “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” of V.I. Dahl, because it included not only the linguistic information about words, but also cultural and ethnolinguistic information about the life of the people. The subject of the study was national-specific images, categories and cultural realities, the object was the cultural component in the structure of the lexical meaning of the word. The work was conducted using the method of component analysis based on the decomposition of lexical meaning at the minimum semantic components.

One of the main tasks that must be solved is the development of a theoretical approach to culture in its interaction with lexicography. The purpose of this article is to identify the essence of cultural information in the dictionary and the ways of its introduction into the dictionary entry.

Interpretation of zoonyms in the “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” of V.I. Dahl was analyzed and the classification. The results can be used both for the inclusion of cultural information in traditional dictionaries (explanatory, dialectal, phraseological, etc.), and for creating dictionaries that directly capture the cultural elements reflected in the language (linguocultural, linguistic, language dictionaries, etc.). The analysis revealed that the most important ways of fixing national-specific components are the implicit ways (paremias, idioms, figurative meanings for the name of the person). Hierarchy of values prevailing in the minds of speakers is reflected in the language and culture through these implicit components.

Key words: linguistic and cultural information, lexical meaning, ethno-cultural component, value, zoonym, The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language of V.I. Dahl

REFERENCES

1. Bogacheva, G.F. (2013). Lexical meaning as an object dictionary interpretation. Moscow: FLINTA. (in Russ).
2. Brileva, I.S., Vol'skaja, N.P., Gudkov, D.B., Zaharenko, I.V. & Krasnyh, V.V. (2004). Russian cultural space: Linguaculturelogical dictionary. Moscow: Gnozis. (in Russ).
3. Dahl, V.I. (1978) The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vol. Moscow: Russkii yazyk. 1978. Vol. 1. (in Russ).

4. Morkovkin, V.V. & Morkovkina A.V. (1997). Russian Agnonyms (Words that We Do Not Know). Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute. (in Russ).
5. Morkovkin, V.V. (2001). About dictionary lexicology. *Russian Language Abroad*, 2, 32—38. (in Russ).
6. Morkovkina, A.V. (1993). Russian Agnonyms n theoretical and applied examination [dissertation] The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. (in Russ).
7. Nikitina, S.E. (2013). Confessional cultures in their territorial versions. Moscow: The Heritage Institute. (in Russ).
8. Prokhorov A.M. (Ed.). Value // Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/319990> (in Russ). (accessed: 06.10.2016).
9. Vinogradov, S.N. (2007) On the linguistic understanding of the value. *Russkaya slovesnost' v kontekste kul'tury*, 93—97. (in Russ).

Для цитирования:

Згировская О.Г. О способах фиксации лингвокультурологической информации в словаре В.И. Даля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. № 3. С. 758—766. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-758-766.

For citation:

Zgirovskaya, O.G. (2017). About the ways of fixing linguistic and cultural information in the Dahl's explanatory dictionary. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 758—766. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-758-766.

Ol'ga G. Zgirovskaya, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 758—766. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-758-766.

Сведения об авторе:

Згировская Ольга Геннадьевна, аспирантка кафедры «Русский язык и стилистика» Института издательского дела и журналистики Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета; *научные интересы*: лексикология, лексикография, лингвокультурология; *e-mail*: olga.slovo42@yandex.ru

Bio Note:

Zgirovskaja Ol'ga Gennad'evna, graduate student of Department of Russian Language and Stylistics Faculty of Publishing and Journalism, Moscow Polytechnic University; *Interests*: lexicology, lexicography and cultural linguistics; *e-mail*: olga.slovo42@yandex.ru